

Баландинские чтения

2022

Том XVII

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Национальный университет архитектуры и строительства Армении
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина
Том XVII

Новосибирск 2022

Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2022. — Т. XVII. — 201 с.

ISBN 978-5-89170-343-8

Ежегодник «Баландинские чтения» учрежден в память об исследователе сибирской архитектуры Сергее Николаевиче Баландине (1930–2004), основателе Музея истории архитектуры Сибири в г. Новосибирске. Издание выходит при партнерстве Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова (НГУАДИ), Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН), Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Новосибирской области.

В сборнике представлены статьи, посвященные историко-архитектурному наследию Сибири и сопредельных территорий. Авторы затрагивают различные аспекты данной тематики: исторические закономерности развития планировки и застройки поселений, кросс-культурные взаимосвязи в архитектуре и градостроительстве, новые методы в изучении наследия, выявление «забытых» памятников и потенциал их ревалоризации, новые сведения о творческом наследии сибирских архитекторов.

The *Balandin Readings* annals is dedicated to the memory of Sergey Balandin (1930–2004) — a historian of Siberian architecture and a founder of the *Museum of Siberian Architectural History* in the city of Novosibirsk. The issue is published in the partnership of *Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*, the *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences*, *Novosibirsk Regional Governmental Inspection of Heritage Preservation*.

The annals contain scientific articles concerned with historical and architectural heritage of Siberia and neighboring areas. The authors deal with different aspects of the subject including historical factors of developing of planning structure and architecture of settlement, cross-cultural relations in architecture and urban planning, new methods of studying heritage objects, revealing of forget monuments and opportunities for their revalorization, new facts about creative heritage of Siberian architects.

Редакционная коллегия издания:
ответственный редактор А.Е. Гашенко (НГУАДИ)
научные редакторы:

Е.А. Груздева, канд. искусствоведения (НГУАДИ)
Н.П. Журин, канд. архитектуры (НГУАДИ)
А.Ю. Майничева, д-р исторических наук (ИАЭТ СО РАН, НГУАДИ)

ISBN 978-5-89170-343-8

© Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, 2022
© Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2022
© Коллектив авторов, 2022

Содержание

Пути интеграции исторических объектов в пространство населенных пунктов XXI века	4
А.П. Дворецкая, Н.О. Пиков. Историко-культурная реконструкция енисейских храмов: утраты советского времени и возрождение храмов	4
Е.Б. Остроушенко. Церковное строительство при станциях Сибирской железной дороги в конце XIX–начале XX века	18
А.Е. Митина, А.В. Талашкин. Интеграция колокольного звона в музейное пространство культовых сооружений	26
А.А. Гаспарян. Витальное пространство как часть окружающей среды в городской застройке	30
М.А. Целищева. Памятник деревянного зодчества в Барнауле — пример общественного здания начала XX века в формах эклектики с элементами модерна: история и современное использование	35
М.А. Целищева. «Театр-синематограф „Новый“» в Томске — история общественного здания в стиле модерн и проблемы сохранения памятника архитектуры	47
А.А. Урсулов, А.И. Мишенин. Реконструкция декоративного элемента парадной лестницы Александровского начального училища	58
История зодчества Сибири и сопредельных территорий с древнейших времён до нового времени	66
А.Ю. Борисенко. Жилища барабинских татар по материалам академических экспедиций XVIII века	66
Л.Г. Мамян. Армянские следы в контексте архитектурного наследия итальянской провинции Тоскана в исторической парадигме веков	71
О.Н. Бунакова. Комплекс сереброплавильного завода в городе Барнауле. Ретроспективный анализ его формирования	81
Н.А. Минина. Первый храм города Новосибирска: кто архитектор?	90
D.G. Kertmenjian. Corporate Buildings in Armenian Contemporary Architecture	99
А.А. Усов. Традиционное жилище в поселениях Онежского Поморья (по материалам экспедиций 2018–2021 годов)	105
Город и деревня на рубеже XIX и XX веков: символические аспекты в историко-архитектурном наследии	112
Н.Н. Тадевосян. ВХУТЕИН (ВХУТЕМАС) как образовательный центр для первого поколения армянских архитекторов	112
И.В. Балюнов. Реставрационные работы на фортификационных сооружениях Тобольского кремля в 50–60-х годах XX века	119
Е.В. Косинова. Модульная система в архитектурной среде Новосибирского Академгородка	128
Л.Х. Усепян, С.В. Филонов, Н.Н. Филиппова. Профессиональная, преподавательская, общественная деятельность новосибирского художника-монументалиста А.С. Чернобровцева (12.09.1930–13.04.2014)	133
Современные проблемы и методы исследования объектов культурного наследия	144
И.Р. Соколовский. Проблемы трехмерной реконструкции русских городов и крепостей в Прииртышье первой четверти XVIII в.	144
А.Р. Бочкарева. Синтез искусств в архитектуре медиа-объектов	157
Г.Я. Рагино. Кризис-менеджмент на объектах культурного наследия (на примере кинотеатра Металлист)	163
Символ и знак в историко-архитектурном наследии Сибири и сопредельных территорий (культурологический и этнографический аспект)	169
М.А. Гаспарян. Вопросы формообразования и синтеза искусств в современной архитектуре Армении	169
А.Ю. Майничева. Образцовое жилье в русских поучениях и наставлениях XVI–XVIII веков	176
А.Б. Пермиловская. Мировое дерево и крест в северном зодчестве и православии	181
Г.А. Налбандян, Н.Э. Мхитарян. Орнаментальная скульптура в раннесредневековой армянской архитектуре	189
Сведения об авторах	199

**Пути интеграции исторических объектов
в пространство населенных пунктов XXI века**

Methods of integrating historical objects into the space of settlements of the XXI century

DOI: 10.37909/978-5-89170-343-8-2022-1001

УДК: 93/94

А.П. Дворецкая

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, Музей СФУ
Свободный пр., 82, Красноярск, Красноярский край, 660130
advoreckaya@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0140-3704>

Н.О. Пиков

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета
Свободный пр., 82, Красноярск, Красноярский край, 660130

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0084-2091>

**Историко-культурная реконструкция енисейских храмов:
утраты советского времени и возрождение храмов**

Аннотация

В статье на основе вновь вводимых архивных документов государственных архивов Красноярского края и Иркутской области, свидетельств очевидцев событий, печатных изданий впервые анализируется процесс историко-культурной реконструкции ландшафта г. Енисейска, изменение символично-информационной нагрузки в советское и постсоветское время. В документах текущего архива Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, проектах архитекторов, православных публицистов даются описания современного облика памятников федерального значения.

В рассматриваемое время храмы перестают восприниматься в качестве богослужебных зданий. Советская власть стремится их разрушить. В постсоветское время, когда начинается возрождение православия, храмы стремятся возродить и сохранить их для потомков. Но только часть из них, понесшие наименьшие утраты, передается общинам верующих и при них возрождается религиозная жизнь. Те же, что были реконструированы и, по сути, отстроены, вновь скорее воспринимаются как произведения архитектуры и очаги культуры, истории старожилов Приенисейской Сибири. Делается вывод о том, что при всей господствующей на современном этапе эклектики и конструктивизме, интересы государства и церкви на много пересекаются при сохранении культовых объектов Енисейска, что позволяет сформировать новый религиозно-культурный код.

Ключевые слова: храмовое зодчество, сибирское барокко, памятники Енисейска, Енисейская губерния, храмы Сибири, история архитектуры Енисейска

A.P. Dvoretskaya

Humanitarian Institute of the Siberian Federal University
Museum of the Siberian Federal University
Svobodny st., 82, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660130
advoreckaya@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0140-3704>

N.O. Pikov

Humanitarian Institute of the Siberian Federal University
Svobodny st., 82, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660130
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0084-2091>

Historical and cultural reconstruction of the Yenisei temples: the losses of the Soviet era and the revival of temples

Abstract

Based on the newly introduced archival documents of the state archives of the Krasnoyarsk Territory and the Irkutsk Region, eyewitness accounts of the events, and printed publications, the article analyzes for the first time the process of historical and cultural reconstruction of the landscape of the city of Yeniseisk, the change in the symbolic and information load in the Soviet and post-Soviet times. The documents of the current archive of the Service for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnoyarsk Territory, the projects of architects, Orthodox publicists, describe the modern appearance of a monument of federal significance.

At the time in question, churches are no longer perceived as liturgical buildings. The Soviet government seeks to destroy them. In the post-Soviet era, when the revival of Orthodoxy begins, churches seek to revive and preserve them for posterity. But only a part of them, those who have suffered the least losses, are transferred to the communities of believers and religious life is revived under them. Those that were reconstructed and, in fact, rebuilt again, are more likely to be perceived as works of architecture and centers of culture, the history of the old-timers of the Yenisei Siberia. It is concluded that with all the eclecticism and constructivism prevailing at the present stage, the interests of the state and the church intersect in many respects while preserving the cult objects of Yeniseisk, which makes it possible to form a new religious and cultural code.

Key words: temple architecture, Siberian baroque, monuments of Yeniseisk, Yenisei province, temples of Siberia, history of architecture of Yeniseisk

Введение. В современном российском обществе сохранение культурного наследия рассматривается как фактор укрепления российской цивилизации. В настоящее время енисейские церкви являются уникальным комплексом храмового зодчества. Создаваемые на протяжении нескольких веков они имели неповторимую архитектуру, гармоничное внутреннее убранство. Разнородные элементы соединялись между собой в единую соборную идею единства в многообразии. До наших дней не дошли образцы внутреннего убранства енисейских церквей, сохранились только отдельные элементы. Буквально по частям пришлось воссоздавать и внешний облик церквей.

В советскую эпоху существующие в дореволюционный период истории богослужебная, архитектурная, социальная функции енисейских храмов в советский период были утрачены. Эти процессы были тесно связаны с государственной и местной политикой органов власти в различные промежутки времени. Сокращается и само сакральное пространство. Постепенно исчезает внешний декор церквей, разрушается их внутренний облик исчезают приходы, поддерживающие храмы, перестают совершаться крестные ходы и погибают чтимые иконы.

Сейчас храмы вновь стали действующими. Их придется наполнять заново символами религиозной жизни, формировать религиозное пространство — православную традицию, ритуалы, жизненный круг. Через участие государства, церкви, самих верующих есть возможность вновь запустить процесс воспроизводства традиции.

Полученные результаты. Уже в 1920–1924 гг. на территории Енисейского Иверского женского и Енисейского Спасского мужского монастырей создаются сельскохозяйственные артели. Из Спасского и Богоявленского соборов вывозится часть предметов религиозного культа и передается в музеи: венец из оклада иконы Богоматерь Казанская, митра, оклад иконы Богоматерь Знамение, оклад иконы княгиня Ольга, оклад иконы Христос Вседержитель. Изымаются все описи церковного имущества. Во время изъятия церковных ценностей в г. Енисейске изъято 60 (87) п. золота, 960 (1392) кг серебра, 49 драгоценных камней. После этого из Енгубфинотдела в 1923–1924 гг. поступают еще ряд предметов. Всего в фондах Красноярского краеведческого музея в настоящее время находятся 29 памятников, происходящих из г. Енисейска. В 1923 г. закрываются енисейские Спасская, Христорождественская, Иверская, Захарьевская и Преображенская тюремная церкви. В Христорождественской и Иверской располагаются детские колонии и клуб, остальные пустуют. Правда, шесть общин еще действуют [Бобрик, 2016, с. 31, 37, 38, 62, 63, 115, 204–216; Фаст Г., о, 1994, с. 71–79; Религия и общество..., 2011, с. 37, 67, 233, 234].

Ниже на рисунке красноярского художника Д.И. Каратанова, выполненном в 1917 г., представлен один из утраченных культовых объектов Енисейска — часовня Николая Чудотворца, располагавшаяся около Воскресенской церкви [ил. 1].

Ил. 1. Каратанов Д.И. Один из утраченных культовых объектов Енисейска — часовня Николая Чудотворца. Рисунок. 1917. [ГАКК. Ф. П-1398. Оп. 2. Д. 26. Л. 69]

Fig. 1. Karatanov D.I. One of the lost cult objects of Yeniseisk is the chapel of St. Nikolaya Chudotvortsia. Picture. 1917. [GAKK. F. P-1398. Op. 2. D. 26. L. 69]

Хранившиеся в часовне Енисейского Иверского монастыря мощи Даниила Ачинского изъяты и выставлены на всеобщее обозрение около братской могилы красноармейцев, похороненных за Успенским собором. Решение о том было принято на митинге 1 мая 1920 г.¹ Сама часовня, как указано в книге о. Геннадия Фаста, сломана. Из книги о. Г. Фаста: «Выкапывают мощи старца. Копали до обеда, ничего не нашли, пока не наткнулись на вышитое полотенце. Некоторые злорадно говорили: „Вот ваши мощи!“ Но все-таки после обеда стали копать дальше и к 8 часам вечера выкопали кости. Мощи перезахоронили на Абалацком кладбище (С.С.). Е.У. свидетельствует, что когда раскопали кости без нетленной плоти, то брат ее через это разуверился в Боге. Видимо действительно до революции неоправданно насаждалась вера в нетленность плоти святых (ср. у Ф.М. Достоевского в «Братьях Карамазовых» разочарование Алеши, когда ощутил тлетворный дух ст. Зосимы). Нетленная плоть святых не правило, а исключительные факты Божественного всемогуще-

ства (напр. в Киево-Печорской Лавре и многих других местах)» [Фаст, 1994, с. 84, 85].

Факт глумления над святыней подтверждается и в записках М.П. Миндаровского, который свидетельствует, что части мощей, в том числе череп, находилась в милиции, а потом выставилась в музей. С мощами Даниила был берестовый пояс, который при жизни врос в его тело и с ним он был похоронен. Сами работники музея (отрицают или не знают) факт показа мощей ст. Даниила в музей. Есть свидетельство, что кости старца были разбросаны по улице. Так происходило глумление над церковной и народной святыней [Дворецкая, 2019, с. 6–9].

В конечном итоге мощи были вскрыты повторно 1 мая 1923 г. [ГАКК, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 516. Л. 217], после этого погребены на Абалацком кладбище, по свидетельству Н.П. в склепе под Входа-Иерусалимской церковью с южной стороны. В 1932 г. Н.П. заходил в этот склеп и мощей уже не было там. По свидетельству С.С. и других после закрытия Абалацкого кладбища (церковь закрыта в 1930

¹ Как указано в документах Енисейского губкома партии, в апреле 1921 г. на втором Енисейском уездном съезде Советов под прямым давлением местной партийной ячейки было постановлено вскрыть находившиеся в Енисейском Иверском женском монастыре мощи старца Даниила и запрошено на этот шаг разрешение губисполкома. Енгубисполком резолюцию по этому вопросу так и не выдал и спор по этому

вопросу был перенес на заседание президиума Енгубкома РКП(б), но и последний его окончательно не разрешил. А намеченное на 21 июля 1921 г. вскрытие мощей Василия Мангазейского было отменено Енгубисполкомом «в виду неимения научных медицинских сил для определения какой бы то ни было находки» [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113. Л. 48. Д. 126. Л. 7. Д. 149. Л. 32].

г., снесена в 1934 г.) мощи ст. Даниила были вторично перенесены, теперь уже на Севастьяновское кладбище, где и были преданы земле напротив Кресто-Воздвиженской церкви. Там была могилка с крестом. Люди служили на могилке старца панихиды. Там мощи старца пребывают до ныне. Точное место установить нельзя» [Фаст, 1994, с. 84, 85]. В 2000 г. жителем города был найден на свалке обломок чугунной плиты с могилы старца. Он передал её в Успенский собор, а когда построили часовню, плиту крестным ходом перенесли в Иверский монастырь [Ерышева].

В 1933 г. служба производилась уже только в четырех церквях: Спасской, Троицкой, Успенской и Крестовоздвиженской. В эти же годы начинает изыматься церковная утварь, колокольная бронза, вес которой на четырех действующих церквях достигал 900 тонн [ГАИО, Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 686. Л. 94].

Однако официально по документам Богоявленская закрывается в 1935 г., Преображенская в 1937 г., Троицкая в 1938 г. [Религия и общество..., 2011, с. 332, 336, 353]. К 1938 гг. все церкви в Енисейске были закрыты. Абалаковская и Крестовоздвиженская церкви снесены вовсе. В Успенской церкви (уже закрытой) где-то в 1937 г. сняли колокол. В Соборе устроили котельную. В Троицкой церкви — гараж. В Воскресенской церкви — цех мехзавода. В Иверской — клуб, там проходило голосование. В Успенской церкви внизу жили спецпоселенцы, а вверху располагался клуб авиапорта. Е.У. свидетельствует, что тогда (чтобы показывать кино) были ликвидированы стяжки на втором этаже церкви, что привело со временем к отходу северной стены храма и образованию больших щелей. К 1980-м годам создалась угроза развала храма. Надвратная монастырская церковь в честь прав. Захарии и Елисаветы была сломана уже после войны в 1946–1947 гг.» [Фаст 1994, с. 85–90].

По свидетельствам очевидцев: «<...> храмы закрылись враз. Ломались бригадами в организованный порядок в 1930-е годы. Сам народ не ломал. Кирпич отправляли в Игарку. Игарка строилась на церковном кирпиче. Из священнических риз шили „тюбетейки“ (головные уборы)» [Фаст 1994, с. 88].

Таким образом, размыкается культурный текст, существовавший долгое время. Храмы перестают действовать как культовые объекты. На смену приходят светские коммеморативные практики, предполагающие целенаправленную, часто стереотипную и ритуализированную действительность [Красильникова, 2015, с. 13, 14].

В советском государстве вся идеология советской власти была направлена на вытеснение религии из всех сфер общественной и социокультурной жизни. С этим связаны и

массовые закрытия в 1930-е гг. храмов. Тогда спонтанная народная память о богослужении затухает. То, что остается, постепенно разрушается. Благодаря участию священников и мирян в советский период отечественной истории частично храмы удалось сохранить. Однако они понесли значительные утраты. В лучшей ситуации оказались только Успенская и Воскресенская церкви. Первая большую часть времени оставалась действующей, вторая — была передана достаточно рано в распоряжение возрожденного Енисейского Иверского женского монастыря.

3 июля 1946 г. Успенская церковь передается в пользование прихода православной церкви. Когда по открытию прихода верующие вошли в храм, он был разорен. К 1950 г. в храме был сделан ремонт, наведен порядок. На колокольне до 1988 г. отсутствовал колокол, не было восьмерика, крест на небольшом шпиле поставили прямо на полусферу купола колокольни. С самого храма снесены все семь куполов. Полусфера над Петро-Павловским приделом снесена и установлена плоская крыша. На плоской крыше был поставлен крест. В таком виде простоял храм до 1986 г., но в первоначальный вид приведен только в настоящее время.

Служить начали в небеленом нижнем помещении, наверху и вовсе все было разорено. Диакон Василий Слемзин установил иконостас в Петро-Павловском приделе, который был взят из Спасского монастыря. Вскоре служба стала совершаться уже во всех трех приделах. Иконы, где какие сохранились, люди приносили в церковь. Поэтому и поныне в Успенской церкви подборка икон из разных храмов, довольно бессистемная. Верхний храм постоянно не действовал, так как на его содержание не хватало средств. При открытии Успенской церкви перепутали два ее придела. Иннокентьевский (нижний) был освящен, как придел св. Александра Невского, а Александровский (верхний) наименован как Иннокентьевский.

В годы хрущевских гонений церковь вновь попытались закрыть. Предлагали — отдайте храм, а вы будете молиться в молитвенном доме (который еще надо построить!) у кладбища. Предлагали убрать церковную ограду со стороны улицы (которая сейчас считается также памятником архитектуры республиканского значения!). Требовали дать им св. Чашу, чтобы взять ее на анализ [Фаст, 1994, с. 97–106].

Несмотря на все это, часть имущества в Успенском храме удалось сохранить. Так, в интерьерах сохранились резные иконостасы, барочные и в формах нарышкинского барокко — в холодном храме Петра и Павла, в теплом Успенском; ампирные — в приделах. Пол в теплом храме и трапезной из узорных

чугунных плит, крупного ампирного рисунка из розеток и солярных знаков [Иконы, полы из Воскресенской церкви, нижний ряд иконостаса Спасского собора. Вкладыш к паспорту Успенской церкви // Текущий архив]. Многие иконы сохранили прихожане и принесли в церковь [Ерышева].

Однако енисейские храмы понесли множественные утраты. Их пришлось очень долго реставрировать, чтобы придать первоначальный облик. В Успенском храме в 1930-х гг. разобрано пятиглавое завершение храмового четверика, щипцы четверика, барабаны глав обоих алтарей и барабан со

шпилем на колокольне. В интерьере холодного храма апостолов Петра и Павла утрачен первоначальный высокий иконостас.

Из подручных средств, начиная с середины 1980-х гг., храм поддерживался и реставрировался. В 1986 г. на храме воздвигнуто семь куполов, хотя и не в том виде, как было раньше. В этом же году отреставрирован фасад. Весной 1988 г. завершена работа по восстановлению резьбы и иконостаса в Успенском приделе. К празднованию 1000-летия Крещения Руси местный музей передал церкви старинный колокол [ил. 2].

Ил. 2. Дворецкая А.П. Старинный колокол Енисейской Успенской церкви. 06.06.2022 [ПМА]

Fg. 2. Dvoretzkaya A.P. Ancient bell of the Church of the Uspeniya (Uspenskaya). 06.06.2022 [PMA]

В 1996 г. архитекторами Блохиным А.Ф., Шумовым К.Ю. и Путятовой Н. разработан эскизный проект реставрации Успенской церкви. В 2005–2006 гг. по заказу краевого комитета по охране памятников авторским коллективом под руководством архитектора Андреева Г.Ф. выполнен проект реставрации здания. Церковь отреставрирована в 2007–2010 гг. [Фаст, 1994, с. 112, 113; Церковь Успения...].

В Воскресенском храме сохранилась только храмовая часть здания (утрачена полностью колокольня, которая считалась самой высокой в городе). В 1960-е гг. в храме работал механический цех. В 2014 г. архитекторами Веженковым А.Р. и Шумовым К.Ю. разработан эскизный проект реставрации Воскресенской церкви. Церковь по проекту была воссоздана по состоянию на начало XX в. Храм восстановлен не полностью, без колокольни: храмовый объем с полукруглой

алтарной апсидой [Церковь Воскресения...; Ерышева].

Богоявленский собор был приспособлен под городскую котельную. В таком качестве здание существовало довольно долгий период. За эти годы почти полностью был разобран объем главного храма и завершения приделов, купольное со шпилем завершение колокольни заменено натровым по деревянному каркасу. С 2013 г. здание было на реставрации [Собор Богоявления...; ил. 3].

В Енисейском Спасо-Преображенском монастыре были утрачены каменное двухэтажное здание келарской, деревянные хозяйской, здание надвратной церкви Захария и Елизаветы находилось в руинированном состоянии. Верхние ярусы были разобраны в 1930–1940 гг. Позднее она была полностью разрушена [Спасо-Преображенский мужской...; ил. 4].

Ил. 3. Енисейск. Богоявленский собор до реставрации. Июль 2004 [ПМА]
Fig. 3. Yeniseisk. The Bogoyavlensk Cathedral of the sobor before restoration. July 2004 [PMA]

Ил. 4. Енисейск. Спасо-Преображенский монастырь до реставрации. Июль 2004 [ПМА]
Fig. 4. Spaso-Preobrazhensky Monastery before restoration. July 2004 [PMA]

Ил. 5. Енисейск. Спасо-Преображенский монастырь. Надвратная церковь Захария и Елизаветы после восстановления. Сентябрь 2019 [ПМА]

Fg. 5. Yeniseisk. Spaso-Preobrazhensky Monastery. Church nadvratnaya Zakhariya i Elizavety after restoration. September 2019 [PMA]

Проект реставрации северных Святых ворот с участком ограды разработан в 1999 г. енисейскими специалистами. В 2005 г. красноярским институтом «Сибспецпроектреставрация» разработан проект реставрации Спасского собора и надвратной церкви Захария и Елизаветы. В настоящее время монастырь отреставрирован полностью [Церковь надвратная...; ил. 5].

Значительно пострадала Иверская церковь, где многие годы находился народный театр. В алтаре «красовалась» собачья будка. На месте престола пели артисты. Очень много было работы. Но сёстры за три недели навели относительный порядок, вместо иконостаса повесили занавески, и провели первую службу 26 октября 1998 г., на праздник Иверской иконы Божией Матери. Он был каменный до половины, выше — из брусьев. Брусья сгнили, поэтому пришлось разбирать всё и строить заново. Современное здание храма было реставрировано к 400-летию Енисейска [Ерышева].

За годы советской власти были утрачены восьмигранные барабаны над храмовой частью и алтарем, крыльца с кровельками на столбах, дверные проемы переделаны в оконные, на месте оконных проемов пробиты дверные. Утрачены элементы системы отопления: печи, трубы. Изначально техническое состояние оценивалось как неудовлетворительное. Здание не предполагалось реставрировать [Церковь Иверской...].

Из внутреннего убранства храма осталась только единственная икона дореволюционного периода — Казанской Божией Матери. Она пребывала в Успенском храме, а когда монастырь открылся, была перенесена торжественно домой. Еще из старых икон — икона святителя Николая Чудотворца. Её принесла уже в сам храм прихожанка и рассказала, что святитель Николай спас ее дом от пожара [Ерышева].

От Троицкой церкви сохранился только нижний ярус постройки со значительными утратами и ее пришлось реставрировать почти с нуля [Церковь Троицы...; ил. 6].

Ил. 6. Енисейск. Троицкая церковь до реставрации. 2001 [Текущий архив. Троицкая церковь. Паспорт объекта, 10.12.1985. Сост. Ю.И. Гринберг]

Fg. 6. Yeniseisk. Church of the Troitsy before restoration. 2001 [Current archive. Church of the Troitsy. Object passport, 12.10.1985. Comp. Y.I. Greenberg]

Ил. 7. Дворецкая А.П. Енисейск. Вид с колокольни Троицкой церкви на Спасо-Преображенский монастырь и Успенскую церковь. 06.06.2022 [ПМА]

Fg. 6. Dvoretzkaya A.P. Yeniseisk. View from the bell tower of the Church of the Troitsy on the Spaso-Preobrazhensky Monastery and the Church of the Uspeniya (Uspenskaya). 06.06.2022 [PMA]

Была полностью утрачена и часовня Даниила Столпника. В 2015 г. в Институте архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета при содействии Фонда «Архитектурное наследие Центральной Сибири» разработан эскизный проект воссоздания часовни Даниила Столпника (Архитекторы Чудинова Л.С., Шумов К.Ю.) [Часовня Даниила Столпника...].

Таким образом, значительная часть культовых построек была восстановлена. Некоторые возведены заново [ил. 7]. Насколько оправданы все эти затраты? Возможность воссоздания утраченных произведений архитектуры, обладающих особой ценностью и отнесенных к категории объектов культурного наследия, с 2002 г. закреплена в законодательстве РФ. Важнейшим условием принятия

обоснованного решения о возможности воссоздания утраченного памятника является «наличие достаточных научных данных, необходимых для его воссоздания». Как указывает главный архитектор Красноярского края К.Ю. Шумов между абстрактной идеей сооружения объекта заново и её реализацией лежит нелегкий и зачастую долгий процесс кропотливой работы над поиском бесспорных документальных источников, необходимых и достаточных для максимально возможного воспроизведения архитектурных форм оригинала [Перспективы воссоздания...].

Чаще всего архитекторы оперируют понятием «ценность» материального объекта, в данном случае храмового сооружения. Например, пример Богоявленского собора. Нематериальные ценностные характеристики: дата постройки — начало XVIII в., фундаменты — конец XVII столетия; историческая (мемориальная) ценность — первая каменная постройка Енисейска и Красноярского края; культурная и архитектурная ценность — одна из ранних построек енисейской школы сибирского барокко. Как градостроительный объект собор расположен в центральной части города Енисейска. Обладает ролью локальной градостроительной доминанты. Входит в комплекс исторической зоны центра города [Богоявленский собор. Паспорт объекта // Текущий архив].

Троицкая церковь — доминанта второго плана. Его архитектура, в отличие от береговых храмов, строилась не на укрупнении масштабыности внешних форм, а на детальном раскрытии изысканной тонкости орнаментальных настенных узоров, выполненных из лекального кирпича. Храм богато и удивительно красиво декорирован. Как указано в паспорте объекта — «образец енисейской школы сибирского барокко с выразительной пластикой и стилистическим единством декора». Данный декор очень хорошо сохранился в нижнем ярусе постройки храма [Троицкая церковь. Паспорт объекта // Текущий архив].

Восстановление ансамбля Иверского храма вместе с часовней Даниила Столпника было активно поддержано духовной властью, так как связано с возрождением памяти почитаемого сибирского старца Даниила Ачинского [Шумов, 2013].

Много споров породило восстановление храмов внутри. Так, монастырский иконостас, который находился в Успенском храме, был перенес назад. На его основе из старых обломков создали новый и поставили в Спасо-Преображенском соборе. Верующим нравится: «Такой красавец! Семиярусный, с

позолоченными узорами, торжественный» [Ерышева]. Однако зияет пустой верхний храм Успенской церкви. Да и возникает вопрос: «Тот ли это иконостас, что был, или все же новый?».

На первый план тогда выходит уже не вопрос историчности, а вопрос эстетики. Насколько красив и гармоничен храм внутри. Ведь все понимают, что значительная часть работы зависит от профессионального уровня архитекторов и художников-реставраторов. И свидетельства енисейцев оценивают некое соединение древности и современности. Например, про Иверский храм: «Дивный храм, в нём душе тепло. Просторно, высокий купол, уютно, пахнет деревом. Лучи солнца преломляются в жёлто-красных витражах в вифлеемских звёздах-окнах на куполе; синих и зелёных — в окнах храма, и тогда становится очень светло и красиво. Сейчас храму возвращён первоначальный вид [Ерышева].

Таким образом, в настоящее время храмы воссозданы по состоянию на начало XX в. Однако, они еще до революции претерпели многочисленные утраты и реконструкции, что опять же поднимает вопрос об их аутентичности. В этой связи многочисленны попытки реконструкции сакральных объектов Енисейска не только архитекторами, но и историками [Аксенова и др., 2013], археологами [О старинном сибирском...], прикладными информатиками [Историко-культурное наследие].

Масштаб археологических раскопок впечатляет. Особенно значительны они в районе Богоявленского собора. В результате проведения археологических работ только в полевой сезон 2010 г. в раскопе, просевке отвалов строительного котлована, в стратиграфической зачистке были зафиксированы отдельные артефакты, относящиеся к «до-русскому» времени — эпохе неолита-бронзы. Данный археологический объект получил название «Енисейск. Стоянка Богоявленская». В случае проведения внутри здания собора земляных работ по планированию территории на глубину от 0,5 м, данный культурный горизонт будет разрушен. Кроме этого, работами 2010 г. было изучено 62 погребения верхних ярусов некрополя Богоявленского собора, частично разрушенных при демонтаже бутового фундамента. Были найдены предположительно заваленный подземный ход, деревянные паггаузы под собором [Заклучение по археологическим работам...]. Не случайно поднялся и вопрос о создании в паггаузе Собора Музея археологии [Греков, Забелина, 2019, с. 79–81].

Ил. 8. Проект археологического музея возле Богоявленского собора [Греков, Забелина, 2019, с. 81].

Fig. 8. The project of the archaeological museum near of the Bogoyavlensk Cathedral of the sobor [Grekov, Zabelina, 2019, p. 81].

Проведена виртуальная реконструкция построек Спасского мужского монастыря в г. Енисейске, включая утраченную надвратную церковь Захария и Елизаветы, выполненная в Сибирском федеральном университете позволила создать виртуальные экскурсии по объектам, имеющим историческое и культурное значение, наделить их интерактивностью, т. е. возможностью перемещаться в любом направлении и взаимодействовать с объектами в реальном времени [Пиков, Рудов, 2010, с. 22–23].

Таким образом, на современном этапе господствуют эклектика и конструктивизм, когда в интересах одних административных, социальных, культурных институтов возобновляются одни религиозно-культурные коды, даже через восстановление уже утраченных объектов наследия, и забываются другие.

Так, своеобразной стратегией, поддерживающей традиционность символического ряда, местной метрополии является литургическое служение в годовом и суточном циклах, а также крестные ходы, во времени и пространстве воспроизводящие сценарий и религиозный смысл почитания, обеспечивающего установленный миропорядок и защитную функцию небесного покровительства на земле. Вместо утраченных церквей возводятся там, где они стояли, «копии» храмов, иногда часовен; взамен разрушенных храмов ставятся кресты, поддерживая память о святых местах. Традиционно святыни являлись атрибутами и своеобразными символическими пространственно-временными реперами мировоззренческой картины православных, память о них присутствовала во всех сферах культуры и на всех уровнях — от индивидуального до национального [Майничева, 2018, с. 72].

Используется тут и глубокая ассоциативная, духовная связь многих символов Ени-

сейска со Святой Землей. Образ «Сибирского Иерусалима», как некий элемент «мироустройства» города, постоянно появляется в высказываниях правящего митрополита, православных журналистов, светской власти [Пасхальский].

Соединяется религиозная символика и с обликом государственной власти. Сейчас на набережной города, на взвозе, стоит памятник первопроходцам как некий символ установления этой самой власти на енисейской земле: казачий атаман Пётр Албычев, стрелецкий сотник Черкес Рукин, и вместе с ним — основатель Енисейского Спасо-Преображенского монастыря монах Тихон, над ними развивается хоругвь, стрелец держит саблю, монах — книгу [Ерышева].

Если говорить в целом о храмах как объектах культурно-исторического наследия Енисейска, охраняемых законодательством, то ни административная структура Русской православной церкви, ни приходы не обладают необходимыми мощностями для поддержания их на должном уровне. Самый простой сценарий — передать здания церквей как материальные объекты Енисейскому краеведческому музею, с последующим созданием музея-заповедника. Данное решение активно в настоящее время претворяется в жизнь, пока на основе возрожденной Троицкой церкви. Уже год, как в стенах церкви, разместилась иконописная школа, возрождаемая усилиями как музея, так и местных прихожан. Там расположился музей православия в Енисейске [Ерышева]. В Енисейский музей-заповедник частично переданы картины из сибирской коллекции о. Андрея Юревича. В настоящее время данная коллекция содержит 206 произведений таких известных авторов как Александр Тихомиров (Благовещенск), Румяна Внукова (Красноярск), Александр Волокитин (Красноярск) и др. [Юревич А., о., интервью, 2021; ил. 9].

Ил. 9. Андрей Юревич на обсуждении одной из своих выставок. 2012 [Ребров]
Fig. 9. Andrei Yurevich discussing one of his exhibitions. 2012 [Rebrov]

Таких решений даже в Сибири множество. Можно вспомнить примеры Тобольского музея-заповедника, который находится в совместной собственности государства и Церкви, или Зашиверской Спасской церкви, перенесенной из родной среды Якутии под Новосибирск и ставшей частью музея Института археологии и этнографии СО РАН. Примечательно, что на ее родине в Якутии полностью воссоздали деревянную копию церкви [Региональный туризм..., 2015; Тишина, 2015, с. 120–123; Шмакова, 2016, с. 194–199]. Тогда может быть это пространство будет заполнено.

Если же оставить храмы просто действующими, их придется наполнить заново символами религиозной жизни. Для нас, как и для наших предков, воспринимавших храм как коллективное наследие, оказались важны не только его эстетика, но и символика. Храмы выполняют в обществе как культовые, так и социальные функции. Важен и литургический настрой, связанный с ходом церковной службы, месточтимыми святынями, местами захоронения прихожан внутри храмовой территории. Здесь огромна роль действующих монастырей, церквей и священников.

Выводы. Храм как материальный объект формирует внутреннее и внешнее сакральные пространства, имеет существенное религиозное значение для жизни социума. Жизнь в церкви влияет на формирование нового религиозного поведения (творчества). Так, в советское время утрата всех памятников культового зодчества, кроме Успенского храма, повлекла за собой энтропийные процессы в культурной среде. Вначале это отразилось в исчезновении культового пространства города, а затем произошли изменения в

сфере духовной и материальной культуры в целом. Уничтожение культовых памятников повлекло утрату духовных традиций: забвение духовных основ различных конфессий (ликвидация книг с сакральными текстами), потерям в музыкальном искусстве (невозможность хорового пения), уничтожение икон и иконописной школы живописи, полная утрата навыков в декоративно-прикладном искусстве (исчезновение резьбы и изготовления изразцов).

В настоящее время после реставрации енисейских храмов общество оказалось на распутье: передоверить заботу о них государству в лице Енисейского краеведческого музея или начать обживать как сакральные пространства. Первое дешевле и проще: тогда на государство ложатся все заботы о материальном обеспечении храмов, а также об их наполнении. Во втором случае требуются значительные усилия не только енисейцев, но и всех сибиряков, которые хотят включиться в процесс освоения территории в качестве послушника монастыря, паломника, любителя русских традиций и культуры, популяризатора местных красот. В этом может помочь и государство, и церковь. Тогда об Енисейске вновь заговорят как о Сибирском Иерусалиме.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)» (рук. А.П. Дворецкая), <https://rscf.ru/project/22-28-01668/>.

Список литературы

1. Аксенова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX–начала XX вв.: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: КрасГАУ, 2019. 542 с.
2. Бобрик И. Е. Государство, религия и культурное наследие Енисейской губернии в 1920–1923 гг. Красноярск: [б. и.], 2016. 252 с.
3. Греков Н.И., Забелина В.А. О проектно-концепции археологического парка в Енисейске // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск: Лаборатория развития. 2019. С. 79–83.
4. Дворецкая А.П. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского // Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг. Красноярск: Поликор, 2019. 512 с.
5. Ерышева Н. Возрождение православия в Енисейске [Электронный ресурс]. URL: <https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/103426> (дата обращения: 12.12.2021).
6. Историко-культурное наследие г. Енисейска [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/3d-reconstructions/> (дата обращения 30.07.2017).
7. Заключение по археологическим работам на территории Богоявленского собора [Электронный ресурс]. URL: naov.ru/articles/55-zaklyuchenie-po-arheologicheskim-rabotam.html (дата обращения 30.11.2021).
8. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919–середина 1941 г.). Новосибирск: Золотой колос, 2015. 404 с.
9. Майничева А.Ю. Православные святыни Енисейской епархии: актуализация и стратегии сохранения. Начало XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 2. С. 71–76.
10. О старинном сибирском городе Енисейске и о впечатлениях от конференции «Культура русских в археологических исследованиях» [Электронный ресурс]. URL: https://tomskmuseum.ru/about_mus/blog/bbob2/ (дата обращения 30.11.2021).
11. Пасхальский Ю. Енисейску — 400! [Электронный ресурс]. URL: <https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/77005> (дата обращения 30.11.2021).
12. Перспективы воссоздания Часовни Даниила Столпника в Енисейске [Электронный ресурс]. URL: http://naov.ru/articles/79_perspektivi-vossozdaniya-chasovni-daniila-stolpnika-v-eniseyske.html (дата обращения 30.11.2021).
13. Пиков Н.О., Рудов И.Н. Виртуальная реконструкция Спасского братского мужского монастыря в Енисейске // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2010. № 36. С. 22–23.
14. Ребров Д. Лесосибирский музей современного искусства: второй после Ватикана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/lesosibirskij-muzej-sovremennogo-iskusstva-vtoroj-posle-vatikana> (дата обращения 30.11.2021).
15. Региональный туризм: проблемы и перспективы развития: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (14–15 ноября 2014 г., г. Тобольск). Тобольск: Тобольский пединститут им. Д.И. Менделеева (филиал) ТюмГУ в г. Тобольск, 2015. 213 с.
16. Религия и общество в Приенисейской Сибири. 1920–1930-е годы. Красноярск: Поликор, 2011. 400 с.
17. Собор Богоявления (Богоявленский) по пер. Пожарный, 1 в г. Енисейске [Электронный ресурс]. URL: <http://naov.ru/objects/sobor-bogoyavleniya-bogoyavlenskiy-poperpozharnyi-1-v-g-eniseyske.html> (дата обращения 30.11.2021).
18. Спасо-Преображенский мужской монастырь по ул. Рабоче-Крестьянской, 101 в г. Енисейске [Электронный ресурс]. URL: <http://naov.ru/objects/spaso-preobrazhenskiy-muzhskoy-monastir-po-ul-raboche-krestyanskoy-101-v-g-eniseyske.html> (дата обращения 30.11.2021).
19. Тишина Т.П. Возвращение храма // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Вып. 2. Якутск: Якутский край, 2015. С. 120–123.
20. Фаст Г. Енисейск православный. Красноярск: Енисейский Благовест, 1994. 239 с.
21. Шмакова Г.В. Возможности образовательного туризма в изучении краеведения в вузе // Философия образования. 2016. № 3 (66). С. 194–199.
22. Шумов К.Ю. Церковные постройки во имя святого Даниила Ачинского в Енисейской губернии [Электронный ресурс]. URL: http://naov.ru/articles/68_cerkovnie-postroyiki-v-chest-daniila-achinskogo.html (дата обращения: 30.11.2021).
23. Церковь Успения (Успенская) в г. Енисейске по ул. Рабоче-крестьянской 116/7 [Электронный ресурс]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-uspeniya-uspenskaya-v-g-eniseyske-po-ul-raboche-krestyanskoy-1167.html> (дата обращения: 30.11.2021).
24. Церковь Воскресения в г. Енисейске по ул. Ленина, 104 [Электронный ресурс]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-voskreseniya-v-g-eniseyske-po-ullenina-104.html> (дата обращения: 30.11.2021).
25. Церковь надвратная Захария и Елизаветы по ул. Рабоче-Крестьянской, 101 в г. Енисейске [Электронный ресурс]. URL:

<http://naov.ru/objects/cerkov-nadvratnaya-zahariya-i-elizaveti-po-ulraboche-krestyanskoyi-105-v-g-eniseyske.html> (дата обращения 30.11.2021).

26. Церковь Иверской Богоматери, ул. Ленина, 100, г. Енисейск [Электронный ресурс]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-iverskoyi-bogomateri-ul-lenina-100-g-eniseysk.html> (дата обращения 30.11.2021).

27. Церковь Троицы (Троицкая) по ул. Перенсона, 34 в г. Енисейске [Электронный ресурс]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-troici-troickaya-po-ulperensona-34-v-g-eniseyske.html> (дата обращения 30.11.2021).

28. Часовня Даниила Столпника в Енисейске [Электронный ресурс]. URL: <http://naov.ru/objects/chasovnya-daniila-stolpnika-v-eniseyske.html> (дата обращения 30.11.2021).

References

1. Aksenova A.V., Gonina N.V., Dvoretzskaya A.P., Terskova A.A. Mir kul'tury g. Eniseiska vtoroi poloviny XIX–nachala XX vv.: slovar' osnovnykh kharakteristik, ponyatii i personalii (k 400-letiyu Eniseiska) [The world of culture of the city of Yeniseisk in the second half of the 19th–early 20th centuries: a dictionary of basic characteristics, concepts and personalities (on the 400th anniversary of Yeniseysk)]. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2019. 542 p. (in Russ.)

2. Bobrik I.E. Gosudarstvo, religiya i kul'turnoe nasledie Eniseiskoi gubernii v 1920–1923 gg. [State, religion and cultural heritage of the Yenisei province in 1920–1923]. Krasnoyarsk, 2016. 252 p.

3. Grekov N.I., Zabelina V.A. O proektekontseptsii arkheologicheskogo parka v Eniseiske. Eniseiskaya Sibir' v istorii Rossii (k 400-letiyu g. Eniseiska). Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. [On the project-concept of the archaeological park in Yeniseisk. Yenisei Siberia in the history of Russia (to the 400th anniversary of Yeniseisk). Materials of the Siberian Historical Forum] Krasnoyarsk: Laboratoriya razvitiya. 2019. Pp. 79–83 (in Russ.)

4. Dvoretzskaya A.P. Eniseisk v zapiskakh Mikhaila Prokop'evicha Mindarovskogo. Eniseisk v zapiskakh Mikhaila Prokop'evicha Mindarovskogo. 1891–1935. [Yeniseisk in the notes of Mikhail Prokopenich Mindarovsky. Yeniseisk in the notes of M.P. Mindarovsky. 1891–1935.]. Krasnoyarsk: Polikor, 2019. 512 p. (in Russ.)

5. Erysheva N. Vozrozhdenie pravoslaviya v Eniseiske [The revival of Orthodoxy in Yeniseisk]. URL: <https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/103426> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

6. Istoriko-kul'turnoe nasledie g. Eniseiska [Historical and cultural heritage of Yeniseisk]. URL: <http://www.yeniseisk-heritage.ru/3d-reconstructions/ru> (accessed November 30, 2021) (in Russ.)

7. Zaklyuchenie po arkheologicheskim rabotam na territorii Bogoyavlenskogo sobora [Conclusion on archaeological work on the territory of the Bogoyavlensk Cathedral of the sobor]. URL: naov.ru/articles/55-zaklyuchenie-po-arheologicheskim-rabotam.html (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

8. Krasil'nikova E.I. Pomnit' nel'zya zabyt'... Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoi Sibiri (konets 1919–seredina 1941 g.) [One cannot forget to remember... Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919–mid 1941)]. Novosibirsk: Zolotoi kolos, 2015. 404 p. (in Russ.).

9. Mainicheva A.Yu. Pravoslavnye svyatyни Eniseiskoi eparkhii: aktualizatsiya i strategii sokhraneniya. Nachalo XX v. [Orthodox shrines of the Yenisei diocese: updating and conservation strategies. Early 20th century] In: Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2018. V. 25. No. 2. Pp. 71–76 (in Russ.).

10. O starinnom sibirskom gorode Eniseiske i o vpechatleniyakh ot konferentsii "Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh" [About the ancient Siberian city of Yeniseisk and about the impressions of the conference "Russian culture in archaeological research"]. URL: https://tomskmuseum.ru/about_mus/blog/bbob2/ (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

11. Paskhalsky Yu. Eniseisku — 400! [Yeniseysk — 400!]. URL: <https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/77005> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

12. Perspektivy vossozdaniya Chasovni Daniila Stolpnika v Eniseiske [Prospects for the reconstruction of the Chapel of Daniel Stolpnik in Yeniseisk]. URL: http://naov.ru/articles/79_perspektivi-vossozdaniya-chasovni-daniila-stolpnika-v-eniseyske.html (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

13. Pikov N.O., Rudov I.N. Virtual'naya rekonstruktsiya Spasskogo bratskogo muzhskogo monastyrya v Eniseiske [Virtual reconstruction of the Spassky fraternal monastery in Yeniseisk] In: Informatsionnyi byulleten' asotsiatsii Istoriya i komp'yuter. 2010. No. 36. Pp. 22–23. (in Russ.).

14. Rebrov D. Lesosibirskii muzei sovremennogo iskusstva: vtoroi posle Vatikana [Lesosibirsk Museum of Modern Art: second after the Vatican]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/lesosibirskij-muzej-sovremennogo-iskusstva-vtoroj-posle-vatikana> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

15. Regional'nyi turizm: problemy i perspektivy razvitiya: Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Regional tourism: problems and development prospects: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference]. Tobolsk: Mendelev

Tobolsk Pedagogical Institute, 2015. 213 p. (in Russ.).

16. *Religiya i obshchestvo v Prieniseiskoi Sibiri. 1920–1930-e gody* [Religion and Society in the Yenisei Siberia. 1920–1930]. Krasnoyarsk: Polikor, 2011. 400 p. (in Russ.).

17. *Sobor Bogoyavlениya (Bogoyavlenskii) po per. Pozharnyi, 1 v g. Eniseiske* [Sobor Bogoyavlениya (Bogoyavlenskii) on the 1. Pozharnyi, 1 in Yeniseisk]. URL: <http://naov.ru/objects/sobor-bogoyavlениya-bogoyavlenskii-po-perpozharniyi-1-v-g-eniseiske.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

18. *Spaso-Preobrazhenskii muzhskoi monastyr' po ul. Raboche-Krest'yanskoi, 101 v g. Eniseiske* [Spaso-Preobrazhensky Monastery on the st. Raboche-Krestayanskaya, 101 in Yeniseisk]. URL: <http://naov.ru/objects/spaso-preobrazhenskii-muzhskoyi-monastir-po-ul-raboche-krestyanskoyi-101-v-g-eniseiske.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

19. Tishina T.P. *Vozvrashchenie khrama* [The return of the temple] *Sbornik trudov Yakutskoi dukhovnoi seminarii*. Release 2. Yakutsk, 2015. Pp. 120–123 (in Russ.).

20. Fast G. *Eniseisk pravoslavnyi* [Yeniseisk Orthodox]. Krasnoyarsk: Eniseiskii Blagovest, 1994. 239 p. (in Russ.).

21. Shmakova G.V. *Vozmozhnosti obrazovatel'nogo turizma v izuchenii kraevedeniya v vuze* [Possibilities of educational tourism in the study of local history at the university] In: *Filosofiya obrazovaniya*. 2016. No. 3 (66). Pp. 194–199. (in Russ.).

22. Shumov K.Yu. *Tserkovnye postroiki vo imya svyatogo Daniila Achinskogo v Eniseiskoi gubernii* [Church buildings in the name of St. Daniel of Achinsky in the Yenisei province]. URL: http://naov.ru/articles/68_cerkovnie-postroyiki-v-chest-daniila-achinskogo.html (accessed: November 30, 2021) (in Russ.).

23. *Tserkov' Uspeniya (Uspenskaya) v g. Eniseiske po ul. Raboche-krest'yanskoi 116/7* [Church of the Uspeniya (Uspenskaya) in Yeniseisk on the st. Raboche-Krestayanskaya 116/7]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-uspeniya-uspenskaya-v-g-eniseiske-po-ul-raboche-krestyanskoyi-1167.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

24. *Tserkov' Voskreseniya v g. Eniseiske po ul. Lenina, 104* [Church of Voskreseniya in Yeniseisk on the st. Lenina, 104] URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-voskreseniya-v-g-eniseiske-po-ullenina-104.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

25. *Tserkov' nadvratnaya Zakhariya i Elizavety po ul. Raboche-Krest'yanskoi, 101 v g.*

Eniseiske [Church nadvratnaya Zakhariya i Elizavety on the st. Raboche-Krestayanskaya, 101 in Yeniseisk]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-nadvratnaya-zakhariya-i-elizaveti-po-ul-raboche-krestyanskoyi-105-v-g-eniseiske.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

26. *Tserkov' Iverskoi Bogomateri, ul. Lenina, 100, g. Eniseisk* [Church of the Iverskaya Bogomater, st. Lenina, 100, Yeniseysk]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-iverskoyi-bogomateri-ul-lenina-100-g-eniseisk.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

27. *Tserkov' Troitsy (Troitskaya) po ul. Perensona, 34 v g. Eniseiske* [Church of the Troitsy on the st. Perenson, 34 in Yeniseisk]. URL: <http://naov.ru/objects/cerkov-troici-troickaya-po-ul-perensona-34-v-g-eniseiske.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

28. *Chasovnya Daniila Stolpnika v Eniseiske* [Chapel of Daniel Stolpnik in Yeniseisk]. URL: <http://naov.ru/objects/chasovnya-daniila-stolpnika-v-eniseiske.html> (accessed November 30, 2021) (in Russ.).

Список источников

- ГАКК, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113.
ГАКК, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 126.
ГАКК, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 149.
ГАКК, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 516.
ГАКК, Ф. П-1398. Оп. 2. Д. 26.
ГАИО, Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 686.
Текущий архив. Богоявленский собор. Паспорт объекта, июнь 1980. Сост. Ю.И. Гринберг.
Текущий архив. Вкладыш к паспорту Успенской церкви — [иконы, полы из Воскресенской церкви, нижний ряд иконостаса Спасского собора]. 02.12.1984. Сост. Ю.И. Гринберг, К.Ю. Шумов.
Текущий архив. Троицкая церковь. Паспорт объекта, 10.12.1985. Сост. Ю.И. Гринберг.
Юревич А., о., интервью. Запись Дворецкой А.П. 11.03.2021 // ПМА.

Список сокращений

- ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
Текущий архив — Текущий архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края

Материал передан в редакцию 15.06.2022

Е.Б. Остроушенко

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств
имени А.Д. Крячкова
Красный пр-т, 38, г. Новосибирск, 630099
zhe_88@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6171-6315>
Науч. рук. доктор арх-ры, проф. **Е.Р. Возняк**

Церковное строительство при станциях Сибирской железной дороги в конце XIX–начале XX века

Аннотация

В статье рассматривается строительство православных храмов в конце XIX — начале XX в. на станциях Великой Сибирской железной дороги. Основное внимание уделено анализу стилистического и объёмно-планировочного решения церквей, которые, наряду со школами, органично дополнили железнодорожные комплексы. Рассматривается роль в строительстве церквей Фонда императора Александра III. Проведен сравнительный анализ архитектуры и строительства церквей двух участков рельсового пути: Западно-Сибирской и Средне-Сибирской железной дороги. Под влиянием различных региональных природно-климатических и экономических факторов типовой подход к проектированию и строительству церквей обогатился новыми приёмами организации строительного производства и объёмно-планировочных решений зданий. Рассмотрены варианты мобильных церквей, используемых для духовного окормления переселенцев и железнодорожников в период прокладки рельсового пути.

Ключевые слова: Великий Сибирский путь, Транссибирская железнодорожная магистраль, фонд императора Александра III, Западно-Сибирская железная дорога, Средне-Сибирская железная дорога, церковное строительство

E.B. Ostroushenko

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts
Krasnii Avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
zhe_88@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6171-6315>
Scientific advisor Dr. **E.R. Voznyak**

Temple construction at the Siberian railroad's stations in the end of 19th–beginning of 20th centuries

Abstract

The article reviews construction of orthodox temples in the end of 19th –beginning of 20th centuries at the stations of the Great Siberian railroad. Main attention was payed for stylistic and space-planing analysis of the churches. Schools and churches of the Great Siberian railroad composed a part of railroad's ensembles. In temple construction the role of the Emperor Alexander III Foundation was considered. In the article the main features of architecture and construction of temples at two sections of the railroad (West-Siberian & Middle-Siberian railroads) was analyzed. Typical way of temple designing and building jointly with influence of different regional natural-climatic and economical features purchased new methods of building production and space-planing solutions of buildings. Different versions of mobile churches, used during the period of railroad's construction is reviewing.

Keywords: Great Siberian railroad, Trans-Siberian Railroad, Emperor Alexander the III Foundation, West-Siberian railroad, Middle-Siberian railroad, temple construction

Во второй половине XIX в. Российская Империя, обладавшая огромным ресурсным потенциалом и обширной территорией, не могла конкурировать с Западными странами

из-за неразвитости транспортной системы в стране. До конца последнего десятилетия XIX в. единственным путем сообщения между Европейской Россией и важнейшими админи-

стративными и промышленными центрами Сибири служил Главный Сибирский почтовый тракт, эффективность которого не отвечала экономическим требованиям своего времени. Император Александр III строительством Великого Сибирского пути — железнодорожной трассы через всю Сибирь к океану — стремился объединить всю страну воедино, освоить богатейшие ресурсы Сибири, открыть путь в Азию и к Тихому океану. По сути, задачей проекта было комплексное освоение обширной территории Сибири и Дальнего Востока.

Строительство Сибирской железнодорожной магистрали начинается 19 мая 1891 г. одновременно из городов Челябинска и Владивостока и ведётся на трех участках пути: Западно-Сибирском (от Челябинска до р. Обь), Средне-Сибирском (от р. Обь до Иркутска) и Восточно-Сибирском (от Иркутска до Владивостока). Несмотря на тяжелейшие испытания во время строительства, проект реализуется в кратчайшие сроки (с 1891 по 1916 гг.).

Для координации работ в 1893 г. был создан Комитет Сибирской железной дороги, который возглавил наследник-цесаревич Николай Александрович. Решением организационных вопросов Комитета занимался Анатолий Николаевич Куломзин. Одним из важнейших направлений деятельности Комитета стала организация переселений крестьян из малоземельной части Центральной России на новые территории Сибири и Дальнего Востока. «<...> прежде всего была организована деятельность врачебно-питательных пунктов при узловых железнодорожных станциях. Их задачей являлось предоставление временного жилища, организация питания и лечения, а также начального образования детей новоприбывших» [Журин, 2014, с. 241]. Для реализации духовно-нравственных потребностей крестьян-переселенцев и железнодорожников, составлявших преимущественно верующих христиан, требовалось строительство церквей и школ. Церковные учреждения в конце XIX в. занимались не только вопросами духовно-идеологического характера, но и выполняли часть административных функций. В широком смысле, православная церковь реализовывала в новых поселениях проект культурного освоения Сибири, а церкви и школы стали очагами культурного влияния России на вновь осваиваемые районы [Батурина 1999, с. 4].

В утверждённых в 1893 г. «Временных правилах для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» было указано, что «...на участках площадью свыше 2.000 десятин ... следует оставлять в запасе 120 десятин под церкви и школы...» [Маганизер, 2016]. Изначально на церкви предполагалось направить оставшиеся от строительства железной до-

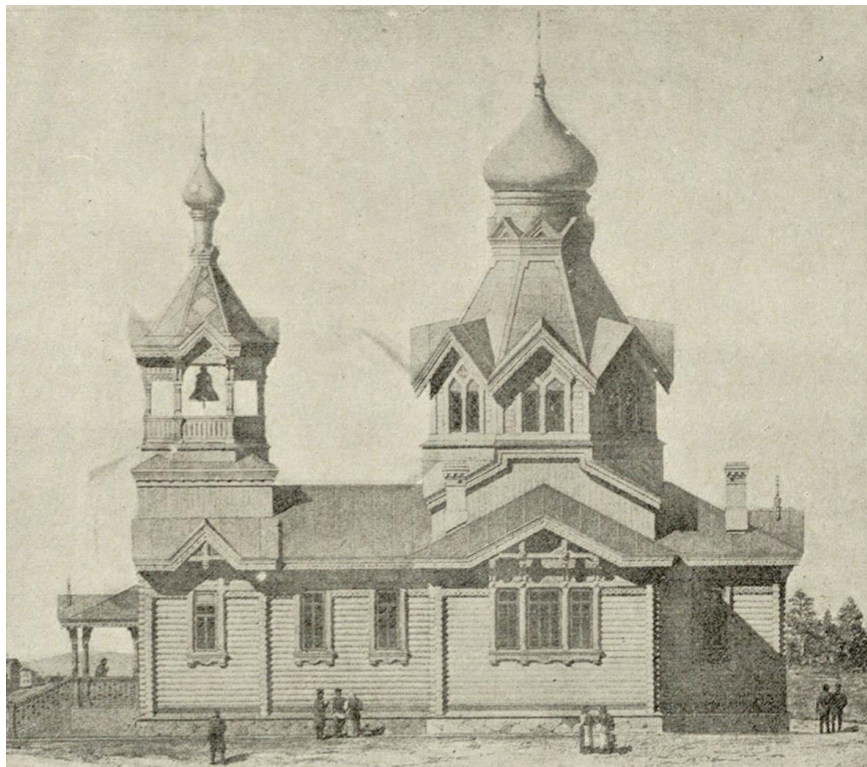
роги средства, однако это намерение ввиду отсутствия излишков не осуществилось. Для решения этого вопроса в 1894 г. императором Николаем II был утвержден благотворительный фонд Имени Императора Александра III. Его задачей был сбор пожертвований и распределение средств на строительство церквей и школ вдоль линии Великого Сибирского пути. За время существования фонда, было собрано более 2 млн. руб. Только за первые 10 лет на эти средства было построено 214 церквей и 164 школы.

Приоритетным направлением в церковном строительстве фонда Александра III являлись храмы на железнодорожных станциях. Они возводились, в первую очередь, для семей строителей и работников железной дороги и относились к ведомству Министерства Путей сообщения. По данным из «Всеподданнейшего отчета о деятельности Министерства Путей Сообщения за 1913 г.», в 1912 г. «...для железнодорожных служащих имелась 161 церковь, из которых числились 121 стационарная церковь, 21 часовня и 19 молитвенных домов...также имелось 16 передвижных вагонов-церквей...» [Маганизер, 2016]. Руководили сооружением храмов и школ в поселках при станциях инженеры-строители путей сообщения, а также заведующие эксплуатацией уже открывшихся для движения участков железной дороги. На участке пути Челябинск-Иркутск постройка храмов при станциях проводилась под надзором начальника Сибирской железной дороги Владислава Михайловича Павловского, при участии Константина Яковлевича Михайловского, Николая Павловича Меженинова, Николая Михайловича Тихомирова и других инженеров.

С целью сокращения сроков строительства для переселенческих посёлков и железнодорожных станций были созданы проекты деревянных и каменных церквей с использованием архитектурных решений из альбомов, изданных в сер. XIX—н. XX вв.: «Проекты церквей, сочинённые архитектором Его Императорского Величества профессором императорской Академии художеств К.Тоном», «Проекты церквей и иконостасов для казённых селений», «Атлас сельских деревянных церквей», «Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях» и ряда других (Ил. 1), [Маганизер, 2016]. На отведенных участках одновременно с возведением храмов строились церковно-приходские школы и дома для священнослужителей. Сопутствующие постройки исполнялись также по типовым проектам (Ил. 2). Большинство церквей были однопрестольные, основной объем здания которых состоял в одной связке с колокольной. Фундамент — каменный, кровля — металлическая, стены — деревянный сруб с облицовкой из крашеного теса. Стилевое решение — эклектика (русский национальный стиль).

Объем здания имел «<...> колокольню-звоницу с шатровым завершением и купол храма, увенчанный живописной главкой, <...> оконные проемы были обрамлены резными наличниками» [Путеводитель, 1900, с 29]. Объемно-пространственная компо-

новка — традиционная для деревянных церквей Сибири: по оси восток–запад располагались храм с апсидой, трапезная, колокольня с притвором и крытая паперть (Ил. 3), [Маганизер, 2016].

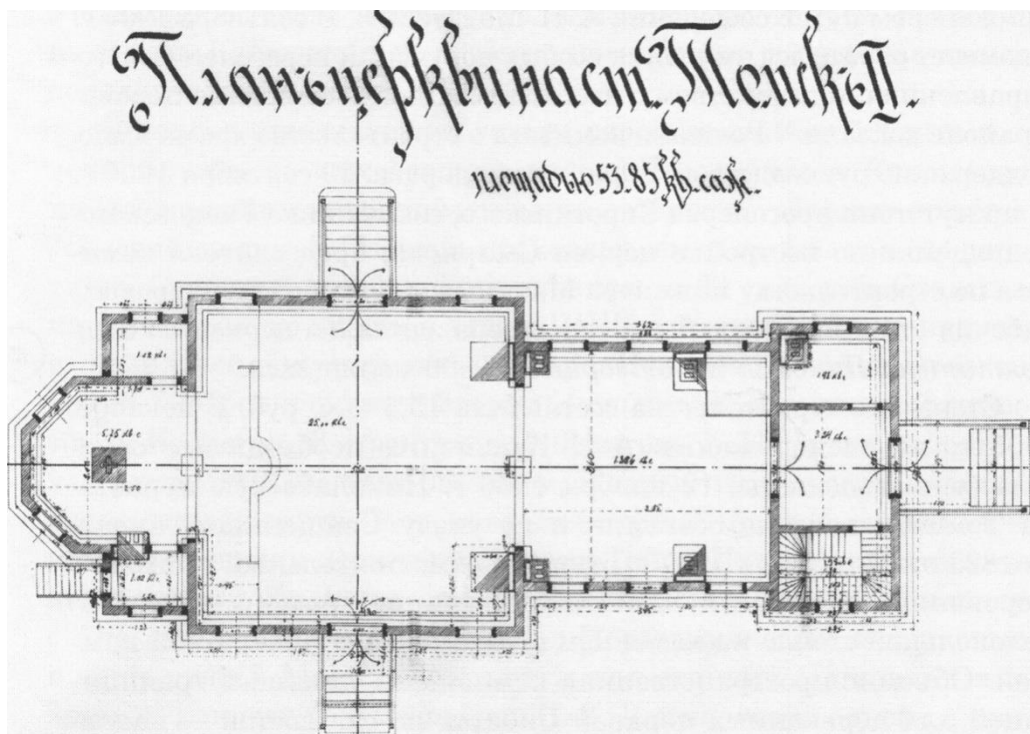

Ил. 1. Проект церкви Св. Княгини Ольги на ст. Ольгинская.
[Фотография из книги «Сибирские церкви и школы» 1904 г.]
Fig. 1. Project of the St. Olga church at the Olginskaya station.
[Siberian churches and schools, 1904]

Ил. 2. Школа имени Иоанна Кронштадского на ст. Татарская.
[Фотография из книги «Сибирские церкви и школы» 1904 г.]

Fig. 2. School of the name of Ioann Kronshtadskii at the Tatarskaya station. [Siberian churches and schools, 1904]

Ил. 3. План храма Св. Николая на ст. Томск. [Фото из книги

Н.А. Магазинера «Железнодорожные храмы Транссибирской магистрали» начало XX в.]

Fig. 3. Plan of the St. Nickolas church at the station of Tomsk [N.A. Magaziner. Railway temples of Trans-Siberian railroad, the beginning of 20th century]

Процесс освоения Сибири переселенцами зависел от темпа и маршрута прокладки железнодорожной магистрали. Рассмотрим, для сравнения, два первых участка строительства рельсового пути: Западно-Сибирского (от Челябинска до р. Обь) и Средне-Сибирского (от р. Обь до Иркутска).

Западно-Сибирский участок Великого Сибирского пути строился с 1892–1896 гг. По данным «Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге» на Западно-Сибирском участке в период 1897–1900 гг. открылись храмы на следующих станциях: Челябинск (церковь Рождества Пресвятой Богородицы), Макушино (церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы), Петропавловск (церковь Св. Марии Магдалины), Искилькуль (церковь Свв. Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа), Омск (церковь Св. Троицы), Кормиловка (церковь Св. Муч. Царицы Александры), Татарская (церковь Архангела Михаила), Чаны (церковь Св. Феодосия Черниговского), Барабинск (церковь Свв. Андрея Стратилата и Св. муч. Екатерины), Кожурла (церковь Св. Анны), Обь (церковь Св. Пророка Даниила), Новосибирск (храм Св. Благоверного князя Александра Невского) [Магазинер, 2016]. Пристанционные посёлки и города в районе железной дороги стремительно росли и развивались за счет притока переселенцев, в связи с чем возрастало количество прихожан

храмов. Для деревянных церквей этого участка дороги характерно изменение габаритов здания с целью увеличения их вместимости за счет «прируба» дополнительного объёма. Примерами служат Церковь Рождества Пресвятой Богородицы на станции Челябинск, Церковь во имя Архангела Михаила на станции Татарская и Железнодорожная церковь во имя Св. Пророка Даниила на станции Обь в Новосибирске. Кроме того, помимо домов для причта и церковно-приходских школ, на этом участке пути при храмах строились еще и дома-интернаты для приезжающих издалека детей. Переселенцы этого участка пути довольно быстро стали разъезжаться из переселенческих пунктов на значительное расстояние от железнодорожной магистрали, вглубь Акмолинской, Тургайской областей, Тобольской губернии, расширяя географию поселений и церковного строительства. Быстро освоившись на новых местах, переселенцы стали активно помогать в возведении церквей и школ своими силами и средствами. Кроме того, в фонд Александра III активно поступали пожертвования, а Комитет Сибирской железной дороги безвозмездно выделял землю и материалы для строительства церквей. Все эти факторы позволили создать многочисленную сеть приходов на обширной территории вдоль Западно-Сибирской железной дороги.

Средне-Сибирская железная дорога строилась в период с 1893 по 1897 гг. На сегодняшний день установлены имена 19 храмов, построенных в районе станций Средне-Сибирского участка дороги. Это храмы на станциях: Тутальская (храм Св. Мелании Римляныни), Тайга (церковь Св. Андрея Критского), Томск (Церковь Св. Николая Чудотворца), Боготол (церковь Св. Николая Чудотворца), Чернореченская (храм Св. Троицы), Красноярск (Спаская церковь), Ольгинская (церковь Св. Княгини Ольги), Бошняково (церковь во имя Свят. Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа), Иланская (церковь Св. Князя Александра Невского), Тайшет (церковь Св. Николая Чудотворца), Алзамай (церковь Св. Николая Чудотворца), Замзор (храм Покрова Пресв. Богородицы), Нижнеудинск (церковь Св. Николая Чудотворца), Тулун (церковь св. Николая Чудотворца), Зима (храм Св. Федора Тирона), Залари (церковь Св. Николая Чудотворца), Забитуй (храм Св. Николая Чудотворца), Половина (церковь Василия Великого), Иркутск (церковь Св. Иннокентия Иркутского) [Маганизер, 2016]. На втором участке железнодорожной магистрали наблюдается сокращение числа церковных построек. Преимущественно они расположены вблизи линии железной дороги, либо на незначительном расстоянии от неё. Удалённость основной части дороги от крупных городов, суровые природно-климатические условия, нехватка квалифицированных кадров и сокращение финансирования из фонда Александра III сильно снизили темпы строительства церквей и школ на Средне-Сибирской железной дороге.

Инженер Николай Павлович Меженинов, заведовавший строительством второго участка железной дороги, прибегнув к изобретательности, изменил подход к строительному производству, чтобы сократить затраты на поиск кадров и возведение новых церквей. Кроме того, здесь активно практикуется метод переоборудования существующих молитвенных домов и часовен под церкви. Примерами являются Храм Святой Мелании Римляныни на станции Тутальская, перестроенный из молитвенного дома, Церковь Св. Николая Чудотворца на станции Алзамай, переоборудованная из часовни, Храм Св. Николая Чудотворца на станции Забитуй (бывший молитвенный дом), а также Церковь Св. Иннокентия Иркутского на станции Иннокентьевская, построенная в здании пожарной службы (Ил. 4). Кроме того, не при всех храмах возводились дома для священнослужителей из-за нехватки средств. Проблема проживания причта решалась съёмным жильём.

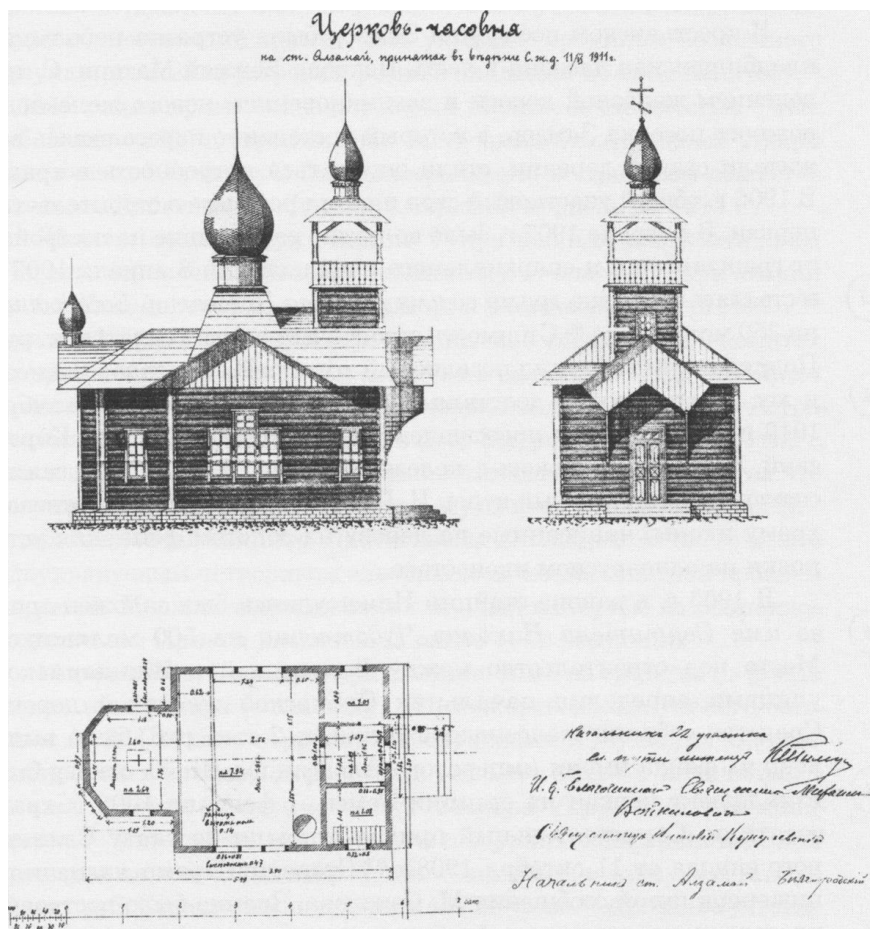
На участках малоосвоенных районов активно используются мобильные церкви для удовлетворения духовных нужд железнодорожников и переселенцев. Мобильные церкви были двух видов: передвижная церковь-вагон и походная передвижная церковь.

Передвижная церковь в виде железнодорожного вагона была специально построена по проекту архитектора Е.Е. фон Баумгартена на Путиловском заводе в Петербурге для Сибирской железной дороги [Великий Сибирский Путь, 1899]. Вагон, 15 м в длину и почти 3 м в ширину, одновременно мог вместить до 70 молящихся. Над входом располагалась звонница с тремя колоколами, увенчанная крестом. Средняя часть вагона, длиной 7,35 м, была оставлена для молящихся, остальную площадь занимали алтарь, ризница и технические помещения. Снаружи и внутри вагон был облицован деревом и покрыт лаком (Ил. 5).

Для окормления паствы в отдалённых от железной дороги поселках использовалась передвижная походная церковь, произведенная на фабрике И.А. Жевержеева. Она представляла собой полотняное сооружение палаточного типа с необходимым для отправления всех служб принадлежностями, весом не более 50 кг. В комплект входили «две местные иконы, напечатанные на клеенке — Спаситель и Божия Матерь. Вместо царских врат устанавливалась складная завеса. Иконы и завеса составляли иконостас. Складной престол состоял из двух ящиков: в одном — священные принадлежности (серебряные сосуды, дарохранительница и т.д.), в другом — прочие богослужебные предметы (подстелечник, кадило, книги в матерчатых мягких переплетках)» [Маганизер, 2016]. Иван Алексеевич Жевержеев являлся поставщиком двора е.и.в., владельцем парчово-ткацкой фабрики, где изготавливали митры, кресты, церковные облачения, военноподходную церковную утварь.

Несмотря на преимущественно типовое строительство церквей на Великом Сибирском пути, крупные станции все же отмечались постройкой больших каменных храмов, на проектирование и сооружение которых специально приглашались известные архитекторы. К таким относятся храмы на станциях Петропавловск, Омск, Новосибирск, Тайга, Красноярск и др.

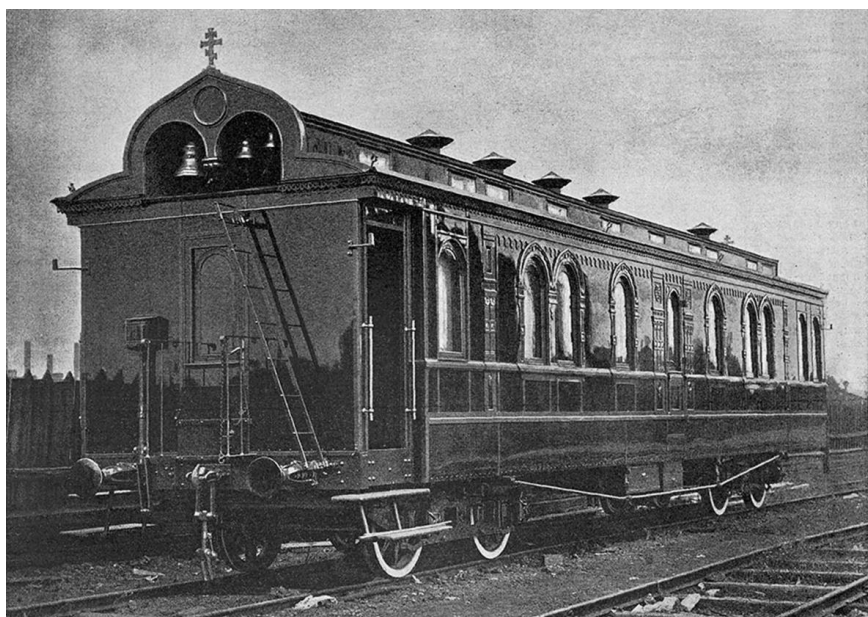
Архитектор Константин Константинович Лыгин запроектировал три каменных храма на железнодорожных станциях Петропавловск, Новосибирск и Тайга. Церковь Св. Марии Магдалины на 450 чел. на станции Петропавловск была построена в 1900 г. Каменный храм с узорчатой кладкой и большими окнами в русском стиле стал истинным украшением привокзальной площади. Храм Св. Благоверного Князя Александра Невского на 1000 чел. в Новосибирске, освященный в 1899 г. был построен в память об императоре Александре III в византийском стиле (Ил. 6). Церковь Св. Андрея Критского на станции Тайга, освященная в 1899 г., была построена в стилистике московского каменного зодчества XVII в. (Ил. 7).

Ил. 4. Проект храма-часовни Св.Николая Чудотворца на ст.Алзамай. [Фото из книги Н.А. Магазинера «Железнодорожные храмы Транссибирской магистрали» начало XX в.]

Fig. 4. The project of St. Nicolas chapel at the Alzamai station.

[N.A. Magaziner. Railway temples of Trans-Siberian railroad, the beginning of 20th century]

Ил. 5. Вагон-церковь для Сибирской железной дороги.

[Фото А.Рентца и Ф.Шрадера из Путьоводителя по Сибирской железной дороге, 1900 г.]

Fig. 5. Church-carriage for the Siberian railroad.

[A. Rents & F. Shrader. Siberian railway's guide, 1900]

Ил. 6. Храм Св. Князя Александра Невского в Новосибирске.
[Фото из Путеводителя по Сибирской железной дороге, 1900 г]
Fig. 6. St. Alexander Nevskii temple in Novosibirsk. [Siberian railway's guide, 1900]

Ил. 7. Проект церкви Св. Андрея Критского на ст.Тайга.
[Фотография из книги «Сибирские церкви и школы» 1904 г.]
Fig. 7. Project of St. Andrey Kritskii church at the station of Taiga.
[Siberian churches and schools, 1904]

Инженер Генрих-Александр-Эдуард Петрович Хегстрем, начальник четвёртой династии IV участка службы пути, был автором проекта Троицкой церкви на 750 чел. на

станции Омск, построенной в 1900 г. в стиле русского зодчества XVI–XVII вв. За свой проект инженер был награждён Орденом Св. Анны III степени.

Итак, мы видим, что наряду с общими особенностями церковного строительства при железнодорожных станциях, такими как состав построек, материал, объёмно-планировочное и стилистическое решение, подход к проектированию и постройке церквей на крупных станциях, храмы на двух разных участках железной дороги имели свои отличительные черты. Не только сами церкви, но и строительное производство являли пример отличий. При типовом подходе к массовому строительству в разных регионах, влияние таких изменяющихся факторов, как темпы освоения территории, природно-климатические условия, финансирование, доступность квалифицированных кадров и строительного материала, повлияло на динамику формообразования и развития национального русского стиля в архитектуре церквей Великого Сибирского железнодорожного пути. Учитывая то, что на сегодняшний день из 31 выявленной церкви рельсового участка Челябинск-Иркутск остались лишь 6, сохранение культурного наследия эпохи освоения Сибири и Дальнего Востока в к. XIX–н. XX в. остается актуальной задачей современности. Дальнейшее комплексное изучение и восстановление утраченных памятников церковного зодчества вдоль современной Транссибирской магистрали позволит сохранить культурную преемственность поколений русского народа.

Список литературы

1. Батурин С.П., Батурина Т.В. Роль благотворительного фонда имени императора Александра III в церковном строительстве в Сибири в период массовых крестьянских переселений в конце XIX–начале XX века // Социогуманитарный вестник. 2012. №2 (9). С. 59–61.
2. Батурина Т.В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. д-р культурологии. Кемерово, 1999. 40 с.
3. Журин Н.П. Школы и церкви на Великом Сибирском Железнодорожном Пути (о деятельности фонда императора Александра III) // Баландинские чтения. 2014. Т. IX, № 1. С. 239–247.
4. Магазинер Н.А. Железнодорожные храмы Транссибирской магистрали (конец XIX–начало XX в.). СПб, 2016.
5. Великий Сибирский Путь / изд. М.Б. Аксельрода, фото И.Р. Токмашевича. Красноярск, 1899.

6. Путеводитель по Сибирской железной дороге. СПб, 1900. С. 29, 41, 296.

7. Сибирские церкви и школы. К десятилетию фонда имени императора Александра III (1894–1904). СПб., 1904.

References

1. Baturin S.P., Baturina T.V. Rol' blagotvoritel'nogo fonda imeni imperatora Aleksandra III v tserkovnom stroitel'stve v Sibiri v period massovykh krest'yanskikh pereselenii v kontse XIX–nachale XX veka. [Value of charitable Emperor Alexander the III Foundation in temple construction in Siberia in period of peasant's movement in the end of 19th–beginning of the 20th centuries.] In: Sotsiogumanitarnyi vestnik. 2012. No 2 (9). Pp. 59–61.
2. Baturina T.V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i krest'yanskije pereseleniya v Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [Russian orthodox church and peasant's movement at the 19th–20th centuries]. Dissertation abstract. Kemerovo, 1999. 40 p.
3. Zhurin N.P. Shkoly i tserkvi na Velikom Sibirskom Zheleznodorozhnom Puti (o deyatelnosti fonda imperatora Aleksandra III). [Schools and churches of the Great Siberian Railroad (About activity of the Emperor Alexander the III Foundation)]. In: Balandinskie chteniya. 2014. Pt. IX, No. 1. Pp. 239–247.
4. Magazinier N.A. Zheleznodorozhnye khramy Transsibirskoi magistrali (konets XIX–nachalo XX vv.). [Railway temples of Trans-Siberian railroad (end of the 19th–beginning of the 20th centuries)]. St. Petesburg, 2016.
5. Velikii Sibirskii Put'. izd. M.B. Aksel'roda, photo I.R. Tokmashevicha. [Great Siberian Railway]. Krasnoyarsk, 1899.
6. Putevoditel' po Sibirskoi zheleznoi doroge. [Siberian railway's guide]. St. Petesburg, 1900. Pp. 29, 41, 296.
7. Sibirskie tserkvi i shkoly. K desyatiletiiyu fonda imeni imperatora Aleksandra III (1894–1904). [Siberian churches and schools. For celebration of 10 years of the Emperor Alexander the III Foundation]. St. Petesburg, 1904.

Список сокращений

е.и.в. — его императорское величество
Св. — Святой
Свв. — Святые
Свят. — Святители
Пресв. — Пресвятая
Муч. — Мученик

Материал передан в редакцию 30.05.2022

А.Е. Митина, А.В. Талашкин

Сибирский центр колокольного искусства (Новосибирск)
ул. Большевикская, 229, к.1., Новосибирск,
Российская Федерация, 630083
memitina.ae@gmail.com

OCRID: <https://orcid.org/0000-0002-4964-219X>

Интеграция колокольного звона в музейное пространство культовых сооружений

Аннотация

Статья посвящена проблеме несоответствующего эксплуатирования храмов и иных культовых сооружений в экспозиционном пространстве музеев под открытым небом. Обозначается необходимость решения проблемы, для чего предлагается введение церковного колокольного звона в экскурсионные программы и разработка церковных мероприятий, подразумевающих наличие звонов. Рассматривается как исторический опыт энтузиастов второй половины прошлого столетия, которые были первыми в деле восстановления звонов после их запрета и долгого периода молчания колоколов; так и личный звонарский опыт. Проводится анализ результатов описанных событий и формулируется два основных направления развития в рамках предложенного решения.

Ключевые слова: колокола, колокольный звон, музеи под открытым небом, культовые сооружения, Спасо-Зашиверская церковь

A.E. Mitina, A.V. Talashkin

Siberian center of the art of bellringing (Novosibirsk)
Bolshevistskaya st., 229, building 1., Novosibirsk, Russian
Federation, 630083
memitina.ae@gmail.com

OCRID: <https://orcid.org/0000-0002-4964-219X>

Integration of the bellringing into the museum space of religious buildings

Abstract

The article is devoted to the problem of inappropriate exploitation of temples and other places of worship in the exhibition space of open-air museums. The need to solve the problem is indicated, for which it is offered to incorporate church bellringing into excursion programs and develop different church events that imply the bellringing. Historical experience of enthusiasts of the second half of the last century, who were the first to restore the bells after their ban and a long period of silence of the bells and personal bellringing experience is considered. An analysis of the results of the described events is carried out and two main directions of development are formulated in the context of the proposed solution.

Keywords: church bells, bellringing, open-air museums, places of worship, Spaso-Zashiverskaya church

Введение. Многие музеи имеют в своих экспозициях различные православные культовые сооружения: храмы, часовни, колокольни. Зачастую эти памятники являются объектами культурного наследия и не используются по прямому назначению, экспонируются в качестве макетов: в них не совершаются богослужения, не протекает приходская жизнь, или же эти процессы строго регламентируются. Это особенно характерно для музеев под открытым небом. С материальной точки зрения, для сохранения памятников архитектуры это верное решение,

поскольку только с помощью определенных ограничительных мер можно обезопасить здание от преждевременного разрушения. Но с духовной точки зрения храм в таком случае перестает выполнять свою главную функцию — быть домом Божиим, где возносятся молитвы и совершаются церковные таинства. Храм создан для концентрации духовной жизни людей. В нем действует так называемая «призывающая благодать» — понятие, которое в православном истолковании означает эманацию Любви Божией к людям. Необходимо помнить, что самая главная

ценность храма — это его сакральное пространство. Именно поэтому следует формировать благоговейное отношение к такому месту как у работников, так и у посетителей. Это также важно учитывать при проектировании, эксплуатации и реставрации культовых сооружений, особенно тех, которые находятся в ведомстве музеев.

В противоречии позиций «храм-музейный экспонат» и «храм-дом соборной молитвы» возникает проблема: как использовать памятники церковной архитектуры, без нанесения им ущерба, но сохраняя их сакральность и развивая в них церковную жизнь? В рамках обсуждений проблемы необходимо деятельное участие официальных представителей как церковного, так и музейного сообщества. Мы же, звонари, как церковнослужители, можем лишь вынести на обсуждение один из вариантов решения, которое, наш взгляд, кроется в синтезе храмовых искусств. В данной статье мы рассмотрим составную часть этого синтеза — колокольный звон — и расскажем, какие возможности для музейной экспозиции он открывает.

Методы и материалы исследования.

Для обоснования значимости колокольного звона в современной церковной жизни и определения его роли в музейной практике необходимо комплексное изучение темы: ознакомление с историей происхождения и развития этого искусства; анализ имеющегося опыта как дореволюционных, так и современных звонарей, экспозиционного опыта музеев, в ведомстве которых находятся культовые предметы и сооружения; выявление отличий в восприятии колокольного звона современным обществом в сравнении с людьми дореволюционного времени; и определение дальнейших путей развития предлагаемого направления.

Полученные результаты и их обсуждение. Восстановлению духовного наследия на базе музеев способствует та историческая среда, которую создают ландшафт, архитектура, экспозиции на территории и внутри построек. Поэтому звон, как храмовое искусство, напрямую связанное с народной культурой, вполне органично интегрируется в пространство культовых сооружений в музейных экспозициях и работает с ними в синтезе, наполняя и оживляя эту историческую среду. Кроме того, колокольный звон пробуждает в нас память поколений: мы чувствуем причастность к истории нашей страны.

История колокольного искусства на Руси берет начало в середине XI века, когда вместе с принятием христианства к нам постепенно пришли первые колокола [Энциклопедический словарь, 1895, с. 722]. Колокольные звоны быстро стали неотъемлемой частью народной культуры, поскольку сопровождали и озвучивали самые важные собы-

тия жизни и каждого человека, и всего народа. В течение многих веков они были живым голосом страны, они создавали настроение, объединяли, вдохновляли, призывали. Звон являлся важным источником информации: люди умели различать повод, в связи с которым звон совершается [Смоленский, 1906, с. 275]. Однако с 1918 года декретом «О набатном звоне» [Декрет..., 1918] колокольный звон был запрещен, после чего начались гонения на церковь, сопровождающиеся кампанией массового уничтожения колоколов. Значительный период молчания привел к тому, что звонарское мастерство, существовавшее как устная традиция — почти повсеместно исчезло, кроме того, был утрачен и практический опыт проектирования и возведения колоколосущих сооружений.

Движение по возрождению колокольных звонов началось в 70–80-х годах XX века и осуществлялось усилиями светских людей на базе музеев, поскольку там в период гонений на церковь в ряде случаев удавалось сохранить и церковные здания, и церковные ценности. Колокола, хранившиеся в запасниках многих музеев, со временем были подняты на колокольни и постепенно зазвучали вновь.

В 60-е годы XX века во исполнение Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» [Постановление..., 1960] получила масштабное развитие практика создания музеев деревянного зодчества под открытым небом, позволяющих не только сохранить уникальное архитектурное наследие, но и сделать его доступным для народа [Малые Корелы, 2022, история]. Туда стали перевозить старинные церкви и храмовые комплексы, находящиеся на грани исчезновения. Со временем эти музеи сформировали различные экспозиции, неотъемлемой частью которых стали колокольные звоны.

У истоков возрождения колокольного звона стояли историк Иван Данилов, музыкант Валерий Лоханский, этнограф Александр Давыдов, которые в 1975 году начали работу по сбору колоколов и созданию «звучащей экспозиции». О своем опыте звонари рассказывают в документальном фильме «Зову живых» [Зову живых, 1987, 12:43–28:10]. Так, в Архангельском государственном музее деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», основанном в 1964 году, колокольные звоны зазвучали впервые 1 июня 1975 года. Колокольные звоны в музее стали особенной частью любого мероприятия, а по выходным дням они звучат теперь каждый час. Звонари стали ездить по разным городам России, восстанавливать колокольные подборы и звоны, само-

стоятельно осваивая мастерство и обучая желающих. Появилась новая экскурсионная программа — концерты колокольного звона, существенно изменившая музейное пространство и привлекая в музеи большое количество неравнодушных людей [Малые Корелы, 2022, история].

Благодаря активной деятельности сотрудников музея А.Н. Давыдова, И.В. Данилова и подобных им энтузиастов в России зазвучали давно забытые звоны с колоколен в Москве, Санкт-Петербурге, Суздале, Ростове Великом, Ярославле, Иркутске, Великом Новгороде, Смоленске, Пятигорске, Черкёхе (Якутия), на острове Валаам и в других населённых пунктах [Виденеева, 2014, с. 1–18].

К примеру, так описывает свой опыт Новгородский музей под открытым небом «Витославицы», открытый 1964 году: «Все значительные события в музее деревянного зодчества сопровождаются колокольными звонами, впервые прозвучавшими в Витославицах в 1992 году. Большую помощь в освоении искусства колокольных звонов оказал Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». [Витославицы: альманах, 2009, с. 19]. Сотрудники музея отмечают, что для «Витославиц» также особенно важно «оживление» экспозиционного пространства, что достигается путем введения в штат экскурсоводов-интерпретаторов. Их задача — не дать посетителям пройти мимо знаковых моментов культуры, не пропустить самое важное. Они «живут» в соответствии с экспонируемой эпохой, вовлекают посетителей в тематическую работу и в живом общении погружают их в прошлое, чем добиваются успеха интерпретации у посетителей.

У нас тоже есть подобный опыт. В 2020 году в историко-архитектурном музее под открытым небом в Новосибирске состоялось открытие новой экскурсии-рассказа «Звоны старинного храма», посвященной 320-летию Зашиверской церкви. Экскурсия сопровождалась колокольными звонами Сибирского центра колокольного искусства [Гаркуша, Ново-приезжая, 2021, с. 21–22]. В качестве так называемых «интерпретаторов» здесь выступали сами звонари: в традиционных костюмах мы реконструировали подъём колоколов (привезённых из Сибирского музея колокольного звона, крупнейшего за Уралом), поднялись на ярус звона и начали воспроизводить те звоны, о которых известно из истории русского колокольного искусства, и о которых рассказывается в программе экскурсии. А в начале декабря 2021 года в рамках экспедиции по исследованию якутских колоколов специалисты Сибирского центра колокольного искусства посетили музей-заповедник «Дружба» в Республике Саха (Якутия), на

территории которого расположена копия Зашиверского острога; и звонили на местной колокольне [Утро Якутии, 07.12.21 г. 22:55–28:47].

Наш первый опыт интеграции колокольных звонов в музейное пространство культовых сооружений имел свои положительные стороны:

1. Экскурсии в Новосибирске пробудили общий интерес к церкви — о ней вновь заговорили. Стало понятно, что у экспозиционного пространства музейного комплекса Зашиверского острога есть перспективы развития и это интересно людям.

2. В Новосибирской церкви не проводятся богослужения, а в «Дружке», хотя и редко, но совершаются. Благодаря звонам восстанавливается и сохраняется сакральное пространство храма, по крайней мере, сделан один из значимых шагов.

3. Реконструкции в Новосибирске пробудили в нас исследовательский интерес к теме, и сподвигли на поисковую экспедицию в Якутию, архивную работу, подготовку материалов для статьи о колоколах Спасо-Зашиверской церкви; мы приблизились к пониманию условий, в которых приходилось звонить якутам в предыдущие века, что только усилило научный интерес.

Однако следует признать, что говорить о так называемой «точке реконструкции» (об экспозиции конкретного исторического периода) в рамках проведенных экскурсий затруднительно, поскольку на момент проведения этих мероприятий нам почти ничего не было известно о колоколах и звонах церкви. Впрочем, справедливо отметить, что изначально включение колокольного звона в программу было попыткой воссоздать особое пространство церкви и расширить экспозиционные возможности музея, что и было сделано. Но теперь необходимо идти дальше, качественно прорабатывая возможные варианты экспозиций.

Как бы ни был силен научный интерес, первоочередная задача нашего центра — восстановление и сохранение колокольного искусства в Сибири, поэтому считаем необходимым вернуться к поставленной в начале проблемы и обсудить предлагаемый нами вариант ее решения: интеграцию колокольного звона в экспозицию храмового сооружения.

Можно выделить два основных направления развития:

1. Восстановление духовной церковно-приходской жизни в храмах, находящихся в ведении музеев, с целью возвращения первоначальной функции и сохранения сакральности церковного сооружения. Этому сопутствуют церковные (богослужебные и внебогослужебные) звоны.

2. Реконструкция нецерковных исторических сигнальных звонов с целью расширения экспозиционных возможностей музея и разнообразия предоставляемых исторических сведений.

Выводы. Мы понимаем, что единого решения для всех культовых зданий, находящихся в музейном пространстве, быть не может, поскольку не всегда есть возможность возобновить полноценную приходскую жизнь. Поэтому в каждом случае решения должны приниматься в содружестве специалистов разных областей науки и культуры, чтобы интересы как церкви, так и музейного сообщества были учтены. В частности, для интеграции звонов необходимо сотрудничество музейных работников, campanологов и звонарей.

Следует также сказать, что в 50–80-е годы прошлого века «сакральному» было не принято придавать особое значение, поэтому многие культовые здания перевозились просто как архитектурные объекты, а колокольные звоны из церковных перешли в разряд нецерковных «музейно-художественных». Нельзя отрицать, что это был определенный шаг на пути нравственного возрождения России. Однако это был шаг в сторону от церковных традиций. Теперь же у нас есть необходимость и все возможности восстановить первоначальный замысел объектов духовного наследия.

Итак, в рамках статьи было сделано следующее:

1. Выявлена проблема несоответствующего использования храмовых сооружений, находящихся в ведомстве музеев;

2. Рассмотрено, что колокольные звоны как неотъемлемая часть русской народной культуры является важной составляющей экспозиционного пространства храмовых сооружений;

3. Описан опыт реконструкции звонов на исторических колокольнях;

4. Предложено два основных направления развития колокольных звонов в экспозиционных пространствах храмовых сооружений:

– восстановление церковных (богослужбных и внебогослужбных) звонов;

– реконструкции нецерковных исторических сигнальных звонов.

Список литературы

1. Виденеева А.Е. 25-летие основания Ассоциации колокольного искусства России в Ростове Великом. // Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2014. С. 18.

2. Гаркуша Д., Новоприезжая Н. Воскресший Зашиверск // Сибирская звонница. №1 (41). Новосибирск, 2021. С. 22.

3. Смоленский С.В. О колокольном звоне в России. // Русская музыкальная газета. Пет-роград, 1907. № 9–10. с. 265–281.

References

1. Videneeva A.E. In: 25-letie osnovaniya Assotsiatsii kolokol'nogo iskusstva Rossii v Rostove Velikom [The 25th anniversary of the Bell Ringing Association in Russia in Rostov the Great]. Gosudarstvennyi muzei-zapovednik "Rostovskii Kreml'", 2014. P. 18. (in Russ.)

2. Garkusha D., Novopriezzaya N. Voskresshii Zashiversk [The resurrected Zashiversk]. In: Sibirskaya zvonitsa. No. 1 (41). Novosibirsk, 2021. P. 22. (in Russ.)

3. Smolenskii S.V. O kolokol'nom zvone v Rossii [About the bell-ringing in Russia]. In: Russkaya muzykal'naya gazeta. Petrograd, 1907, No. 9–10. Pp. 265–281. (in Russ.).

Список источников

1. Видеосюжет программы «Утро Якутии» телеканала Якутия 24. Выпуск от 07.12.21 г. 22:55–28:47.

2. Витославицы: альманах. Вып. 1 / ред. совет: Л.В. Паршина, О.Н. Гаврилова; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Великий Новгород, 2009. 106 с.: ил. С. 19.

3. Декрет «О набатном звоне». 30 июля 1918 г. // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6771. Л. 1. Подлинник. Машинописный текст. Подпись В.И. Ленина — автограф.; Известия. 1918. 3 августа.; Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 117.

4. Официальный сайт Музея деревянного зодчества «Малые Корелы», История музея, 31.01.2022, URL: <https://www.korely.ru/museum/history/> (дата обращения: 30.05.2022)

5. Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О ДАЛЬНЕЙШЕМ УЛУЧШЕНИИ ДЕЛА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ В РСФСР».

6. Энциклопедический словарь. Т. XV. СПб., 1895. С. 722 («Колокола»). Цит. по: Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни. В кн.: Колокола: История и современность. М., 1985. С. 39–78., с. 39.

7. Ю. Пухначев, З. Каневский. Документальный фильм об искусстве колокольного звона «Зову живых». Леннаучфильм по заказу Гостелерадио СССР, 1987 г.

Материал передан в редакцию 18.06.2022

А.А. Гаспарян
Новосибирский государственный архитектурно-
строительный университет (Сибстрин)
ул. Ленинградская 113, г. Новосибирск, Россия, 630008
lika.gasparyan.01@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3142-8144>

Витальное пространство как часть окружающей среды в городской застройке

Аннотация

Рассматриваемая проблема «витализации» городской среды в связи с глобализацией и коммерцией стала сильно ощутима и перестала взаимодействовать с окружающей нас средой. Архитектура многих городов беспощадно застроена типовыми строениями. Формы, фасады, идеи — все ушло на второй, и даже третий план. Архитектура, как часть окружающей нас среды, должна быть живой и наполненной, она, как вечно сопутствующий источник энергии, сохраняется на долгие годы и делится своей историей, но кто захочет делиться тем, что не радует и удручает? В данной статье будет говориться о витализации городских пространств, о том, с помощью каких, выявленных нами на основе анализа, компонентов витальности, можно оживить архитектуру. Так же рассмотрим, какие из выявленных компонентов используют архитекторы в своих проектах, после проанализируем и закрепим основные посылы витальности.

Ключевые слова: витальное пространство, витализация, архитектура, посылы, компоненты

A.A. Gasparyan
Novosibirsk University of Architecture and Civil Engineering
(Sibstrin)
St. Leningradskaya 113, Novosibirsk, Russia, 630008
lika.gasparyan.01@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3142-8144>

Vital space as part of the environment in urban development

Abstract

The considered problem of the “vitalization” of the urban environment in connection with globalization and commerce has become very noticeable and has ceased to interact with the environment around us. The architecture of many cities is mercilessly built up with typical buildings. Forms, facades, ideas — everything went to the second and even the third plan. Architecture, as part of the environment around us, should be alive and filled, it, as an ever-accompanying source of energy, is preserved for many years and shares its history, but who wants to share what is not pleasing and depressing? This article will talk about the vitalization of urban spaces, about which components of vitality, identified by us on the basis of analysis, can be used to revive architecture. We will also consider which of the identified components architects use in their projects, and then we will analyze and consolidate the main messages of vitality.

Keywords: vital space, vitalization, architecture, messages, components

Введение. Аура, атмосфера, восприятие, энергия, и, наконец, витальное пространство. Сможете ли Вы дать точное определение этим понятиям? Если да, то, насколько это будет объективно? Хорошо, давайте по-другому, почему одни здания мы проходим, не замечая, а другие заставляют остановиться, сфотографировать или потрогать? Именно эти вопросы являются основой данной статьи. Итак, давайте же начнем с начала. Перед тем, как дать определение

понятию «витальное пространство», разберем более знакомое слово с не менее сложным значением — «пространство». Что для нас есть пространство? Большинство людей представляют себе пространство, как пустоту, в которой всё происходит, как большой пустой склад, или театральную сцену, на которой разворачиваются события. В этом смысле, пространство — это пустота, ждущая своего заполнения. Конечно, значение слова «пространство» — множество, но в

области архитектуры, более применимо будет следующее: пространство — это множество объектов, между которыми установлены отношения. Витальное пространство — это тоже пространство, но со своей особенностью. Например, у Аэрона Бецки, голландского архитектурного критика, есть такое понятие, как медленное пространство, цель которого замедлить ощущение, чтобы дать возможность понять, где вы находитесь. Это понятие тесно связано и с нашим, но витальное пространство в архитектуре основывается на вызывании какой-либо эмоции, будь то радость, горесть, телесное или тотальное наслаждение. Таким образом, можно сказать, что витальное пространство — это прием взаимодействия человека и окружающей его среды с помощью различных ощущений, чувств и эмоций.

Довольно часто человек испытывает недостаток энергии, апатию, эмоциональное истощение. Наверняка с похожими состояниями сталкивались и вы. Зачастую, это следствие того, что большая часть городской среды утратила эмоциональный заряд. Именно поэтому приходят мысли переехать в другой город или даже страну. Человек сильно зависит от внешних факторов, в особенности, если этот фактор — городская среда, в которой мы проживаем свою жизнь. Сразу же возникает наводящий вопрос, возможна ли такая архитектура, в «общении» с которой человек «оживает»?

Витальность является тем самым инструментом, который может распространяться где-то между пространством и человеком. Что же выступает движущей силой витальности? Движущими силами витальной архитектуры является связь 6 ее компонентов, а именно: архитектуры с ролью провокации; ауры и атмосферы с ролью энергетического наполнения; человека с ролью восприятия и воображения; искусства с ролью «языка»; время с ролью побуждений следствий прошлого; природы с ролью вдохновения.

Каждый компонент наделен определенной ролью, которую он выполняет с целью витализировать пространство. Все 6 компонентов индивидуальны, но сочетаемы, помимо них есть и другие, способные «оживить» городскую среду, думаю, Вам будет интересно выявить свой компонент и, возможно, будучи архитектором, применить его в своем проекте.

Давайте посмотрим, как с помощью витализации архитектура приобретает свойство «жить».

Перед тем, как приступить к первому объекту, хотелось бы отметить, что обращение

архитекторов к мемориальным темам в большинстве случаев витально, так как проживание этих чувств глубоко питает.

В Берлине на площади Бебельплац находится один из самых поразительных памятников Германии — «Утонувшая библиотека» (ил. 1). Его автор — израильский архитектор Миха Ульман. Памятник — монумент, насколько пронзительный, настолько и неприметный, ведь далеко не каждый способен заметить его в квадратном стеклянном замощении прямо под ногами. Если заглянуть в него — видна белая комната, а ней — ничего, кроме пустых книжных полок. Пустое пространство под землей передает идею потери. А свет подчеркивает идею сожжения книг, но не уничтожения света знаний. Недалеко от стеклянной плиты — табличка со словами известного поэта Генриха Гейне: «Это была лишь прелюдия, там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей» и пояснение: «В центре этой площади 10 мая 1933 года нацистские студенты сожгли сотни книг писателей, публицистов, философов и ученых. Были сожжены книги Гейне, Ремарка, Хэмингуэя, труды Эйнштейна, Зигмунда Фрейда и многие другие книги негодные нацистскому режиму. Разберем данный монумент на компоненты витальности.

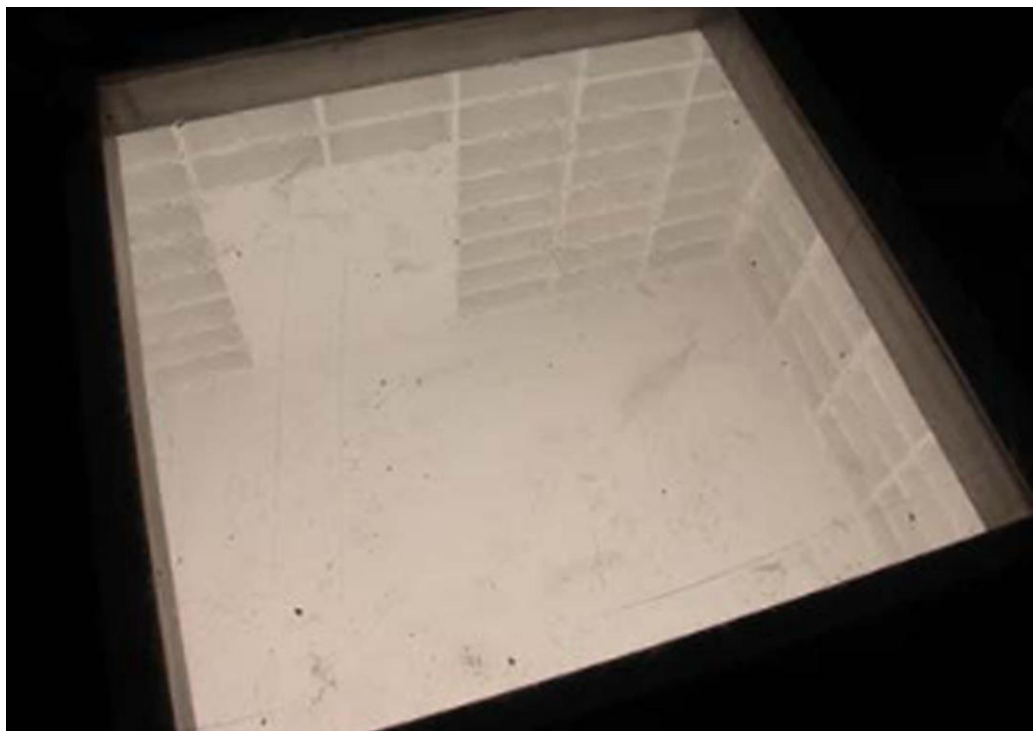
1. Роль провокации и идеи (архитектура). Провокация заложена, как в расположении, ведь именно на этой площади были сожжены книги, так и в идее с заглубленным дном, миссией которой стало заглянуть в пугающее будущее вне знаний.

2. Роль восприятия и воображения (человек). В данном примере человек способен представить уже не существующее событие, удерживая его в сознании и мысленно манипулируя им.

3. Роль побуждения следствий прошлого (время). Примечательно и ценно, что архитектура может сохранить живое наполнение по прошествии лет, данный монумент побуждает и транслирует начало ушедшего.

4. Роль энергетического наполнения (аура и атмосфера). Памятник настолько же неприметный, насколько пронзительный. Прохожий может и не заметить этого отверствия в замощении, но, все же, совершив это открытие, он будет введен в замешательство, поскольку оно глубоко завораживает своей энергией.

Разбор следующего объекта так хотелось бы начать с небольшого предисловия: Архитектор не имеет права прятаться за требования регламентов, тиражируемость коммерческих заказов может поспособствовать только к человеческому равнодушию.

Ил. 1. Versunkene Bibliothek (Утонующая библиотека) [Дутцев, 2021, с. 26.]

Fig. 1. Versunkene Bibliothek. [Dutsev, 2021, p. 26]

Второй, не менее витальный объект — «Your rainbow panorama» в Орхусе, Дания, архитектор — Олафур Эллиассон. «Твоя радужная панорама» — это стеклянная круговая панорама диаметром 52 м., расположенная на верхнем этаже музея искусств ARoS (ил. 2). Каждый, кто входит в стеклянное кольцо с крыши музея, ощущает на себе буйство оттенков и красок жизни, наблюдая за городом через все цвета радуги. Идея проекта, выполненного архитектурной студией Olafur Eliasson, заключается в заполнении разрыва между современным искусством и архитектурой, используя не единичное здание, а сразу весь город. Эффект объединения внутреннего и внешнего пространства усиливается простым солнечным светом, который проникает сквозь сложные радужные цвета стеклянной поверхности. Ночью «Your rainbow panorama» служит своеобразным маяком в городе. В данном примере представлены все 6 компонентов, разберем каждый из них.

1. Роль провокации, идеи (архитектура). Провокация в идее городского ориентирова-

ния, основанной на цвете, а не по сторонам света и азимутам.

2. Роль вдохновения (природа). Взаимодействие стекла с цветами радуги. Использование разных оттенков для каждого модуля. Проникание лучей солнца через стекло и смешение всех оттенков внутри панорамы. \

3. Роль «языка» (искусство). Настройка глаз на удивительное вокруг.

4. Роль восприятия и воображения (человек). Прием воображения в представлении цветного мира. Наблюдения за городом через все цвета радуги.

5. Роль побуждения следствий прошлого (время). Раньше главными ориентирами городов были ратуши и соборы, Олафур Элиассон предлагает избавиться от этих стереотипов и отдать приоритет вечным вещам и понятиям, к примеру, цвету.

6. Роль энергетического наполнения («аура» и атмосфера). Одушевление архитектуры и наполнение ее природными явлениями, объединение внутреннего и внешнего пространства.

Ил. 2. Your Rainbow Panorama (Твоя радужная панорама) [Дутцев, 2021, с. 16.]

Fg. 2. Your Rainbow Panorama. [Dutsev, 202, p. 16]

Следующим примером на рассмотрение, будет парк в Мошковской р-не, г. Новосибирск, Россия, владельцем которого является новосибирский предприниматель Андрей Алексеев, он является владельцем сразу трех объектов: «Парк Мира», «Мира Термы», а также «Деревня мира». Разберем один из объектов. Мира Парк расположен недалеко от коттеджного поселка Деревня Мира (ил. 3, 4). Это первый частный парк в Новосибирске, который имеет свои преимущества на фоне городских рекреационных пространств. Почему он преимуществен? Думаю, ответ на эти вопросы Вы найдете при прочтении компонентов его витальности.

1. Роль провокации, идеи (архитектура). Провокация в управлении стихиями.

2. Роль вдохновения (природа). Вдохновение теорией 5 элементов (огонь, вода, земля, дерево, металл) и 4-х стихий (огонь, земля, воздух, вода).

3. Роль «языка» (искусство). Общение с природой при взаимодействии с арт-объектами и просто прогулке по парку.

4. Роль восприятия и воображения (человек). Парк максимально приближен к естественной природе, поэтому здесь нет асфальтированных дорожек, чтобы во время прогулки человек чувствовал землю.

5. Роль энергетического наполнения ("аура и атмосфера). Парк направлен не на развлечения, а на медитацию, получение энергетического заряда.

Ил. 3. Мира Парк [Мира Парк // Мира Деревня [Электронный ресурс] URL: <https://miraderevnya.ru/infrastructure/park-complex>]

Fg. 3. Mira Park [Mira Park // Mira Derevnya URL: <https://miraderevnya.ru/infrastructure/park-complex>]

Ил. 4. Мира Парк [Мира Парк // Мира Деревня [Электронный ресурс] URL: <https://miraderevnya.ru/infrastructure/park-complex>]

Fig. 4. Mira Park [Mira Park // Mira Derevnnya URL: <https://miraderevnya.ru/infrastructure/park-complex>]

Полученные результаты, исследование. Для оценки ситуации был проведен опрос среди жителей г. Новосибирск и людей, кто когда-либо прибывал в этом городе. Вопрос звучал следующим образом: «Какие эмоции у Вас вызывает городская среда Новосибирска от 1 до 10, где 1 — апатия, депрессия, 10 — позитив, вдохновение?». Результат не вызвал особого удивления. Итог: 4,2 из 10, но, тем не менее, именно он навел на мысль продолжать делать более глубокий анализ с попытками разобраться, что мы — архитекторы, должны поменять для того, чтобы реализованные объекты были в контексте своего окружения и включали в себя факторы, способные оживить «бетонную коробку». Конечно же, речь не идет о пестрящих фасадах с яркой подсветкой, чтобы вызвать какую-либо эмоцию у человека, есть множество других, более рациональных и гуманных способов оживить фасад, сделать его гармоничным и спокойным, живым и наполненным, один из таких способов — взаимодействовать архитектуру с компонентами витальности.

Выводы. Витальное пространство формирует не только облик города, но и сознание человека, понимание о прекрасном и важном. Коммерческую или типовую застройку редко можно назвать вызывающей подъем жизненных сил. Именно поэтому на помощь приходит такое понятие, как витальное пространство, способное дать новую жизнь городской застройке. Конечно же, это работа не только архитектора, но и человека, его желание быть живым и наполненным. Тем не менее, следует закрепить посылы витальности в городской среде: 1) противостояние омертвлению среды; 2) возвышение, сакрализация, символизация; 3) умно-

жение реальностей, доступное для понимания человека; 4) вызов, творческое «хулиганство»; 5) абсолютное доверие.

Список литературы

1. Белоголовский В. «Архитектура должна пылать!» Беседа с Аароном Бецки // Архитектурный вестник. 2006. № 2 (89). [Электронный ресурс] URL: <http://archi.ru/press/russia/3209/arkhitektura-dolzha-pylatbeseda-s-aaronom-becki>.

2. Бёме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики. // Metamodern. 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics>.

3. Дутцев М.В. Архитектурная среда. Витальное измерение. // Художественная культура. 2021. № 2. С. 8–37.

References

1. Belogolovskiy V. "Arkhitectura dolzhna pylat!" Beseda s Aaronom Betski ["Architecture must burn!" Conversation with Aaron Betsky]. In: Arkhitekturnyy vestnik. 2006. No. 2 (89). URL: <http://archi.ru/press/russia/3209/arkhitektura-dolzha-pylatbeseda-s-aaronom-becki>.

2. Bome G. "Atmosfera" kak fundamental'noye ponyatiye novoy estetiki. ["Atmosphere" as a fundamental concept of the new aesthetics]. Metamodern. 2018. URL: <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics>.

3. Dutsev M.V. Arkhitekturnaya sreda. Vital'noye izmereniye. [Architectural environment. Vital dimension]. In: Khudozhestvennaya kul'tura. 2021. No. 2. Pp. 8–37.

Материал передан в редакцию 29.05.2022

М.А. Целищева

Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтая» (Барнаул)
ул. 80 Гв. дивизии, 14, г. Барнаул, Россия, 656037
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

**Памятник деревянного зодчества в Барнауле — пример общественного здания
начала XX века в формах эклектики с элементами модерна:
история и современное использование**

Аннотация

В данной статье автор рассказывает о деревянном здании, построенном женой коллежского секретаря Э.К. Лури в 1903 г. для офицерского клуба Барнаульского батальона. В дальнейшем в нем сменилось несколько пользователей, таких как женская гимназия, советская школа, с 1943 г. здание занимали различные советские учреждения. За годы эксплуатации оно претерпело изменение — угловой эркер были увеличены до двух этажей, который был завершён большим шлемовидным куполом, произведён ряд перепланировок, включающих частичный демонтаж конструкций стен, закладку проёмов, возведение новых перегородок. В 1996 г. пожаром уничтожена крыша, был нанесён ущерб внешнему и внутреннему облику здания. В результате кровельных работ купол потерял первоначальный вид. Полностью сгорел декор окон дворового фасада, находящихся на углу здания. Является примером общественного здания нач. XX в., памятником деревянного зодчества в формах эклектики с элементами модерна, имеет обильный резной декор, отличается выразительностью силуэта и имеет важное градостроительное значение.

Ключевые слова: общественное здание, женская гимназия, школа, деревянное зодчество, памятник архитектуры, объект культурного наследия

М.А. Tselishcheva

Altai regional local history non-government organization
"Altai Heritage" (Barnaul)
656037, Russia, Barnaul, st. 80 Gvardeiskoj divizii, 14
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

**A monument of wooden architecture in Barnaul as an example of a public building of
the early 20th century in the forms of eclecticism with elements of Art Nouveau:
history and modern use**

Abstract

In this article, the author speaks about a wooden building built by the wife of college secretary Emma Luri in 1903 for the Barnaul battalion officer's club. Subsequently, several users changed in it, such as a female gymnasium, a Soviet school, and since 1943 various Soviet institutions were located in the building. Over the years of service, it underwent a change — the corner bay window was increased to two floors, which was completed with a large helmet-shaped dome; a number of redevelopments were made, including a partial dismantling of wall structures, laying openings, and the construction of new partitions. In 1996, a fire destroyed the roof. The damage was caused to the exterior and interior of the building. As a result of roofing work, the dome lost its original appearance. The decoration of the courtyard facade windows, located on the corner of the building, completely burned down. It is an example of a public building of the beginning of the 20th century, a monument of wooden architecture in the forms of eclecticism with elements of Art Nouveau. It has abundant carved decoration, is distinguished by the expressiveness of a silhouette, and is of important urban planning importance.

Keywords: public building, female gymnasium, school, wooden architecture, architectural monument, cultural heritage object

Введение. Деревянное зодчество — яркая страница в архитектурной летописи Барнаула. В городе сохранился ряд деревянных зданий конца XIX—начала XX вв., многие из которых обладают архитектурно-художественной ценностью. Постройки более раннего периода до

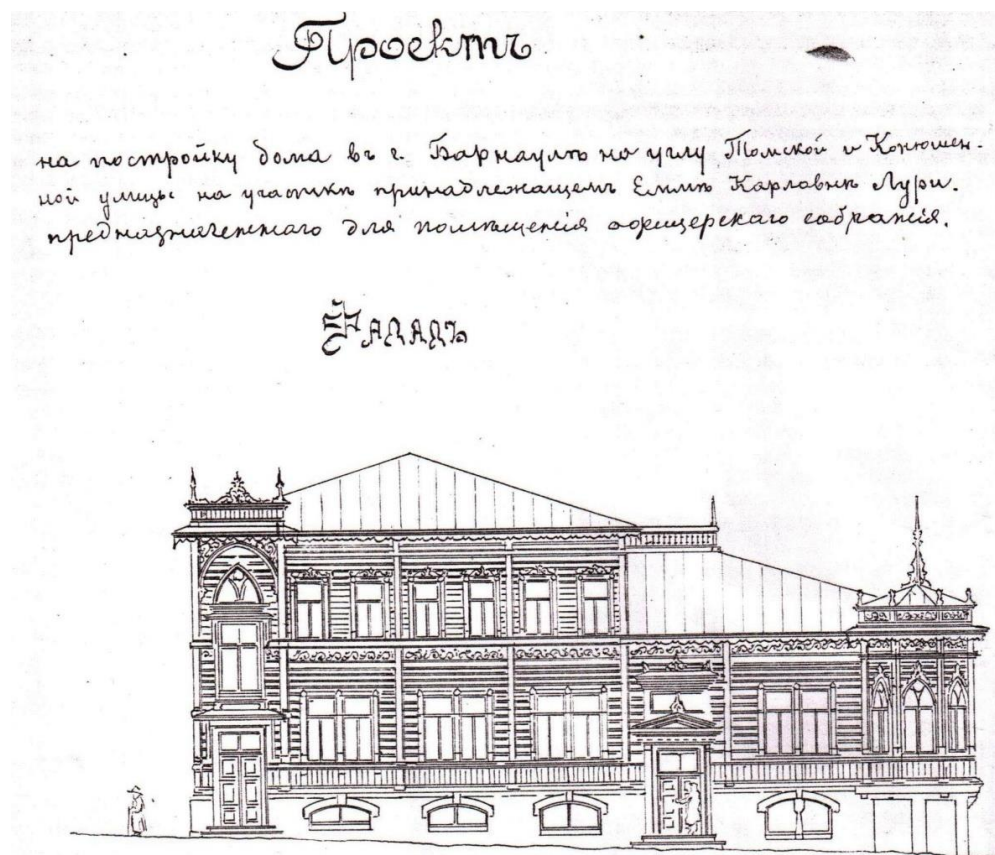
нас не дошли. Причиной тому были частые пожары и недолговечность древесины как строительного материала. Барнаул, став к концу XIX в. крупным торговым центром Западной Сибири, интенсивно застраивался не только каменными зданиями. Торговые дома, богатые особняки, исполненные в дереве, быстро появлялись на центральных улицах города.

Среди деревянных зданий этого периода можно выделить несколько типов. Наиболее распространен тип жилого дома-особняка, но встречаются и доходные дома, предназначенные для сдачи в наем, особый интерес представляют общественные здания и учебные заведения. Они выделяются в окружающей застройке своими крупными формами, богатством и своеобразием декора [Памятники архитектуры..., 1982, с.98-99]. XX в. принес в деревянную архитектуру Барнаула веяние новых исканий, выразившихся, в частности, в стиле модерн. В местной архитектуре модерн проявился со многими его характерными признаками. Это выразилось в усложнении объемной композиции, в асимметричной планировке, в сложных очертаниях фронтонов и оконных переплетов.

Полученные результаты и их обсуждение. Деревянное двухэтажное на цокольном

этаже здание сложное в плане расположено в исторической части города на пересечении улицы Короленко (до 1921 г. — ул. Томская) и проспекта Красноармейского (до 1921 — пер. Конюшенный), оформляет угол квартала [Памятники..., 2012, с. 49–50].

Земельный участок на углу Томской улицы и Конюшенного переулка был куплен семьей Лури по купчей, утвержденной барнаульским нотариусом Вселовским 15 февраля 1901 г. и старшим нотариусом О.С. Томской 30 июня 1901 г. (№ 71) [ГААК, Ф.69. Оп.1. Д.528. Л.2]. 1 мая 1903 г. жена коллежского секретаря Эмма Карловна Лури обратилась к Томскому губернатору с прошением разрешить построить здание в г. Барнауле на принадлежащем ей участке земли на углу Томской улицы и Конюшенного переулка. В здании предполагалось отвести помещения под офицерский клуб Барнаульского батальона. К прошению прилагался план здания. 3 мая 1903 г. проект плана был рассмотрен и одобрен Строительным отделением Томского губернского Управления. Здание было построено деревянным, с полуподвалом, на каменном фундаменте, частично двухэтажным, угловая часть здания была выполнена в один этаж [ГААК, Ф.31. Оп.1. Д.176. Л.1] (ил. 1).

Ил. 1. Проект плана постройки дома. 1903 г. г. Барнаул, пер. Конюшенный/ул. Томская. ГААК, Ф.31. Оп.1. Д.176.

Fig.1. Draft construction plan of the house. Photo of 1903. Barnaul, per. Konyushennyi/ul. Tomskaya. Altai Krai State Archive, F.31. Op.1. D.176

Но первоначальные планы по размещению в доме офицерского клуба изменились. Построенное здание семья коллежского секретаря Лури сдала в аренду вновь открытому частному заведению М.Ф. Будкевич (ил. 2). Попечитель Западно-Сибирского учебного округа 2 января 1904 г. (№ 15) разрешил жене потомственного дворянина Марии Будкевич открыть в г. Барнауле подготовительный класс по программе первых трех классов

гимназии и реальных училищ на 25–30 человек, в приспособленном для того помещении.

В классе разрешалось преподавать латинский язык и новые языки. Плата за обучение устанавливалась 10 рублей в месяц [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.38. Л.6] (ил. 3). Большие светлые помещения дома как нельзя лучше подходили под классы учебного заведения.

Ил. 2. Женская гимназия Будкевич. г. Барнаул, пер. Конюшенный/ул. Томская. Фото нач. XX в. Из архива НПЦ «Наследие»

Fg.2. Budkevich Women's Gymnasium. Barnaul, per. Konyushennyi/ul. Tomskaya. Photo of the beginning of the 20th century. From the archive of the NPTs Nasledie

Ил. 3. Женская гимназия Будкевич. г. Барнаул, пер. Конюшенный/ул. Томская. Фото нач. XX в. Из архива НПЦ «Наследие»

Fg. 3. Budkevich Women's Gymnasium. Barnaul, per. Konyushennyi/ul. Tomskaya. Photo of the beginning of the 20th century. From the archive of the NPTs Nasledie

Из памятной книги Томской губернии за 1905 г. мы можем узнать, что частное учебное заведение третьего разряда (приготовительный класс, смешанный) госпожи Будкевич в г. Барнауле было открыто 15 января 1904 г.

Всего учащихся было 86 чел., из них 51 мальчик и 35 девочек [Памятная книжка., 1908, с. 205]. 10 сентября 1905 г. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа предоставил этим классам права частного учебного

заведения первого разряда. С 1908 г. частное учебное заведение было приравнено правами к казенным гимназиям. Все дела по управлению гимназией были переданы Попечительному Совету. Начальницей гимназии была избрана Мария Флегонтовна Будкевич. 25 августа 1908 г. на очередном собрании барнаульской городской Думы было рассмотрено ходатайство Попечительского Совета женской гимназии М.Ф. Будкевич о назначении от города ежегодной субсидии, считая с 1 августа 1908 г. в три тысячи рублей на нужды гимназии. За три года существования гимназия давала ежегодный убыток, взносов платы за право учения не хватало на покрытие расходов, которые увеличивались еще и высокою платою за аренду здания, так как собственного гимназия не имела.

В 1909 г. хозяева здания предполагали провести ремонт, поэтому в дальнейшем арендная плата должна была значительно повыситься. Попечительский Совет напомнил, что в гимназии обучается триста человек учащихся, в числе которых большинство дочери жителей г. Барнаула, причем дети неимущих родителей обучаются бесплатно. На их обучение приходится изыскивать особые средства, прибегая к нежелательной и унижающей учебное заведение подписке. Судя по сохранившимся архивным документам, 2 женская гимназия была довольно популярным учебным заведением города. Так, 12 августа 1908 г. Попечительский Совет гимназии сообщил, что всего учениц в 1907/1908 учебном году обучалось 321 чел., из них дочерей дворян — 38, духовного звания — 25, мещан — 217, крестьян — 35. Из всех учащихся жителей города Барнаула — 254 чел., иногородних — 67 чел. Из общего количества учениц обучалось бесплатно 22 чел. на сумму 1380 руб. Кроме того, была внесена плата из благотворительных сумм (от спектаклей и пожертвований) за право обучения 18 беднейших воспитанниц в размере 588,5 руб.

Представляя решение данного вопроса о выделении ежегодной субсидии гимназии барнаульской Думе, городская Управа полагала, что назначение субсидии следует обусловить еще и открытием 8 класса гимназии, чтобы учащиеся в ней могли закончить свое образование, не переходя для этого в другие гимназии и что выдача субсидии на 1908/1909 учебный год может быть сделана по общей городской смете будущего 1909 г. Обсудив доклад Управы, гласные Думы высказались за необходимость субсидирования гимназии Будкевич в сумме 2000 руб. ежегодно, начиная с 1908 г. [ГААК, Ф.51. Оп.1. Д.7. Л.255–256]. В 1909 г. содержание по должности начальницы гимназии Марии Будкевич было определено также в 2000 руб. и за уроки чистописания — 180 руб., итого — 2180 руб. в год [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.38. Л.1]. Из личного

дела М.Ф. Будкевич, составленного в сентябре 1909 г., значително, что Мария Флегонтовна Будкевич, урожденная Шалабанова, 48 лет, православная, дочь диакона. Родилась 8 марта 1861 г. Замужем за дворянином Эдуардом Юлиановичем Будкевич. Имеет четверых детей. В июне 1879 г. Будкевич закончила курс Томской Мариинской женской гимназии. Затем выслушала специальный педагогический курс при той же гимназии, о чем получила свидетельство 1 августа 1880 г. Ей было присвоено звание домашней учительницы, с правом преподавать математику [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.38. Л.1-2, 10]. Представителем от городской Думы в Попечительский Совет гимназии был избран гласный Думы Степан Ильич Зудилов [ГААК, Ф.51. Оп.1. Д.8. Л.515].

Внеклассная работа в гимназии велась достаточно активно. Ежегодно проводились вечера, неотъемлемой частью которых были театральные постановки, подготовленные гимназистками. В связи с постоянной нехваткой классных комнат из-за возрастающего количества учениц в гимназии встал вопрос о расширении здания за счет надстройки части второго этажа. Для этой цели был создан «Комитет по постройке здания женской гимназии, учрежденной М.Ф. Будкевич». Часть денег на строительство гимназия собирала за счет проведения базаров и вечеров. Свои помещения гимназия неоднократно предоставляла другим учреждениям [Жизнь Алтая, 1911, с. 1].

В 1912 г. первоначальный объем здания был изменен. Часть здания, угловой эркер были увеличены до двух этажей. Эркер был завершен большим шлемовидным куполом. Здание приобрело более выразительный и законченный вид. В этот год в гимназии обучалось 282 ученицы, преподавателей было 16 человек. В 1916 г. в гимназии обучалось уже 376 учениц [Костенков, 2000, с. 77]. В этом же году на содержание по должности начальницы гимназии Марии Будкевич было назначено 1500 руб. и за уроки чистописания — 345 руб. Всего она получала в год 1845 руб. и ей была предоставлена казенная квартира [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.38. Л.3]. В это время в гимназии преподавали следующие предметы — словесность, математику, естественную историю, арифметику, русский язык, французский и немецкий языки, историю, географию, рукоделие, рисование и Закон Божий. Также в гимназии работали классные надзиратели, следившие за дисциплиной и порядком, учителя приготовительных классов и врач [Памятная книжка.., 1916, с. 191–194]. В 1917 г. в здании гимназии часто проходили собрания разных организаций. В мае 1918 г. Алтайское художественное общество организовало в гимназии М.Ф. Будкевич первую выставку картин. В выставке приняли участие художники г. Томска и других городов [Барнаул: летопись.., 1994,

с. 175]. В октябре 1918 г. М.Ф. Будкевич бесплатно предоставила Народной консерватории один класс в здании гимназии. [Барнаул: летопись..., 1994, с. 177].

В связи приказом отдела народного образования 11 ноября 1918 г. на собрании сотрудников гимназии был поставлен вопрос о выборе начальницы второй Барнаульской женской гимназии. Коллектив единогласно избрал начальницей Марию Флегонтовну Будкевич, председателем Педагогического Совета был избран Леонид Иванович Шумиловский, редактор газеты «Жизнь Алтая» [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.4. Л.5].

В 1918 г. умирает Э.К. Лури, и по составленному ею завещанию все недвижимое имущество, состоящее из трех усадебных участков в г. Барнауле, перешло к ее мужу Евгению Дмитриевичу Лури. В документе было указано в том числе и имущество на углу пер. Конюшенного и ул. Томской, 80 и 82 — участок земли с постройками, который был оценен в 70,0 тыс. руб. Из инвентарной книги недвижимых имуществ по г. Барнаулу за 1918 г. мы можем узнать, что по ул. Томской, 80/82 находилось следующее имущество Лури — деревянный дом одноэтажный, дом трехэтажный, службы, навес и лавка [ГААК, Ф.51. Оп.2. Д.358. Л.222об]. 28 октября 1918 г. М.Ф. Будкевич была избрана в состав гласных городской Думы [ГААК, Ф.51. Оп.2. Д.9. Л.79]. За первое полугодие 1919 г. Е.Д. Лури заплатили за помещения гимназии арендной платы в сумме 3000 руб. [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.46. Л.124]. 5 июля 1919 г. за ремонт печей в помещениях гимназии П.А. Пучкову заплатили 400 руб. 14 августа 1919 г. тому же Пучкову в уплату за исправление фундамента здания и трубы выдали 1000 руб. [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.46. Л.34]. В 1919 г. часть помещений гимназии были заняты под офицерские квартиры. В 1919–1920 гг. в здании размещался полк голубых уланов [ГААК, Ф.Р-14. Оп.1. Д.4. Л.90]. 10 января 1920 г. гимназии было предложено заполнить форму для получения сведений по учебному заведению. Из составленного документа вытекало следующее: 2 женская гимназия, учрежденная М.Ф. Будкевич, расположена по адресу: улица Томская, 82. Преобразована в гимназию в 1907 г. Имеет классов: 8 нормальных, 3 параллельных, 2 приготовительных. Гимназия женская, приготовительные классы — смешанные. Служащих в гимназии — 29, из них администрации — 2, учителей — 18, классных наставников — 4, канцеляристов — 2, сторожей — 3. Учебная библиотека составляет 1345 томов, учебная — 2331 томов. Здание наемное, имеется три классных комнаты, а также есть проходные классы. В помещениях тесно, они не удовлетворяют требованиям гигиены. При здании есть огород и сад. Гимназия имеет фонд детей георгиевских кавалеров, он

составляет — 1031,45 руб., а также строительный фонд в сумме 798,68 руб. [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.7. Л.3-4].

В это время в гимназии преподавали широкий круг дисциплин: математику, физику, естественную историю, историю, географию, французский и немецкий языки, латинский язык, педагогику, психологию, социологию, рисование, рукоделие и пение, чистописание вела М.Ф. Будкевич [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.46. Л.58-59]. 24 января 1920 г. по приказу № 1 Алтайского губернского отдела народного образования в виду существования в городе тифозной эпидемии и крайне антисанитарных условий школьной жизни, все учебные заведения в г. Барнауле были закрыты, а занятия в них временно приостановлены [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.3. Л.1]. В это время в пустующих помещениях гимназии проходили различные собрания. Так, из газеты «Алтайский коммунист» можно узнать, что «в воскресенье 25 января 1920 г. в помещении 2 женской гимназии Будкевич в 2 часа дня состоится собрание членов культурно-просветительного кружка учащихся».

В этой же газете был опубликован приказ № 3 мобилизационной комиссии при Алтайском губернском отделе народного образования следующего содержания: «Всем педагогам всех учебных заведений г. Барнаула, а так же лицам, считающим себя годными для педагогической работы явиться в понедельник 26 января в 6 часов вечера, без всякого опоздания, в здание 2 женской гимназии, угол Конюшенного и Томской» [ГААК, Ф.Р-593. Оп.6. Д.2. Л.33]. В феврале 1920 г. занятия в гимназии ненадолго возобновились. Теперь она называлась 16 советская школа 1 ступени (М.Ф. Будкевич) [ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.3. Л.10]. В 1920 г. здание было национализировано. В списках национализированных домов под № 48 указан владелец — Э.К. Лури, ул. Томская, 80 и 82. Было перечислено следующее имущество: дом трехэтажный, дом одноэтажный, амбары, конюшня, уборная, лавка деревянная. Причина национализации — крупновладелец и владелец отсутствует [ГААК, Ф.Р-10. Оп.2. Д.8. Л.26].

В этом же году в газете появилось сообщение, что 9 сентября 1920 г. умерла Мария Флегонтовна Будкевич, заведующая 16 советской школой [Красный Алтай, 1920, с.4]. По сведениям справочного бюро, в ноябре 1920 г. в здании размещался военно-санитарный отдел Алтайского губисполкома [ГААК, Ф.Р-10. Оп.5. Д.9. Л.20-21]. Из составленного сводного листа всех советских учреждений, предприятий и организаций, находящихся в г. Барнауле за 1921 г., мы знаем, что в бывшем доме Лури в это время размещался Военно-санитарный п/отдел отдела Здравоохранения (губисполком) и заразный барак № 1 [ГААК, Ф.Р-12. Оп.2. Д.202. Л.103].

В этот период в доме, по данным технико-строительной части жилищного подотдела Губернского коммунального отдела, был проведен мелочный ремонт, а именно ремонт перегородок, окон, дверей, побелка помещений [ГААК, Ф.Р-14. Оп.1. Д.93. Л.93]. 19 июня 1922 г. на заседании Губернского отдела народного образования рассматривался вопрос о закреплении за отделом зданий и помещений для своих учреждений. В одноэтажном здании по ул. Томской, 80 была размещена школа № 8, а помещения в здании бывшей гимназии Будкевич (ул. Томская, 82) были дополнительно отведены под детские дома № 11 и № 12 [ГААК, Ф.Р-141. Оп.1. Д.58. Л.108].

В 1923 г. 1 советская школа, размещенная в бывшей гимназии, носила имя Калинина, в ней работало 12 рабочих и служащих, а в детском доме № 10 работало 19 человек [ГААК, Ф.Р-12. Оп.2. Д.528. Л.90, 90об.]. В начале 1924 г. в здании размещалась школа с трехлетним обучением [ГААК, Ф.Р-10. Оп.1. Д.298. Л.127]. В 1925 г. в здании размещались 1 советская школа (заведующий Ф.О. Присунько) и 6 советская школа (заведующий Н.И. Скоморохов) [Вся Сибирь..., 1925, с. 311]. В этом же году был составлен список национализированных строений по Барнаульскому округу согласно декрета ВЦИК и СНК от 30.11.1925 г., где был указан и объект по ул. Короленко, 82 — дом трехэтажный деревянный, жилая площадь — 993,33 м² [ГААК, Ф.Р-102. Оп.1. Д.155. Л.16].

На 1 января 1926 г. в здании находилась только 1 советская школа [ГААК, Ф.Р-312. Оп.3. Д.349. Л.1]. В апреле 1926 г. комиссия по осмотру и выявлению необходимого ремонта в зданиях школ и детдомов Барнаула, в здании школы № 1 по ул. Томской (ул. Короленко, 82) нашла следующее — необходимо было провести капитальный ремонт 10 печей и вьюшек к 19 печам, покрасить окна, двери, с подстругкой и перевеской некоторых из них, покрасить пол, отремонтировать, оштукатурить и побелить помещения. В уборной сделать лоток. На ремонт, по мнению членов комиссии, потребуется до 1200 руб. [ГААК, Ф.Р-312. Оп.3. Д.349. Л.9]. Из списка домовладений городского коммунального хозяйства списанных за национализацией по книгам бухгалтерии за 1926–1927 гг. по адресу: улица Короленко 80/82 значится: школа, забор, навес, 2 амбара, парикмахерская, погреб, ворота. Это имущество было оценено в 58 805 руб. [ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.144. Л.100]. В акте по обследованию коммунальных домов от 19 июня 1928 г. было отмечено, что по смете определен ремонт здания по ул. Короленко, 82 на сумму 328,69 руб. Комиссия отмечала, что смету следует пересмотреть в

сторону увеличения, так как требуется произвести частичный ремонт печей [ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.141. Л.2]. В итоге ремонт здания обошелся в 454,76 руб. [ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.85. Л.91]. В 1928/1929 гг. бывший дом Лури был оценен в 5435 руб. [ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.174. Л.92]. Из регистрационной карточки от 19.05.1948 г. мы можем узнать, что с 1943 г. часть помещений в здании занимало Алтайское отделение «Главвторчермет» (пр. Красноармейский, 14). Деятельность — заготовка, переработка и сбыт вторичных черных металлов. С 16 мая 1951 г. — Алтайское краевое производственно-заготовительное управление «Главвторчермет» [ГААК, Ф.Р-784. Оп.2. Д.118. Л.234].

В дальнейшем в здании находились разные организации. Это и женская школа № 8 — десятилетка, и отделы института по проектированию сельскохозяйственного строительства и института «Алтайэлеваторстрой», институт усовершенствования учителей и др. В соответствии с распоряжением крайисполкома от 05.08.1974 (№ 557-п) краевому Совету общества «Автомotoлюбителей» было выделено помещение в доме по ул. Короленко, 96 для размещения школы. Более тридцати лет первый этаж и подвал занимал краевой Совет автомобилистов. В 1975 г. Горисполком своим постановлением от 26.02.1975 г. (№ 126) обязал заведующего городским отделом народного образования (горОНО) А.Г. Громова передать дом по ул. Короленко, 96 с надворными постройками с баланса горОНО на баланс краевому Совету общества «Автомotoлюбителей». На момент передачи в здании существовала печная система отопления, которая устарела и не обеспечивала надлежащей подачи тепла. Поэтому с разрешения Горисполкома автошкола приняла решение переоборудовать печное отопление под местное отопление от собственной котельной, сделать подвод воды и систему канализации.

В 1985 г. исполнительный комитет Центрального районного Совета народных депутатов от 18.06.1985 г. (№ 99/2) разрешил Краевой автошколе Алтайского краевого добровольного общества автомобилистов построить во дворе школы гараж для стоянки учебных автомобилей. В этом же году в письме председателю краевого Совета автолюбителей ВДОАМ от 28.03.1985 г. (№ 20) Крайисполком сообщил, что не возражает о возврате служебного помещения автошколы по ул. Короленко, 96 после освобождения его институтом «Алтайколхозпроект».

В 1989 г. здание поставили на государственную охрану как памятник архитектуры. На момент постановки на гос. учет в здании находилась краевая автошкола (ил. 4).

Ил. 4. Общий вид. г. Барнаул, пр. Красноармейский, 14/ул. Короленко, 96. Фото 1988 г. Из архива НПЦ «Наследие»

Fg.4. General view. Barnaul, pr. Krasnoarmeyskii, 14 / ul. Korolenko, 96. Photo of 1988. From the archive of the NPTs Nasledie.

В 1993 г. был составлен технический паспорт БТИ на здание и пристройки, находящиеся во дворе, где было отмечено, что кроме гаража, построенного в 1989 г. подрядчиком ХРУ «Дорстройтрест», одна пристройка из кирпича была построена в 1979 г., а вторая — в 1990 г. По зданию было отмечено следующее: фундамент — кирпичный, ленточный, имеет сквозные трещины. Стены — бревенчатые, имеются опасные деформации. Перегородки — тесовые, имеют повреждения. Перекрытия чердачные деревянные и перекрытия межэтажные (отепленные), наблюдается отставание штукатурки. Железная крыша имеет протечки. Полы дощатые крашенные — местами сгнили. Проемы оконные двойные створные и филенчатые двери — разошлись, покособились. Внутренняя отделка — оштукатурено, побелено, наблюдалось отставание штукатурки.

Распоряжением комитета по управлению государственным имуществом администрации Алтайского края от 16.05.1996 г. (№ 212) объект по пр. Красноармейскому, 14/ул. Короленко, 96 был передан в оперативное управление Научно-производственному центру «Наследие». Так же, как и сто лет назад, помещения сдавались в аренду различным организациям. В 1996 г. пожар уничтожил крышу, нанес ущерб внешнему и внутреннему облику здания. В результате кровельных работ купол потерял первоначальный вид (изменены пропорции, утрачено яблоко), слуховые окна, декорированные первоначально резьбой, отсут-

ствуют. Исчезла так же резьба над козырьками окон первого этажа, ее остатки есть на дворовых фасадах. Полностью сгорел декор окон дворового фасада, находящихся на углу здания. В феврале 1999 г. сотрудниками центра «Наследие» при обследовании здания было отмечено, что отопительная система в здании находится в неисправном состоянии: разводка проходит по всем помещениям, но почти все приборы отопления (радиаторы) отрезаны в 1996 г. Имеется один радиатор в угловом помещении, степень нагрева которого очень низкая.

В ноябре 1999 г. была создана комиссия, которая пришла к выводу, что обрушение перекрытия в сан. узлах 2 этажа произошло в результате сплошного прогнивания балок перекрытия, полов и подшивки потолка по причине постоянного замачивания от протечки смывного бачка и расширительного бака, установленного на крыше в системе отопления. Восстановление обрушенного участка перекрытия необходимо было выполнить по проекту, представленному специалистами НПЦ «Наследие». В 1999 г. осмотрев здание, сотрудники НПЦ «Наследие» составили акт технического состояния, в котором отметили следующее: цоколь — кирпичный имеет окна с клинчатыми перемычками, часть из которых забита; цокольный этаж затапливается грунтовыми водами, отмосткой по главным фасадам является пешеходная часть улиц — асфальт, по дворовым фасадам — бетонная. Стены — бревен-

чатые, наружный слой древесины имеет трещины и разрушения; по северному фасаду поражение бревен достигает до 1/3 сечения; в учебном классе первого этажа имелись вертикальные стяжки венцов; наружный тамбур деформирован и перекошен. Состояние стропильной системы неудовлетворительное (после пожара 1996 г. обрешетка и металлическая кровля были заменены на 100%, стропильная система протезирована, часть конструкций — обуглена). Шатер в неудовлетворительном состоянии: конструкции обуглены, декор утрачен до 60%. На момент осмотра наблюдалось более 50% утрат декора; карнизы частично обгорели, местами были поражены гнилью или подшиты досками, дисгармонирующими со зданием в целом. Внутренние перегородки дощатые, частично деформированы. Отделка: обшивка — ДВП, обои, двери первоначальные филенчатые и современные. По потолку лестничной клетки и вестибюля автошколы имелись штукатурные тяги, были частично разрушены. Лестницы первого этажа — деревянные. Имелся внутренний двор, где находились бревенчатые хозпостройки начала века и гаражи из силикатного кирпича, двор был огорожен по ул. Короленко металлической сварной оградой, по пр. Красноармейскому — деревянный окрашенный забор. В заключении специалисты центра рекомендовали провести в 2000 г. ремонт крыши с восстановлением декора, ремонт фасадов и наружного тамбура с восстановлением утраченных элементов, ремонт коридоров и перекрытий лестничной клетки [Акт..., 1999].

Ежегодно центром вкладывались значительные суммы денег на поддержание здания в надлежащем виде. Деревянные лестницы первого этажа (помещения автошколы) были отремонтированы в 1999 г. Ремонтные работы, выполненные ООО «Висла» в 1999–2000 гг. по

чертежам НПЦ «Наследие», включали следующие виды работ: замена деревянных перекрытий внутри здания на монолитные железобетонные; устройство стального каркаса для усиления деревянных стен, балок перекрытия со сварными и болтовыми соединениями; замена и протезирование стропильной деревянной системы над зданием; отделочные работы с использованием листовых материалов (ШКЛ, ДВП, ДСП), штукатурные, малярные работы; ремонт и покраска кровли из черной кровельной стали по сплошной обрешетке. Работы были выполнены согласно проекту, с хорошим качеством в установленные сроки.

В 2001 г. в здании были проведены мероприятия по устранению аварийной ситуации: замена рухнувшего участка перекрытия, усиление аварийных участков деревянных перекрытий 2 этажа, укрепление участков внутренних бревенчатых стен, усиление стены северного фасада. А также мероприятия по реставрации фасадов: частичная замена оконных блоков; реставрация тамбура входа с пр. Красноармейского. Сумма затрат по смете составила 360,7 тыс. руб. В 2002 г. специалистами НПЦ «Наследие» были выполнены обмерные чертежи, инженерное заключение и реставрационные работы по цокольному этажу. В 2003–2005 гг. — выполнен рабочий проект реставрации, цветовое решение фасада до надстройки второго этажа, продолжение реставрационных мероприятий в соответствии с принятыми проектными решениями, в т.ч. в 2003 г. — проект ремонта отопления, водопровода, канализации и вентиляции [ГААК, Ф.Р-1849. Оп.1. Д.660] (ил. 5), в 2004 г. — проект наружного (дворового) ливневого водостока и внутреннего пластикового дренажа, а также было выполнено цветовое решение фасада в современном виде [ГААК, Ф.Р-1849. Оп.1. Д.705] (ил. 6).

Ил. 5. Цветовое решение юго-западного фасада. г. Барнаул, пр. Красноармейский, 14/ул. Короленко, 96. НПЦ «Наследие», арх. Е. Шаповаленко, 2003 г. Из архива НПЦ «Наследие»

Fig. 5. The color scheme of the southwestern facade. Barnaul, pr. Krasnoarmeyskii, 14 / ul. Korolenko, 96. NPTs Nasledie, designed by E. Shapovalenko, 2003. From the archive of the NPTs Nasledie

Ил.6. Цветовое решение юго-западного фасада. г. Барнаул, пр. Красноармейский, 14/ул. Короленко, 96. НПЦ «Наследие», арх. Е. Шаповаленко, 2004 г. Из архива НПЦ «Наследие»

Fg.6. The color scheme of the southwestern facade. Barnaul, pr. Krasnoarmeyskii, 14 / ul. Korolenko, 96. NPTs Nasledie, designed by E. Shapovalenko, 2004. From the archive of the NPTs Nasledie

Постановлением администрации города Барнаула от 31.12.2004 (№ 4183) зданию была определена площадь земельного участка в размере 0,2525 га (кадастровый № 22:63:050138:0019). В 2005 г. при обследовании здания специалисты НПЦ «Наследие» в составленном ими акте отметили, что объект эксплуатируют несколько организаций (арендаторов), в здании произведен ряд перепланировок, включающих частичный демонтаж конструкций стен, закладку проемов, возведение новых перегородок. Конструкции сруба в процессе эксплуатации здания неоднократно усиливались деревянными и металлическими стяжками. Уровень земли (культурный слой) вырос более 0,5 метра, большая часть цокольных помещений находится в аварийном состоянии. Деревянный декор фасадов имел большой процент утрат. На момент составления акта технического состояния здание в целом сохранило свой первоначальный вид. Специалисты рекомендовали провести ремонт и покраску крыши [Акт., 2005].

В 2006 г. в здании находилось шесть арендаторов. В 2010 г. специалисты НПЦ «Наследие» выполнили инженерное заключение [ГААК, Ф.Р-1849. Оп.1. Д.855].

В 2009 г. НПЦ «Наследие» заключило с Алтайской краевой творческой общественной организации народных ремесленников «Город мастеров» договор безвозмездного пользования (№ А09Б-040 от 14.10.2009) на неопределенный срок, на площадь 259,57 м². В 2013 г. сотрудники НПЦ «Наследие» обследовав объект, составили акт технического состояния здания, где было отмечено, что здание распо-

ложено в старой части города на пересечении улицы Короленко и проспекта Красноармейского, оформляет угол квартала.

Деревянное двухэтажное здание с кирпичным полуподвалом, Г-образное в плане имеет угловую композицию фасадов. Акцентом является южный угол, выходящий на перекресток улиц, в уровне первого и второго этажей выделен восьмигранным эркером. Входы в здание осуществляются с красной линии проспекта Красноармейского. Лестничная клетка, устроенная по левому флангу, соединяет два этажа. Вход в центральной части фасада организован только в помещении первого и цокольного этажа. В помещении цокольного этажа устроены дополнительные входы со стороны дворовых (северо-западного и северо-восточного) фасадов. Стены бревенчатые, рублены без остатка, «в лапу». Второй этаж угловой части по дворовому фасаду имеет вертикальные стяжки венцов. Перекрытия деревянные. Крыша чердачная, покрытие — листовая кровельная сталь, водосток организован. Стены цокольного этажа из красного кирпича лицевой кладки. Здание имеет угловую композицию фасадов, его южный угол выходит на перекресток улиц, в уровне первого и второго этажей выделен восьмигранным эркером со стрельчатыми окнами, завершенным восьмигранной епанчой, увенчанной барабаном с луковичной главкой и шпилем. Стены здания венчает выступающий резной карниз с подзором. Под окнами первого этажа северо-западного блока проходит широкий пояс с удлиненными резными кронштейнами. Плоскость фасадов делится прямоугольными

оконными проемами, часть проемов спаренные. Композиция главного фасада по проекту Красноармейского ассиметрична, образована двумя объемами. Правое крыло, первоначально выстроенное одноэтажным, дополнено угловой башней, несколько повышено и отличается гладким фризом из горизонтальных досок. Левый фланг фасада в одну ось выделен лопатками, здесь располагается вход с деревянным козырьком. Козырек лучковой формы на фигурных кронштейнах, украшен прорезным карнизом, его тимпан декорирован резным растительным орнаментом. По оси входа размещено два окна — высокое прямоугольное и небольшое килевидное. Стены венчает фриз, состоящий из вертикальных досок, украшенных резьбой, дополненный резными кронштейнами в местах лопаток. Широкий междуэтажный пояс, выполненный под окнами второго этажа основной части фасада, декорирован накладной пропиленной резьбой. Оконные проемы первого и второго этажей разнотипные. На первом этаже — окна обрамлены наличниками, дополненными козырьками на длинных резных кронштейнах и токарными колонками в вертикальных элементах. На втором этаже — украшены прорезными наличниками со сложным орнаментом растительного рисунка в верхней части, с полуколонками в вертикалях и профилированной подоконной полочкой. На втором этаже в повышенной угловой части оконные проемы выполнены без декора. Оконное заполнение прямоугольных проемов — двухстворчатое с фрамугами. Фрамуги килевидных окон эркера — с криволинейной расстекловкой. Килевидные невысокие окна лестничных клеток в расстекловке имеют круг. Угловой эркер выполнен в пять оконных осей, по двум крайним осям — ложные проемы. На первом этаже ребра эркера обозначены плоскими лопатками, между которыми расположены стрельчатые оконные проемы, обрамленные наличниками с накладной резьбой. Окна второго этажа меньшего размера, выполнены без декоративного оформления. В повышенном правом крыле имеется наружный тамбур с резным карнизом, здесь осуществляется ещё один вход в здание. Двупольную филенчатую дверь обрамляет простой рамочный наличник, по углам тамбура устроены прорезные декоративные кронштейны растительного орнамента. Над тамбуром располагается килевидное окно с фигурной расстекловкой. Юго-восточный фасад по ул. Короленко в четыре оси проемов, первая ось со спаренными окнами. Со стороны дворовой повышенной части здания первый этаж аналогичен юго-восточному фасаду, второй этаж в три оконных проема. Северо-западный фасад в пять оконных осей, в первых двух осях проемы меньше по размерам. Окна цоколя с лучковыми перемычками, обрам-

ленные полуналичниками с замками в вершинах. В южном углу, под эркером, имеется проем входа. На территории памятника, вдоль красной линии проспекта Красноармейского, расположены одноэтажные деревянные постройки хозяйственного назначения, которые вдоль северо-западного фасада отделяет кирпичная брандмауэрная стена от соседнего участка.

На момент обследования здания специалисты центра выявили следующее — цокольный этаж постоянно затапливало грунтовыми или техническими водами. Стены — выявлены местами аварийные участки, наружный слой древесины имел разрушения, имелись вертикальные деревянные стяжки венцов, по северо-западному фасаду поражение бревен — более 1/2 сечения, в венцах наблюдались глубокие трещины и местами гниль. По дворовому фасаду — деформации и перекося стен в горизонтальных плоскостях, обугливание конструкций от возгораний, нарушение конопатки, отдельные участки были закрыты деревянными щитами. Крыша — выявлены значительные протечки кровли, восьмигранный шатер со шлемовидным завершением и шпилем после пожара был обуглен. Внешнее, декоративное убранство — частично утрачены наличники на окнах с элементами накладной резьбы, междуэтажный и основные карнизы. Утрачены как отдельные фрагменты резьбы, так и элементы декора (надоконные козырьки, аттик по главному фасаду). Здание было приспособлено под современные нужды: выполнена перепланировка. Водопровод, канализация и электроснабжение централизованные. Сохранилась первоначальная печь в нерабочем состоянии. На территории памятника, вдоль красной линии проспекта Красноармейского, расположены одноэтажные деревянные постройки хозяйственного назначения, которые вдоль северо-западного фасада отделяет от соседнего участка кирпичная брандмауэрная стена. В заключении специалисты центра рекомендовали выполнить проект реставрации фасадов и инженерное обследование стен фасадов и перекрытий. Реставрацию фасадов провести в 2015–2016 гг. [Акт., 2013].

В 2013 г. приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 05.12.2013 (№ 658) были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах объекта культурного наследия (ОКН). В 2015 г. в здании было семь арендаторов. В 2017 г. дом по ул. Короленко, 96/пр. Красноармейском, 14 передали в безвозмездное пользование АКТООНР «Город мастеров». В 2018 г. ЗАО «Творческая мастерская архитектора Анисифорова» выполнила проект объединенных зон охраны объектов культурного наследия регионального значения, куда

вошло и здание «Гимназия Будкевич» по адресу: ул. Короленко 96/ пр. Красноармейский, 14. В декабре 2018 г. приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 28.12.2018 (№ 172) были утверждены границы территории и режим использования территории ОКН. Постановлением правительства Алтайского края от 24.09.2019 (№ 360) были установлены зоны охраны ОКН, режимы использования земель и требования к градостроительным регламентам в границах зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Гимназия Будкевич». В 2021 г. КГКУ «Единый заказчик капитального строительства Алтайского края» объявило конкурс на разработку проектной документации для последующей реставрации объекта культурного наследия в Барнауле — здания бывшей гимназии Марии Будкевич на проспекте Красноармейский, 14. В проекте контракта указано, что проектировщики должны будут предусмотреть в здании ряд кабинетов и мастерских по росписи, гармошке, бисеру, изготовлению изделий из бересты, резьбе по дереву, столярному делу, лепке из глины и т.д. Необходимо запланировать выставочный и методический кабинеты, лавку по продаже изделий мастеров, музыкальную студию и музей. А также должно быть предусмотрено благоустройство, озеленение, ограждение территории, наружное освещение, обеспечение коммуникациями и приспособлениями для доступа маломобильных групп. В итоге разработку проектной документации на здание выполняет ООО «Фалькон» (ил. 7), автор приняла участие в работе данного коллектива в части проведения комплексных научных исследований и написания исторической записки. Сейчас в здании располагается краевая творческая общественная организация народных ремесленников «Город мастеров» и другие организации.

Выводы. Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, пр. Красноармейский, 14/ул. Короленко, 96 является объектом культурного наследия регионального значения «Гимназия Будкевич», нач. XX в., согласно решению исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 № 108. Является примером общественного здания начала XX века, памятником деревянного зодчества в формах эклектики с элементами модерна, имеет обильный резной декор, отличается выразительностью силуэта и имеет важное градостроительное значение. Приказом Министерства культуры Российской Федерации Объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 231410038800005.

Список литературы

1. Барнаул: летопись города / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.М. Родионова; фото С.И. Пирогова. Барнаул: ГИПП «Алтай». 2 кн. в одной обл. Ч. 1: 1701–1919. 1994. 223 с.
2. Вся Сибирь, со включением Уральской области: справочная и адресная книга на 1925/26 г.: с приложением карты Азиатской части СССР и планами городов: Ново-Николаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1925. 606 с.
3. Жизнь Алтая. Барнаул, 1911. № 249; № 252.
4. Костенков П.П. Гимназия М.Ф. Будкевич // Барнаул: энциклопедия / [редкол.: В. А. Скубневский (гл. ред.) и др.]. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 77.
5. Красный Алтай. Барнаул, 1920. № 10 (188).
6. Памятная книжка Западно-Сибирского округа на 1916 год: заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. Изд. 8-е. омск: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1916. 552 с.
7. Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск: Издание Томской губернской типографии, 1908. 210 с.
8. А.П. Долнаков. Памятники архитектуры Барнаула / А.П. Долнаков, Е.А. Долнакова, Л.А. Зотеева, Т.М. Степанская; [Науч. ред. Е.А. Ащепков]. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. 160 с.
9. Памятники деревянного зодчества города Барнаула: каталог // Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Краевое гос. бюджет. учреждение «Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия Алт. Края» редкол.: Ситникова А.А. (отв. ред.), Кабанова Е.Г., Целищева М.А. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 87 с.

References

1. Barnaul: letopis' goroda [Barnaul: the chronicle of the city], commonly edited and introduce art. by A.M. Rodionova. Barnaul: "Altay". 2 books in one frontispiece. Part 1: 1701–1919. 1994. 223 p. (In Russ.).
2. Vsy Sibir', so vklucheniym Ural'skoy oblasti: spravocnaya i adresnaya kniga na 1925/26 g.: s prilozheniyem karty Aziatskoy chasti SSSR i planami gorodov: Novo-Nikolayevska, Omska, Tomska, Barnaula, Krasnoyarska, Irkutsk, Chity, Blagoveshchenska, Vladivostoka i Sverdlovsk. [All the Siberia, with the inclusion of the Ural oblast: reference and address book for 1925/26: with the attached map of the Asian part of the USSR and city

plans: Novo-Nikolaevsk, Omsk, Tomsk, Barnaul, Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, Blagoveshchensk, Vladivostok, and Sverdlovsk]. Moscow: Izvestia TSIK SSSR i VTSIK, 1925. 606 p. (In Russ.).

3. Zhizn' Altaya [Life of Altai]. Barnaul, 1911. November 11 (No. 249); November 15 (No. 252). (In Russ.).

4. Kostenkov P.P. Gimnaziia M.F. Budkevicha [Gymnasium M.F. Budkevich]. Barnaul: encyclopedia [ed.: V.A. Skubnevskii, Etc.]. Barnaul: Publishing house of Altai State University, 2000. p. 77. (In Russ.).

5. Krasnyy Altay [Red Altai]. Barnaul, 1920. No. 10 (188). (In Russ.).

6. Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo okruga na 1916 god: zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedeniy s ukazaniyem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, razmera platy za ucheniye, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh [Memorial book of the West Siberian District for 1916: which contains a list of educational institutions indicating the opening time, sources of content, the amount of tuition, the number of students and personnel of employees]. Tomsk: Tovarischestvo "Pechatnya S.P. Yakovleva", 1916. 552 p. (In Russ.).

7. Pamyatnaya knizhka Tomskoj gubernii na 1908 god [Memorial book of the Tomsk province for 1908]. Tomsk: Izdaniye Tomskoy gubernskoy tipografii, 1908. 210 p. (In Russ.).

8. A.P. Dolnakov. Pamyatniki arhitektury Barnaula [Architectural monuments of Barnaul]. A.P. Dolnakov, E.A. Dolnakova, L.A. Zoteeva, T.M. Stepanskaya; Scientific. ed. E.A. Ashchepkov. Barnaul: Altajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 160 p. (In Russ.).

9. Pamyatniki derevyannogo zodchestva goroda Barnaula: katalog [Monuments of wooden architecture of the city of Barnaul: catalog]. A.A. Sitnikova (ed.), E.G. Kabanova, M.A. Tselishcheva. Barnaul: AZBUKA, 2012. 87 p. (In Russ.).

Список источников

1. Акт технического состояния от 03.12.1999//Архив НПЦ «Наследие».
2. Акт технического состояния от 21.06.2005//Архив НПЦ «Наследие».
3. Акт технического состояния от 13.08.2013//Архив НПЦ «Наследие».
4. ГААК, Ф.31. Оп.1. Д.176.
5. ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.3.
6. ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.4.
7. ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.7.
8. ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.38.
9. ГААК, Ф.45. Оп.1. Д.46.
10. ГААК, Ф.51. Оп.1. Д.7.
11. ГААК, Ф.51. Оп.1. Д.8.
12. ГААК, Ф.51. Оп.2. Д.9.
13. ГААК, Ф.51. Оп.2. Д.358.
14. ГААК, Ф.69. Оп.1. Д.528.
15. ГААК, Ф.Р-10. Оп.2. Д.8.
16. ГААК, Ф.Р-10. Оп.5. Д.9.
17. ГААК, Ф.Р-10. Оп.1. Д.298.
18. ГААК, Ф.Р-12. Оп.2. Д.202.
19. ГААК, Ф.Р-12. Оп.2. Д.528.
20. ГААК, Ф.Р-14. Оп.1. Д.4.
21. ГААК, Ф.Р-14. Оп.1. Д.93.
22. ГААК, Ф.Р-102. Оп.1. Д.155.
23. ГААК, Ф.Р-141. Оп.1. Д.58.
24. ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.85.
25. ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.141.
26. ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.144.
27. ГААК, Ф.Р-166. Оп.1. Д.174.
28. ГААК, Ф.Р-312. Оп.3. Д.349.
29. ГААК, Ф.Р-593. Оп.6. Д.2.
30. ГААК, Ф.Р-784. Оп.2. Д.118.
31. ГААК, Ф.Р-1849. Оп.1. Д.660.
32. ГААК, Ф.Р-1849. Оп.1. Д.705.
33. ГААК, Ф.Р-1849. Оп.1. Д.855.

Список сокращений

ГААК — Государственный архив Алтайского края
НПЦ — Научно-производственный центр

Материал передан в редакцию 30.05.2022

М.А. Целищева

Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтая» (Барнаул)
ул. 80 Гв. дивизии, 14, г. Барнаул, Россия, 656037
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

**«Театр-синематограф „Новый“» в Томске — история общественного здания
в стиле модерн и проблемы сохранения памятника архитектуры**

Аннотация

В 2021 г. автор принял участие в работе коллектива по разработке проекта реставрации (восстановление большого зала и крыши после пожара) здания памятника — архитектуры регионального значения «Театр-синематограф „Новый“», 1915 г., расположенного в г. Томске. На основе использования впервые привлекаемых архивных материалов и других источников была подготовлена историческая записка. В данной статье представлены сведения об истории и первом владельце здания, а также о дальнейшем использовании данного объекта с нач. XX в. и по настоящее время. Первоначально архитектурно-декоративное оформление здания было решено в стиле модерн. Основными композиционными акцентами по авторскому замыслу были угловые объемы лестничных клеток, выделенные на фасадах ризалитами и увенчанные ступенчатыми башнями с полусферическими куполами. За время эксплуатации первоначальная планировка и внешний облик здания претерпели изменения. В основных помещениях сохранилась первоначальная отделка интерьеров (арочные проемы, балконы на колоннах, лепной декор и др.).

Ключевые слова: театр-синематограф, кинематограф, кинотеатр, драматический театр, театр юного зрителя, памятник архитектуры, объект культурного наследия

M.A. Tselishcheva

Altai regional local history non-government organization
“Altai Heritage” (Barnaul)
656037, Russia, Barnaul, st. 80 Gvardeiskoj divizii, 14
c.marina64@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>

**The ‘Novyy’ Cinematography Theater in Tomsk — the history of the Art Nouveau
public building and the problems of preserving the architectural monument**

Abstract

In 2021, the author worked together with the team who develop a restoration project (restoration of a large hall and roof after a fire) of the building that is a monument of regional significance architecture — The ‘Novyy’ Cinematography Theater built in 1915, and located in Tomsk. Based on the use of new archival materials and other sources, a historical note was prepared. This article provides information about the history and first owner of the building, as well as about the future use of this object from the beginning of the 20th century to the present. Initially, the architectural and decorative design of the building was decided in Art Nouveau. According to the building author's plan, the main compositional accents were the angular volumes of staircases, highlighted on the facades by risalits and crowned with stepped towers with hemispherical domes. During its time in service, the original layout and appearance of the building underwent changes. The initial interior decoration has been preserved in the main rooms (arched openings, balconies on columns, stucco decoration, etc.).

Keywords: Cinematography Theater, cinema, Drama Theater, the Youth Theater, architectural monument, cultural heritage object

Введение. Томск был основан как военная крепость в 1604 г. по указу царя Бориса Годунова и был одним из форпостов освоения Сибири. В XIX в. рост золотопромышленности, выплавки металла, пушного промысла сконцентрировали в Томске крупный капи-

тал, вызвав оживление торговли. Через Томск проходили важные транспортные пути — Московский и Иркутский тракты. Здесь динамично развивалось речное пароходство (в том числе по причине необходимости возить реками добываемое сибирское золото

на маркировку из Алтайских горных заводов). Через территорию губернии была проложена ветвь великого Сибирского железнодорожного пути, которая до конца 1950-х гг. именовалась «Томской железной дорогой» — Западно-Сибирский сегмент современного Транссиба. В конце XIX в.—нач. XX в. в томском обществе купечество обладало довольно сильным влиянием. Во всех общественных и культурно-просветительных организациях Томска были купцы или купеческие жены. Благотворительность купечества коснулась многих сторон жизни Томска. В их числе было обеспечение жителям города условий для достойного проведения досуга. Прежде всего, это коснулось строительства электро-театров, которые пользовались большой популярностью среди населения города.

Из адресно-справочной книжки г. Томска за 1911–1912 гг. мы можем узнать, что в этот период в городе работало 7 электро-театров [Чавыкин, 1911, с. 294]. В феврале 1913 г. в г. Томске работало 5 кинематографов [Сибирская жизнь, 1913, с. 6]. В декабре 1913 г. в городе работало 4 кинематографа, а также обещали на праздники открыть еще 2 — первый скетинг-ринг и кинематограф и электро-театр [Сибирская жизнь, 1913, с. 6]. К 1914 г. Томск входил в число 20 самых крупных городов страны. Из настольной и справочной книги «Вся кинематография» за 1916 г., изданной в Москве, нам известно, что в этот период в Томске проживало 112 000 человек и работало 6 электро-театров, таких как: «Глобус» 500 мест (г. Первака), «Иллюзион» 250 мест (Чернядьева), «Мир» 315 мест (Волынского), «Новый» 800 мест (А.Ф. Громова, пер. Ямской, 6), «Фурор» 300 мест (г. Машковича, ул. Почтамская, 20, д. Королева) и «Художественный» [Вся кинематография, 1916, с. 326 (52)].

В этой же книге было опубликовано обязательные постановления об устройстве и содержании кинематографов. Так, помещения для кинематографов могли быть устроены лишь на первых и вторых этажах каменных строений и при соблюдении всех правил Строительного Устава. Помещения должны быть отделены глухими каменными стенами и несгораемыми потолочными покрытиями от других жилых и нежилых помещений, находящихся в том же строении. Лестницы, ведущие в зал театра, должны быть: из несгораемого материала; уложены по косякам; заключены в несгораемые клетки с несгораемыми покрытиями; иметь марши двойного заложения; освещаться окнами, выходящими наружу и иметь поручни с обеих сторон марша. В каждом кинематографическом театре должно быть не менее двух, расположенных в противоположных сторонах, помещения выходов наружу или на две

несгораемые, отдельные друг от друга лестницы. Освещение помещения кинематографического театра допускалось только электрическое и свечами в фонарях и т.д. Эти правила, принятые еще в 1912 г., были обязательны для вновь открываемых театров-кинематографов России [Вся кинематография, 1916, с. 134–143 (37–45)].

Полученные результаты и их обсуждение. Исследуемое здание расположено в центральной части старого города в историческом районе «Уржатка», в юго-западной части квартала. Главным южным фасадом ориентировано на красную линию переулочка Нахановича с развитием объема в глубину квартала, с восточной стороны территорию квартала занимает Театральный сквер. До 20 мая 1920 г. переулок назывался Ямской.

Здание в стиле модерн было построено в 1914 г. по проекту архитектора А.И. Лангера как театр-синематограф «Новый» (на 800 мест) на средства местного промышленника А.Ф. Громова. Здание крупномасштабное 3-х этажное кирпичное. План сложной конфигурации, основной объем Т-образный симметричный, по периметру дворовых фасадов обстроен разновременными пристройками. Центральную часть здания занимают крупные двухсветные помещения вестибюля и главного зрительного зала. Помещение вестибюля ориентировано окнами на главный фасад с двух сторон от него (в торцах) расположены лестничные блоки. Главный фасад основного объема симметричный решен по центру тремя крупными арочными окнами на 2 этажа, боковые части фасада оформлены ризалитами в 1 ось оконных проемов.

Первоначально архитектурно-декоративное оформление здания было решено в стиле модерн. Основными композиционными акцентами по авторскому замыслу были угловые объемы лестничных клеток, выделенные на фасадах ризалитами и увенчанные ступенчатыми башнями с полусферическими куполами (ил. 1).

Александр Флегонтович Громов служил инженером-механиком в «Обществе механических заводов братьев Бромлей». Это было одно из крупнейших и передовых промышленных предприятий в Российской Империи. В 1903 г. между Томском и московской компанией был подписан контракт о строительстве в городе водопровода. Со стороны подрядчика руководить работами назначили А.Ф. Громова. В 1905 г. Александр Флегонтович перевез из Москвы в Томск свою семью. В Томске инженер-механик организовал собственное дело. А.Ф. Громов построил популярные у горожан бани на улице Александровской (ныне ул. Герцена) и настоящий банный комплекс в пер. Монастырском (ныне пер. Плеханова) [Лясоцкий, 1952, с. 45].

Ил. 1. Томский драматический театр им. А. В. Луначарского. г. Томск, пер. Нахановича, 6. Фото 1940-х гг. Из архива Центра по охране памятников

Fig.1. Anatolii Lunacharsky Tomsk Drama Theater. Tomsk, per. Nakhanovich, 6. Photo of 1940s, from the Archive of the Center for the Protection of Monuments

В газете «Сибирская жизнь» за 1914 г. (№ 114) было опубликовано объявление о том, что: «1 июня состоится открытие электро-театра А.Ф. Громова «Новый» (пер. Ямской). Будет поставлена наилучшая русская лента текущего сезона «Женщина завтрашнего дня», драма в 3-х частях. Также будет показана «Хроника мировых событий» (видовая) и «Последний крик моды» (комическая)». Музыкальное сопровождение картин осуществляла скрипка и пианино, в антракте играл струнный оркестр. В кинозале были размещены места в партере, на галерке и в четырехместных ложах [Сибирская жизнь, 1914, с. 6].

С 30 сентября в электро-театре показывали драму «На растерзание львам», музыкальная иллюстрация картины шла под игру на пианино Л.С. Родионовой и виолончели Н. Варфоломеева. Ежедневно собственный оркестр исполнял концертные номера [Сибирская жизнь, 1914, с. 6]. В начале января 1915 г. в электро-театре были показаны картины «Пучина зла», «Бремя признательности» и хроника военных событий «Журнал Пегас», музыка — скрипка, рояль и струнный оркестр [Сибирская жизнь, 1915, с. 8].

С первых дней революции в здании электро-театра стали проводиться митинги и собрания. Но наряду с политическими акциями, в нем по-прежнему устраивались киносеансы. В январе 1918 г. в электро-театре А.Ф. Громова «Новый» (Ямской пер., свой дом) показывали драмы «С курьерским поездом» и «Свекровь душегуб», музыкальное сопровождение — скрипка, виолончель и пианино, а феврале шел боевик «Блуждающие огни» [Сибирская жизнь, 1918, с. 4]. В январе

1918 А.Ф. Громов обратился в городскую Думу за разрешением перестроить здание и приспособить его для сценических постановок, и такое разрешение получил, но реализовать его не сумел [Дмитриенко, 2014, с. 74]. В начале 1919 г. электро-театр сменил название. Так, 11 февраля 1919 г. в местной газете было опубликовано объявление следующего содержания: «Новый театр А.Ф. Громова будет показывать театр кабаре «Летучая мышь», веселый скетч «Живые манекены» и др., снимать верхнее платье не обязательно» [Сибирская жизнь, 1919, с. 4].

В этом же номере газеты было опубликовано постановление управляющего Губернией о пользовании электрической энергией, где было сказано, что вследствие острого кризиса топлива, переживаемого всей Сибирью, угрожающего нарушить жизнь правительственных и общественных учреждений, заводов и предприятий, работающих на оборону запрещалось электроосвещение рекламы, вывесок, окон и витрин в торговых и иных заведениях, наружное освещение театров, кинематографов, магазинов, ресторанов, клубов и других помещений общественного пользования. Для зрелищ и увеселений в театрах, цирках, театрах-варьете, кинематографов и др. электрическое освещение отпущено не ранее 7 часов и не позднее 11 часов вечера. В воскресенье и праздничные дни разрешался отпуск электроэнергии для спектаклей с 12 часов до 4 часов дня. Сеансы кинематографа должны были продолжаться не более 3,5 часов в будни и 5 часов в праздники. В тех случаях, когда в этих помещениях устраивались собрания не увеселительного

характера, организаторы их имели право написать заявление об отпуске электроэнергии на более долгий срок в городское самоуправление. Виновные в нарушении этого постановления подвергались заключению в тюрьму до 8 месяцев или денежному штрафу до 8000 р. [Сибирская жизнь, 1919, с. 2]. Умер А.Ф. Громов 3 сентября 1919 г. в Томске, похоронен на кладбище женского Иоанно-Предтеченского монастыря [Багаев, 2016]. С 19 декабря 1919 г. к названию «Новый театр» добавилось «Товарищество сценических деятелей» [Сибирская жизнь, 1919, с. 2].

В мае 1923 г. постановлением Губисполкома и Губэконо (протокол № 37/30 от 04.05.1923) в г. Томске было организовано Театральное управление, созданное для объединения театральных учреждений города, восстановления пришедшего в упадок театрального дела, восстановления и ремонта зданий театров [ЦДНИ ТО, Ф.1. Оп.1. Д.1413. Л.66]. В этом же году город посетил нарком просвещения А.В. Луначарский, делавший инспекторскую поездку по городам Сибири. После этого визита городской театр стал называться «Театр драмы и комедии им. А.В. Луначарского». Бывший электро-театр А.Ф. Громова несколько лет был заброшен из-за плохого состояния здания. Так, в 1923 г. было отмечено, что здание театра им. Луначарского (бывший Громова) заколочено уже два года. В дальнейшем был проведен ремонт здания и в нем вновь стали показывать кинокартины. Таким образом, в предстоящий зимний сезон 1924/1925 гг. годных для эксплуатации театров в г. Томске было три — «Городской», «Новый» и «Глобус» [ЦДНИ ТО, Ф.1. Оп.1. Д.1413. Л.67].

В справочнике для приезжающих в г. Томск за 1925 г. наряду с городским театром, который находился по адресу: пр. Ленинский, 27, было указано кино «Новый» по адресу: пер. Нахановича, 7 (именно № 7, может ошибочно) [Справочник для приезжающих, 1925, с. 17]. В справочнике по г. Томску за этот же год также указано кино «Новый» по пер. Нахановича [Справочник по городу., 1925, с. 27]. В сентябре 1926 г. Томский городской театр был переведен в здание кино-театра «Новый». Театр открылся в 1926 г. и проработал в этом здании до начала войны [История названия., 2012, с. 193]. Начало зимнего театрального сезона 1926/1927 гг. в г. Томске ознаменовалось крупным событием — открытием оперных спектаклей. После долгих лет перерыва Томск имел собственную оперу. Начиная с 21 октября (день открытия оперного сезона), были поставлены оперы «Аида», «Травиата», «Кармен», «Фауст», «Севильский цирюльник» [Томский зритель, 1926, с. 6, 8]. В декабре 1926 г. были подведены итоги работы театра за уходящий

год. Так, за два месяца оперной труппы в Томске артисты имели большой успех, на 56 спектаклях побывало 41,0 тыс. посетителей, театр сумел оживить театральную жизнь и завоевать симпатию части публики г. Томска. [Томский зритель, 1926, № 9, с. 1, 10]. 28 декабря 1926 г. на заседании художественного Совета было принято решение закрыть оперный сезон 16 января, а с 22 января начать ставить драматические спектакли [Томский зритель, 1926, № 1 (10), с. 3, 11]. На заседании художественного Совета от 31 января 1927 г. Совет постановил просить президиум Горсовета в срочном порядке рассмотреть вопрос о будущем театральном сезоне, ремонте театра, чтобы своевременно набрать труппу [Томский зритель, 1927, (№ 6 (15), с. 8)]. В 1929–1930 гг. театр носил название «Театр драмы, комедии и сатиры им. Луначарского». О недостатках в работе городского театра и мерах по их устранению была составлена справка комиссии ячейки ВКП (б) зрелищных предприятий в 1931 г. Так, выполнение плана составило только 90,3%. Состав труппы сатиры-музкомедии был громоздким и дорогим, и притом низкого качества. Репертуар эстрады не был чисто эстрадным, было много цирковых и концертных программ. Было предложено развернуть массовую работу со зрителем через театральных уполномоченных, практиковать выезды на предприятия работников театра с докладами о спектаклях [ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.1. Д.49. Л.17, 17об., 18].

В 1931–1932 гг. после капитального ремонта было восстановлено здание театра имени Луначарского на 1200 мест [Очерки истории., 1954, с. 216]. Об обследовании состояния Томского городского театра было заслушано на заседании бюро томского Горкома партии в марте 1934 г. (протокол № 8 от 05.03.1934). Положение Гортеатра к концу опереточного сезона могло привести к срыву работы из-за склок среди членов коллектива, было отмечено, что в театре процветало злоупотребление раздачей контрмарок на спектакли [ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.1. Д.368. Л.116-117]. В мае 1935 г. на заседании бюро Горкома ВКП (б) (протокол № 75 от 16.05.1935) рассмотрели предложения Президиума Горсовета о театре. В итоге согласовали решение о ремонте и оборудовании городского театра, который необходимо было закончить к 25 октября, а директору Тегер приступить к укомплектованию драматической труппы и сделать ее стационарной [ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.1. Д.441. Л.32-33]. В 1935 г. в театре работал один из талантливейших отечественных драматургов Н. Эрдман. В 1935–1936 гг. художественное руководство театром осуществляла известная в Сибири актриса режиссер Л.С. Самборская. В 1937 г. к основному зданию сделали пристройку с восточной стороны. В 1938 г. городской театр

находился по адресу: пер. Нахановича, 6 [Телефонный справочник., 1938, с. 42]. В июне 1938 г. на заседании бюро томского Горкома ВКП (б) (протокол № 30 от 29.06.1938) вновь обсуждали вопрос о состоянии работы городского театра [ЦДНИ ТО, ф. 80. Оп.1. Д.840. Л.7]. В январе 1941 г. на собрании первичной парторганизации при томском гортеатре (протокол № 13 от 31.01.1941) рассмотрели вопрос о мероприятиях по экономии и бережливости. В ходе прений шел разговор о возмутительном расходовании электроэнергии и воды, браке при работе в реквизиторском цеху. Было предложено в артистических уборных выбрать старост, которые бы следили за использованием электроэнергии [ЦДНИ ТО, ф.399. Оп.1. Д.8. Л.3-4об.].

Во время Великой Отечественной войны с 1941 г. по 1944 г. в здании театра работал Белорусский Академический театр им. Янки Купалы из г. Минска. В 1942 г. бюро Горкома партии на своем заседании (протокол № 249 от 02.09.1942) заслушало вопрос о подготовке театра к осенне-зимнему сезону. Было отмечено, что ремонт здания театра шел неудовлетворительно, решение Горисполкома от 29 июля об изыскании строительных материалов многими организациями не выполнялось, что ставило под угрозу открытие театрального сезона. В итоге постановили обязать Горжилснаб в трехдневный срок обеспечить театр всеми необходимыми стройматериалами, директора Химзавода обязали к 7 сентября изготовить театру необходимые краски и эмали, ремонт театра закончить к 15 сентября. Директору строительства ВЭС необходимо было закончить ремонт отопительной системы в здании театра к 1 октября. Горисполком не позднее 15 сентября должен был подвезти к зданию театра 200 тонн угля и 300 кубометров дров [ЦДНИ ТО, ф.80. Оп.3. Д.94. Л.54]. О том, что городские власти заботились о приезжих артистах, мы можем узнать из следующих документов. Так, 5 октября 1942 г. бюро Горкома ВКП (б) обсудило вопрос (протокол № 260) о снабжении работников Белорусского театра овощами и картофелем. Постановили обязать Горторготдел до 10 октября отпустить Белорусскому театру 20 тн картофеля, 7 тн капусты, 5 тн огурцов, по 2 тн свеклы и моркови и 1,5 тн лука [ЦДНИ ТО, ф.80. Оп.3. Д.95. Л.53]. В апреле 1943 г. на заседании бюро Горкома партии был рассмотрен вопрос (протокол № 319 от 03.04.1943) о питании коллектива Белорусского театра. Постановили до окончательного решения вопроса в Наркомторге сохранить порядок питания коллектива Белорусского театра в прежнем положении [ЦДНИ ТО, ф.80. Оп.3. Д.204. Л.65]. В августе 1944 г. на заседании бюро Горкома ВКП (б) (протокол № 422 от 23.08.1944) были подведены итоги работы 1-го Белорусского Государственного драматического театра за 3 года в г. Томске

(1941–1944 гг.). За этот период в стенах театра было показано 870 спектаклей, которые посетило 747 тыс. чел. Кроме этого театр обслуживал спектаклями и концертами Нарым, посылал бригаду на фронт, а также в сельскую местность на посевную и уборочную кампанию. Театр дал 216 шефских спектаклей и концертов в госпиталях и воинских частях [ЦДНИ ТО, ф.80. Оп.3. Д.323. Л.10]. После отъезда минчан в здание был переведен Нарымский окружной драматический театр, где впоследствии и произошло слияние труппы с коллективом театра из г. Горького. Так, приказом Комитета по делам искусств СНК СССР от 10 марта 1945 г. (№ 117) Горьковский передвижной драматический театр им. Чкалова был переведен на постоянную работу в г. Томск с переименованием его в Томский областной драматический театр им. Чкалова [ЦДНИ ТО, ф.607. Оп.1. Д.331. Л.1]. В сентябре 1946 г. на собрании (протокол № 5 от 21.09.1946) заслушали директора о готовности театра к открытию сезона, который доложил, что ремонт здания театра к 1 октября не будет закончен. Так, ремонт крыши Облстройтрест закончит только к 28 сентября, потолок — к 1 октября, покраску и другое к 4–5 октября [ЦДНИ ТО, ф.399. Оп.3. Д.1. Л.22-24]. В летний период 1947 г. театр выезжал со своими спектаклями в сельскую местность. В марте 1948 г. была составлена справка по обследованию работы Томского областного драматического театра. Так, при рассмотрении репертуара театра было отмечено, что из 11 пьес — 8 советских авторов, но распределение ролей было неудачным. Постановка советских пьес поручалась менее квалифицированным режиссерам. Репертуарный план не обсуждался в коллективе артистов [ЦДНИ ТО, ф.607. Оп.1. Д.794. Л.36-43].

В апреле 1955 г. комиссия, обследовав здание театра, пришла к выводу, что оно находится в аварийном состоянии, опасно для эксплуатации и требует капитального ремонта. 22 апреля 1955 г. на заседании бюро обкома КПСС (протокол № 46) был рассмотрен вопрос об аварийном состоянии здания Томского областного драматического театра им. Чкалова. Постановили прекратить эксплуатацию здания с 1 июля 1955 г. Обязали Облпроект провести геосъемочные работы, гидрогеологические изыскания и обмеры здания театра до 1 июня 1955 г. [ЦДНИ ТО, ф.607. Оп.1. Д.2192. Л.10].

В этом же месяце было направлено письмо в Совет Министров СССР за подписью председателя Томского облисполкома И. Васильева о результатах проведения экспертизы технического состояния здания областного драматического театра им. В.П. Чкалова и необходимости проведения в нем капитального ремонта. Интересно, что в письме было отмечено, что здание построено в 1906 г., а в 1912 г. к зданию были пристроены гарде-

робная, небольшая сцена, артистические комнаты и другие помещения.

С этого времени в нем проходил лишь частичный ремонт отдельных помещений. В связи с осадкой грунта северная стена здания имела сквозные вертикальные трещины и во избежание аварии должна быть разобрана. Деревянные конструкции перекрытий фойе и зрительного зала сгнили, провисли и грозили обвалом. Полностью пришла в негодность железная кровля. На сцене театра использовалось устаревшее, крайне изношенное электромеханическое оборудование. В здании отсутствовало необходимое противопожарное оборудование. В конце письма просили обязать Министерство культуры СССР выделить необходимые средства для проведения капитального ремонта здания театра в г. Томске [ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2254. Л.167-168].

В сентябре на заседании секретариата Томского обкома КПСС (протокол № 19 от 5–30.09.1955) заслушали вопрос о ремонте здания театра. В целях скорейшего восстановления здания, находящегося в аварийном состоянии, было принято решение возложить проведение ремонта на строительный трест № 97. Обязать закончить капитальный ремонт здания театра до 15 декабря 1955 г. Облпроект должен был обеспечить изготовление и выдачу проектно-сметной документации. В целях оказания помощи строительному тресту № 97 в проведении ремонтных работ на здании театра, обязали руководителей строительных организаций города выделить в распоряжение треста № 97 на проведение ремонта здания рабочую силу на срок с 20 сентября по 15 декабря 1955 г. Просить начальника строительства п/я № 5 до 1 октября изготовить необходимые металлические и ж/бетонные сборные конструкции [ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2230. Л.6]. Томский обком КПСС в лице секретаря В. Москвина направил письмо министру обороны СССР маршалу Советского Союза Г.К. Жукову (от 14.09.1955 № 618-с) с просьбой разрешить размещение областного драматического театра им. Чкалова в здании гарнизонного Дома офицеров с 15 октября и до конца года [ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2255. Л.81]. Но уже в сентябре 1955 г. театр на период ремонта переехал в гарнизонный Дом офицеров.

В это же время в город приехал Кемеровский театр музыкальной комедии, который с 10 по 12 сентября также перенес показ своих спектаклей в Дом офицеров [Красное знамя, 1955, с. 2].

В период осени и зимы 1955–1956 гг. были проведены работы по замене потолочных перекрытий над зрительным залом и фойе, восстановлена закулисная часть

здания театра, отремонтирована отопительная система. Вместе с тем необходимо было еще провести ремонт механического и электрического оборудования сцены, строительство склада декораций, ремонт и смену кровли, устройство дренажа, ремонт фасада театра и др. [ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2408. Л.172]. В 1956 г. здание реконструируется по самому упрощенному варианту — от первоначального стиля каменного модерна не остается и следа: со здания были сняты сферические купола, внутри уничтожена практически вся лепнина. Над центральной частью фасада был устроен массивный треугольный «на плечиках» фронто́н, фасад оформили междуэтажным карнизом, пилястрами с капителями, фриз угловых башен оформили лепным декором растительного орнамента. Были выполнены пристройки с северной и западной сторон [Епифанова, 2018, с. 28].

В январе 1956 г. была составлена справка о работе театра на период ремонта здания. Так, с ноября 1955 г. по 15 января 1956 г. театр выступал на площадках различных клубов, в Доме офицеров и в телецентре. 17 января 1956 г. театр начал работать в одном из отремонтированных помещений [ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2233. Л.12]. Но ремонт в здании не был закончен, так 22 августа 1956 г. секретарь Томского обкома КПСС В. Москвин обратился в ЦК КПСС с просьбой о необходимости выделения средств на окончание ремонта здания театра. Представители Томска просили обязать Совет Министров РСФСР выделить 1100,0 тыс. руб. на завершение строительства театра [ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2408. Л.173].

22 сентября 1956 г. состоялось открытие театрального зимнего сезона 1956/1957 гг. На сентябрь был запланирован показ драмы «Несчастный случай» и комедии «В добрый час», а на начало октября — трагикомедии «Мораль пани Дульской» [Красное знамя, 1956, с. 4.] (ил. 2).

В июне 1958 г. в Томске проходили гастролы Кемеровского областного драматического театра им. А.В. Луначарского с показом спектакля «Слушайте, товарищи потомки», а в июле в помещении Томского областного драматического театра прошли гастролы Челябинский театр оперы и балета [Красное знамя, 1958, с. 4].

На партсобрании в феврале 1959 г. обсуждался вопрос о 100-летию театра. Директор театра А.Д. Иванов предложил создать юбилейную комиссию, разработать формы общения со зрителем, провести собрания по цехам, достроить сарай и в 1960 г. перейти театру на полную самоокупаемость [ЦДНИ ТО, Ф.399. Оп.7. Д.4. Л.24-25].

Ил. 2. Томский областной драматический театр им. Чкалова. г. Томск, пер. Нахановича. Фото кон. 1950-х гг., после реставрации. Из архива Центра по охране памятников

Fig. 2. Valerii Chkalov Tomsk regional Drama Theater. Tomsk, per. Nakhanovich, 6. Photo of the late 1950s, after the restoration. From the Archive of the Center for the Protection of Monuments

В апреле 1961 г. в честь 100-летия со дня основания театра в г. Томске состоялось собрание с участием представителей трудящихся, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, работников культуры и искусства. Был организован показ лучших спектаклей, прошли встречи творческих работников театра с рабочими, колхозниками, учеными и студентами. В 1964 г. Томский театр открыл сезон на Кремлевской сцене в Москве показом таких спектаклей, как «Бесприданница» Островского, «Русские люди» Симонова и др. Ежегодно, начиная с 1948 г. по 1970-е гг. театр выезжал летом в северные районы области для культурного обслуживания трудящихся.

В 1979 г. было принято предложение, выдвинутое управлением культуры области, согласованное с Министерством культуры РСФСР об открытии с 1 января 1979 г. в городе Томске областного театра юного зрителя и передать для размещения ТЮЗа здание по адресу: пер. Нахановича, 4. В марте 1979 г. на заседании секретариата обкома КПСС (протокол № 4 от 29.03.1979) постановили обеспечить высококачественное завершение строительства Дворца пионеров, реконструкцию и всю подготовку старого здания драматического театра к эксплуатации. На период реконструкции предложили разместить ТЮЗ в здании Дворца пионеров [ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.8. Д.28. Л.40]. Театр юного зрителя был открыт 16 апреля 1980 г. — эта дата считается днем рождения театра, но переехать в свое помещение удалось только 28 февраля 1986 г. В мае 1989 г. на сцене показывали спектакли — «Сыщик или никто» А. Линдгрена, премьеру «Мастер и Маргарита», «Бемби» Ф. Зальтена, «Вот придет Бим-Бом!» О. Афанасьева и А. Колемасова, «Прощай, овраг!» К.

Сергиенко и др. [Томский зритель, 1989, с. 15]. Первым главным режиссером театра была Н. Пономарева, с 1989 по 1993 гг. главным режиссером в театре работал О. Афанасьев. Зрителям 1980–1990-х гг. запомнились витражи в здании — в огромных окнах фойе театра были изображены писатели-классики русской литературы. В последующие годы отдельные виды ремонтных работ в здании проводились в 1991–1998 гг. Спектакль «Легенда о священной горе», поставленный главным режиссером театра Л.О. Леляновой, был отмечен дипломом Всероссийского театрального фестиваля для детей и молодежи «Жарптица» в 2007 г. [Дмитриенко, 2016, с. 139–140].

Из технического паспорта на здание, составленного в июне 2007 г. Томским филиалом ФГУП «Ростехинвентаризация», мы можем узнать, что площадь застройки под зданием составляет 2182,3 м², процент физического износа — 57%, общая площадь здания — 3810,7 м², высота — 12,9 м, в примечании было отмечено, что в здании проведена перепланировка и переустройство помещений. Далее шло описание здания: фундаменты — бутовый ленточный, наружные стены — кирпич, крыша — металлическая по обрешетке, отопление — центральное, в здании имелся водопровод, канализация, электроснабжение и горячее водоснабжение. К 2007 г. помещение малой сцены пришло в полное запустение. Еще в 2006 г. был вынесен окончательный вердикт: здание театра находится в аварийном состоянии, т.к. капитальный ремонт не проводился в нем более 50 лет. Власти выделили 30 млн. руб. на ремонт здания ТЮЗа. Проектная документация была разработана в 2002 г. НПЦ «Вогтехпроект».

В последующие годы (2009–2011 гг.) документация была дополнена и откорректирована ООО «Генстройпроект». Проект по переедоснащению сцены большого зала, систем свето- и звуко-оснащения был разработан в 2011 г. ООО «Система». Ремонтно-реставрационные работы здания ТЮЗа выполнялись в несколько этапов: первый этап (2004–2010 гг.) — в здании театра были отремонтированы инженерные сети: отопление, водопровод и канализация, выполнен монтаж системы вентиляции, где проектом была предусмотрена приточно-вытяжная система вентиляции с механическим и естественным побуждением. Отремонтирована кровля и помещения, предназначенные для работы театральной труппы. Второй этап (2011–2012 гг.) — полностью отремонтированы помещения вестибюля и малой сцены. Провели полное техническое переоснащение сцены большого и малого залов. Выполнили работы по восстановлению сохранившейся подлинной лепнины в большом зале. Завершением второго этапа являлся капитальный ремонт главного фойе театра. Согласно утвержденному графику капитальный ремонт здания по пер. Нахановича, 4 на 2011 г. включал: проведение ремонта малого зала, в том числе приобретение звукового, светового оборудования для малого зала; разработку ПСД на ремонт сцены, светового и звукового оборудования, машинерии, приобретение светового, звукового оборудования для большого зала; капитальный ремонт большого зала, зрительского фойе первого и второго этажей, балконов зала, кафетерия. 21 октября 2011 г. торжественно открыли малую сцену театра (спектакли не игрались на ней более 20 лет). Последним этапом стала работа по благоустройству окружающей территории здания ТЮЗа, реставрация фасадов и полная (завершающая) поставка оборудования (2012 г.). Был выполнен ремонт штукатурки фасадов с восстановлением лепных изделий — архитектурных украшений. Фасад был окрашен современными окрасочными составами. Выполнена планировка территории с элементами благоустройства: установка ограждения, установка шлагбаума, асфальтирование дорожек, устройство отмостки [Литвинова, 2012]. Большую сцену ТЮЗа после капитального ремонта открыли 20 апреля 2012 г. В этот день играли премьеру комедии Николая Гоголя «Женитьба».

Еще в 2009 г. распоряжением администрации Томской области от 25.08.2009 (№ 579-ра) Государственному учреждению культуры «Томский областной театр юного зрителя» был предоставлен земельный участок площадью 6797,68 м². (кадастровый номер 70:21:0200001:0138) на праве постоянного (бессрочного) пользования, расположенный по адресу: Томская область, г. Томск, пер.

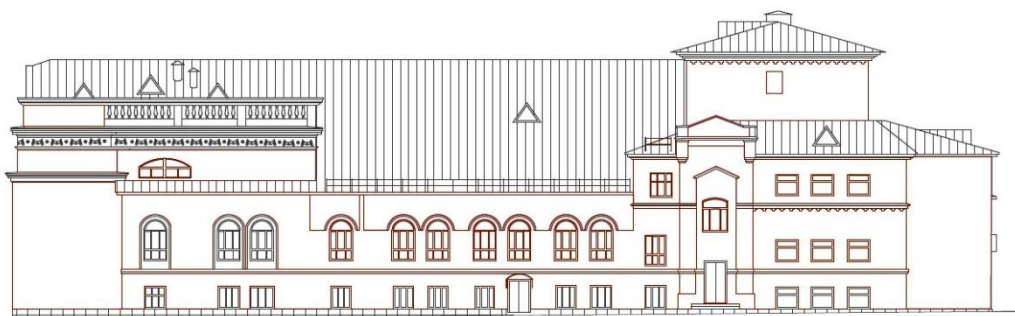
Нахановича, 4 для эксплуатации и обслуживания здания театра. В 2011 г. была проведена государственная историко-культурная экспертиза проекта зон охраны объектов культурного наследия (ОКН) г. Томска. Всего в представленной на рассмотрение документации предложено было установить 188 зон охраны для 338 ОКН, в том числе и для здания по пер. Нахановича, 4. В этом же году повторно, взамен свидетельства от 01.10.2009 г., было выдано Свидетельство о государственной регистрации права оперативного управления Областному государственному автономному учреждению культуры «Томский областной театр юного зрителя» на нежилое трехэтажное с антресолью (подземных этажей — 1) здание, общей площадью 3810,7 м², литер А, А1, А2, А3 по адресу: г. Томск, пер. Нахановича, 4. В феврале 2012 г. распоряжением администрации Томской области от 22.02.2012 (№ 165-ра) было принято решение о включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Томской области, в том числе и памятник архитектуры регионального значения «Театр-синематограф „Новый“, 1915 г., арх. А.И. Лангер, расположенный по адресу: г. Томск, пер. Нахановича, 4.

Охранная зона объекта культурного наследия ОЗР 1-19, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности ЗРР 3-17 была утверждена постановлением администрации Томской области от 14.06.2012 (№ 226а). В декабре 2012 г. приказом Департамента по культуре и туризму Томской области от 17.12.2012 (№ 371/01-07) был утвержден предмет охраны объекта культурного наследия «Театр-синематограф «Новый». Одним из инновационных методов контроля деформаций зданий и сооружений является метод наземного лазерного сканирования. «Центром лазерных технологий» Томского политехнического университета (ТПУ) был проведен комплекс работ по съемке здания театра в 2012 г и 2017 г. Целью работы являлось получение данных, создание комплекса обмерных чертежей, фиксация крупных дефектов (трещин, смещений, разрушений, повреждений) несущих и ограждающих конструкций. С помощью компьютерного моделирования точек здания по четырем углам были вписаны условные направляющие, по которым определялись отклонения углов здания в 2012 и 2017 гг. На основе трехмерной модели были построены обмерные чертежи здания с нанесением размеров и дефектов конструкций [Епифанова, 2018, с. 34, 36].

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 6 ноября 2015 г. (№ 12827-

р) зарегистрировали объект культурного наследия регионального значения «Театр-кинематограф „Новый“», 1915 г., расположенный по адресу: Томская область, г. Томск, пер. Нахановича, 4 в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и присвоили ему регистрационный номер 701410159880005. В 2016 г. Комитет по охране объектов культурного наследия Томской области своим приказом от 20.07.2016 (№ 23/01-07) утвердил охранное обязательство на ОКН. К апрелю 2020 г. в репертуаре ТЮЗа было 19 спектаклей для взрослых и 19 спектаклей для детей. Со временем ТЮЗ приобрел статус постоянного участника фестивалей и конкурсов, где зарекомендовал себя как театр неоднозначный, яркий и запоминающийся. В репертуаре театра сегодня — любимые самыми юными зрителями детские спектакли, актуальные, остросоциальные молодежные постановки, зарекомендовавшая себя

классика. В феврале 2021 г. в здании произошел пожар, загорелась кровля. Площадь возгорания составила 200 квадратных метров, причиной возгорания стал человеческий фактор при проведении электромонтажных работ. Томскому театру юного зрителя разрешили ставить спектакли на малой сцене. Чтобы полностью вернуть к работе большую сцену театра, которая пострадала от пожара, потребуется много времени и средств. Из первоочередных работ в большом зале — закрытие кровли. Во время тушения пожара она была вскрыта в некоторых местах. В августе 2021 г. был заключен договор с ООО «Фалькон» (г. Барнаул) на выполнение разработки проектно-сметной документации для сохранения (восстановление большого зала и крыши) объекта культурного наследия регионального значения (ил. 3). Автор принял участие в работе данного коллектива в части сбора архивно-библиографического материала и написания исторической записки.

Архитектор: Штер К.А.

Ил. 3. Эскизный проект реставрации объекта культурного наследия «Театр-кинематограф „Новый“», расположенный по адресу: Томская область, г. Томск, пер. Нахановича, 4. ООО «Фалькон», арх. К.А. Штер. 2021 г

Fig. 3. Draft project for the restoration of the cultural heritage object The Novyi Cinematography Theater, located at Tomsk oblast, Tomsk, per. Nakhanovich, 4. Mady by Falcon LLC, designed by K.A. Shter. 2021

На здании с середины 1980-х установлена мемориальная доска, посвященная Белорусскому государственному театру им. Янки Купалы — он работал в Томске во время эвакуации, в годы Великой Отечественной войны. Другая доска на фасаде посвящена драматургу Николаю Эрдману. Во время своей ссылки в 1934–1935 гг. он работал здесь заведующим литературной частью, доску открыли в 2011 г. Также на здании размещена информационная доска о том, что здание является памятником архитектуры и охраняется государством.

Выводы. Здание, расположенное по адресу: Томская область, г. Томск, пер. Нахановича, 4 является объектом культурного наследия регионального значения «Театр-кинематограф „Новый“», 1915 г. согласно распоряжения Администрации Томской области от 22.02.2012 г. № (165-ра). Доминирует в композиционно-планировочной структуре квартала. В конце 1950-х гг. здание было реконструировано с изменением современной

архитектуры фасадов на неоклассический стиль. Были демонтированы угловые башни и все элементы фасадного декора в стилистике модерн. За время эксплуатации первоначальная планировка здания претерпела изменения, но в основных помещениях сохранилась первоначальная отделка интерьеров (арочные проемы, балконы на колоннах, лепной декор и др.).

Список литературы

1. Багаев А. Господа юнкера. Кем вы были? // Томск, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://tv2.today/Istorii/Gospoda-yunkera-kem-vy-byli> (дата обращения 14.11.2021).
2. Вся кинематография: Настольная адресная и справочная книга. / Под ред. Ц.Ю. Сулиминского. Москва: Ж. Чибрарио де Годэн, 1916. 1 т. 364 с.
3. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая пол. XVIII — нач. XX в.). Томск: Изд-во ТГУ, 2014. 336 с.

4. Дмитриенко Н.М. История Томска: книга для старшеклассников и студентов / Н.М. Дмитриенко; Национальный исследовательский Томский государственный университет; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Издательство Томского университета, 2016. 208 с.
5. Епифанова Е.А. Оценка деформаций исторического здания в Томске с помощью комплексного подхода, основанного на сочетании наземного лазерного сканирования и конечно-элементного моделирования / Е.А. Епифанова, Л.А. Строкова // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2018. Т. 329, № 5. С. 27–41.
6. История названий томских улиц / авт. кол.: Г.Н. Старикова (отв. ред.) и др. 3-е изд., доп. Томск: Д-Принт, 2012. 368 с.
7. Красное знамя. Томск, 1955. № 179 (9775).
8. Красное знамя. Томск, 1956. № 186 (10038).
9. Красное знамя. Томск, 1958. № 143 (10507).
10. Литвинова О.Г. Синематограф «Новый» // ОГАУК «Центр по охране памятников». [Электронный ресурс] URL: <http://memorials.tomsk.ru/objects/teatr-junogo-zritelja-25.html> (дата обращения 2 ноября 2021).
11. Лясоцкий И.Е. Прошлое Томска в названиях его улиц, построек и окрестностей / Томская обл. лит. группа. Томск: [б. и.], 1952. 64 с.
12. Очерки истории города Томска: (1604–1954) / Под ред. С.И. Мурашова (отв. ред.) и др. Томск: [б. и.], 1954. III, 326 с.
13. Сибирская жизнь. Томск, 1913. № 43.
14. Сибирская жизнь. Томск, 1913. № 283.
15. Сибирская жизнь. Томск, 1914. № 114.
16. Сибирская жизнь. Томск, 1914. № 213.
17. Сибирская жизнь. Томск, 1915. № 1.
18. Сибирская жизнь. Томск, 1918. № 1, № 6.
19. Сибирская жизнь. Томск, 1919. № 27.
20. Сибирская жизнь. Томск, 1919. № 271.
21. Справочник для приезжающих в Томск. Вып. 1 / изд. Транспечать Н. К. П. С. Томск: Субагентство, 1925. 24 с.
22. Справочник по городу Томску. Томск: Красное знамя, 1925. 40 с.
23. Телефонный справочник г. Томска. Абоненты городской телефонной сети. 1938 г./ [ответственный редактор С.Г. Десятков]. Томск: Красное знамя, 1938. С. 42.
24. Томский зритель. Еженедельник экрана и театра: Орган правления общества «Друзья советского кино». Томск: Типо-литография издательства «Красное знамя». 1926.
25. Томский зритель. Еженедельник экрана и театра: Орган правления общества «Друзья советского кино». Томск: Типо-литография издательства «Красное знамя». 1926. № 9.
26. Томский зритель. Еженедельник экрана и театра: Орган правления общества «Друзья советского кино». Томск: Типо-литография издательства «Красное знамя». 1926. № 1 (10).
27. Томский зритель: Художественный совет при Окрполитпросвете. Томск: Типо-литография издательства «Красное знамя». 1927. № 6 (15).
28. Томский зритель: рекламно-информационное издание Управления культуры Томского облисполкома и Томского отделения Союза театральных деятелей РСФСР. 1989. № 3.
29. Чавыкин Г.В. Весь Томск на 1911–1912 гг.: адресно-справочная книжка / Г.В. Чавыкин. изд. 1. Томск: [б. и., 1911]. 369 с.

References

1. Bagaev A. Gospoda yunkera. Kem vy byli? [Lord Junker. Who were you?]. Tomsk, 2016. URL: <https://tv2.today/Istorii/Gospoda-yunkera-kem-vy-byli> (accessed November 14, 2021). (In Russ.).
2. Vsa kinematografiya: Nastol'naya adresnaya i spravocnaya kniga. [All cinematography: Desktop address and reference book]. Ed. Ts.Yu. Suliminskii. Moscow: J. Chibrario de Godin, 1916. Vol. 1. 364 p. (In Russ.).
3. Dmitrienko N.M. Tomskie kuptsy: biograficheskij slovar' (vtoraya polovina XVIII–nachalo XX v.) [Tomsk merchants: a biographical dictionary (second half of the 18th–early 20th centuries)]. Tomsk: TSU Publishing House, 2014. 336 p. (In Russ.).
4. Dmitrienko N.M. Istoriya Tomska: kniga dlya starsheklassnikov i studentov [History of Tomsk: a book for high school and university students]. N.M. Dmitrienko; National Research Tomsk State University; scientific. ed. E.I. Chernya. Tomsk: TSU Publishing House, 2016. 208 p. (In Russ.).
5. Epifanova E.A. Ocenka deformatij istoricheskogo zdaniya v Tomske s pomoshch'yu kompleksnogo podhoda, osnovannogo na sochetanii nazemnogo lazernogo skanirovaniya i konechno-elementnogo modelirovaniya. In: Vestnik Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov. [An assessment of deformations of a historical building in Tomsk using an integrated approach based on a combination of ground-based laser scanning and finite-element modeling. In: Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. E.A. Epifanova, L.A. Strokova. 2018. Vol. 329, No.5. Pp. 27–41. (In Russ.).

6. Istoriya nazvanii tomskikh ulits [The history of the names of Tomsk streets]. Group of authors: G.N. Starikova (ed.) and others. 3rd ed., add. Tomsk: D-Print, 2012. 368 p. (In Russ.).

7. Krasnoe znamya [Red banner]. Tomsk, 1955. No. 179 (9775). (In Russ.).

8. Krasnoe znamya [Red banner]. Tomsk, 1956. No. 186 (10038). (In Russ.).

9. Krasnoe znamya [Red banner]. Tomsk, 1958. No. 143 (10507). (In Russ.).

10. Litvinova O.G. Cinematograph Novyi [The Novyi Cinematograph]. URL: <http://memorials.tomsk.ru/objects/teatr-junogo-zritelja-25.html> (accessed November 2, 2021). (In Russ.).

11. Lyasotsky I.E. Proshloe Tomska v nazvaniyah ego ulic, postroek i okrestnostej [Tomsk's past in the names of its streets, buildings, and environs]. Tomskaya obl. lit. gruppa. Tomsk, 1952. 64 p. (In Russ.).

12. Ocherki istorii goroda Tomska: (1604–1954) [Essays on the history of the city of Tomsk: (1604–1954)]. Ed. S.I. Murashova and others. Tomsk, 1954. III, 326 p. (In Russ.).

13. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1913. No. 43. (In Russ.).

14. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1913. No. 283. (In Russ.).

15. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1914. June 1 (No. 114). (In Russ.).

16. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1914. October 1 (No. 213). (In Russ.).

17. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1915. January 1 (No. 1). (In Russ.).

18. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1918. No. 1, No. 6. (In Russ.).

19. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1919. No. 27. (In Russ.).

20. Sibirskaya zhizn' [Siberian life]. Tomsk, 1919. No. 271. (In Russ.).

21. Spravochnik dlya priezhzhayushchih v Tomsk [Handbook for visitors to Tomsk]. Iss. 1. izd. Transpechat' N.K.P.S. Tomsk: Subagentstvo, 1925. 24 p. (In Russ.).

22. Spravochnik po gorodu Tomsku [Guide to the city of Tomsk]. Tomsk: Krasnoe znamya, 1925. 40 p. (In Russ.).

23. Telefonnyy spravochnik g. Tomska. Abonentny gorodskoj telefonnoj seti. 1938 g. [Telephone directory of Tomsk. Subscribers of the city telephone network. 1938]. Ed. S.G. Desyatkov. Tomsk: Krasnoe znamya, 1938. P. 42. (In Russ.).

24. Tomsnij zritel': Ezhenedel'nik ekrana i teatra: Organ pravleniya obshchestva "Druz'ya sovetskogo kino" [Tomsk spectator. Weekly screen and theater: Board of the society Friends of Soviet Cinema]. Tomsk: Tipo-litografiya izdatel'stva Krasnoe znamya. 1926. (In Russ.).

25. Tomsnij zritel': Ezhenedel'nik ekrana i teatra: Organ pravleniya obshchestva "Druz'ya sovetskogo kino" [Tomsk spectator. Weekly screen and theater: Board of the society Friends of Soviet Cinema]. Tomsk: Tipo-litografiya izdatel'stva Krasnoe znamya. 1926. No. 9. (In Russ.).

26. Tomsnij zritel': Ezhenedel'nik ekrana i teatra: Organ pravleniya obshchestva "Druz'ya sovetskogo kino" [Tomsk spectator. Weekly screen and theater: Board of the society Friends of Soviet Cinema]. Tomsk: Tipo-litografiya izdatel'stva Krasnoe znamya. 1926. No. 1 (10). (In Russ.).

27. Tomsnij zritel': Khudozhestvennyy sovet pri Okrpolitprosvete [Tomsk spectator. Arts Council under the District Office of Political Education Bodies]. Tomsk: Tipo-litografiya izdatel'stva Krasnoe znamya [Typo-lithography of the publishing house Red Banner]. 1927. No. 6 (15). (In Russ.).

28. Tomsnij zritel': reklamno-informacionnoe izdanie Upravleniya kul'tury Tomsogo oblispolkoma i Tomsogo otdeleniya Soyuza teatral'nyh deyatelej RSFSR [Tomsk spectator. advertising and information publication of the Department of Culture of the Tomsk Oblast Executive Committee and the Tomsk Branch of the Union of Theater Workers of the RSFSR]. 1989. No. 3. (In Russ.).

29. Chavykin G.V. Ves' Tomsk na 1911–1912 gg: adresno-spravochnaya knizhka [All Tomsk for 1911–1912: address and reference book]. G.V. Chavykin. Tomsk, 1911. 369 p. (In Russ.).

Список источников

1. ЦДНИ ТО, Ф.1. Оп.1. Д.1413.
2. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.1. Д.49.
3. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.1. Д.368.
4. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.1. Д.441.
5. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.1. Д.840.
6. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.3. Д.94.
7. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.3. Д.95.
8. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.3. Д.204.
9. ЦДНИ ТО, Ф.80. Оп.3. Д.323.
10. ЦДНИ ТО, Ф.399. Оп.1. Д.8.
11. ЦДНИ ТО, Ф.399. Оп.3. Д.1.
12. ЦДНИ ТО, Ф.399. Оп.7. Д.4.
13. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.331.
14. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.794.
15. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2192.
16. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2230.
17. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2233.
18. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2254.
19. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2255.
20. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.1. Д.2408.
21. ЦДНИ ТО, Ф.607. Оп.8. Д.28.

Список сокращений

ЦДНИ ТО — Центр документации новейшей истории Томской области

Материал передан в редакцию 30.05.2022

А.А. Урсулов

МБОУ «Лицей № 12» города Новосибирска,
ул. Серебренниковская, 10, г. Новосибирск, Россия, 630007
17anton1216@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6479-8133>

А.И. Мишенин

МБОУ «Лицей № 12» города Новосибирска,
ул. Серебренниковская, 10, г. Новосибирск, Россия, 630007
ai.mishenin@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9313-3766>

Реконструкция декоративного элемента парадной лестницы Александровского начального училища

Аннотация

В 2022 году МБОУ «Лицей № 12» города Новосибирска, Александровское начальное училище отмечает 110-летний юбилей, как и остальные 12 так называемых «крячковских школ», построенных по проекту архитектора А.Д. Крячкова в период 1910–1912 гг. Изначально были спроектированы и построены как начальные училища и использовались для этого. Некоторые до сих пор используются как учебные заведения, некоторые как административные или театры. Не все здания сохранились до наших дней, многие перестраивались, достраивались, надстраивались, меняли свой внешний и внутренний облик. На наш взгляд историки-краеведы уделяют недостаточно внимания истории строительства, архитектурных особенностей зданий, а это важно для сохранения каждого элемента строений, они дополняют исторический облик г. Новосибирска. Исследования показали, что в большинстве зданий сохранились парадные и черные лестницы, важный элемент внутренней архитектуры. У парадной лестницы «Лицея № 12» оказался утрачен один декоративный элемент, мы решили его реконструировать, для этого необходимо было изучить лестницы в других зданиях, изучить и отработать технологии изготовления декоративных элементов лестниц начала XX в. Цель достигнута — декоративный элемент изготовлен. Осталось не выясненным: кто, где, когда изготовил лестничные ограждения. Нужно ли этот декоративный элемент устанавливать в лестничное ограждение? Это задачи будущих исследований.

Ключевые слова: Александровское начальное училище, «крячковские школы», парадная лестница, декоративный элемент лестничного ограждения

A.A. Ursulov

Lyceum No. 12

St. Serebrennikovskaya, 10, Novosibirsk, Russia, 630007

17anton1216@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6479-8133>

A.I. Mishenin

Lyceum No. 12

St. Serebrennikovskaya, 10, Novosibirsk, Russia, 630007

ai.mishenin@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9313-3766>

Recovery of the element of the grand staircase of The Alexander's primary school

Abstract

The 2022th is the anniversary year when "The lyceum No. 12" (Alexander's primary school) as well as other 12 so called "Kryachkov's schools", constructed according to architect A.D. Krjachkov project during the period from 1910 until 1912 celebrates its 110th jubilee.

At first, they were engineered, built & used as primary schools. Some of them saved their purpose today; others did not & now are used as theaters or administrative buildings. Not all of them have survived to the present days. Many of them has been reconstructed, completed, built on & changed it outside & inside view.

As the authors suppose, that the local historians do not pay necessary attention to history of creating & architectural peculiarities of old buildings, those could help to save their rare constructive elements which complete and decorate the historical appearance of Novosibirsk.

The authors' research discovered that the majority of "Kryachkov's schools" preserved their grand & back staircases — one of the main features of their inside architecture. As for the 12th Lyceum, one decorative element of its grand staircase was lost. The authors decided to recover it. It demanded to learn the staircases of other Kryachkov's buildings, study the technologies of construction of staircases. The aim was fulfilled — the missing element was recovered. The questions left for the next researches & implementation are: who, when & where made the stair railings; whether the recovered element should be set on its original place.

Keywords: Alexander's primary school, "Kryachkov's schools", grand staircase, decorative element of the staircase

Введение. Нашей школе исполняется 110 лет — юбилей. Конечно, с точки зрения технологий можно исследовать много вопросов, касающихся строительства, материалов, отделки и т.д. Нас заинтересовали лестницы: кто, как и почему так их сделал? При осмотре здания мы обратили внимание на лестницы старого здания, их две: парадная и «черная». Здание школы неоднократно пристраивалось и перестраивалось, совершенно изменило свой первоначальный облик, а лестницы остались те же, им 110 лет. Парадная лестница покрыта толстым слоем краски, скорее всего краску не убирали со времени строительства, при детальном осмотре мы обнаружили, что один декоративный элемент утрачен. Идея — необходимо реконструировать. Тем более это входит в круг наших интересов и нам показалось, что есть возможность сделать это в наших мастерских (ил. 1).

Ил. 1. Ограждение лестницы. Место утраченного декоративного элемента (снимок авторов)

Fig. 1. The railing of the staircase. The place of a missed element (authors' material)

Цель: изучить лестничные ограждения парадных лестниц «крячковских школ» для определения технологии реконструкции декоративного элемента лестничного ограждения в Александровском начальном училище.

Задачи:

1. Изучить источники информации, в том числе архивные документы, касающиеся истории строительства «крячковских школ». По мере возможности беседовать с людьми, которые исследовали данный вопрос;
2. посетить здания «крячковских школ» для сбора информации об истории, сделать замеры и фотографии лестниц в этих зданиях;
3. Подобрать необходимый материал, инструменты и оборудование для изготовления декоративного элемента;
4. Выбрать технологию изготовления декоративного элемента, по мере возможности соответствующую реалиям начала XX века. Изготовить изделие.

МБОУ «Лицей № 12» города Новосибирска, в 2022 г. будет отмечать свой 110-

летний юбилей. Как и остальные 11 оставшихся из 12 так называемых «крячковских школ». Но школ ли? Скорее всего, теперь зданий, которые в период 1910–1912 гг. изначально были спроектированы и построены как объекты для обучения — начальные училища. Многие здания за свою более чем 100-летнюю историю меняли свой облик, надстраивались, перестраивались, достраивались, меняли своё предназначение, одно здание теперь не существует, его снесли. Лишь некоторые так и остались школами. Каждое здание (школа) требует своего отдельного исследования, изучения — это долгая кропотливая работа, многие исследователи, или просто интересующиеся, пытаются что-то делать в этом направлении, публикуют свои материалы (сейчас это просто) и, к сожалению, в этом потоке информации достоверные сведения несколько искажаются, порой встречается просто не правда, история обрастает легендами.

Краткую историческую справку приведем о нашей школе и остальных зданиях из источников, с которыми нам на данный момент удалось ознакомиться. Также мы посетили Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина НГАУДИ им. А.Д. Крячкова. Много полезной информации получили от Николая Петровича Журина, кандидата архитектуры, профессора, заведующего кафедрой основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства (выпускника 12-й школы).

Новосибирск (Ново-Николаевск) был основан в 1893 г., история начинается от поселка строителей железнодорожного моста через реку Обь. Поселение быстро росло и развивалось, требовалось развитие школьного образования детей жителей. Каждый третий житель школьного возраста не мог учиться — просто не хватало мест, частные учебные заведения были платные, например: для получения среднего образования для мальчиков в 1906 г. обходилось 100 рублей в год [Баландин, 1973]. Необходимость строительства школ назрела, а тут еще 11 мая 1909 г. случился один из самых разрушительных пожаров, когда выгорела почти треть города. Горожане добровольно приняли решение отчислять с каждого заработанного рубля на строительство каменных школ. Отсюда и название «крячковских школ» — «копеечные» [1 ГАНО, ф. Д-97, 93,107].

Конечно, этих денег бы не хватило. 22 июня 1909 г. вышел «Высочайше утвержденный закон: «О создании школьно-строительного фонда всеобщего обучения имени Преобразователя России императора Петра Великого». 18 апреля 1910 г. Министерство Народного просвещения удовлетворило

ходатайство об отпуске средств для школьного строительства [Кузменкина, 2009]. 14 июля 1910 г. Ново-Николаевск получил безвозмездное пособие 68 тыс. рублей и возвратную ссуду 240 тыс. рублей [Медвюков, 1959]. Примечательно, что уже 24 мая 1910 г. Городская управа заключила договор с архитектором А.Д. Крячковым о составлении смет и проектов для строительства 12 каменных зданий городских училищ. За период 1911–1912 гг., в рекордные сроки, здания были построены. В сентябре 1912 г. в городе Ново-Николаевске, в одном из первых городов Российской империи было введено всеобщее начальное образование [«Обсая

жизнь», 1910]. По результатам торгов, строительные и отделочные работы выполнялись местными подрядчиками, а инженерное оборудование обеспечивалось варшавской фирмой «Т. Годлевский и Ко» и омским инженером А.Ф. Рожновским [2 Опись №Д-97, дело № 97, л. 7].

С.Н. Баландин в книге «Сибирский архитектор. А.Д. Крячков» пишет о том, что 10 школ были построены, как сейчас бы сказали, по типовому проекту, а Александровское начальное училище и Андреевское начальное училище — по индивидуальным проектам [Циплаков, 2002] (ил. 2).

Ил. 2. Александровское начальное училище (открытка из музея «Лицей № 12»)
Fig. 2. Alexander's primary school (a postcard "The 12th Lyceum")

Примечательны еще документы, копии и ссылки, на которые мы нашли в музее нашего лицея, из которых следует, что Александровское начальное училище было торжественно принято 30 августа 1912 г., с 1 сентября начало свою работу. Хотя некоторые работы еще продолжались, например: «Одновременно с отоплением школы на Туруханской площади были закончены работы и пущено отопление в школах на Андреевской площади и Александровской улице и отопление работает исправно» [Справочник по городу]. А вот документ «Ново-Николаевского Общества взаимного страхования имущества от огня» нас запутал — он датирован октябрём 1911 г. Н.П. Журин нам объяснил: «По Строительному уставу того времени построенное здание должно было устояваться, сохнуть, прежде чем там продолжатся отделочные и

другие работы». Это подтверждают и документы об остеклении и малярных работах. Исходя из этого документа, мы можем сделать вывод, что к 11 октября 1911 г. здание Александровского училища было возведено, была подведена кровля. Наученные горьким опытом строители застраховали строение за год до его сдачи.

За период исследования были посещены здания «крячковских школ», проведен тщательный анализ декоративных элементов лестниц и на его основе была создана сравнительная таблица [табл. 1]. Исследования показали, что декоративные элементы лестничных ограждений во всех зданиях можно разделить на два типа, по форме и технологии изготовления. Условно мы назвали их: «кованные» (ил. 3) и «гнутые» (ил. 4).

Ил. 3. Кованные декоративные элементы лестничных ограждений (снимок авторов)
Fig. 3. Forged decorative elements of staircases (authors' material, a postcard "The 12th Lyceum")

Ил. 4. Гнутые декоративные элементы лестничных ограждений (снимок авторов)
Fig. 4. Bent decorative elements of staircases (authors' material, a postcard "The 12th Lyceum")

Табл. 1. Декоративные элементы ограждений парадных лестниц в зданиях начальных училищ, построенных по проекту А.Д. Крячкова в период 1910–1912 гг.

№	Название начального училища	Декоративные элементы	Примечание	«Черная лестница»
1. 1.	Логовское начальное женское училище. Новосибирский государственный театральный институт (НГТИ)	гнутые	старые слои краски удалены, окрашены черной краской	деревянные
2.	Александровское начальное училище. МБОУ «Лицей № 12» города Новосибирска	кованые	покрыты многими слоями краски, <i>один декоративный элемент отсутствует</i>	металлические
3.	Городское начальное училище на Кабинетской. Вечерняя сменная общеобразовательная школа № 6	кованые	покрыты многими слоями краски	металлические, скорее всего новодел*
4.	Змеиногородское начальное училище. МБУДО «Дом творчества «Октябрьский»» г. Новосибирска	гнутые	покрыты не очень многими слоями краски, видимо, когда краску удаляли	металлическая
5.	Городское начальное училище на углу Кузнецкой и Дворцовой улиц. Новосибирский областной театр кукол		сведений пока получить не удалось	
6.	Начальное женское училище на улице Болдыревской. МБОУ СОШ № 3 имени Бориса Богаткова	гнутые	старые слои краски удалены, окрашены черной и золотой краской	оригинальная лестница утрачена при строительстве пристройки
7.	Начальное училище на улице Самарской. Средняя общеобразовательная школа № 19 (СОШ № 19)	-	в 90-х годах внутренний интерьер полностью заменен, включая лестницы. Сведений как, выглядели оригинальные лестницы, пока получить не удалось	-
8.	Андреевская школа. Школа высшего спортивного мастерства (ШВСМ)	гнутые	старые слои краски удалены, окрашены чёрной краской	металлические
9.	Начальное училище на улице Михайловской. До сноса школа № 8	-	здание снесено в 1966 г., сведений как, выглядели оригинальные лестницы, пока получить не удалось	-
10.	Начальное училище на улице Тракторной (Будаговской). Новосибирский государственный драматический театр «Старый дом»	кованые	старые слои краски удалены, окрашены черной краской	оригинальная лестница утрачена при строительстве пристройки
11.	Начальное училище на Красноярской. Новосибирский государственный областной Дом народного творчества	кованые	старые слои краски удалены, окрашены черной краской	деревянные
12.	На пересечении Александровской и Вагановской. Сейчас принадлежит военному ведомству	-	сведений пока получить не удалось	-

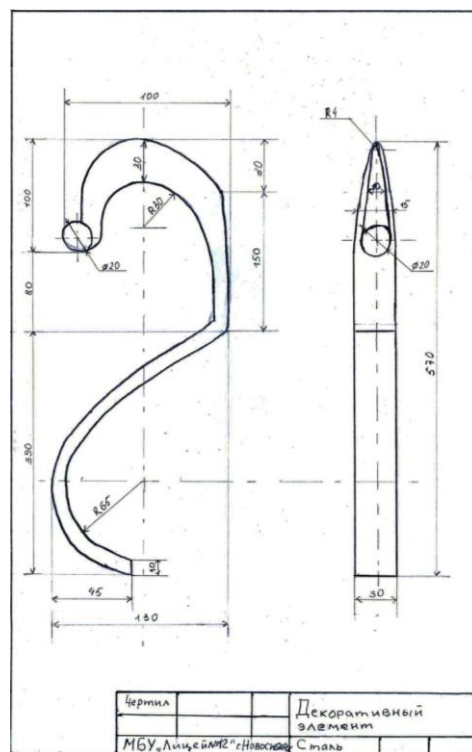
* По дореволюционным стандартам, и, до некоторых пор советского времени, ограждения лестниц устанавливали на некотором расстоянии от края ступенек, затем в целях пожарной безопасности для расширения прохода ограждения стали устанавливать с краю. Этот факт может косвенно указывать на время изготовления и установки лестничных ограждений («оригинал» или «новодел»). На то же может указывать и наличие заклепок.

На основе анализа одного из поврежденных участков лестницы был сделан вывод, что декоративные элементы, как, впрочем, и все ограждение было сделано из стали. При выборе заготовки возникли трудности: полосу нужного нам формфактора в наше время не производят. Первый вариант — обрезок листа, сваренный под нужный размер, однако данная заготовка не выдержала быковки, так как разогретые до ковки температуры сварные швы значительно теряют прочность и ломаются. Необходимую заготовку нам предоставил А.В. Смирнов, учитель технологии Гимназии № 10, но, найденная полоса оказалась из очень качественной стали и мало поддавалась ручной обработке даже на горячо, так как нужно разбить большой объем стали высокой твердости. Решение было найдено — обратиться к профессионалам, у которых есть гидравлический молот, историческим аналогом которого на XX в. был паровой молот, который был необходим для быстрой обработки крупных изделий.

Так как в нашем проекте модель продукта определяется целью, мы можем лишь внести некоторые изменения во внешний вид изделия. На оригинальных элементах можно увидеть, что навершие петли является цельным, а у изготовленной новой детали она представляет собой закрученную полосу. К такому видоизменению, совместно с мастером, пришли во время обсуждения конструкции, так как это значительно сократит время и трудозатраты на изготовление данной детали, ввиду того что отковать цилиндр несколько дольше и сложнее, потребует доводки напильниками, что займет немало времени. В остальном конструкция осталась неизменной.

Для создания изделия был сделан эскиз в бумажном варианте, а также 3D модель в программе Autodesk Fusion 360, однако во время работы выяснилось, что это было не столь необходимо, так как мы пользовались только

внешним обводом детали и лишь изредка сравнивали толщину изделия по эскизу (ил. 5).

Ил. 5. Эскиз декоративного элемента лестничного ограждения (снимок авторов)

Fig. 5. Sketch of a decorative element of a staircase railing (authors' material)

Полученные результаты. На наш взгляд, нам удалось изготовить декоративный элемент парадной лестницы Александровского начального училища, сохраняя принципы и методы изготовления близкие к тем, которые использовали в начале XX в. при изготовлении подобных изделий [табл. 2] (ил. 6). Николай Петрович Журин в рецензии к нашей работе подтвердил это, указав на то, что мы практически освоили технологию изготовления декоративного элемента.

Табл. 2. Технологическая карта изготовления детали декоративного элемента

№	Последовательность выполнения операций	Инструменты и приспособления
1	Выбор заготовки	Линейка, штангенциркуль
2	Вытягивание края заготовки для закручивания	Гидравлический молот, газовый резак*
3	Закручивание края	Наковальня, молот, приспособление «обезьянка» **, газовый резак
4	Сгибание петли	Наковальня, приспособление «обезьянка», газовый резак
5	Осадка петли	Гидравлический молот, газовый резак
6	Выгибание дуги	Наковальня, приспособление «обезьянка»
7	Зачистка рубленых граней	УШМ, лепестковый круг

Пояснения: *Газовый резак используется для точечного нагрева детали. **Приспособление «обезьянка» — набор упоров и рычагов для наковальни, предназначенный для загибания и закручивания деталей, как на холодную, так и на горячую.

Ил. 6. Готовое изделие (снимок авторов)
Fig. 6. A recovered item. Final view (authors' material)

Выводы. Цель проекта выполнена — декоративный элемент изготовлен. Изучен большой объем информации об истории школ, построенных по проектам А.Д. Крячкова, налажены связи для обмена информацией, посещены и изучены лестницы большей частью зданий. Отработана технология изготовления подобных декоративных элементов начала XX в. Учащиеся школы были ознакомлены с собранной информацией. Также работа была положительно оценена профессором Н.П. Журиным.

Однако пока не удалось найти информацию о том, кто, где и когда изготовил подлинные лестницы. Это следующий этап наших исследований. Нужно ли этот декоративный элемент устанавливать в лестничное ограждение? Это задачи будущих исследований.

Благодарности.

1. Николаю Петровичу Журину профессору, члену Совета по сохранению памятников культуры при администрации Новосибирской области за предоставленную рецензию на исследование.

2. Анатолию Викторовичу Смирнову, учителю технологии «Гимназия № 10» за предоставление материала для изделия.

3. Егору Константиновичу Степанову, ученику МБОУ «Лицей №12», финалисту

олимпиады НТО, за помощь с составлением 3D модели.

4. Коллективу Кузница-54 за предоставленные услуги в помощи по изготовлению изделия.

Список литературы

1. Баландин С.Н., Ваганова О.П. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1973. 53 с.
2. Кузменкина Л. Крупнейшая катастрофа в истории города. // Вечерний Новосибирск. 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://vn.ru/index.phpid=97470>.
3. Медвюков Н.И. Кузнечное дело. / Медвюков Н.И., Суслов П.В. 1959. 351 с.
4. «Обская жизнь». 1910. №8. С. 3.
5. Справочник по городу Ново-Николаевску. Новосибирск. 1992. С. 54.
6. Циплаков И.Ф. Корона Сибирской столицы. Новосибирск. 2003. С. 34.
7. Школы, которые построил Крячков. Составители: Бушма Д.Д., Тарновская Т.Н., Усепян Л.Х. Редактор: Филонов С.В. Новосибирск, 2012.

References

1. Balandin S.N., Vaganova O.P. Sibirskii arkhitekt A.D. Kryachkov. [Siberian architect A.D. Kryachkov]. Novosibirsk: Zap-Sib. Kn. izd-vo. 1973. 53 p.
2. Kuzmenkina L. Krupneyshaya katastrofa v istorii goroda. [The biggest disaster in the history of the city]. In: Vecherniy Novosibirsk. 2009. URL: <http://vn.ru/index.phpid=97470>
3. Medvyukov N.I. Kuznechnoe delo. [Blacksmith craft]. Medvyukov N.I., Suslov P.V. 1959. 351 p.
4. "Ob skaya zhizn". ["Ob Life"]. 1910. No. 8. P. 3.
5. Spravochnik po gorodu Novo-Nikolaevsk. [Directory of the city Novo-Nikolaevsk]. Novosibirsk. 1992. P. 54
6. Tsiplov I.F. Korona Sibirskoy stolitsy. [Crown of the Siberian capital]. Novosibirsk. 2003. P. 34
7. Shkoly, kotoryye postroil Kryachkov. [Schools built by Kryachkov]. Compiled by: Bushma D.D., Tarnovskaya T.N., Usepyan L.Kh. Editor: Filonov S.V. Novosibirsk. 2012.

Список источников

1. ГАО, ф. Д-97, 93,107
2. Опись №Д-97, дело №97, л. 7

Материал передан в редакцию 31.05.2022

**История зодчества Сибири и сопредельных территорий
с древнейших времён до нового времени**

The history of architecture in Siberia and adjacent territories from ancient to modern times

DOI: 10.37909/978-5-89170-343-8-2022-1008

УДК: 903

А.Ю. Борисенко

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН,
Пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
Новосибирский национальный исследовательский госу-
дарственный университет,
Ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090
aborisenko2@mail.ru
ORCID: [https://orcid.org/ 0000-0001-9558-5678](https://orcid.org/0000-0001-9558-5678)

**Жилища барабинских татар
по материалам академических экспедиций XVIII века**

Аннотация

Барабинская лесостепь остается недостаточно изученной в археологическом отношении территорией Сибири. Начало этому процессу было заложено в XVIII в. Академией наук было организовано несколько экспедиций, целью которых было исследовать восточные регионы Российской империи в широком тематическом аспекте. Помимо естественнонаучных задач, участники научных путешествий должны были собирать сведения о древних и традиционных культурах народов населявших отдаленные окраины государства. Одним из элементов традиционного хозяйства являются жилища. В представленной работе рассматриваются сведения, собранные руководителем самой первой исследовательской экспедиции Д.Г. Мессершмидтом и участником Физической экспедиции Российской Академии наук И.Г. Георги о жилищах барабинских татар. Материалы проанализированы с современных научных позиций и демонстрируют значимость собранных данных как исторического источника.

Ключевые слова: Западная Сибирь, барабинские татары, академические экспедиции XVIII в., особенности традиционной культуры, жилые постройки

A.Yu. Borisenko

Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian
Branch of the RAS,
17, Lavrenteva, Novosibirsk, 630090
Novosibirsk National Research State University,
Pirogova, 1, Novosibirsk, 630090
aborisenko2@mail.ru
ORCID: [https://orcid.org/ 0000-0001-9558-5678](https://orcid.org/0000-0001-9558-5678)

**Dwellings of the Barabinsk Tatars based on materials from academic expeditions of
the 18th century**

Abstract

The Barabinsk forest-steppe remains an archaeologically insufficiently studied territory of Siberia. The beginning of this process was laid in the XVIII century. The Academy of Sciences organized several expeditions, the purpose of which was to explore the eastern regions of the Russian Empire in a broad thematic aspect. In addition to natural science tasks, participants of scientific trips had to collect information about ancient and traditional cultures of peoples inhabiting the remote outskirts of the state. One of the elements of the traditional economy is housing. The presented work examines the information collected by the head of the very first research expedition, D.G. Messerschmidt, and a member of the Physical Expedition of the Russian Academy of Sciences, I.G. Georgi, about the dwellings of the Barabinsk Tatars. The materials are analyzed from modern scientific positions and demonstrate the significance of the collected data as a historical source.

Keywords: Western Siberia, Barabinsk Tatars, academic expeditions of the 18th century, features of traditional culture, residential buildings

Введение. Этно-социальная история барабинских татар уже давно привлекает к себе внимание специалистов. В последней четверти XX в. интерес к их культуре и быту существенно возрос. Это можно проследить по количеству работ и их тематике. Этнический состав, генеалогия, традиционная культура, формирование, этнический состав и многие другие аспекты этно-социальной истории затрагивались в работах исследователей [Томилов, 1981; Селезнев, 1994]. Жилища как важный элемент жизнеобеспечения в среде сибирских татар также становились объектом изучения [Титов, 2015]. Однако эта категория памятников культуры барабинских татар отдельно не выделялась и упоминалась в работах авторов лишь в связи с основной темой исследований. Чаще всего речь в научной литературе идет о поселенческой культуре и особенностях строительства жилищ в более позднее время — на рубеже XIX–XX вв. Одним из источников, который поможет современным специалистам дополнить представление о повседневном быте населения Барабинской лесостепи и их жилых постройках, могут стать полевые материалы участников академических экспедиций XVIII в. В данной работе мы предлагаем обзор сведений о поселениях и жилищах барабинских татар, которые нам удалось собрать в ходе изучения полевых материалов иностранных участников академических экспедиций.

Описание материала. Первым путешественником, побывавшим на территории Барабинской лесостепи с научными целями в XVIII в. стал Даниил Готлиб Мессершмидт. Он во главе экспедиционного отряда достиг ее территории к середине марта 1722 г. Маршрут его путешествия по Барабе был опубликован нами ранее [Борисенко, 2011. с. 70]. Действуя согласно прописанным задачам экспедиции, среди которых был также сбор сведений о традиционном укладе аборигенного населения, он среди прочих культурных особенностей упоминал также и о традициях сооружения жилых построек. Д. Г. Мессершмидт отмечал, что жилища жителей Барабинской степи носили сезонный характер. Одним из зимних поселений был юрт *Čipaj*, жители которого на лето отправлялись на берег оз. *Ujguj* (Уйгур?), которое находилось в 20 верстах (21,3 км) от зимнего жилья. Такое перемещение в зависимости от времени года позволяет нам судить о хозяйственном укладе барабинцев первой четверти XVIII в. В озере ловили рыбу, главным образом карасей [Messerschmidt, 1962. s. 57]. В окрестностях озера поля засеивались зерновыми культурами. Судя по наблюдениям Д. Г. Мессершмидта, хозяйственная деятельность

барабинцев в обозначенный период носила комплексный характер.

Д. Г. Мессершмидт характеризует жизнь барабинцев как «очень бедную». Их жилища представляли собой землянки, без окон, с круглыми отверстиями в крыше, через которые внутрь проходит свет. Через дымовую трубу, которая тоже была в таком доме, выходили гарь и дым. Однако это был не единственный тип жилищ, описанный им во время маршрута по Барабинской степи. Он отмечал также наличие у барабинских татар бревенчатых домов, а также жилищ, сделанных «из балок». [Messerschmidt, 1962. s. 57]. Жилища в юрте *Čipaj* были сделаны из «голых палок, склеенных между собой клеем и соломой, как у каркасных конструкций» [Messerschmidt, 1962. s. 63]. Поселение состояло примерно из 5–10 домов, стоящих на расстоянии 5–10 аршин (3,5–7 м) друг от друга. Строения располагались по кругу. Д. Г. Мессершмидт указывает на то, что татарские поселения «обычно имели в плане форму звезды, но некоторые отличались иной планировкой» [Messerschmidt, 1962. s. 63].

Спустя почти полвека особенности культуры барабинских татар были описаны Иоганном Готлибом Георги. Будучи участником экспедиций И. П. Фалька в 1770 г. и П. С. Палласа в 1771 г. он среди прочего описал организацию поселений и жилищ татарского населения Барабинской лесостепи 70-х гг. XVIII в. Барабинцы, по-прежнему, имели постоянные зимние поселения и временные летние. Для последних были характерны жилища каркасной конструкции типа юрт. Опоры вкапывались в землю, а сверху шести также закреплялись. Он отмечал наличие «сений», не указав, однако, каким образом они отделялись от общей площади жилого помещения и их функциональное назначение. Диаметр жилища составлял около 10 м. Вероятно, при перекочевке каркас не разбирался полностью. Сверху он покрывался сплетенными из тростника циновками.

Как и его предшественник, И. Г. Георги описывает наличие отверстий в потолке зимних жилищ. Но добавляет, что они использовались не только как дымоходы и световые окна, но также были приспособлены стать выходом наружу в зимнее время, если метель заносила снегом дверь. Правда, в этом случае они использовались лишь для того, чтобы один раз выбраться из занесенного дома и откатать более приспособленный для этого выход [Георги, 1799. с. 114]. Эти сведения практически буквально позже вошли в сочинение П. Ш. Левека, изданное в 1783 г. [Левек, 2010. с. 410].

Анализ материала. Исследования современных археологов подтверждают эти наблюдения почти 300-летней давности. Сегодня ученые выделяют несколько типов наземных, а также углубленных в землю жилых построек, выявленных и исследованных в ареале расселения барабинских татар в XVIII в. [Гаркуша, 2010. с. 14–15]. О сооружении углубленных в землю жилищ барабинских татар упоминает еще Л. Ланг на страницах своего дневника. Такие жилища возвышаются над землей примерно на 0,7 м и сверху покрываются соломой [Зиннер, 1968. С. 108]. Полуземляночные конструкции жилых домов населения Барабинской лесостепи, по мнению специалистов, могли быть заимствованными у хантыйского населения [Селезнев, 1991. с. 84]. Они были распространены не только у барабинских татар, но и у других групп сибирского татарского населения. Жилища полуземляночного типа были наиболее распространены в их среде. Большинство из них квадратные или подквадратные в плане и ориентированы по сторонам света [Емельянов, 1908. С. 109]. Исследователи фиксируют их в виде западин. На уровне пола таких конструкций сооружалась каркасная конструкция, к которой крепились доски и сверху засыпалась землей. Крыша такой конструкции могла быть двускатной или пологой.

Однако у построек на поселениях и городищах Западной Сибири встречаются также и конструкции крыш, которую описывал Д.Г. Мессершмидт. Они присущи конусообразным постройкам, по форме напоминающим юрту. Стены такой постройки имели внутренний наклон и центральную опору в виде столба. Вокруг нее закреплялись жерди, которые образовывали дымоход и одновременно световое окно [Троицкая и др., 2004. с. 123–125].

Срубные конструкции домов более всего известны сейчас в материалах потчевашской культуры, что лишний раз подтверждает участие местного потчевашского населения в формировании самостоятельного этнокультурного образования барабинских татар [Бараба..., 1988. с. 168–169]. Так, на памятнике Мурлинка I В.И. Матющенко были зафиксированы бревенчатые конструкции подчетырехугольной формы [Матющенко, 1985]. Возможно, умением возводить срубно-каркасные дома барабинские татары владели и до прихода русских. Традиция ставить срубные постройки как часть надмогильных сооружений была отмечена в XVII–XVIII вв. у некоторых групп татарского населения [Корусенко, 2003. С. 28–31]. У И.Г. Георги также есть упоминание о том, что четырехугольные срубы были известны сибирским татарам еще до прихода русских [Георги, 1799. с. 143]. Упоминание об этом встречается у исследователей рубежа XIX–XX вв. [Ядринцев, 1899. С.

89; Ельницкий, 1895. С. 44] Примечательно сообщение А.Д. Миддендорфа о том, что в начале XIX в. строительный лес служил барабинцам хорошим источником для повышения благосостояния и отмечал масштабные вырубки леса в ареале проживания барабинских татар [Миддендорф, 1871. с. 92–93]. Можно предположить, что они достаточно хорошо владели искусством обработки древесины, использовали ее для строительства своих жилищ.

Вероятно, барабинцы могли возводить свои поселения на территории ранее существовавших обитаемых мест. Так, на памятнике Серегино-2 одна из раскопанных полуземлянок была сильно повреждена ямой более позднего сооружения, которые авторы раскопок датируют XVIII вв. и относят к позднему поселению культуры барабинских татар. [Кобелева и др., 2015. с. 268–269]. На памятнике так же имеется более ранний слой. Судя по составу инвентаря — глиняным пряслицам и костяным поделкам — он относится к средневековому периоду культуры барабинцев и датируется XIV–XVII вв.

К настоящему времени ни одно срубное жилище, которое можно было бы отнести к барабинским татарам XVIII в., не сохранилось в достаточной мере, чтобы его можно было полностью реконструировать. Для реконструкций используются дополнительные сведения письменных источников и этнографические данные [Гаркуша, 2010. с. 15].

Тем более, не сохранились до настоящего времени и легкие постройки сезонного характера, о которых упоминают ученые-путешественники, участники исследовательских экспедиций XVIII в. Легкие постройки саманного или дернового типа не требовали больших временных и материальных затрат. При сезонном характере хозяйственной деятельности барабинских татар это было удобно и выгодно. Несмотря на то, что образ жизни у барабинских татар становился все более оседлым, использование таких строительных материалов, как глина, земля, дерн наряду с деревом было распространено у них в XIX в. [Титов, 2015. С. 37].

Выводы. XVIII век для российской науки — это время «пионеров» во многих научных областях. Все открывалось впервые. Исследовательские принципы и методы соответствовали времени проведения исследований и были по-своему прогрессивны. В археологии, этнографии, краеведении — это время накопления источниковой базы. Исследования носили описательный характер. Сведения, собранные участниками исследовательских экспедиций, порой являются довольно фрагментарными, это касается и темы традиционных жилищ барабинских татар XVIII в. Однако, они были зафиксиро-

ваны и описаны людьми, которые видели их собственными глазами, в контексте традиционной культуры. Исследования современных специалистов показывают, что домостроительные традиции сибирского татарского населения долгое время сохранялись актуальными. Несмотря на переход к стационарному проживанию и изменениям в способах ведения хозяйства, татарское население Западной Сибири продолжало применять методы возведения жилищ с использованием традиционных материалов и традиционного знания вплоть до конца XIX в. Сведения об этих традициях, зафиксированные очевидцами современными им научными методами, позволяет проследить бытование и развитие домостроительной традиции на территории проживания барабинцев как минимум на 300 лет. Это придает материалам, полученным исследователями в ходе первых академических экспедиций, научную значимость и может быть использовано в качестве источника по истории барабинских татар XVIII в.

Благодарности. Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Список литературы

1. Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 177 с.
2. Борисенко А.Ю. Сведения о традиционной культуре татарского населения и археологических памятниках Барабинской лесостепи в дневниковых записках Д.Г. Мессершмидта. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Том 10. Выпуск 3: Археологи и этнография. С. 69–74.
3. Гаркуша М.А. Культура коренного населения бассейна р. Тары в XVI–XVIII вв. в памятниках археологии. Автореф. канд. наук. Барнаул, 2010. 22 с.
4. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 187 с.
5. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху: состав, занятия и повинности. Томск: изд-во Томского университета, 1980. 251 с.
6. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Восточносибирское книжное издательство, 1968. 248 с.
7. Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России: этнографические очерки. СПб.: изд-ие Д.Д. Полубояринова, 1895. 136 с.
8. Кобелева, Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Демахина М.С. Комплексные исследования городища Серегина-2 на реке Оми. // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 267–271.

9. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX веках: опыт анализа структуры и содержания. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 7. 192 с.

10. Левек П.Ш. История народов, подвластных России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 480 с.

11. Матющенко В.И. Исследования у д. Айткулово. // АО 1983. Москва: Наука, 1985. С. 225–226.

12. Миддендорф А.Ф. Бараба. Описание Барабинского края. С-Петербург: тип. Императорской Академии наук, 1871. Т. XIX. № 2. 123 с.

13. Селезнев А.Г. Земляные жилища барабинских татар. // Жилища народов Западной Сибири. Томск: изд-во ТомГУ, 1991. С. 78–85.

14. Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 175 с.

15. Титов Е.В. Культура домостроительства татар Тарского Прииртышья в конце XIX–XX века. // Вестник Кемеровского государственного института культуры. 2015. Культурология (32). С. 34–44.

16. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-сибирской равнины в конце XVI–первой четверти XIX вв. Томск, Изд-во ТГУ, 1981. 169 с.

17. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учебное пособие. Новосибирск: изд-во НГПУ, 2004. 136 с.

18. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: изд-во И.М. Сибирякова, 1899. 308 с.

19. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1721–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. Teil 1. 379 S.

References

1. Baraba v tyurskoe vremya. [Baraba in Turkic times]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 177 p. (in Russ.)
2. Borisenko A.Yu. Svedeniya o traditsionnoi kulture tatarskogo naseleniya i arkheologitscheskikh pamyatnikakh Barabinskoi lesostepi v dnevnikovykh zapiskakh D.G. Messerschmidt. In: Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Information about the traditional culture of the Tatar population and the archaeological sites of the Baraba forest-steppe in the diary notes of D.G. Messerschmidt. In: Bulletin of NGU. Series: History, philology]. 2011. Vol. 10. Iss. 3: Archaeology and Ethnography. Pp. 69–74. (in Russ.)
3. Garkusha M.A. Kultura korenного nasele-niya basseina r. Tary v XVI–XVIII vv. V pamyatnikakh arkheologii. [The culture of the indigenous population of the river basin. Tara in the 16th–18th centuries. in archaeological

- sites]. Avtoref. Kand. Nauk. Barnaul, 2010. 22 p. (in Russ.)
4. Georgi I.G. Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayutshikh narodov. T. 2. O narodakh tatarskogo plemeni. [Description of all peoples living in the Russian state. Part 2. About the peoples of the Tatar tribe]. Saint Petersburg: Imp. Akademiya nauk, 1799. 187 p. (in Russ.)
5. Emelyanov N.M. Naselenie Srednego Priobya v feodalnuyu epokhu: sostav, zanyatia i povinnosti. [Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the XVIII century]. Tomsk: TSU Publishing House, 1980. 251 p. (in Russ.)
6. Zinner E.P. Sibir v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchonykh XVIII veka. [Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the 18th century.]. Irkutsk: Vostochnosibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1968. 248 p. (in Russ.)
7. Elnitskiy K. Iniridtsy Sibiri I sredneaziatskikh vladenyi Rossii: etnograficheskie ocherki. [The population of the Middle Ob region in the feudal era: composition, occupations and duties]. Saint Petersburg: izdanie D.D. Poluboyarinova, 1895. 136 p. (in Russ.)
8. Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Demakhina M.S. Kompleksnyye issledovaniya goroditscha Seregino-2 na reke Omi. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri I sopredelnykh territorii. [Comprehensive research of the settlement Seregino-2 on the Om River. Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2015. Vol. 21. Pp. 267–271. (in Russ.)
9. Korusenka M.A. Pogrebalnyi obryad tyurkskogo naseleniya nizovev r. Tara v XVII–XVIII vekakh: opyt analiza struktury I sodержaniya. Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problem kultury I sotsiума. [The funeral rite of the Turkic population of the lower reaches of the river. Tara in the 17th–20th centuries: the experience of analyzing the structure and content. Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society]. Novosibirsk, 2003. Vol. 7. 192 p. (in Russ.)
10. Levek P.Sh. Istoriya narodov, podvlastnykh Rossii. [History of the peoples subject to Russia]. Saint Petersburg: D. Bulanin, 2016. 480 p. (in Russ.)
11. Matyutschenko V.I. Issledovaniya u d. Aytkulovo na Irtushe. Arkheologicheskie otkrytia 1983 goda. [Research near the village of Aitkulovo. Archaeological discoveries 1983]. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 225–226. (in Russ.)
12. Middendorf A.F. Baraba. Opisanie Barabinskogo kraia. [Baraba. Description of the Baraba]. Saint Petersburg, 1871. Vol. 19. No. 2. 123 p. (in Russ.)
13. Seleznev A.G. Zemlyanye zhilishcha barabinskikh tatar. [Ground dwellings of the Baraba Tatars]. Zhilishcha narodov Zapadnoi Sibiri. Tomsk: TSU Publishing House, 1991. Pp. 78–85. (in Russ.)
14. Seleznev A.G. Barabinskije tatary: istoki etnosa I kultury. [Baraba Tatars: origins of ethnos and culture]. Novosibirsk: Nauka, 1994. 175 p. (in Russ.)
15. Titiv E.V. Kultura domostroitelstva tatar Tatarskogo Priirtyshia v konze XIX–XX veka. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kultury. [Housebuilding culture of Tatars of the Tara Irtysh region at the end of the 19th–20th centuries. Bulletin of the Kemerovo State Institute of Culture]. 2015. Kulturologia (32). Pp. 34–44. (in Russ.)
16. Tomilov N.A. Tyurkoyazuchnoe nasele-nie Zapadno-sibirskoy ravniny v kontse XVI–pervoy chetverti XIX vv. [Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th–first quarter of the 19th centuries]. Tomsk: TSU Publishing House, 1981. 169 p. (in Russ.)
17. Troitskaya T.N. Novikov A.V. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoi ravniny. [Archeology of the West Siberian Plain]. Novosibirsk: Publishing house of NSPU, 2004. 136 p. (in Russ.)
18. Yadrintsev N.M. Sibirskie inorodtsy, ikh byt I sovremennoe polozhenie. [Siberian foreigners, their way of life and current situation]. Saint Petersburg: izdatelstvo I.M. Sibiryakova, 1899. 308 p. (in Russ.)
19. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1721–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. Teil 1. 379 p.

Материал передан в редакцию 05.06.2022

Л.Г. Мамян

Национальный институт архитектуры и строительства Армении
Ул. Терьяна 105, Ереван, Республика Армения 0009
Lusarx66@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2930-0173>

Армянские следы в контексте архитектурного наследия итальянской провинции Тоскана в исторической парадигме веков

Аннотация

Настоящая статья представляет собой попытку проанализировать интенсивность и объем армяно-итальянских средневековых взаимосвязей в Тоскане, а также исследовать следы материальной культуры, созданной в период армянского присутствия. Исследуется реальность, которая проливает свет на экономическую и культурную мощь армянских общин, сформировавшихся на территории современной Италии, и на остроту знаков, которые они оставили на территории этой страны.

Научные цели статьи — документально-аналитическое изучение исторического присутствия, поселений, а также различной деятельности армян в Тоскане, особо привилегированным сектором которой является искусство, в частности — архитектура. Новизна статьи заключается в том, что вышеупомянутые исследования арменистики в городах Тосканы с помощью частных микроисторий и некоторых общих исторических фрагментов, собраны воедино и впервые создается возможность хронологического анализа сохранившихся следов материальной культуры. Исследование проводилось методом историко — сравнительного анализа, хронологически проанализирован процесс исторического появления, присутствия и деятельности армянских колоний, а также изучены архитектурные особенности отдельных построек и деталей, сохранившихся произведений искусства и артефактов.

Ключевые слова: колонии, духовенство, арменоведение, следы материальной культуры, архитектурная композиция, базилика, церковь, армянская община

L.H. Mamyan

National University of Architecture and Construction of Armenia
105 Teryan Street, Yerevan, Republic of Armenia 0009
Lusarx66@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2930-0173>

Armenian Traces in the Context of the Architectural Heritage of the Italian Province of Tuscany in the Historical Paradigm of the Ages

Abstract

This article is an attempt to analyze the intensity and scope of the Armenian-Italian medieval relationships in Tuscany, as well as to explore the traces of the material culture created during the period of the Armenian presence. The article explores a reality that sheds light on the economic and cultural power of the Armenian communities that formed on the territory of modern Italy, and on the sharpness of the signs that they left on the territory of this country.

The scientific goals of the article are documentary and analytical study of the historical presence, settlements, as well as various activities of Armenians in Tuscany, a particularly privileged sector of which is art, in particular architecture. The novelty of the article lies in the fact that the above-mentioned studies of Armenistics in the cities of Tuscany, with the help of private microhistory and some general historical fragments, are brought together and for the first time the possibility of a chronological analysis of the surviving traces of material culture is created.

The study was carried out by the method of historical and comparative analysis, the process of historical appearance, presence and activity of the Armenian colonies was analyzed chronologically. As well as studied the architectural features of individual buildings and details, preserved works of art and artifacts.

Keywords: colonies, clergy, Armenian studies, traces of material culture, architectural composition, basilica, church, Armenian community

Введение. История армян Италии — это, история многонациональной цивилизации различных сословий, хронологический ряд которой давно изучен: поздняя античность — категория государственных деятелей и военных; средневековый период — духовенство, покровительствующее светским общинам; в средневековье и в новое время — категория торговцев и иммигрантов, время от времени появляющихся на исторической арене. В колониях были построены церкви, школы, написаны и переписаны древние рукописи, созданы ценные произведения искусства, истории, литературы. Благодаря всему этому, здесь в XIV–XVIII вв. не только сохранилась, но и развивалась армянская культура.

Уже с VI века, период, когда армяне появились в Италии и были вовлечены в византийский государственный аппарат в качестве чиновников или военных, позже, будучи паломниками, Италия стала рассматриваться ими как врата в Европу. Наиболее привилегированными в этом отношении были толерантные портовые — Венеция, Бари, Ливорно, Триест и др. Изучаемая действительность проливает новый свет на экономическую и культурную мощь армянских общин, сформировавшихся на территории современной Италии, а также на многочисленные исторические следы материальной культуры, оставленные ими в этой стране. В этом смысле итальянское арменоведение отводит Тоскане особое место в исследуемом историческом периоде. О присутствии здесь армян можно говорить примерно с тысячного года. Изначально речь шла о монастырских центрах, которые стали приютами для паломников, тем самым создав сеть для передвижения армян между местными населенными пунктами региона, в частности Флоренцией, Пизой, Сиеной, Пистойей, Луккой, Ливорно.

Таким образом, в статье ставится задача выявить глубинные армяно-итальянские культурные и духовные корни, давшие толчок к созданию огромного армянского историко-культурного наследия, сохранившегося в Италии с раннего средневековья до наших дней. Малой частью этого наследия являются исследуемые нами армянские следы, сохранившиеся в Тоскане, в частности Армянская католическая церковь Святого Григория Просветителя в Ливорно.

Полученные результаты и их обсуждение. Флоренция. Церковь Св. Барсега Армянина. Историография хранит тот факт, что бывшая методистская церковь в районе Галло Флоренции, ныне известная как Цер-

ковь Адвентистов Седьмого Дня, является церковью Святого Барсега Армянина (San Basilio degli Armeni di Firenze [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 81–87]. Вместо, сохранившего свое существование до 1218 г. монастыря Галло, приехавшие из Генуи армянские монахи в 1332 году основали армянскую церковь св. Барсега и примыкающее к нему кладбище. Они остаются здесь до 1491 года, когда город покидает последний представитель духовенства, уже не армянин. С той эпохи рядом с церковью сохранилась небольшая мраморная статуя голубя на круглом постаменте. Большая часть движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего армянским монахам, было передано другим общинам города [История арм. кол., 2013, с. 31].

Церковь Сан-Миниато (Св. Минаса). История церкви Сан Миниато (Св. Минаса), одного из старейших памятников Флоренции, связана с историческим присутствием армян в этом городе. Нет каких-либо конкретных исторических сведений о том, что церковь была построена армянами, но важна она тем, что посвящена армянскому святому III века Минасу, поклонение которому было распространено именно в Тоскане. Во Флоренции, на знаменитом холме, куда, согласно преданию поднялся, обезглавленный заслушание языческих царей, армянин Св. Минас, его именем было построено святилище, ставшее в 8 веке церковью (ил.1). К этому веку относится распространение легенды о том, что святой был армянским царем, и свидетельствующий об этом самый известный документ находится в нижней части купола церкви, во фреске, где латинскими буквами написано «Св. Миниато — армянский царь» [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 82–83]. Отмечая важность церкви, власти города в разные периоды времени делали ей ценные пожертвования, в том числе земельные угодья. С 1018 г. по 1063 г. была проведена реконструкция церкви, за время которой она была покрыта фресками и другими украшениями; в 1201 г. пол церкви был вымощен самой дорогой плиткой того времени; 1297-ому г. приписывается создание на куполе церкви Св. Миниато фрески со знаменитой надписью (ил. 2). Церковь по своей структуре и архитектурной композиции, считается прекрасным образцом классических архитектурных традиций эпохи Возрождения и Рима, а именно, как совокупность архитектурной композиции базилики и языческих храмов первых веков.

Ил. 1. Фасад церкви Св. Минаса во Флоренции.
Fg. 1. Facade of the church of St. Minas in Florence.

Ил. 2. Внутреннее убранство церкви св. Минаса со знаменитой фреской на куполе, Флоренция
Fg. 2. The interior decoration of the church of St. Minas with the famous fresco on the dome, Florence

Церковь Сан-Миниато между башнями. Существует немного исторических свидетельств того, что до XIX века во Флоренции действовала еще одна армянская церковь, имени Св. Минаса, которая благодаря своему расположению получила название «Св. Минас между башнями». До нас

дошло лишь несколько рисунков внешнего вида церкви, которые доказывают ее величие. Она располагалась между старым и новым рынками Флоренции, в самом сердце города, где жили самые знатные семьи Флоренции, по всей вероятности — основные прихожане церкви. Интерьер церкви был

богат ценными произведениями художников-современников. Архивы указывают его культурологическое влияние, особенно фресок, на близлежащие церкви и другие исторические строения. По сохранившимся сведениям, церковь была снесена в XIX веке с целью расширения района Старого рынка Флоренции (Vecchio Mercato) [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 86–87].

Пиза. Церковь Св. Антона. Деятельность армянских монахов Пизы восходит к началу XIII века и продолжается до 1320 года. Уже в том году армяне строят церковь Св. Антона, расположенную в западной части города, на правом берегу Арно. Как свидетельствует надпись на надгробии 1427 г., церковь принадлежала армянам более 100 лет. С момента своего открытия она стала центром процветания литературы, где были созданы и переписаны многие армянские рукописи, ныне хранящиеся в библиотеках Лоренциана во Флоренции, Амброзиана в Милане, а также в Национальной библиотеке Вены. Основы этого процесса проложил армянский архиепископ Григор, имя которого упоминается во многих ценных исторических документах в Амброзиане [История арм. кол., 2013, с. 48].

В Армянской хронике Пизы есть страница, относящаяся к 1366 году и свидетельствующая об основании армянским купцом монастыря Чертоза или иначе Картузианц. Купца звали Петрос Мирандис, и в 1282 г. он упоминается в Пизанских архивах как житель города. Эти и подобные свидетельства доказывают тот факт, что еще до появления армянских монахов в Пизе существовала процветающая армянская община, следы которой прослеживаются еще в XIII веке [Акопян, 2005, с. 23].

Сиена. Церковь Святого Креста. Сиена-еще один город армянского средневекового присутствия в Италии. В городских архивах уже в 1263 году упоминается церковь армянских монахов Святой Крест. Возможно, что в разные времена эта же церковь называлась св. Фаддей, св. Симеон, св. Аствацацин (Св. Богородицы), поскольку по свидетельству Г. Алишана, в Сиене еще в 1270 г. упоминаются церкви с этими названиями, они зафиксированы и в рукописях Сиенского собора, однако, нигде нет сведений о том, что в городе было более одной армянской церкви. В Сиене существовало также армянское кладбище, упоминаемое с 1462 года, вероятно, возле церкви Святого Креста. Сохранились свидетельства того, что уже в конце XIX века церковь и кладбище находились в заброшенном, закрытом состоянии.

Еще одно упоминание об армянском монастыре того периода, относится к монастырю, находящемуся недалеко от Сиены, вблизи крепости Сан-Джиминьяно, который

после ухода армян перешел к конгрегации Оливетто [История арм. кол., 2013, с. 36].

Пистойя. Часовня Св. Барсега. В XIV веке армянские монахи поселились в городе Пистойя, в старой часовне Св. Анофриоса, к которой была присоединена часовня св. Барсега. Они оставались здесь с 1340 года, вплоть до семидесятых годов XV века, позже покинув как свой монастырь в Пистойе, так и монастыри Падуи и Болоньи. Доказательством прежнего присутствия армян в Пистойе является сохранившаяся и названная в честь армян улица, которая берет начало в пригороде Сан-Марко и ведет к площади Сан-Лоренцо [История арм. кол., 2013, с. 48–49].

Лукка. Церковь Сан-Микеле. Одним из самых известных святых в Италии является святой Давид армянин, поклонение которому неотделимо от церкви Сан-Микеле на Форуме города Лукки, где хранятся мощи святого [История арм. кол., 2013, с. 48]. В XI веке епископы Луки перенесли мощи святого под алтарь церкви Св. Микеле, заключив их в драгоценный мраморный ларец. В 1759 г. была проведена последняя реконструкция главного алтаря церкви Сан-Микеле, который по сей день не подвергался каким-либо изменениям [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 8–11].

Армянская католическая церковь Св. Григория Просветителя в Ливорно. Среди армянских общин Тосканы Ливорно была самой сохранившейся, самой значительной, самой долгоживущей армянской общиной рассматриваемого периода. В армянских источниках его иногда называют «Аликорна» или «Лигурна».

Связь армян с городом Ливорно в основном начинается в XVI–XVII веках. Существование армян в этом городе можно проследить как минимум с 1582 года, хотя некоторые ученые утверждают, что армяне были там с более ранних времен, так как они упоминаются среди народов Востока, которых в 1551 году великий герцог Козимо I официально пригласил во Флоренцию и в Великое герцогство Тосканы с целью продвижения торговли в регионе [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 103]. Колония образовалась несколько позже, после привилегий, дарованных великим князем Фердинандом I в 1591–1593 годах купцам, приехавшим с запада и востока, и желающим поселиться в Ливорно и в Пизе. Среди приглашенных народов были и армяне [Оренго, 2008, с. 162]. Ливорно привлекает армян особенно выгодными условиями для торговых целей. Первостепенная и главная роль армян в общественно-политической жизни края дает им право иметь собственного консула; сохранились также упоминания о дворцах армян, основанных ими ремеслах, особенностях бытовой культуры и искусства (ил. 3).

Ил. 3. Карта порта Ливорно с описанием и изображением армянских владений с 1648–1746 гг.,
«Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora»

Fig. 3. Map of the port of Livorno with a description and image of the Armenian possessions from 1648–1746,
“Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora”

Так, в XVII–XVIII веках армянская колония Ливорно получила большое развитие, где в XVII веке проживало уже около тысячи армян. У армян было почти 120 торговых точек в городе, и они были вполне интегрированы в общественную среду. В то же время колония находилась в постоянном контакте со своей родиной, другими армянскими колониями, разбросанными по всему миру, благодаря чему им удалось, будучи включенными в некоторые устоявшиеся сферы тосканского общества, сохранить свои уникальные национальные особенности. Среди видных бизнесменов Ливорно были Антонио Погос, Григорио Мирман де Гираг, семья Шерманов и другие [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 104]. Так, при денежном спонсорстве трех ливорнийских армянских купцов, архимандрит Воскан Ереванци в 1666–1668 гг. смог издать в Амстердаме Библию, а уже в 1668–1672 гг. священник решает перенести типографию в Ливорно. В этот период в Ливорно были написаны и переписаны многие армянские рукописи. Это известные факты, которые, безусловно, являются доказательством определенных культурных действий, происходящих внутри армянской колонии Ливорно в рассматриваемый период.

Именно в эти годы, с учетом многочисленности колонии и хороших условий существования, начинаются разговоры об очень важном событии — строительстве армянской церкви. Она должна была обеспечивать не

только удовлетворение духовных потребностей армян, но, как и в случае с другими армянскими общинами, могла бы стать национальным, культурным учреждением, призванным сохранить самобытность армянской общины [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 105].

История церкви — одна из важнейших страниц истории армянской общины Ливорно. Пизанская епархия, которой принадлежала церковь и «Совет по распространению веры» в Риме не сразу признали факт предоставления церкви армянам, опасаясь, что она будет использоваться для некатолических церемоний. По этой причине строительство церкви, на уже купленной земле, затягивается, и только 1 января 1714 года она освящается именем св. Григория Просветителя и становится главным центром армянской идентичности в Ливорно [Оренго, 2008, с. 164]. По словам Г. Алишана, это была самая красивая армянская церковь Италии [История арм. кол., 2013, с. 49].

Строительство церкви было поручено флорентийскому архитектору Джованни Баттиста Фоджини (1652–1725). Последний перенял лучшие классические направления барокко и Флорентийской архитектурной школы и считался одним из лучших архитекторов того времени [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 105]. Церковь была построена местными мастерами, а внутренняя отделка заказана и осуществлена в Fabrika di Livorno [Fisher, 2006, с. 39]. Сохранившаяся переписка Фод-

жини со скульптором Андреа Вакка подтверждает, что в 1709 году Фоджини заказал скульптуры фасада церкви. Поскольку церковь должна была быть символом присутствия армян и здесь должны были по всем своим законам и во всей своей роскоши отмечаться армянские церковные праздники, подтверждая тем самым превосходство армян над их соперниками-греками, еще недостроенная церковь уже была облицована дорогостоящим мрамором (ил. 4), [Sanacore,

2006, с. 49]. Мраморные скульптуры, тимпан и остальные декоративные скульптуры были спонсированы Ага Матосом [Fisher, 2006, с. 39]. В сохранившихся документах церкви, присутствие на этой строительной площадке знаменитого штукатура в 1705 г., свидетельствует о завершении основных строительных работ и о начале последующих за ними отделочных работ, с учетом строительных традиций того времени, с привлечением к делу лучших светских и церковных мастеров.

Ил. 4. Ливорно, арм. Церковь до 1943г. Алессандро Герардини, алтарь в правом трансепте, Успение Богородицы, «Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora»

Fg. 4. Livorno, arm. Church until 1943 Alessandro Gherardini, altar in the right transept, Assumption of the Virgin, "Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora"

В XVIII веке церковь изнутри и снаружи была украшена произведениями искусства самых известных живописцев и скульпторов того времени. Следует упомянуть Андреа Вакка, Джованни Баттиста Чичера, Джованни Баррата, французского художника Франсуа Ривьера с картиной «Крещение армянского царя Трдата святым Григорием Просветителем» и других. То, что в строительстве церкви было задействовано так много известных мастеров, лишь подтверждает тот факт, что армяне в Ливорно пользовались неоспоримым авторитетом и занимали высокие посты.

Принцип формирования церкви был следующий: зодчие и мастера, конечно же придерживались традиций местной культуры того времени, но старались не игнорировать порядок армянского церковнослужения, предполагающий кое-какие особенности в планировке, в данном случае переход, именуемый *pronaos* [Fisher, 2006, с. 40], передняя — переход с улицы в святилище через окаймляющие колонны и хоры. Хоры отделяли верующих людей от скинии, представляющей собой абсиду. Изнутри в плане церковь была равносторонне — крестообразной, центральнокупольной и славилась своей акустикой. Скиния справа — это скиния Св. Гри-

гория Просветителя, скиния слева — скиния Божией Матери, где, согласно старым чертежам, в 1754 году была дверь в ризницу [Fisher, 2006, с. 40]. Эта схема дает представление о том, как армянам удавалось сочетать требования армянского ритуала со стилем и вкусом известных местных мастеров. Церковь в городе выделялась своим куполом — это самый известный купол Ливорно, не самый большой, но во все времена используемый в иконографии города, как бы напоминающая о «восточном» присутствии в Ливорно.

Помимо собственно архитектурных решений, план церкви интересен расположением захоронений внутри нее (ил. 5). Это дает представление о социальной иерархической

системе армянской общины. Например, в центре, под перекрещением купольных арок, похоронен Ага Матос, построивший церковь на свои средства и «умерший без долгов». В центре алтаря находится могила синьора Хуана Дзалли, первого, кто обеспечил убранство церкви. За ними расположены могилы других меценатов, которые, так или иначе, внесли свой вклад в строительство церкви. Вслед за ними — могилы богатых верующих семей города, а также наличие общей ямы для захоронения бедняков [Fisher, 2006, с. 41]. Таким образом, структурная схема интерьера церкви дает возможность составить представление о социальной многослойности армянской общины Ливорно.

Ил. 5. План армянской церкви Ливорно с описанием захоронений, «Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora»

Fg. 5. Plan of the Armenian Church of Livorno with a description of the burials, "Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora"

В 1884 году под руководством Олинто Парадози церковь была отремонтирована, о чем на фасаде церкви латинскими и армянскими буквами была сделана надпись. Когда новые поколения армян, как прошлые, становились итальянцами, только церковь и, время от времени прибывающее из Армении духовенство, напомнили им об их далеких корнях. С начала XIX века, как и в последующем веке, армянская община Ливорно постепенно исчезала. По данным 1903 г., согласно

сохранившемуся свидетельству, из-за экономического кризиса настигнувшего регион Ливорно в конце 19 века, а также из-за ассимиляции армян в Ливорно стало слишком мало армян — прихожан, посещавших церковь Святого Григория Просветителя. Построенное Армянами Ливорно армянское кладбище, оказалось закрытым еще в 1875 году. После Первой мировой войны его разобрали и продали.

Во время Второй мировой войны город Ливорно неоднократно подвергался бомбардировкам и от армянской церкви уцелела лишь фасадная часть. Сразу после войны, когда в городе начались реставрационные работы, армянский монсеньор из Ливорно Джузеппе Барригас обратился к городским властям с просьбой избавить его «красивую» церковь от руин и отреставрировать ее, но запрос оставался без ответа и вплоть до 1948 года, внутренняя часть церкви остается под руинами. До 1949 года ведутся редкие очистительные специальные работы. За это время происходят неоднократные случаи грабежей и проявлений вандализма. Тем временем ценные произведения искусства — картины, мебель, артефакты, книги, рукописи исчезают. Архиепископ Пьетро Кедиджян составил список ценностей, пропавших без вести, в том числе полотно Ал. Герадини «Асунта», мощи св. Георгия, множество предметов из золота и серебра, около 300 тысяч книг на армянском и латинском языках.

В 1956 г. пресса Ливорно сообщает о том, что церковь Святого Григория Просветителя окончательно заброшена и покинута. Публикуются свидетельства разных горожан о «разборке» скульптур и самого алтаря в целях добычи разноцветных металлов. Об этом свидетельствуют фотографии того периода, сохра-

нившиеся в архивах города [Lazzarini, 2006, с. 66].

Таким образом, отсутствие армянской общины решило судьбу этой замечательной церкви. Городские власти неоднократно обращались к теме восстановления церкви, но так и не пришли к консенсусу. По согласованию с общей армянской общиной епископ Ливорно подтвердил благоприятное решение сохранить только фасад церкви, ликвидировав оставшиеся после войны руины. В результате переговоров вся территория церкви была выставлена на продажу [Архимандрит Т.Х., 2015, с. 106].

23 декабря 1955 г. было принято решение о строительстве нового архитектурного комплекса взамен прежней церкви, новыми средствами, но с сохранением старых архитектурно-строительных подходов, однако в 1957 г. новые владельцы «умудряются» отказаться от постройки и церкви, и колокольни. Так заканчивается одиссея восстановления церкви Св. Григория Просветителя в Ливорно. Сегодня армянская церковь Святого Григория Просветителя, скорее все, что от нее осталось — прекрасный фасад, используется международной организацией, осуществляющей межнациональные культурные связи, лишь как сохранившийся фрагмент исторического памятника (ил. 6).

Ил. 6. Оригинальный мраморный фасад арм. Церкви до 1943г. И записи, сделанные Ага ди Матосом, «Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora»

Fg. 6. Original marble façade Churches before 1943 And the recordings made by Aga di Matos, «Gli Armeni a Livorno L'intercultura di una diaspora»

Выводы

1. Средневековый армянский след в Тоскане, относящийся к европейскому Новому времени и более поздним временам, является одним из блестящих примеров межкультурного сотрудничества народов. В плане архитектуры — это духовные, гражданские и коммерческие здания.

2. Историко-культурное наследие, по разным поводам связанное с армянами Тосканы, относится к европейскому наследию изучаемого периода, но при использовании армянами оно приобретает армянские культурные отголоски — структурные, литографические, бытовые, эстетические.

3. Учитывая исключительность армянского историко-культурного присутствия в Тоскане, а также то, что большая часть культурного и исторического наследия уже уничтожена или переформирована, становится насущной необходимостью поднятие вопросов по сохранению межнационального культурного наследия на всех возможных межгосударственных и межконфессиональных площадках по обсуждению вопросов культуры.

4. На примере исчезающего памятника Ливорно становится ясно, что эта сфера культурного наследия постоянно находится в зоне риска и нуждается в межгосударственной и межконфессиональной поддержке по сохранению исторических памятников.

5. На примере сохранившегося фасада церкви Св. Григория Просветителя в Ливорно, уже в новом историческом периоде, необходимость создания возможностей по адаптации или перефункционалированию памятника (памятников), с одной лишь главной целью — на любом этапе удерживать, сохранить историко-архитектурную ценность объекта.

Список литературы

1. Архимандрит Товма Хачатрян. Армянские святые Италии, Армянские исторические церкви Италии, известные армяне. Первопрестольный Св. Эчмиадзин: Архимандритская диссертация, неопубликованная, 2015. 152 с.

2. Акопян Г. Армяне и Италия. Ереван: Филиал армянской общественной организации культурного сотрудничества с зарубежными странами «Армения–Италия»: Издательство «Зангак-97», 2005. 62 с.

3. Оренго А. Армяне в Тоскане 14–18 века. Материалы международной конференции посвященной 90-летию директору-основателю Матенадарана Л. Хачикяну (9–11 октября, 2008): Матенадаран, институт древних рукописей имени Месропа Маштоца, 2008. с 157–169.

4. История армянских колоний. Ереван: Институт истории АН РА, 2013. 360 с.

5. Fisher L.Fr. La costruzione della Chiesa degli Armeni a Livorno in iter lungo e accendato. Gli Armeni a Livorno l'intercultura di una diaspora. Livorno: Interventi nel convegno «Memoria e cultura armena fra Livorno e l'Orientale». Catalogo della Mostra «Gli Armeni a Livorno. Documenti e immagini di una presenza secolare». Archivio di stato Livorno-Chiesa Armena di Livorno, 2006. 27–41 с.

6. Sanacore M. La costruzione della chiesa nell processo fra li eredi di Aga Mathus e la nazione armena. Gli Armeni a Livorno l'intercultura di una diaspora. Livorno: Interventi nel convegno «Memoria e cultura armena fra Livorno e l'Orientale». Catalogo della Mostra Gli Armeni a Livorno. Documenti e immagini di una presenza secolare. Archivio di stato Livorno-Chiesa Armena di Livorno, 2006. 43–55 с.

7. Lazarini M.T. Marmi e testimonianze artistiche della chiesa di San Gregorio Illuminatore degli Armeni di Livorno. Gli Armeni a Livorno l'intercultura di una diaspora. Livorno: Interventi nel convegno «Memoria e cultura armena fra Livorno e l'Orientale». Catalogo della Mostra «Gli Armeni a Livorno. Documenti e immagini di una presenza secolare». Archivio di stato Livorno-Chiesa Armena di Livorno, 2006. 57–68 с.

References

1. Arkhimandrid Tovma Khachatryan. Arмянские святые Италии, армянские исторические церкви Италии, известные армяне. [Armenian saints of Italy, Armenian historical churches of Italy, famous Armenians]. Pervoprestolnii Sv. Echmiadzin: Arkhimandritskaya dissertatsiya, neopublikovannaya, 2015. 152 p.

2. Akopyan H. Armyane I Italiya. [Armenians and Italy]. Yerevan: "Zangak-97", 2005. 62 p.

3. Orengo A. Armyane v Toskane 14–18 veka. Materiali mejdunarodnoi konferencii posvyashennoy 90-letiyu direktora-osnovatelya Matenadarana L. Khachikyana [Armenians in Tuscany 14-18 centuries. Materials of the international conference dedicated to the 90th anniversary of the founding director of the Matenadaran L. Khachikyan]. Matenadaran, 2008. Pp. 157–169.

4. Istoria armyanskikh koloniy. [History of the Armenian colonies]. Yerevan: Institute of History AN RA, 2013. 360 p.

5. Fisher L.Fr. The construction of the Church of the Armenians in Livorno in a long and timed process. The Armenians in Livorno the interculture of a diaspora. Livorno: Speeches at the conference "Armenian memory and culture between Livorno and the East". Catalog of the exhibition "The Armenians in Livorno. Documents and images of a secular presence". Livorno State Archives. Armenian Church of Livorno, 2006. Pp. 27–41.

6. Sanacore M. The construction of the church in the process fra the heirs of Aga Mathus and the Armenian nation. The Armenians

in Livorno the interculture of a diaspora. Livorno: Speeches at the conference "Armenian memory and culture between Livorno and the East". Catalog of the exhibition "The Armenians in Livorno. Documents and images of a secular presence". Livorno State Archives. Armenian Church of Livorno, 2006. Pp. 43–55.

7. Lazarini M.T. Marbles and artistic testimonies of the church of San Gregorio Illuminatore

degli Armeni in Livorno. The Armenians in Livorno the interculture of a diaspora. Livorno: Speeches at the conference "Armenian memory and culture between Livorno and the East". Catalog of the exhibition "The Armenians in Livorno. Documents and images of a secular presence". Livorno State Archives. Armenian Church of Livorno, 2006. Pp. 57–68.

Материал передан в редакцию 06.06.2022

DOI: 10.37909/978-5-89170-343-8-2022-1010
УДК

О.Н. Бунакова

Томский государственный архитектурно-строительный
университет

пл. Соляная, 2, г. Томск, Россия, 634003
voolnikarh@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4761-5398>

канд. арх, доцент, советник РААСН, член ТРО СА, ТРО СР
России Л.С. Романова

Комплекс сереброплавильного завода в городе Барнауле. Ретроспективный анализ его формирования

Аннотация

Комплекс сооружений сереброплавильного завода является градообразующим для города Барнаула. После возникновения в 1739 г., на заводе видоизменялись планировочная структура, характер застройки и даже функция. С 1995 г. — это объект культурного наследия федерального значения. Однако столь высокий статус не уберёг его от изменений и разрушений, произошедших как в планировочной структуре, так и на отдельных объектах. В настоящее время комплекс находится под угрозой утраты. Известно, что использование исторических зданий и памятников является действенным инструментом их сохранения. Чтобы предложить научно-обоснованную функцию для обозначенного комплекса, необходимо основательно проанализировать историю возникновения и формирования сереброплавильного завода в разные временные отрезки. В данной работе представлен ретроспективный анализ формирования комплекса на различных этапах. Это позволит выявить ценности в заводской планировке и архитектуре, которые необходимо сохранить в настоящее время. Материалы исследования станут аргументированной основой для предложений по использованию и сохранению комплекса сереброплавильного завода.

Ключевые слова: градообразующий объект, планировочная структура, промышленная архитектура, объект культурного наследия, сохранение

O.N. Bunakova

Tomsk State University of Architecture and Building
Solyanaya Sq., 2, Tomsk, Russia, 634003

voolnikarh@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4761-5398>

PhD, A/ Professor, adviser RAAS L.S. Romanova

Complex of the silver smelting plant in Barnaul. A retrospective analysis of its formation

Abstract

The complex of structures of the silver smelting plant is the city-forming for the city of Barnaul. After its emergence in 1739, the plant has changed the planning structure, the nature of buildings and even the function. Since 1995 it is an object of the cultural heritage of federal importance. However, such a high status has not saved it from changes and losses, which occurred both in the planning structure and in individual objects. Currently, the complex is in danger of being lost. It is known that the use of historical buildings and monuments is an effective tool for their preservation. In order to propose a scientifically based function for the designated complex, it is necessary to thoroughly analyze the history of the emergence and formation of the silver smelter in different time intervals. This paper presents a retrospective analysis of the formation of the complex at different stages. This will make it possible to identify the values in the factory layout and architecture, which should be preserved at the present time. The materials of the study will provide a reasoned basis for proposals for the use and preservation of the silver smelter complex.

Keywords: city-forming object, planning structure, industrial architecture, object of cultural heritage, preservation

Введение. Барнаульский медеплавильный завод, заложенный Статским Советником Акинфием Никитовичем Демидовым в 1739 г. при впадении речки Барнаул в Обь, стал началом уездного горного города Барнаула, заимствовавшего свое название от места [Исторические и статические..., 1846, с. 15]. О Барнаульском заводе в Томских губернских ведомостях сообщалось: «Это лучший завод во всем Алтайском округе» [Томские Губернские..., 1867, с. 6]. С разработкой серебряных руд на знаменитом Змеиногорском руднике плавильный завод был перепрофилирован в сереброплавильный. На заводе плавильные серебряные руды Змеиногорского, Крючевского, Сокольного, Зыряновского, Семеновского, Салаирского рудников. Расположенный «в далекой, дикой и некультурной стране, лишенной всякой правильной организации» и сильно нуждавшийся в рабочей силе в 1747 г. Барнаульский завод перешел в распоряжение Кабинета Ее Императорского Величества [Краткий исторический..., 1897, с. 6]. Завод начал от года к году приобретать большое значение, распространяясь постепенно, образовал довольно большой и многолюдный горный город. Барнаул стал главным местом управления Алтайским Горным Округом и «в Сибири представлялся будто бы оазисом в пустыне»: постоянно украшался каменными казенными зданиями и домами горных офицеров и чиновников [Статическое обозрение..., 1854, с. 155–157]. То приходя в упадок, то возрождаясь завод претерпевал изменения. С мая 1893 г. Барнаульский сереброплавильный завод был предназначен к закрытию [Краткий исторический..., 1897, с. 68]. Использование заводских корпусов продолжалось еще столетие и оставило глубокие отпечатки на заводских зданиях и их территории.

Актуальность данного исследования обусловлена угрозой утраты этого ценного комплекса.

Полученные результаты и их обсуждение. По результатам анализа и систематизации архивных и библиографических материалов, ранее выполненных исследовательских и проектных работ выявлены и зафиксированы периоды формирования заводских построек и территории.

I этап (1730–1750 гг.). Около 1730 г. при речке Барнаул Демидов поселил часть «собственных» крепостных людей и других поселенцев, заложив тем самым первое основание деревни [Герман, 1797, с. 235]. Основана деревня была в 1738 г. В 1739 г. на этой территории был учрежден плавильный завод, заложено тело плотины, образовавшее обширный заводской пруд. Заявив об открытии и начале работ на Барнаульском заводе в Канцелярию

Главного Правления Сибирских и Казанских заводов, Акинфий Демидов представил, что «в тамошних местах без крепости от неприятельских людей быть весьма опасно», и 16 сентября 1741 г. ему Высочайше было дозволено построить на собственные деньги крепость при заводе...» [Алтай в трудах..., 2005, с. 209]. В 1744 г. Барнаульский завод был запущен в действие [Статическое обозрение..., 1854, с. 155]. В том же году началась настоящая разработка серебряных руд. Первые плавки серебряной Змеиногорской руды проводились успешно [Геологическое путешествие..., 1846, с. 20–21].

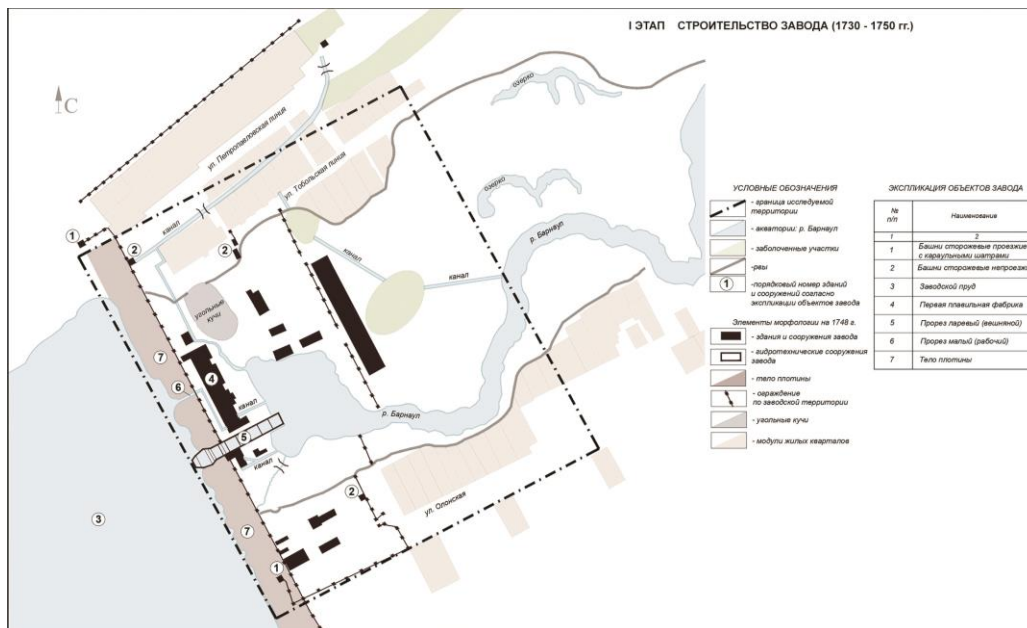
Перепрофилирование завода с медеплавильного производства в сереброплавильное производилось с 1746–1747 гг. [Исторические и статические..., 1846, с. 15]. Сереброплавильный завод представлял собой крупное предприятие, оснащенное многочисленными цехами, был укреплен рвами, тыном и рогатинами с башнями, снабжен снарядами и пушками. Построен был на плотине, имеющей в длину 332, а в ширину 30 сажен, и обведен деревянным заплотом [Томские Губернские..., 1867, с. 6]. Ограда эта называлась крепостью, потому что в воротах находился караул [Статическое обозрение..., 1854, с. 154].

От 1 мая 1747 г. Елизаветой Петровной был подписан Высочайший Указ о принятии Колывано-Воскресенских заводов в собственность Ее Величества под ведение императорского Кабинета [Геологическое путешествие..., 1846, с. 21].

С 1748 г. Барнаульский завод был назначен центром округа Колывано-Воскресенских заводов. Поселок в этот период был представлен тремя улицами (ил. 1).

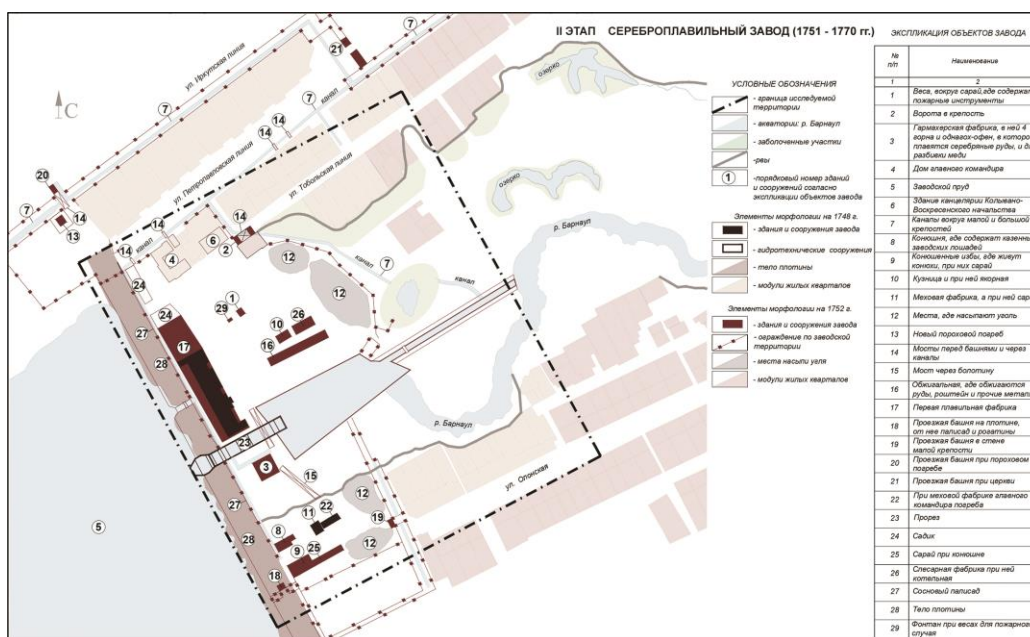
II этап (1751–1770 гг.). В этот период планировочная структура заводской территории развивается и усложняется, оформляется водоспуск. В 1760 г. на правой стороне по течению реки Барнаул вблизи гармахерской фабрики началось строительство второй плавильной фабрики. В октябре 1761 г. строительство этой фабрики завершилось [Баландин, 1974, с. 15]. В 1768 г. проводилась перестройка первой плавильной фабрики [Долнаков, Долнакова, 1982, с. 20]. В 1769 г. возводится новая обжигальная [Алтай в трудах..., 2005, с. 49]. Заводская крепость выполнена в виде сплошной ограды в два ряда, между рядами каналы, наполненные водой. Плотина со стороны заводского пруда укреплена обрубом.

Поселок имел пять параллельных улиц, вытянутых вдоль левых берегов заводского пруда и поймы реки Барнаул (ил. 2).

Ил. 1. I этап. Строительство завода (1730–1750 гг.) (Бунакова О.Н.)

Fig. 1. Stage I. Construction of the plant (1730–1750) (Bunakova O.N.)

Ил. 2. II этап. Сереброплавильный завод (1751–1770 гг.) (Бунакова О.Н.)

Fig. 2. II stage. Silver Smelting Plant (1751–1770) (Bunakova O.N.)

III этап (1771–1809 гг.). В 1771 г. Барнаульский завод образовал горный город [Статическое обозрение., 1854, с. 155]. В своих путевых записках Фальк описывает, что в 1771 г. в городе насчитывается 949 дворов с деревянными строениями, а заводской двор, обнесенный частично палисадом, называемый Кремлем, находится по обеим сторонам реки [Алтай в трудах., 2005, с. 49]. 14 июня 1780 г. жителям заводского поселка было торжественно объявлено «о переименовании Барнаульского завода в областной город» [Бородаев, Контев, 2006, с. 91]. Город получает свой первый планировочный план,

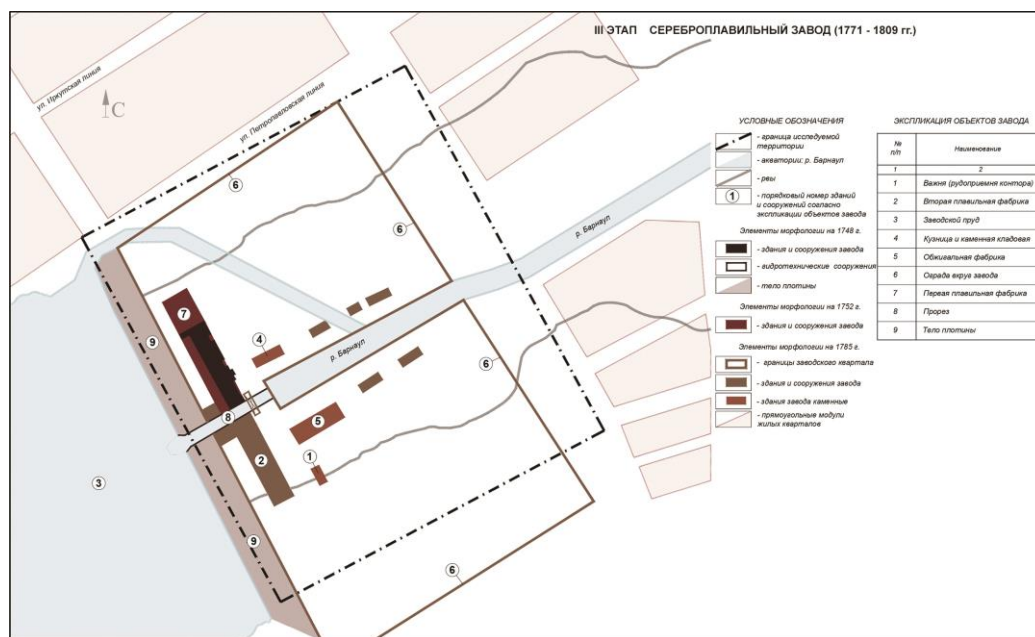
утвержденный Кабинетом Ее Императорского Величества 30 октября 1786 г. В 1780-х гг. деревянные строения завода перестраиваются, «складываются из кирпича»: обжиговая фабрика — в 1781–1786 гг., кузница — в 1784 г., слесарня — в 1786 г.

В 1785 г. проводились мелиоративные работы в заболоченной пойме реки Барнаул [Долнаков, Долнакова, 1982, с. 14]. Для разгрузки ларевой прореза от наполнения водами и предотвращения наводнений был устроен отводящий канал, возвращающий воду в заводской пруд на северном конце плотины. Весной 1793 г. наводнением пло-

тина была прорвана. Застройка вокруг площади, сложившейся у северного конца плотины, была смыта, стены плавильных фабрик оказались в воде. С 1794 г. началось восстановление плотины, которым руководил Черныцын П.И. Он повысил ее до 8 м и укрепил откосы кирпичной стенкой толщиной 60–85 см. [Долнаков, Долнакова, 1982, с. 19].

Вторая плавильная фабрика в 1779 г. перестраивалась в деревянном исполнении. В октябре 1808 г. здание фабрики уничтожил пожар. Было решено «с наступлением будущей весны вообще должно производить пла-

вильным фабрикам по ветхости их новое устройство, соответствующее величине и введенным в употребление полувысоким печам». Проект нового каменного здания второй фабрики, выполненный горным инженером Михаилом Лаулиным, был представлен в Кабинет на рассмотрение. В мае 1809 г. был получен из Кабинета указ приступить к строительству нового каменного здания второй фабрики [Баландин, 1974, с. 31–32]. В 1809 г. началось возведение кирпичного корпуса первой плавильной фабрики [Долнаков, Долнакова, 1982, с. 20–22] (ил. 3).

Ил. 3. III этап. Сереброплавильный завод (1771–1809 гг.) (Бунакова О.Н.)

Fig. 3. Stage III. Silver Smelting Plant (1771–1809) (Bunakova O.N.)

IV этап (1810–1882 гг.). В 1822 г. Барнаул приобрел статус окружного города Томской Губернии [Статическое обозрение., 1854, с. 156].

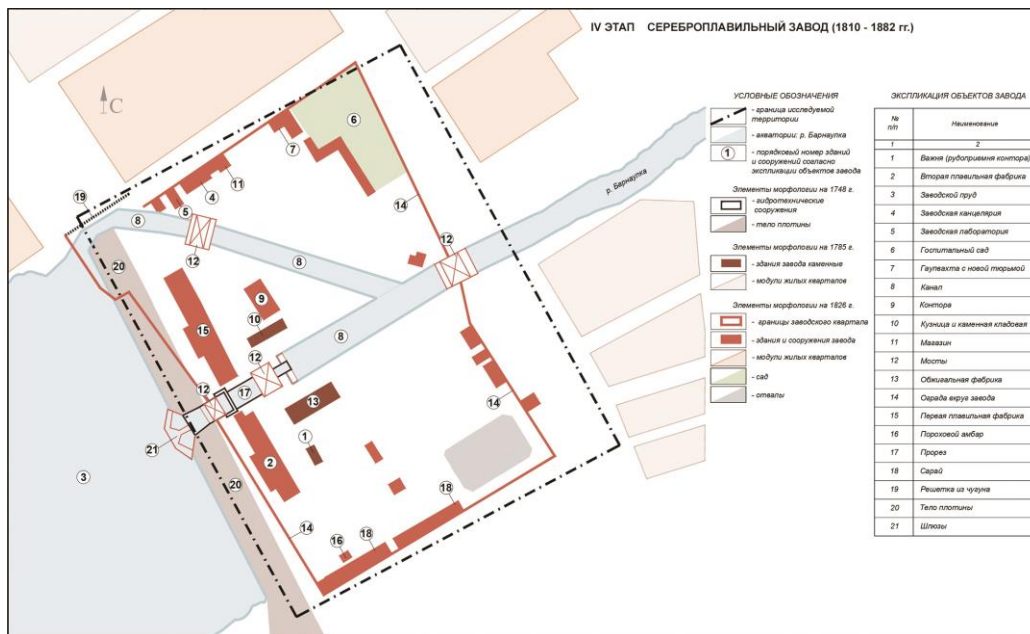
Кроме серебряной плавки на Барнаульском заводе производится плавка золота, добываемого по всей Сибири [Геологическое путешествие., 1846, с. 28]. Неизменность границ заводской территории обусловлена собственностью Кабинета Ее Императорского Величества. В 1811 г. введена в действие вторая плавильная фабрика, выполненная в кирпиче. Уже по архивным документам за 1817 г. прослеживалась картина разрушения новой фабрики, «у которой лицевою и над арками стены местами выгнуло» [Баландин, 1974, с. 32]. Реконструкция здания проводилась в 1838–1839 гг., стены второй плавильной фабрики были реставрированы, фасад приобрел облик, дошедший до нас. Строительство первой плавильной фабрики в кирпиче завершено к началу 1830-х гг. (ил. 4). 8 марта 1861 г. последовал Именной Высочайший указ об отмене крепостного права, «коим было веле-

но: распространить на крестьян, переписанных к Алтайским горным заводам, права свободных сельских обывателей личные, по имуществу и по состоянию». Производство работ с применением вольнонаемного труда вело к уменьшению доходов от добычи металлов. Горным городом Барнаул перестал именоваться в 1868 г. [Бородаев, Контев, 2006, с. 89].

V этап (1883–1896 гг.). Для улучшения горнозаводской деятельности 11 февраля 1883 г. коллегиальное горное правление было заменено горным управлением, в лице единственного ответственного за весь производственный процесс начальника округа, назначенного Высочайшей властью. Начальником преобразованного управления Алтайского горного округа был назначен горный инженер Николай Иванович Жури́н [Краткий исторический., 1897, с. 57]. За время правления Журиным была перестроена плотина заводского пруда. В технике производства были достигнуты удовлетворительные результаты, но, тем не менее, горное дело

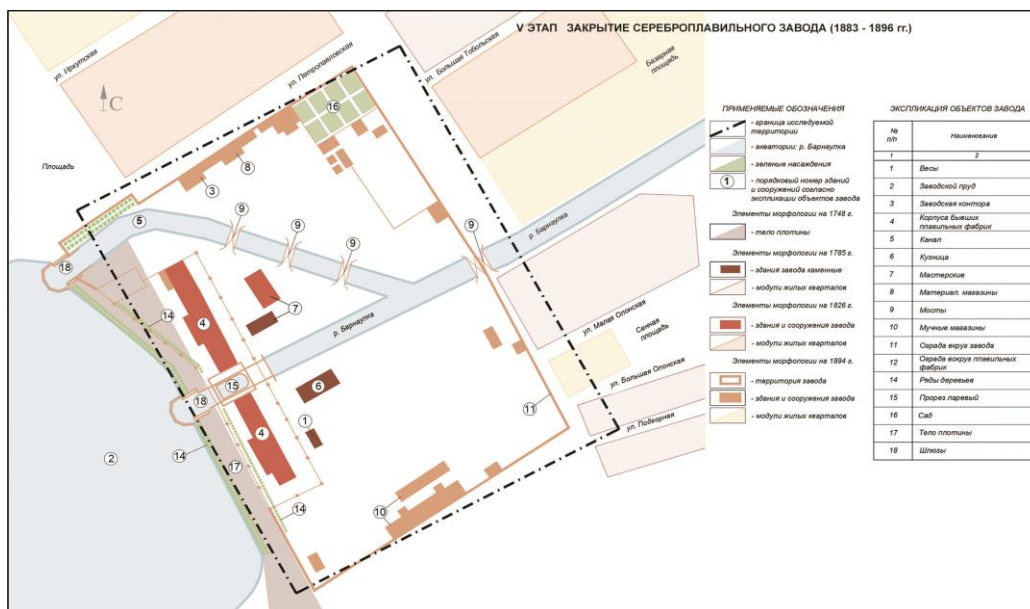
продолжало давать убыток. По причине убытков 1889 г. от добычи серебра, местный совет в Барнауле высказал предложение о необходимости закрыть Барнаульский завод. Проект закрытия был представлен в Кабинет Его Величества, но немедленного решения о приостановке заводской деятельности не

последовало [Краткий исторический..., 1897, с. 62–64]. Заводской квартал продолжает сохранять свои габариты. На картах 1892 г. и 1894 г. зафиксировано внутреннее ограждение вокруг плавильных фабрик, отделяющее обе фабрики и ларевый прорез от мастерских, кузницы, весовой (ил. 5).

Ил. 4. IV этап. Сереброплавильный завод (1810–1882 гг.) (Бунакова О.Н.)

Fig. 4. IV stage. Silver Smelting Plant (1810–1882) (Bunakova O.N.)

Ил. 5. V этап. Закрытие сереброплавильного завода (1883–1896 гг.) (Бунакова О.Н.)

Fig. 5. V stage. Closure of the silver smelter (1883–1896) (Bunakova O.N.)

С 1-го мая 1893 г. по всеподданнейшему докладу Министра Императорского Двора, Высочайше утвержденному 22-го марта 1893 г., Барнаульский сереброплавильный завод, «в виду постоянно возрастающей убыточности действия», был предназначен к закрытию [Краткий исторический..., 1897, с. 68].

В 1896 г., после закрытия большинства металлургических заводов, из названия Алтайского горного округа исключили слово «горный». Алтайский округ по-прежнему включал Барнаульский и ряд других округов.

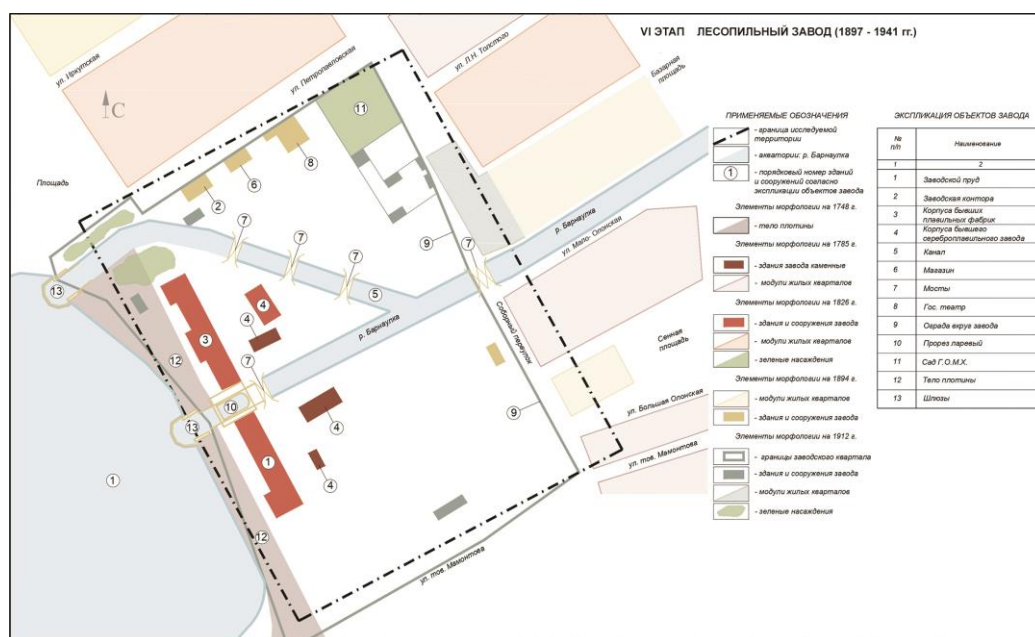
VI этап (1897–1941 гг.). С 1897 г. в заводских корпусах функционирует лесопильный

завод [Долнаков, Долнакова, 1982, с. 27]. В 1896-1897 гг. на заводской территории было построено каменное здание лесопилки, крытое тесом. В заводских корпусах бывших плавильных фабрик устанавливаются лесопильные рамы. В здании обжиговой фабрики размещается столярная мастерская. В 1920 г. лесопильный завод, принадлежавший Кабинету, был национализирован и с тех пор начал действовать как государственный «Лесопильный завод № 13 имени И.С. Казанцева Сибкрайлестреста» до своего закрытия.

В 1905 г. во время пожара сгорела конструкция покрытия второй плавильной фабрики. Затем разобрана западная наружная

стена, с тех пор цех не восстанавливался. В 1915 г. было решение Кабинета Его Императорского Величества о сносе заводских корпусов. Причиной решения был сильный пожар, случившийся 24 декабря 1915 г., от которого пострадало здание первой плавильной фабрики [Долнаков, Долнакова, 1982, с. 22–23]. В 1920-е гг. наводнение частично разрушило плотину. 27 апреля 1926 г. городским советом было принято решение о ликвидации заводского пруда, и исторический водоем был спущен в 1928 г.

Барнаульский лесопильный завод просуществовал до ноября 1941 г. (ил. 6).

Ил. 6. VI этап. Лесопильный завод (1897–1941 гг.) (Бунакова О.Н.)

Fg. 6. VI stage. Sawmill (1897–1941) (Bunakova O.N.)

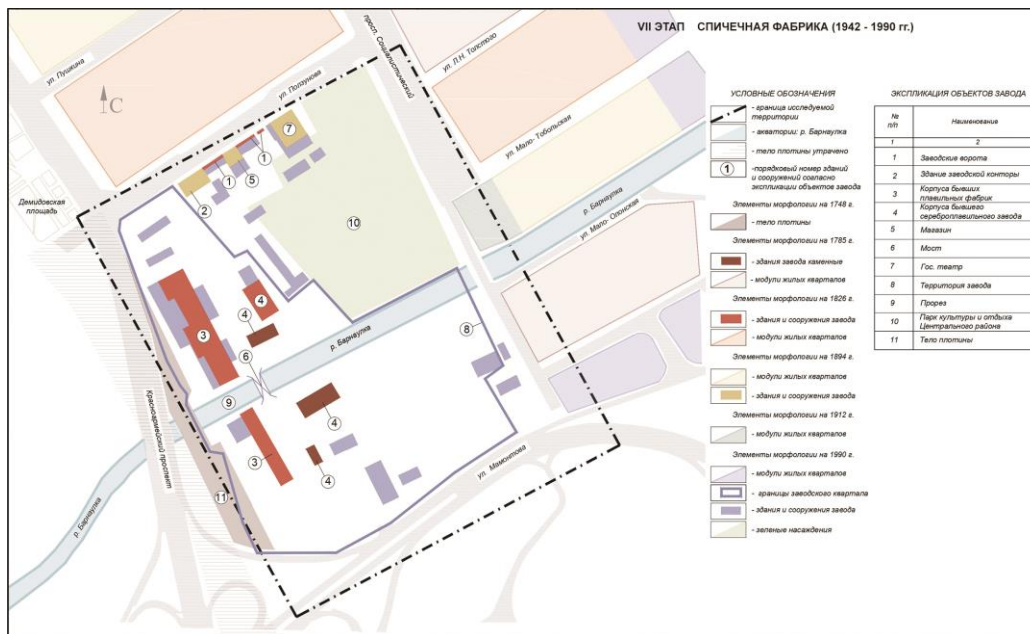
VII этап (1942–1990 гг.). В апреле 1942 г. на территории бывшего сереброплавильного завода стала давать продукцию спичечная фабрика, оборудование которой в годы Великой Отечественной войны эвакуируют в Барнаул с Гомельской фабрики «10 лет Октября» [Баладин, 1974, с. 87]. В послевоенные годы на заводских строениях была проведена реконструкция, увеличивающая производственные площади. С начала 1990-х гг. фабрика прекратила свое существование (ил. 7).

В 1974 г. решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся Барнаульский сереброплавильный завод был принят на государственную охрану как объект культурного наследия местного значения.

VIII этап (1991–2020-е гг.). В Барнауле в начале 1990-х гг. велись строительные работы по устройству многоуровневой дорожной развязки на пересечении Красноармей-

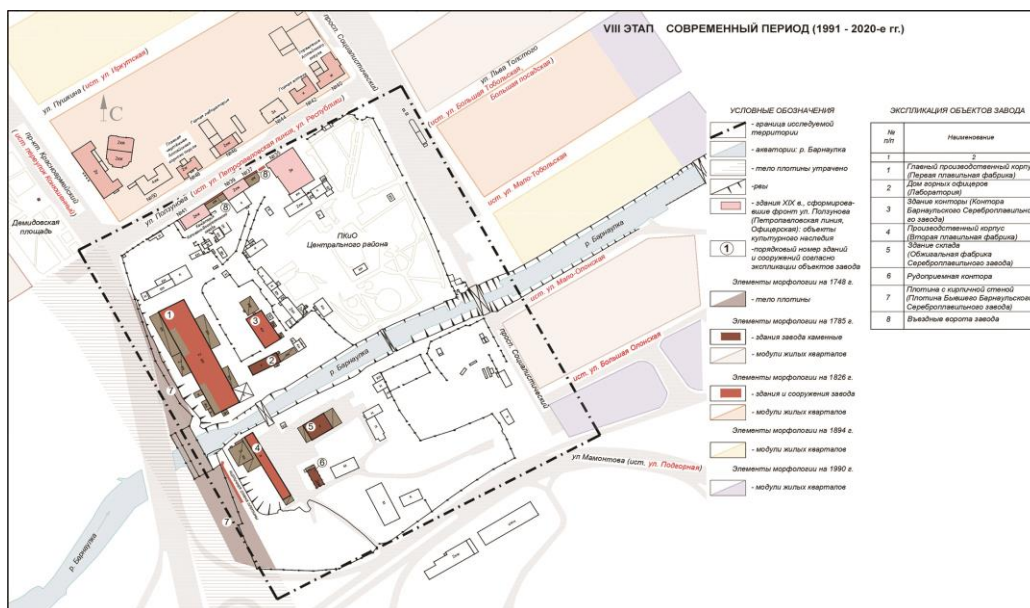
ского проспекта и ул. Мамонтова, при которых была утрачена часть тела заводской плотины, а заводская территория с юга была уменьшена за счет прокладки дорожного полотна.

Планировка заводской территории изменилась за счет утраты заводского пруда, ларевого прореза и участка тела земляной насыпной плотины. На кирпичных корпусах первой и второй плавильных фабрик появились поздние малоценные наслоения. На левом берегу располагаются здание конторы Барнаульского сереброплавильного завода (кон. XIX в.) и дом горных офицеров (лаборатория) (кон. XIX в.). На правом берегу находится здание обжигальной фабрики (кон. XIX в.) и старейшая постройка на территории Барнаула — здание весовой для приема руд (рудоприемная контора, важня). Уцелел фрагмент кирпичной стены, которым были укреплены откосы плотины. Со стороны ул. Петропавловская линия (современная ул. Ползунова) расположены въездные ворота на заводскую территорию (ил. 8).

Ил. 7. VII этап. Спичечная фабрика (1942–1990 гг.) (Бунакова О.Н.)

Fig. 7. VII stage. Match Factory (1942–1990) (Bunakova O.N.)

Ил. 8. VIII этап. Современный период (1991–2020-е гг.) (Бунакова О.Н.)

Fig. 8. VIII stage. The modern period (1991–2020s) (Bunakova O.N.)

В 1995 г. комплекс сооружений сереброплавильного завода согласно указу Президента получил статус объекта культурного наследия федерального значения. В 2016 г. комплекс был внесен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. К этому времени корпус завода и его территория уже не исполь-

зовались, их техническое состояние с каждым годом ухудшалось. 16 июля 2020 г. на бывшем производственном корпусе второй плавильной фабрики произошел пожар, в результате которого объект получил значительные повреждения и утраты (ил. 9). К настоящему времени здания объекта культурного наследия находятся в неудовлетворительном и аварийном состоянии.

Ил. 9. Состояние корпуса второй плавильной фабрики бывшего Барнаульского серебряноплавильного завода после пожара 2020 г. (Алтайохранкультура, http://ukn22.ru/ob-upravlenie/news/o-pozhare-na-obekte-kulturnogo-naslediya-proizvodstvennyy-korpus-v-sostave-ansamblya-kompleks-sooruzh/?sphrase_id=9581)

Fig. 9. Condition of the building of the second smelter of the former Barnaul silver smelter after the fire in 2020 (Altayohrankultura, http://ukn22.ru/ob-upravlenie/news/o-pozhare-na-obekte-kulturnogo-naslediya-proizvodstvennyy-korpus-v-sostave-ansamblya-kompleks-sooruzh/?sphrase_id=9581)

Выводы. Представленные этапы развития и формирования Комплекса сооружений Барнаульского серебряноплавильного завода наглядно показали изменения, происходившие на объекте и его территории с XVIII в. до настоящего времени.

1. Выделено 8 этапов, фиксирующих основание плавильного завода, перепрофилирование его в серебряноплавильный, строительство первых каменных сооружений, развитие планировочной структуры ядра города Барнаула, закрытие серебряноплавильного завода, формирование на его территории лесопильного производства, позднее спичечной фабрики до современного периода: I этап (1730–1750 гг.); II этап (1751–1770 гг.); III этап (1771–1809 гг.); IV этап (1810–1882 гг.); V этап (1883–1896 гг.); VI этап (1897–1941 гг.); VII этап (1942–1990 гг.); VIII этап (1991–2020-е гг.).

2. Осмысление исторического процесса, основанное на изучении архивных и библиографических материалов, современных источников, научных трудов, исследовательских и проектных работ позволили выявить наиболее значимый временной период для градообразующего объекта города Барнаула. Данным периодом определен IV этап (1810–1882 гг.), когда обе плавильные фабрики были выполнены в кирпиче и соответствовали образцовым проектам промышленных фабрик, разработанных мастерами на основе классицистических схем. Комплекс заводских построек, который является городским ансамблем, отражает горнозаводскую эпоху XVIII–XIX вв. и представляет интерес для выполнения графической реконструкции.

3. Следует принять неотложные меры для сохранения этого ценного объекта культурного наследия и рассмотреть варианты его современного использования в рамках законодательства.

Список литературы

1. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII–начала XX веков. Составители: В.А. Скубневский, В.П. Кладова, Е.А. Челябинова, Н.В. Воробьева. Барнаул, Изд-во: государственное учреждение культуры «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им В.Я. Шишкова», 2005. 448 с.
2. Баландин С.Н. Архитектура Барнаула. Барнаул: Алт. КН. Изд-во, 1974. 112 с.
3. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картогр. материалы по истории Верх. Приобья и Прииртышья: (от античности до начала XXI века)/ В.Б. Бородаев, А.В. Контев; Упр. Алт. края по культуре, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, Барнаул. гос. пед. ун-т, Упр. арх. дела Алт. края. Барнаул, Изд-во: Азбука, 2006. 136 с.
4. Геологическое путешествие по Алтаю с историческими и статическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах, Григория Щуровского, профессора в Московском университете. С атласом из 17 гравированных таблиц. Москва: Изд-во: Университетская типография, 1846.
5. Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах: [Ч. 1–2]. Собранные надворным советником и академиком Иваном Германом. Ч. 1. С.-Петербург: При Императорской Академии наук, 1797. XII, 294 с.

6. Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул: Алт. КН. Изд-во, 1982. 160 с.

7. Исторические и статические сведения о Колывано-Воскресенских заводах (Отрывок из Геологического путешествия по Алтаю Профессора Щуровского). Статья из № 4-го Москвитянина. Цезор Н. Зернов. Москва: Изд-во: Университетская типография, 1846.

8. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897 гг.). С.-Петербург, Изд-во: типография А.С. Суворина. 1897.

9. Статическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при сибирском комитете, Действительным Статским Советником Гегемейстером. Часть II. С.-Петербург, Изд-во: типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854.

10. Томские Губернские ведомости № 4, 27 января 1867.

References

1. Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII–nachala KHKH vekov. [Altai in the works of scientists and travelers of the 18th–early 20th centuries]. Compiled by: V.A. Skubnevsky, V.P. Kladova, E.A. Chelyaeva, N.V. Vorobyeva. Barnaul: State Cultural Institution "Altai Krai Universal Scientific Library named after V.Ya. Shishkov", 2005. 448 p.

2. Balandin S.N. Arkhitektura Barnaula. [Architecture of Barnaul]. Barnaul: Alt. KN. Publishing House, 1974. 112 p.

3. Borodaev V.B., Kontev A.V. Istoricheskiy atlas Altayskogo kraya: kartogr. materialy po istorii Verkh. Priob'ya i Priirtysh'ya: (ot antichnosti do nachala XXI veka) [Historical atlas of the Altai Territory: cartography. materials on history Top. Ob and Irtysh: (from antiquity to the beginning of the 21st century)]. Borodaev V., Kontev A.V. Barnaul: Azbuka, 2006. 136 p.

4. Geologicheskoye puteshestviye po Altayu s istoricheskimi i staticheskimi svedeniyami o Kolyvano-Voskresenskikh zavodakh, Grigoriya Shchurovskogo, professora v Moskovskom universitete [Geological Journey in the Altai with Historical and Statistical Information about the Kolyvan-Voskresensk Plants, by Grigory Shchurovsky, Professor at Moscow University]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1846.

5. Sochineniya o sibirskikh rudnikakh i zavodakh: [CH. 1–2]. Sobrannyye nadvornym sovetnikom i akademikom Ivanom Germanom. CH. 1. [Herman I.F. Essays on Siberian mines and factories. Collected by court counselor and academician Ivan Herman. P. 1.]. Saint

Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences, 1797. 294 p.

6. Dolnakov A.P., Dolnakova E.A., Zoteeva L.A., Stepanskaya T.M. Pamyatniki arkhitektury Barnaula. [Monuments of architecture of Barnaul]. Barnaul: Alt. KN. Publishing House, 1982. 160 p.

7. Istoricheskiye i staticheskiye svedeniya o Kolyvano-Voskresenskikh zavodakh. [Historical and Statistical Information about the Kolyvano-Voskresensk Plants]. In: Moskvichyanin, No. 4. Zezor N. Zernov. Moscow: University Printing House, 1846.

8. Kratkiy istoricheskiy ocherk Altay-skogo okruga (1747–1897 gg.). [A brief historical sketch of the Altai district (1747–1897)]. Saint Petersburg: tipografiya A.S. Suvorina. 1897.

9. Staticheskoye obozreniye Sibiri, sostavlennoye po Vysochayshemu Yego Imperatorskogo Velichestva poveleniyu, pri sibirskom komitete, Deystvitel'nym Statskim Sovetnikom Gagemeysterom. Chast' II. [Statistical survey of Siberia, compiled at His Imperial Majesty's Imperial Majesty's Imperial command by Acting State Councilor Gagemeister under the Siberian Committee. Part II]. Saint Petersburg: tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1854.

10. Tomskiye Gubernskie vedomosti No. 4. [Tomsk Gubernskie gazette No. 4]. January 27, 1867.

Список сокращений

Алт. КН. Изд-во — Алтайское книжное издательство

Алт. краев. универс. науч. б-ка — Алтайская краевая универсальная научная библиотека

Алт. Ун-та — Алтайского университета

в. — век

вв. — веков

Верх. — верхнего

г. — год

гг. — годов

гос. пед. ун-т — государственный педагогический университет

д. — дом

Изд-во — издательство

ил. — иллюстрации

им. — имени

картогр. — картографические

с. — страница

Упр. Алт. края — Управление Алтайского края

Упр. арх. дела Алт. края — Управление архивного дела Алтайского края

2-е изд. — второе издание

1920-е гг. — тысяча девятьсот двадцатые годы

Материал передан в редакцию 29.05.2022

Н.А. Минина

Новосибирский государственный краеведческий музей
Красный пр-т, д. 23, г. Новосибирск, Россия, 630099
yasovskaya@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4382-1485>

Первый храм города Новосибирска: кто архитектор?

Аннотация

В статье представлены итоги исследования проблемы авторства собора Александра Невского в Новосибирске. Историографии этого вопроса уже более 40 лет, но со временем она не становится менее противоречивой. В статье приводятся первоисточники — документы о строительстве церкви из центральных и региональных архивов и чертежи церкви Александра Невского, хранящиеся в фондах Томского и Новосибирского краеведческих музеев. На основе анализа этих источников сделан вывод об авторстве собора, а также определена причина парадоксального противоречия выводов исследователей по изучаемому вопросу. Впервые в историографии даются сведения о творческой биографии архитектора собора Н.М. Соловьева. Уточняются некоторые обстоятельства строительства собора, в том числе организационные нюансы строительного процесса.

Ключевые слова: церковь, собор Александра Невского, Ново-Николаевск, музей, фамильный фонд Н.М. Тихомирова

N.A. Minina

The Museum of Local History (Novosibirsk)
Red Avenue, 23, Novosibirsk, Russia, 630099
yasovskaya@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4382-1485>

The first temple of Novosibirsk: who is the architect?

Abstract

In the article presented results of researching the problem of authorship of Alexander Nevsky's Cathedral in Novosibirsk. The historiography of this issue is more than 40 years old, but over time it hasn't become less controversial. Also, the article presents primary sources — documents from the central and regional archives about the construction of the church and blueprints of Alexander Nevsky's Church which are stored in the funds of Tomsk and Novosibirsk local history museums. Based on the analysis of these sources, a conclusion about the authorship of the cathedral was made, and also a reason of the paradoxical contradiction of the researcher's opinions on the studying issue was defined. For the first time in historiography, information is given about the creative biography of N.M. Solovyov — the architect of the cathedral. Circumstances about the building process of the cathedral gets a little bit clarified, including the organizational details.

Keywords: church, Alexander Nevsky Cathedral, Novo-Nikolaevsk, museum, family fund N.M. Tikhomirov

Введение. В изучении истории новосибирского собора Александра Невского сложилась парадоксальная ситуация: собору посвящено множество исторических, историко-архитектурных, краеведческих исследований и публицистики, но авторство первого храма города до сих пор остается под вопросом. К историографии этой проблемы исследователи обращались не раз, причем приходили к разным выводам об авторстве собора [Курилов В.Н., 2018, с. 245; Радзюкевич А.В. К вопросу...]. Одним из первых профессиональных исследований истории собора является известный труд С.Н. Баландина, где ар-

хитектором назван Н. Соловьев. [Баландин С.Н., 1978, с.14]. К сожалению, в работе нет ссылок на источники, но, судя по фактологии, автор использовал документы РГИА. Позже С.Н. Баландин присоединился к общепринятому мнению, что архитектор собора — К.К. Лыгин. [Баландин С.Н., 2003, с. 499.]

Вообще проблема выглядит закономерной: возведение храма относится к так называемому начальному периоду городской истории, который в целом вызывает много вопросов и изобилует мифами. Причина этого феномена кроется в недоступности для

широкого круга исследователей первоисточников, разбросанных по архивам страны, при высоком общественном интересе к городской истории.

Поводом для обращения к затянувшейся дискуссии стала выставка «Собор и Инженер», которая состоялась в Новосибирском краеведческом музее летом 2021 г. Выставка была приуроченная к нескольким событиям: 50-летию случайного обнаружения могилы Николая Тихомирова у стен собора, 800-летию святого Александра Невского и 130-летию начала строительства Сибирской железной дороги. На выставке впервые комплексно экспонировалась «коллекция» Н.М. Тихомирова — фамильный фонд Н.М. Тихомирова и предметы быта его семьи, которые уже несколько десятилетий хранятся в музее. Фамильный фонд Н.М. Тихомирова был сформирован из документов и фотографий, переданных музеем в 1960 г. Ольгой Николаевной Крюгер, дочерью инженера Тихомирова. Документы и особенно фотографии из этого фонда хорошо известны в новосибирс-

ком краеведении: ни одно издание или сайт не обходятся без их публикации (правда, происхождение указывают редко). Однако исследователям практически неизвестны чертежи собора, по которым работал инженер Тихомиров. Чертежи вместе со всеми другими материалами также поступили в музей от Ольги Крюгер, поэтому их подлинность и непосредственная связь со строительством собора сомнению не подлежит. Рассмотрим их подробнее.

Полученные результаты и их обсуждение. На двух чертежах из музейного собрания имеются автографы архитектора Н. Соловьева. Один из этих чертежей является подлинником, выполнен на белом ватмане черными чернилами. На чертеже изображен западный фасад церкви Александра Невского с входной дверью и фрагментом кирпичной кладки¹. В левом верхнем углу чертежа надпись: «Чертеж №2», внизу справа автограф: «архитектор Н. Соловьев 5 августа 1897 г.» (ил. 1).

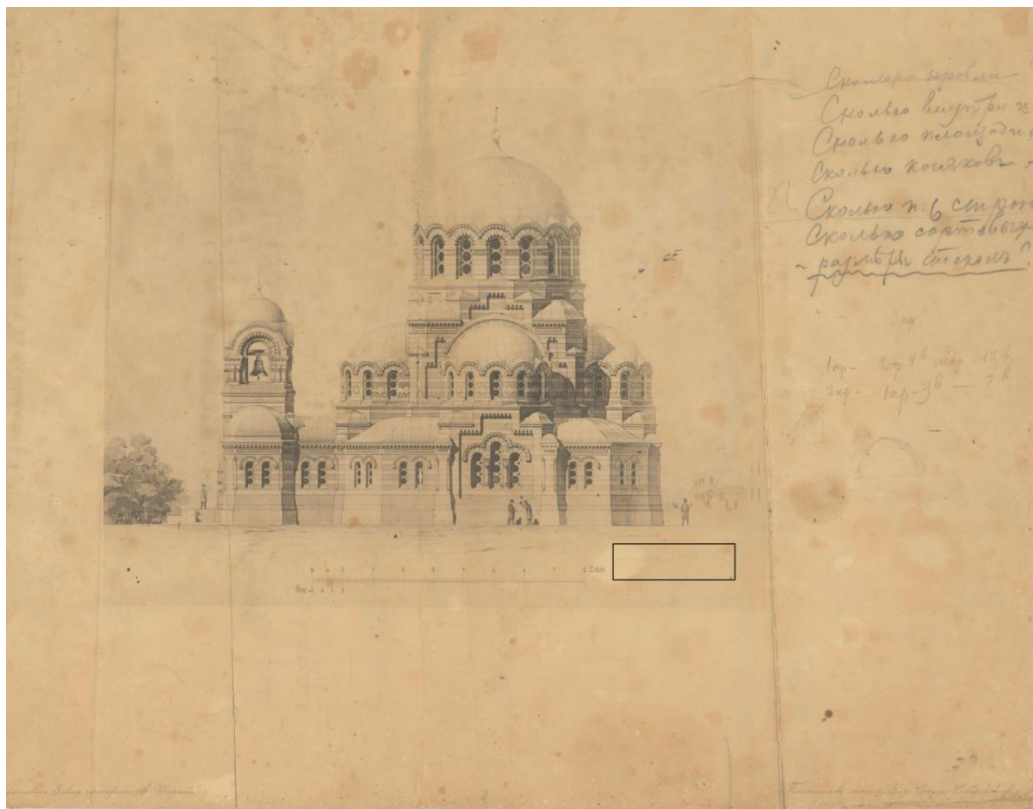
Ил.1. Чертеж церкви Александра Невского в Ново-Николаевском поселке (фрагмент). Архитектор Н.М. Соловьев, 5 августа 1897 г. [НОКМ. ОФ-10619/40]

Fg.1. Drawing of the Church of Alexander Nevsky in the Novo-Nikolaevsky village (fragment). Architect N.M. Solovyov, August 5, 1897. [NRM. MF-10619/40]

¹ Сопоставление чертежа с натурными обмерами собора, проведенное кандидатом архитектуры А.В. Радзюкевичем, показало их идентичность.

Второй чертеж представляет собой печатный экземпляр эскиза южного фасада церкви, выполненный в технике фототипии. По нижнему краю листа указан изготовитель копии: «Печатано в литографии Управления Средне-Сибирской ж.д. Негатив и фототипию изготовил Заведующий чертежною А. Ширяев» (ил. 2). Под изображением церкви справа отпечатан едва различимый, но узнаваемый автограф: «Архитектор Н. Соловьев». Кроме того, на большом поле справа имеются подлинные рукописные пометки графитным карандашом,

сделанные инженером Тихомировым: «Сколько кровли? Сколько стропил? Сколько косяков?...» Эти надписи не раскрывают «тайну» авторства церкви А. Невского, но они поднимают ценность данной литографии как уникального документа, который использовался инженером Н.М. Тихомировым в процессе строительства церкви А. Невского. Еще один чертеж — «План церкви в Ново-Николаевском поселке» — не имеет авторских подписей [НОКМ. ОФ-10619/33].

Ил. 2. Эскиз церкви Александра Невского. Архитектор Н. Соловьев. (Прямоугольником выделен фрагмент, где напечатан автограф архитектора) [НОКМ. ОФ-10619/35]

Fig. 2. Sketch of the Church of Alexander Nevsky. Architect N. Solov'yov [NRM. MF-10619/35]

Авторство Соловьева подтверждается не только источниками из музейных фондов, но и архивными документами. В Российском государственном историческом архиве в фонде Комитета по строительству Сибирской железной дороги (КСЖД) хранится комплекс архивных дел о церковном и школьном строительстве на Западно-Сибирском и Средне-Сибирском участках. В одном из дел обнаружена переписка о постройке церкви А. Невского в Ново-Николаевском поселке между начальником работ по строительству Средне-Сибирской железной дороги Н.П. Межениновым и управляющим делами КСЖД А.Н. Куломзиным. 17 февраля 1896 г. Меженинов просит содействия Куломзина в этом деле: «...имею честь представить проект храма, составленный архитектором Соловьевым, как памятник императору Александру

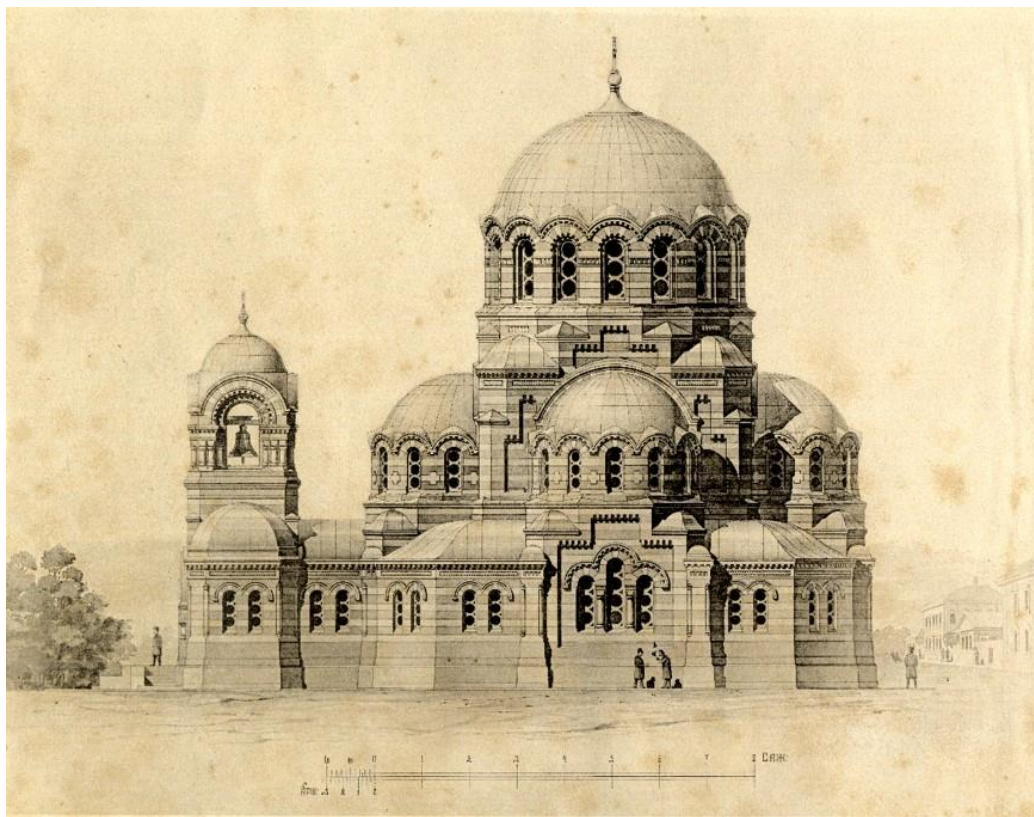
III, которому благоугодно было положить начало постройке Великого Сибирского пути. Лыщу себя надеждой, Анатолий Николаевич, что Вы позволите Комитету рассчитывать на Ваше могущественное содействие к успешному окончанию Богоугодного дела, которое, несомненно, будет иметь громадное значение для многочисленного населения Ново-Николаевского посёлка в блестящей экономической будущности, ожидающей его...» [РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 455. Л. 1, 2]. Таким образом, чертежи с автографами из музейного собрания и архивные документы из официальной переписки высоких государственных чинов указывают архитектора церкви, что совершенно не оставляет сомнений в авторстве Н. Соловьева (сам проект в архиве не обнаружен).

В процессе подготовки выставки было важно исключить альтернативную версию об авторстве храма. Для этого необходимо было выявить источник сведений об авторстве Лыгина. Этим источником оказался «фонд К.К. Лыгина» в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ). Знакомство с этим фондом дало неожиданный результат: в фонде действительно хранятся чертежи церкви А. Невского для Ново-Николаевского поселка, но принадлежат они не Лыгину, а архитектору Соловьеву.

Были проанализированы четыре документа из фонда Лыгина, атрибутированные как чертежи церкви А. Невского в Ново-Николаевске. Три чертежа представляют собой печатные копии и один чертеж — подлинник.

Печатные проекты храма — «План крыши (ТОКМ-1914/158), «Продольный разрез»

(ТОКМ-1914/159), «Боковой фасад» (ТОКМ-1914/157а) — представляют собой типографские копии с чертежей церкви А. Невского. По всей видимости, они были выполнены в той же типографии Управления Средне-Сибирской железной дороги (на самих документах информация о месте печати отсутствует). Эскизный проект «Боковой фасад собора» оказался идентичным описанному выше эскизу южного фасада, хранящемуся в Новосибирском краеведческом музее, причем в НГКМ эскиз более полный — на нем присутствует, как было описано выше, автограф архитектора Соловьева, что позволяет сделать точную атрибуцию этого документа. Проект, хранящийся в Томском краеведческом музее, автографа не имеет, но атрибутирован как выполненный архитектором К.К. Лыгиным (ил. 3).

Ил. 3. Церковь в Новониколаевске. Боковой фасад. «Архитектор К.К. Лыгин». [ТОКМ-1914/157а]

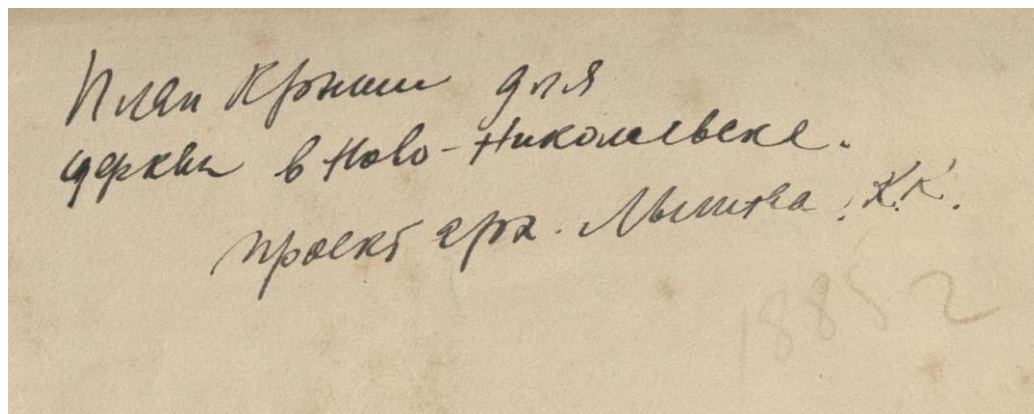
Fig. 3. Church in Novonikolaevsk. Side facade. «Architect K.K. Lygin». [TRM-1914/157a]

Чертеж-подлинник с инвентарным номером ТОКМ-1914/157 атрибутирован как «Церковь в Новониколаевске» и датирован 1885 (!) годом, автором чертежа назван архитектор К.К. Лыгин. Но даже визуально этот чертеж отличается от собора А. Невского, а датировка и вовсе не выдерживает критики. Кстати, все выше названные чертежи из фонда К.К. Лыгина также датированы 1885 годом. Со слов хранителя коллекции, фонд Лыгина в основе своей сформирован в довольно раннее время из материалов, переданных музею родственницей Лыгина, и указанные

проекты также могли происходить из семьи архитектора. Еще одна важная деталь, объясняющая появление версии об авторстве Лыгина: все данные чертежи имеют аннотации, выполненные чернилами и графитным карандашом. Эти аннотации были прочитаны исследователями как автографы К.К. Лыгина [Собор Александра..., 1988], но простое сравнение данных аннотаций с автографами Лыгина, опубликованными в работе Л.С. Романовой, со всей очевидностью показывает, что это не автографы, а именно аннотации, сделанные, очевидно, музейным сотрудни-

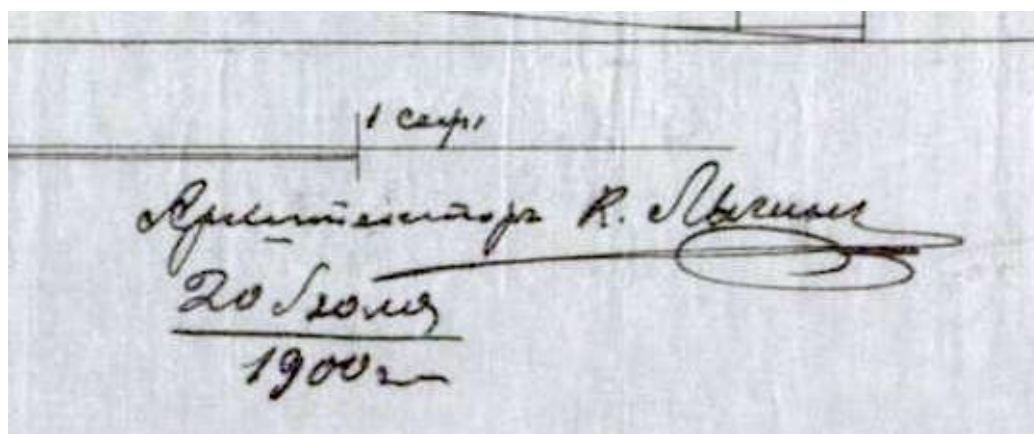
ком (ил. 4–6). Тем более, что данные чертежи представляют собой типографские от-
тиски, на которых не ставился автограф ар-

хитектора, но он мог отпечататься с оригинального чертежа, как в случае с рассмотренным выше документом из фондов НГКМ.

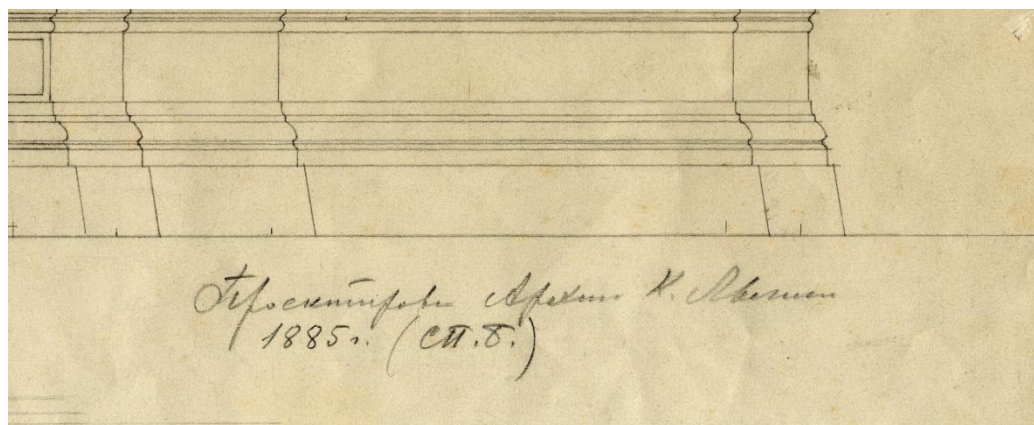
Ил. 4. План крыши для церкви в Ново-Николаевске. Аннотация. [ТОКМ-1914/158]

Fg. 4. Roof plan for the church in Novo-Nikolaevsk. Annotation. [TRM-1914/158]

Ил. 5. Образец автографа К.К. Лыгина. [Романова Л.С., 2004, с.24].

Fg. 5. Sample autograph of K.K. Lygin. [Romanova L.S., 2004, p.24].

Ил.6. «Церковь для Ново-Николаевска. Главный фасад». Аннотация. [ТОКМ-1914/157].

Fg.6. "Church for Novo-Nikolaevsk. Main facade". Annotation. [TRM-1914/157].

Анализ историографии показал, что чертежи из «фонда Лыгина» впервые были предъявлены в качестве аргумента авторства архитектора Лыгина в исторической справке, составленной новосибирским историком В.К. Стариковым в 1988 г. для прове-

дения в соборе реставрационных работ. В разделе справки «Краткое обоснование авторства К.К. Лыгина» Стариков пытается опровергнуть С.Н. Баландина, считавшего, что проектировал собор архитектор Н. Соловьев, который «положил в его основу проект храма

«Во имя Милующей Божией Матери в Галерной гавани Петербурга гражданских инженеров В.А. Косякова и Д.А. Пруссак». Стариков пишет: «В ходе нашей работы в архивах Томска и Ленинграда возникло другое предположение, что автором проекта церкви для Новониколаевска был архитектор-художник К.К. Лыгин...». Ссылаясь на чертежи из фонда Лыгина в Томском историко-архитектурном музее (в то время фонд Лыгина принадлежал данному музею), утверждая, что подписи под некоторыми чертежами принадлежат руке Лыгина, автор исторической справкисделал вывод, что проектировал соборархитектор К.К. Лыгин [Собор Александра..., 1988].

Со временем вывод В.К. Старикова был воспринят другими авторами, что послужило основой для формирования дилеммы — Соловьев или Лыгин? Аргументы «за Лыгина» показались исследователям более убедительными из-за широкой известности архитектора Лыгина, а к его однокурснику Николаю Соловьеву историческая судьба не была так благосклонна — через сто лет о нем и его творчестве у исследователей не будет никакой информации.

Справедливости ради нужно отметить, что не все исследователи держались этой версии. Кроме рассмотренных чертежей, существуют дореволюционные печатные источники, где автором проекта Александроневской церкви в Ново-Николаевском поселке назван Соловьев. Более того, в Путеводителе по Сибирской железной дороге опубликован фасад церкви с различным автографом архитектора Соловьева — на эту информацию обратил внимание профессор НГУАДИ Н.П. Журин в статье о храмовом строительстве на Транссибе [Журин Н.П., 2013].

Завесу над биографией архитектора Соловьева удалось приоткрыть благодаря информации, предоставленной Государственным музеем архитектуры имени Щусева. Николай Михайлович Соловьев родился в 1855 г., в 1876–1879 гг. учился в Академии художеств в Петербурге. Любопытно, что К.К. Лыгин закончил Академию художеств в том же году. Соловьев проектировал и строил гражданские и церковные здания. В 1883 г. он получил 2-ю золотую медаль за программу «Проект великокняжеского загородного замка на юге России». В 1884 г. получил звание классного художника 1-й степени [Кондаков С.Н., 1915, с. 389]. Кроме того, была обнаружена запись в Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре за 1895 год: среди сотрудников управления Средне-Сибирской железной дороги архитектором указан Николай Михайлович Соловьев [Сибирский торгово-промышленный..., 1895, с.464], а в том же справочнике

за 1896 год в качестве архитектора уже К.К. Лыгин [Сибирский торгово-промышленный..., 1896, с. 573].

Также известно, что Н.М. Соловьев проектировал железнодорожные вокзалы в Иркутске и Красноярске (здания идентичны) [Великий путь..., 1899, с. 101]. Любопытно, что и в Иркутске, и в Красноярске авторство Соловьева также оспаривается, причем архитектором красноярского вокзала вновь называется К.К. Лыгин [Адмаев О.В.].

Собор А. Невского — не единственный проект архитектора Соловьева в рамках храмового строительства на Транссибе. Он является автором проектановой деревянной церкви для Средне-Сибирской железной дороги, по которому была построена церковь Пророка Даниила на станции Обь и церкви на станциях: Петрушково (Канский уезд, ныне не существующий населенный пункт), Исиль-Куль (под Омском), Боготол и Ольгино (бывшая станция Уяр в Красноярском крае). Ольгино — единственная из всех перечисленных станция, где здание типовой церкви сохранилось. Несмотря на использование типового проекта, церкви отличались деталями, что видно по фотографиям этих храмов [РЭМ 12819-73, 12819-16, 12819-64, 12819-69]. Проект типовой церкви хранится в РГИА и так же, как и проект собора А. Невского, содержит узнаваемый автограф «Н. Соловьев». [РГИА, Ф.1273. Оп.1. Д. 456. Л.79, 80, 156]. Этот чертеж опубликован в работе А.В. Хобта [Хобта А.В., 2013, с. 40], но чаще в литературе автором типовой церкви называют К.К. Лыгина.

Кроме проблемы авторства, в истории собора А. Невского накопилось некоторое количество ошибочных сведений и мифов, а какие-то факты требуют осмысления и выхода за рамки краеведения. Например, в целом известна история временного молитвенного дома, который был открыт до возведения каменного храма А. Невского. В новосибирском краеведении этот молитвенный дом расценивается как нечто отдельное от собора, но в России существовала древняя традиция сооружать временный храм или часовню на церковном участке, если во время длительного строительства каменного храма прихожан не было возможности посещать другую церковь [Кириченко Е.И., 2016, с. 224]. Информация о молитвенном доме сохранилась в ГАО в деле «Ведомости о состоянии Александроневской церкви и послужные списки церковных служащих за 1900-1904 гг.» 18 февраля 1896 г. во временном храме был открыт самостоятельный приход во имя Александра Невского с правом проведения литургии. Во временном храме 25 февраля 1898 г. был крещен сын строителя собора Н.М. Тихомирова Николай, родившийся в ноябре 1897 г., о чем священ-

ником Василием Посельским составлена выпись из метрической книги Александровской церкви [НГКМ. ОФ-21300/63]. Крестили мальчика иереи Михаил Шабанов и псаломщик Павел Смолин. 27 ноября 1898 г. Николай умер от кори, отпевание служили Посельский и Смолин «на местном кладбище» [НГКМ. ОФ-21300/57]. Указанное выше архивное дело сообщает о продолжении истории временного храма: после освящения каменного храма он был перенесен на Болдыревскую улицу, а в декабре 1901 г. в его помещении была открыта церковь-школа в честь Покрова Пресвятой Богородицы [ГАО, Ф. Д-159. Оп.1. Д. 10. Л.12].

Часто встречается информация, что в строительстве собора приняли участие «итальянские рабочие-каменотесы» и даже вошли в строительный комитет церкви: «...при участии строителей, в т. ч. итальянских рабочих-каменотесов, был образован комитет во главе с Н.П. Межениновым» [Памятники истории... 2011, с. 86]. Однако известен «учредительный» документ, в котором перечислены члены строительного комитета, но об «итальянских каменотесах» не сказано ни слова. Комитет был избран 10 октября 1895 г., товарищем (заместителем) Меженинова стал инженер Владимир Александрович Линк, членами комитета были избраны: купец В.А. Горохов (казначей), колыванский лесничий Б.В. Имшенецкий (делопроизводитель), инженер-механик М.В. Березин, начальник Алтайского горного округа В.К. Болдырев, крестьянин А.Н. Вагин, колыванский купец Е.А. Жернаков, инженер В.С. Королев, инженер А.А. Ливенцов, губернский секретарь К.Д. Ляпустин, инженер К.Е. Трубин, протоиерей Диомид Чернявский, колыванский купец С.М. Яренский [История города..., 2020, с. 224].

Комитет очень быстро определился с местом для храма — уже 17 октября 1895 г. начальнику Алтайского округа Болдыреву В.А. Линк сообщил: «наиболее удобное место для постройки церкви найдено в углу базарной площади, ближайшем к полотну железной дороги, так как оттуда, при центральном положении места, хорошо видна и река, и железная дорога...» [История города..., 2020, с. 225]. Именно Линк как товарищ председателя осуществлял оперативное руководство строительным комитетом — Меженинов был для этого слишком крупной фигурой с большим фронтом работы. В.А. Линка в документах часто называют «попечителем комитета». Выбор места постройки, начало сбора средств на храм — все это было сделано под началом Линка до прихода на должность Николая Тихомирова.

Как правило, руководство строительством церкви из средств фонда имени Александра III возлагалось на инженеров-строителей

железнодорожных участков, либо заведующих эксплуатацией уже построенных участков. В этом случае контроль за расходованием средств на постройку входил в обязанности Госконтроля. Организация церковного строительства на участке Меженинова, и, естественно, собора А. Невского, имела некоторые принципиальные расхождения с этим правилом: за строительство отвечал указанный построечный комитет под руководством Меженинова, который лично контролировал финансы, а по окончании строительства отчитывался за каждый объект. Такой порядок, ввиду его эффективности, Меженинов просил утвердить Куломзина: «...ревизии местных учреждений Государственного Контроля будут представлять довольно значительные затруднения и вредно повлияют на успешность и срочность хода работ...» [РГИА. Ф. 1273. Оп.1. Д. 456. Л. 43–44]. В воспоминаниях Куломзина находим подтверждение: «...Из построенных на средства фонда к 1900 г. 162 церквей и 72 школ полностью уверен в соответствии расходов затратам в тех, которые строились под началом строителей железной дороги и надзором начальников дороги — таких церквей 19 и школ 11. <...> Меженинов, человек глубоко религиозный, с особым усердием воздвигал одну церковь за другой, а на станции Обь строился его трудами грандиозный храм во имя Александра Невского, высоко царящий над всей окружающей его местностью... Деятельными, бескорыстными помощниками Меженинова и Павловского по сооружению на линии церквей были инженеры Перцов, Милковский, Свинцов, Вуич, Жандр, Линк, Ястребов и Тихомиров» [Куломзин А.Н., 2016, с. 809].

Участие в строительстве церкви А. Невского управляющего делами КСЖД А.Н. Куломзина заслуживает отдельного рассмотрения. Куломзин фактически стоял во главе всего переселенческого дела, курируя ряд направлений колонизационной политики Российской империи, в том числе церковное и школьное строительство вдоль Сибирской железной дороги. Его активная организационная роль в постройке собора А. Невского подтверждается не только его личными воспоминаниями, но и архивными документами. В июне 1897 г. во время своей второй поездки по Сибири он специально заезжал в Ново-Николаевский поселок, чтобы осмотреть стройку храма А. Невского и переселенческий пункт. [Куломзин А.Н., 2016, с. 682]. Через Куломзина начальником Алтайского округа Болдыревым была дана телеграмма «на Высочайшее имя» об освящении церкви, состоявшемся 29 декабря 1899 года, на которой Николай II «собственноручно начертать соизволил»: «Прочел с особым удовольствием и искренне благодарю» [История города..., 2020, с. 227].

В истории собора остается вопрос — являлась ли образцом для его проектирования «Новая церковь» В.А. Косякова и Д.К. Пруссака? Об этом недвусмысленно писал С.Н. Баландин, нисколько на источники он не оставил. Конкретных фактов пока нет, но фундаментальных исследованиях храмового зодчества так объясняют этот феномен: для церквей в провинции храм Новой церкви в Галерной гавани в Петербурге стал образцом, и многие храмы по своей форме напоминали проекты Косякова — ведь именно этому зодчему удалось создать храм средней вместимости, простой в плане и композиции и вместе с тем высоких художественных достоинств [Кириченко, 2016, с. 232]. Известный исследователь византийского стиля Ю.Р. Савельев пишет, что создание храма в Новониколаевске было связано «с императорским заказом» и считает архитектором Н. Соловьева, для которого «образцом послужила центричная структура храма, известная по петербургским проектам многих храмостроителей». Ю.Р. Савельев очень высоко оценивает архитектурные достоинства нашего собора: «В сибирском поселке родилось сооружение, построенное в «византийском стиле», удивительно гармоничное и пропорциональное, что выдавало принадлежность его автора к петербургской архитектурной школе» [Савельев, 2005, с. 188].

Выводы. Итак, архитектором собора А. Невского является Николай Михайлович Соловьев, выпускник Академии художеств. Его авторство подтверждается подлинными чертежами, в том числе содержащими автограф, а также архивными документами. Популярная версия об авторстве К.К. Лыгина, вызвавшая длительную дискуссию, появилась в силу различных обстоятельств, в том числе в результате ошибочной атрибуции чертежей церкви А. Невского, хранящихся в Томске.

Благодарности. Коллегам из Томского областного краеведческого музея — за предоставление и помощь в изучении чертежей из фонда К.К. Лыгина. Благодарность Государственному музею архитектуры имени Щусева и личная признательность Александру Викторовичу Хобта, к.и.н., заместителю директора Музея истории ВСЖД — за консультации и предоставленные архивные документы.

Список литературы

1. Адмаев О.В. На поезде времени. [Электронный ресурс] URL: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/459> (дата обращения: 30.04.2022).
2. Баландин С.Н. Лыгин К.К. // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. 1071 с.

3. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945 гг. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. 135 с.

4. Великий путь. Виды Сибири и ее железных дорог. Красноярск: Издание М.Б. Аксельрода, 1899. 124 с.

5. Журин Н.П. Фонд Императора Александра III: церкви и школы на Великой Сибирской железной дороге. (дата обращения: 30.04.2022). [Электронный ресурс] URL: <http://www.orthedu.ru/eparh/8688-fond-imperatora-aleksandra-iii.html>

6. История города Ново-Николаевска (1893–1908). Сборник документов. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2020. 370 с.

7. Кириченко Е.И. Архитектор Василий Косяков. М.: БуксМАрт, НИИТИАГ, 2016. 352 с.

8. Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. Том II. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915. 459 с. С. 389.

9. Куломзин А.Н. Пережитое. М., РОС-СПЭН, 2016. 1038 с.

10. Курилов В.Н. Новосибирский собор во имя святого благоверного князя Александра Невского в изобразительном искусстве // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: НГАХА, 2018. Т. XIII. С. 244–249.

11. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Книга 1. Город Новосибирск. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2011. 278 с. С. 86

12. Радзюкевич А.В. К вопросу об авторстве и прототипах собора Св. Александра Невского в Новониколаевске. [Электронный ресурс] URL: <http://rodinoved.ru/nsk-aleksandra-nevskii-sobor/publikacii/k-voprosu-ob-avtorstve-i-prototipakh-so/>

13. Романова Л.С. Творчество архитектора Константина Лыгина в Томске (по материалам фонда К.К. Лыгина в Томском краеведческом музее). Томск: Д-Принт, 2004. 193 с.

14. Собор Александра Невского в Новосибирске. Историческая справка. // Личная коллекция автора.

15. Савельев Ю.Р. Византийский стиль в архитектуре России. Вторая половина XIX–начало XX века. СПб.: «Проект-2003», «Лики России», 2005. 272 с.

16. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год. Томск: Издание Ф.П. Романова, 1895. 480 с.

17. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 год. Томск: Издание Ф.П. Романова, 1896. 645 с.

18. Хобта А.В. Хроника церковного строительства на Транссибе (конец XIX–1917 г.) Иркутск: ВСЦНТИБ ВСЖД, 2013. 80 с.

References

1. Admaev O.V. Na poezde vremeni [On the train of time]. URL: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/459> (accessed April 30, 2022). (In Russ).
2. Balandin S.N. Lygin K.K. Novosibirsk: jenciklopedija. [Lygin K.K. Novosibirsk: encyclopedia]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 1071 p. (In Russ).
3. Balandin S.N. Novosibirsk. Istorija gradostroitel'stva. 1893–1945 gg. [Novosibirsk. History of urban planning. 1893–1945]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978. 135 p. (In Russ).
4. Velikij put'. Vidy Sibiri i ee zheleznyh dorog. [Great way. Views of Siberia and its railways]. Krasnojarsk: Izdanie M.B. Akselroda, 1899. 124 p. (In Russ).
5. Zhurin N.P. Fond Imperatora Aleksandra III: cerkvi i shkoly na Velikoj Sibirskoj zheleznoj doroge. [Foundation of Emperor Alexander III: churches and schools on the Great Siberian Railway.] URL: <http://www.orthedu.ru/eparh/8688-fond-imperatora-aleksandra-iii.html> (accessed April 30, 2022). (In Russ).
6. Istorijagoroda Novo-Nikolaevska (1893–1908). Sbornikdokumentov. [History of the city of Novo-Nikolaevsk (1893–1908). Collection of documents]. Novosibirsk: Novosibirskij izdatel'skij dom, 2020. 370 p. (In Russ).
7. Kirichenko E.I. ArhitektorVasilijKosjakov. [Architect VasilyKosyakov]. Moscow: BuksMART, NIITIAG, 2016. 352 p. (In Russ).
8. Kondakov S.N. Jubilejnyj spravocnik Imperatorskoj Akademii hudozhestv. 1764–1914. [Anniversary reference book of the Imperial Academy of Arts.]. St. Petersburg: Tovarishhestvo R. Golikei A. Vil'borg, 1915. Vol. 2. 459 p. (In Russ).
9. Kulomzin A.N. Perezhitoe. [Experienced]. Moscow: ROSSPJeN, 2016. 1038 p. (In Russ).
10. Kurilov V.N. Novosibirskij sobor vo imja svjatogo blagovernogo knjazja Aleksandra Nevskogo v izobrazitel'nom iskusstve. [Novosibirsk Saint Alexander Nevsky Cathedral in Fine Arts]. In: Balandinskij chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. Novosibirsk, 2018. Vol. XIII. Pp. 244–249. (In Russ).
11. Pamjatniki istorii, arhitektury i monumental'nogo iskusstva Novosibirskoj oblasti. Kniga 1. Gorod Novosibirsk [Monuments of history, architecture and monumental and decorative art of the Novosibirsk region. Book 1. Novosibirsk]. Novosibirsk: NPC po sohraneniu istoriko-kul'turnogo nasledija Novosibirskoj oblasti, 2011. 278 p. (In Russ).
12. Radzukevich A.V. K voprosu ob avtorstve i prototipah sobora Sv. Aleksandra Nevskogo v Novonikolaevske [On the issue of authorship and prototypes of the Cathedral of St. Alexander Nevsky in Novonikolaevsk]. URL: <http://rodinoved.ru/nsk-aleksandra-nevskii-sobor/publikacii/k-voprosu-ob-avtorstve-i-prototipakh-so/> (accessed April 30, 2022). (In Russ).
13. Romanova L.S. Tvorchestvoarhitekтора Konstantina Lygina v Tomske (pomaterialamfonda K.K. Lygina v Tomskomkraevedcheskommuzeje). [Creativity of architect Konstantin Lygin in Tomsk]. Tomsk: D-Print, 2004. 193 p. (In Russ).
14. Sobor Aleksandra Nevskogo v Novosibirske. Istoricheskaja spravka. [Cathedral of Alexander Nevsky in Novosibirsk. History reference]. In: Lichnaja kollekcija avtora. (In Russ).
15. Savel'ev Ju.R. Vizantijskij stil' v arhitekture Rossii. Vtorajapolovina XIX–nachalo XX veka. [Byzantine style in Russian architecture. Second half of the 19th–early 20th century]. St. Petersburg: Proekt-2003, Liki Rossii, 2005. 272 p. (In Russ).
16. Sibirskij trgovno-promyshlennyj kalendar' na 1895 god. [Siberian commercial and industrial calendar for 1895]. Tomsk: Izdanie F.P. Romanova, 1895. 480 p. (In Russ).
17. Sibirskij trgovno-promyshlennyj kalendar' na 1896 god. [Siberian commercial and industrial calendar for 1896]. Tomsk: Izdanie F.P. Romanova, 1896. 645 p. (In Russ).
18. Hobta A.V. Hronika cerkovnogo stroitel'stva v Transsibe (konec XIX–1917 g.). [Chronicle of Church Construction on the Trans-Siberian Railway (late XIX–1917)]. Irkutsk: VSCNTIB VSZhD, 2013. 80 p. (In Russ).

Список источников

ГАО, Ф. Д-159. Оп.1. Д. 10. Л.12.
НГКМ. ОФ-21300/63.
НГКМ. ОФ-21300/57.
НОКМ. ОФ-10619/35.
НОКМ. ОФ-10619/40.
РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 455. Л. 1, 2.
РГИА, Ф.1273. Оп.1. Д. 456. Л.79, 80, 156.
РГИА. Ф. 1273. Оп.1. Д. 456. Л. 43–44
ТОКМ-1914/157
ТОКМ-1914/157a
ТОКМ-1914/158
ТОКМ-1914/159
РЭМ 12819-73, 12819-16, 12819-64,
12819-69

Список сокращений

НГКМ, НОКМ — Новосибирский государственный краеведческий музей
РГИА — Российский государственный исторический архив
РЭМ — Российский этнографический музей
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей

Материал передан в редакцию 06.06.2022

D.G. Kertmenjian

National University of Architecture and Construction of Armenia
V. Teryan Street, No 105, Yerevan, Armenia 0009
dakertmenjian@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-3256>

Corporate Buildings in Armenian Contemporary Architecture

Abstract

One of the main problems of international and Armenian contemporary architecture is the coordination of available information on typological features, professional environment design directions, styles, research equipment and technologies. This study is made in terms of general construction and individual buildings in order to be able to fully describe the architecture of today.

The article includes the architecture of corporate buildings, which were almost not included in the practice of non-central republics of Soviet Union, relevantly in Armenia also. Actually such buildings regenerated in Post-Soviet decades. Today there is an urgent need to study and accomplish them in the building type catalogues of today, as well as carry out their comparative analysis with the contemporary world parallels. The purpose of the article is to study the architectural features of the indicated corporative buildings from Armenia. Scientific objectives are: their appellation, identification of professional environment sustainability directions, stylistic description of the buildings, complexes, as well as the presentation of research equipment used in design process, details of the involved construction technologies, etc. The research method is a qualitative, comparative and simulation study of corporate buildings. Scientific novelty is the classification and reveal of methodological characteristics of corporate buildings in Republic of Armenia with world parallels.

Keywords: Contemporary World architecture, contemporary Armenian Architecture, Corporate buildings, Embassies, traditional style, Soviet Modernism

Д.Г. Кертменджян

Национальный университет архитектуры и
строительства Армении
Ул. В. Теряна, № 105, Ереван, Армения 0009
dakertmenjian@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9714-3256>

Корпоративные здания в современной армянской архитектуре

Аннотация

Одной из основных проблем как международной, так и армянской современной архитектуры является координирование имеющейся информации по типологическим особенностям, профессиональным направлениям, стилям, инструментам и технологиям. Это исследование сделано в плане и общего строительства, и отдельных построек, чтобы иметь возможность полностью отразить черты данного периода.

В статье включены Корпоративные здания, которых, в основном, не хватает в практике Советской Армении, и возникает острая необходимость их восполнения, а также необходимость их сравнительного анализа с международным опытом. Цель статьи изучение, в относительном порядке, особенностей современных корпоративных зданий в Армении. Научными задачами являются: их отабличивание, выявление профессиональных направлений, стилистическое описание зданий, комплексов, а также представление средств, инструментов процесса проектирования, подробностей задействованных строительных технологий и т.д. Метод исследования — качественное, сравнительное и подобное исследование зданий, а научная новизна — классификация и методологическая характеристика подтипов или типов корпоративных зданий Республики Армения.

Ключевые слова: новейшая мировая и армянская архитектура, корпоративные здания, посольства, банки, национальный стиль, советский модернизм

Introduction. Among the virtues of contemporary architecture it is worth highlighting the notable efforts made to reconcile the urban and natural environments. This issue occupies a place of special importance including some public buildings, institutions, and offices constructed as in world works practice [Cerver, *The world of contemporary...*]. The principal characteristic of the projects included, apart from their indispensable aesthetic and pragmatic values, is their relationship to the world of work cooperation which is new especially for small republics of former Soviet Union, as it is in the case of Armenia today. In the Post-Soviet decades the indicated buildings in an obligatory way are newly added architectural instances which are forming a special group of buildings from the contemporary times. However the major corporations and multinationals have finally recognized the need to harmonize architecture with the world system, not only as a sign of respect for environmental conditions, but also as a means of achieving an attractive corporation with companies worldwide [Kertmenjian, 2021, pp. 226–228].

As a result, the design of all these recent buildings have been based on two fundamental parameters — the construction of a meaningful, identifying image and the creation of a working and business environment that is pleasant, harmonious, and, above all-important human dimension for international activities. In fact, the importance today's society attaches to image which is reflected in the headquarters of the image corporations and in many public buildings, where top class architectural design has become the best way expressing a philosophy, whether corporate or governmental. In some cases, the emphasis has been placed on tradition and perpetuity; in others, on innovation and creativity. The common thread running through all the projects, however, is their attempt to present an image those accords with a philosophy of work and cooperation with the abroad.

There are huge number of references studying the Modern and Contemporary Architecture. Considering the subject of this study due to attention are the following publications cited below: Farrington, *Architecture: Banks*; Bony, *L'Architecture Moderne*, 2012; de Bure, *Architecture contemporaine*, 2015; Иконников, *Архитектура XX века*, 2002; Jencks, *The story of Post-Modernism*, 2011; Jodidio, *Architecture Now!* 2009; Taschen, *L'Architecture Moderne de A à Z*, 2016.

In the presented article within 9 different sections are comparatively manipulated: 1. buildings of public bodies, 2. public service buildings, 3. offices, 4. banks, 5. corporate buildings of different agencies, 6. exhibition centers, 7. research centers, 8. IT factories, 9. skyscrapers of companies etc. which accordingly at the end

came into results describing the contemporary architecture of Armenia today.

1. The Public bodies.

Public institutions at international level have been caught up in the general trend for updating and reviewing the architectural principles of their buildings. There is a clear desire to dispel the myths surrounding the role of public bodies in the personal life of the individual and what better than a change of image and structure. It is a question that: is it to try to create a friendlier face? But this is not simply a question of redesign. The idea goes much further than this. It also involves the inclusion of environmental considerations in the construction of these buildings, which house anything from the parliaments of major countries to city halls, law courts, embassies, and courts of human rights. In following this new direction, landscaping and environmental activities place these new on the threshold of the fresh, intensely ecological millennium.

From all mentioned above for this article are real components the examples of foreign embassies built in Armenia in the period of Independence. They created a new image in the urban life of the capital Yerevan.

A. However some international examples of public bodies are the followings:

court of Human rights in Strasbourg; Deutscher Bundestag in Bonn; Finnish Embassy in Washington D.C.; European Free Trade Association in Brussels; Reichstag in Berlin; Federal building on Foley Square in New York; Court building on Foley Square in New York; Government offices for the Department of Bouches-du-Rhone in Marseilles; Tokyo City Hall; City Hall in the Hague; Reze-le-Nantes City Hall; Portugal Pavilion in Lisbon [Cerver, *The world of contemporary...*, pp. 586–609].

B. Armenian examples of the public bodies are:

the government house 3 in Yerevan, Government house 4 in Yerevan. Many courts of different types constructed in the period of Independence, The New city hall in Yerevan, as well as the construction activity of many embassies built after the dissolve of Soviet Union, Such as, the embassies of: Russian federation, France, United Kingdom, USA, Taiwan, Uruguay, Brazil etc [Kertmenjian, *Architecture of administrative-governmental...* 2018].

2. Public Services' buildings.

The focus of attention in this section will be on those small urban buildings which for practical purposes form part of the urban furniture of every large town and city. These might be small medical facilities, weather centers, water circulation control centers, or shipping navigation beacons and lighthouses, the proper use of which enhances the quality of life for the local population. They have been chosen for inclusion

in this selection of contemporary architecture because of the innovation of their design; they have given added value of the landscape of each individual city.

A. Very typical examples from world parallels are: Manlius mountain area in La Cardana, Spain; signal box in Basle, Switzerland; Montfort Werbung GmbH in Klaus, Austria; Pincelli in Sassuolo Italy etc [Cerver, The world of contemporary..., pp. 610–624].

B. The Armenian instances of Public Services' building are too much and at the same time few. However there is so much renovation examples performed. Beside there are new such buildings as: they are of limited types: clinics, such as: the polyclinic center on Kotchar street in Yerevan, Medical centers and laboratory centers, such as "Armenia", "Izmirlyan", "Apollon", "Arabkir", "Arfa-Med Hearing Aid Center", "Avanta Stomatology and cosmetology", "Cardiological Clinic", "Vicmed of Aesthetic Medicine", "Medical Generics and Primary health care", "Mamo center", "Shengavit medical center" etc. Actually the spread types of services' buildings are medical centers in the role of private polyclinics in the system of cities.

3. Offices.

Dynamic action; flexibility, communications, and flow all terms used to define the designs for the offices included in this section. Technology now comes to the aid of those working at tasks which were hitherto monotonous and solitary and offices are no longer the exclusive domain of the bosses. Instead the areas destined for office use have become the venue in which both ideas and products are created by the office is studied in minute detail, with the same care that goes into designing a logo or planning a publicity campaign. Taken all in all the exterior of an office reflect equally the true spirit of the company.

A. Such examples in world contemporary practice are in behalf: Riddell's in Jackson Hole, USA; Loop Telecom in Barcelona; Elizabeth Alford Center in New York etc [Cerver, The world of contemporary..., pp. 634–648].

B. Armenian examples are: Moscow Center in Yerevan; AUA Center in Yerevan; Viva Cell telecommunication center etc. In reality they are agencies in contact with world famed firms, almost created by interesting images of contemporary architecture etc.

4. BANKS.

Private Banks are new for the Armenian practice from post-Soviet period. That so the design impulse of World architecture, if is a development towards the contemporary, in the Armenian sense they are new [Farrington, Architecture: Banks]. Money has not always been associated with good taste and the same is true of architecture. Traditionally, the biggest budgets have not always translated into the best designs, still less into the greatest innovations in

the field of architecture. In any event, it is certain that banks, deeply involved in their mergers and acquisitions still need somewhere to carry out and centralize their operations. Moving on from the names traditionally associated with bank buildings (Rocco Sen — Kee Yim, Nikkei Sekkei, Kohn, Pederson & Fox, for example), there has been a succession of new figures winning commissions for some of the big banks.

A. World Examples are: the Commerzbank in Frankfurt; Hypo Alpe Adria Bank in Klagenfurt, Austria; Nord LB. North German State Clearing Bank Building in Hannover, etc [Cerver, The world of contemporary..., pp. 652–665].

B. Armenian examples are: "Kamar" bank, the bank beside the new municipality of Yerevan, Popular Bank of Armenia, Prometei bank Yerevan, and The Central Bank of Armenia etc.

5. Corporate buildings of different Agencies.

The corporate buildings described in this section consist of offices and their ancillary services, such as restaurants, conference rooms bars, and so on, as well as the areas around them, in the form of parks or squares. This type of architectural combination provides accommodation for companies, and apart from fulfilling a variety of different functions, these buildings also serve as publicity generators in their own right in other words. They put across a specific image which represents the interests and the distinctive features of the company. In this context, the work of the Architect is based on a clear understanding with the client, and the design will be the materialization of ideas born of the dialog between them. There are two clear objectives: first to construct a complex which will incorporate concepts of functional performance and comfort, and, second, to create an exclusive symbol to the elicited recognition on the format level.

A. Examples of world architecture contemporary practice are: Jean-Baptist Berlier Industrial Hotel in Paris; Central Beheer extension in Appeldoorn, Netherlands; German Federal Railway Customer Service building in Duisburg; Oracle in Redwood, California; Grain treatment plant in Marche-en-Famenne, Belgium, NTT office Center in Tokyo; Morgan Stanley Dean Witter in Madrid; TRW Central Office in Lindhurst, Ohio; British Airways offices, Heathrow, London [Cerver, The world of contemporary..., pp. 670–690].

B. The Armenian examples from contemporary period are also of resting and entertainment places: within the first of many floors of a building (e.g. "Babylon"), others associated within the large complexes of entertainment and resting centers (e.g. "Pharaoh"). The freestanding examples are more interesting from the point of architecture, such as Gandzasar restaurant and hotel, Renaissance Restaurant in Yerevan, Kars Restaurant, Zey-

touna Restaurant in Yerevan, Four Seasons Restaurant in Yerevan, Caucasus restaurant and hotel complex on the highway leading to Ashtarak city, Tufenkjian National Cousin-art center- Hotel etc. [Kertmenjian, Armenian Architecture of..., 2017].

6. Convention and Exhibition Centers.

Convention and exhibition centers and trade fair sites are characterized by the temporary nature of the events to which they play host. This means that there is a very intense flow of visitors and exhibitors passing through in specified periods of time, with the venue being cleared again before the next event begins. Added to this are the facts that, born of the desire to provide an air of exclusivity, the associated buildings seek to be aesthetically striking, while not overlooking their functional purpose. Trade fair complexes in turn are national flag bearers: they are structures which represent a country or a region; they are buildings which are intended for publicity, and their architecture must be capable of reflecting the most significant features of the geographical area which they represent. Over the past few years, exhibition pavilions have proved, for architects, to be the perfect area for experimentation, giving them the opportunity to test out structural solutions and new materials alike; in short, the chance to speak their own architectural language. World-wide known some examples of the convention and exhibition centers are demonstrated below.

A. World Examples are: New Leipzig Trade Fair Building; Moscow city Trade center; Tokyo International Forum; Kunibiki Trade Fair Building; Lille Congress Center; EXPO Lisbon'98; Cartuja 93 in Seville, Millennium Experience in Greenwich, London; Brussels Exhibition Center, Pedestrian Route; Valencia Congress Center, Brisbane Convention and Exhibition Center in Australia; Torhaus in Frankfurt [Cerver, The world of contemporary..., pp. 696–716].

B. What about the Armenian instances, should be mentioned: The economic achievements pavilion in Yerevan built in soviet times. Today there are many buildings replacing such undertakings for temporary order. Such are the hall of Sportive concert complex, as well as, so many halls which have vast lobby serving for the period. Such a complex planned for the purpose is the Chinese trade exhibition center in Yerevan [Григорян, Товмасын, Архитектура Советской Армении, 1986].

7. Research centers.

The specific nature of some architectural categories means that additional strengths are required; this is the case with buildings intended for research, which call for a specialized process of design. Architects must be prepared to confront the technical challenges which the researchers pose for them. Accordingly, the

structures in this section are the result of teamwork, providing an answer to all the problems which arise in the course of development of the project. The main challenge is to support the technical research work by creating properly functional areas which at the same time will provide a pleasant working environment, i.e. paying particular attention to the use to which the building is to be put, but likewise to the people who are going to work in it.

A. Such international examples are the following renown complexes are: Seibersdorf Research Center and offices, Austria; University of Cincinnati Research center, OCAS in Ghent, Belgium; M&G Research in Venafro, Italy; Design Cube in Klagenfurt, Austria; Institute of Neurology in La Jolla, California; IMPIVA in Castellon, Spain; Skirball Institute of Biomolecular Medicine in New York; Wexner Visual Arts Center in Minneapolis, Minnesota; Social science Studies Center in Berlin; Heureka in Helsinki; Pacific Design Center LA; Hysolar Institute in Stuttgart; Lucille Halsell Botanical Garden in San Antonio, Texas; Graz Botanical Garden, Graz, Austria; ESTEC in Noordwijk, Netherlands [Cerver, The world of contemporary..., pp. 696–783].

B. Research centers from Armenian contemporary practice are not. What are in use are centers from Soviet period or some adaptations using former existing buildings.

8. IT Factories.

This is special type of the factories. However industrial activity has become an indicator of the extent of a country's development. The idea that people are a further factor in production has evolved thanks to a greater social conscience, so a new concept of "factory" has developed, according to which it has become quite a challenge to ensure that the worker feels like a human being within its walls. The architectural projects included in this chapter reveal a range of idiosyncratic industrial activities related to the products being made, which might be described as unusual. In spite of their obvious diversity, there are several constants that all of these buildings must adhere to, in order to be able to achieve optimum functionality. These include setting the plant up properly for the production process, elimination of superfluous elements that will increase costs, and installing the right equipment to ensure that the workers are operating under the most favorable conditions. Such buildings are the following type of factories meet in contemporary architecture.

A. World examples are: Recola Warehouse in Mulhouse, France; The Box in Culver city California; Toto atelier in Kitakyushu, Japan; Holz Altenries warehouse and showrooms in Hergatz, Germany; technical center for Books in Marnela Valee, France; Phosphate plant in Berlin; Herman Miller furniture factory in Rocklin,

California; Vitra Conference Pavilion in Weil-am-Rhein; Funder Werk 3 Factory in Veit/Glan, Austria, Financial times corporate in London; West 8 MTR Terminal in Hong Kong [Cerver, The world of contemporary..., pp. 758–780].

B. Armenian examples are: the IT factories in Armenia signaled the contemporary epoch. The basic information about them included in the lists published in the official sites titled as "The factories of Armenia". Because of the lack of space, only possible to emphasize the indicated buildings are classified in 5 categories: 1. modern food industry factories, 2. modernized complexes of old energy producing complexes, 3. new light industry buildings, 4. buildings specialized for building industry, as well as 5. some readapted buildings of Heavy industry existed once etc. [Kertmenjian, Developments of Armenian... 2021].

9. Skyscrapers.

Skyscrapers are undoubtedly a celebration of technological progress, a grand gesture to man's capacity to construct ever higher in his attempts to reach the heavens. But they are also a product of territoriality of the property market, of speculation. The basic questions to be answered by today's architects are the same as those faced those who designed the first skyscrapers in Chicago at the end of the 19th century. How to relate the skyscraper to an environment alien to its scale? How to get to and from the ground? How to build the structure? How to dress the skeleton? Those erecting skyscrapers now are at least aware of urban problems and try to confront them by responding to the environment in which their giant projects are situated. Such challenges to build the higher are embodied in following projects.

A. World examples are: Petronas towers in Kuala Lumpur; Osaka World Trade Center; Suntec city in Singapore; Puerta de Europa Towers in Madrid; Umeda Sky Building in Osaka; Melbourne Central; 750 Seventh Avenue in New York; Moscow City; Carnegie Hall Tower in New York; Shanghai World Financial Center; Jin Mao Building in Shanghai; Millennium Tower in London [Cerver, The world of contemporary..., pp. 784–806].

B. In Armenia the last two items do not exist yet.

Conclusions:

1. The corporate buildings are the new type buildings specially formulated within the contemporary Architecture of Armenia. They include 9 sub-types which did not develop in the same rate of architectural creative values.

2. As usual, mainly built corporate buildings are in medium financial implementation capacity. Such as medical centers, courts of different type, city halls etc.

3. The buildings which need high financial implementation, as usual created in behalf of

reuse or regeneration of soviet existed buildings, such as exhibition centers, former research laboratories, former stopped factories etc.

4. Special category corporate buildings are the embassies built newly in Armenia. Other identic complexes are corporate headquarters which have rare examples yet, e.g. Viva cell telecommunication center, Marriott Armenia Hotel branches in different cities and other brand hotels and places for entertainment such as "Pharaoh" complex etc.

5. There are corporate buildings which are not compatible for Armenia and did not spread their use in the country, such as the contemporary factory types and the skyscrapers.

6. Actually there are some instances of contemporary corporate buildings in Armenia which have appropriate compositional features in their full meaning yet. Any case some successful examples are in behalf of "Kamar" bank center in Yerevan, the "Renaissance" square in Stepanakert, the AUA Business center, Moscow center, the American embassy complex etc.

7. Should be emphasized that almost all discussed buildings are ricochets of 20th century national architecture properties, such as:

a) national expressionism style (e.g. the new municipality square ensemble of buildings in Yerevan, Spitak and Gyumri; the governmental body buildings N3 and N4 in Yerevan, the Viva cell center);

b) soviet modernism style (e.g. the Restaurant and Hotel complex Caucasus, the Russian embassy, the UK embassy, the Embassy of France, the Popular Bank of Armenia);

c) some conservative rational style buildings, such as: the buildings on Nord Avenue, Main Avenue, and the Tufenkyan National Cousin-art center hotel branches etc;

d) there are some other world revival of styles, as Valeks-Garden hotel complex in Stepanakert, Congress hotel complex in Yerevan etc.

References

1. Barbara Farrington. Architecture: Banks. URL: <https://www.pinterest.com/bfarrington/architecture-banks/>
2. Bony Anne. L'Architecture Moderne. Larousse, 2012.
3. Cerver F.A. The world of contemporary architecture, h.f.Ullmann, 2005/2007. 999 p.
4. Gilles de Bure. Architecture contemporaine. Le guide. Flammarion, 2015.
5. Григорян А.Г. и Товмасын М.Л., (Grigorian A.G., Tovmasyan M.L.), Архитектура Советской Армении. Москва: Стройиздат, 1986. 317 p. (In Russ.).
6. Иконников А.В. (Ikonnikov A.V.), Архитектура XX века, Издание в двухтомах, том II, Прогресс-традиция, 2002. 670 p.

7. Chales Jencks. The story of Post-Modernism, Wiley, 2011. 272 p.

8. Philip Jodidio. Architecture Now! Vol. 6. Taschen, 2009. 572 p.

9. Kertmenjian D.G., Regeneration as a Development Method for Contemporary Armenian Architecture. Second International Conference and integration of education, science and business in modern environment: summer debates. Dnepr, 2021. pp. 226–228.

10. Kertmenjian D.G. Armenian Architecture of Independence period: General glance on hotels and centers for touristic entertainment. Review of Armenian Studies, 2017. No. 2. pp. 224–239.

11. Kertmenjian D.G., Architecture of administrative-governmental establishments of Yerevan at the period of independence (in Armenian), Yerevan5-, collection of articles of Yerevan City Museum. Yerevan, 2018. pp. 348–355.

12. Kertmenjian D.G., Developments of Armenian Industrial Architecture from Contemporary period. Proceedings of 13th International Conference "Contemporary Problems of Architecture and Construction". Yerevan, 2021. pp. 72–79.

13. Aurelia and Balthazar Taschen. L'Architecture Moderne de A à Z. Taschen, 2016.

Материал передан в редакцию 27.09.2022

А.А. Усов

Федеральный исследовательский центр
комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Научный центр традиционной культуры и музейных практик
Наб. Северной Двины, 23, г. Архангельск, Россия, 163069
usov@fciarctic.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124>

**Традиционное жилище в поселениях Онежского Поморья
(по материалам экспедиций 2018–2021 годов)**

Аннотация

В статье рассматривается архитектурно-конструктивное устройство, особенности декора крестьянского комплекса-домаи специфика устройства крестьянской усадьбы в сельских исторических поселениях Онежского Поморья. Исследование опирается на полевые материалы автора, полученные по результатам трех архитектурно-этнографических экспедиций в с. Ворзогоры (2018), Малошуйка (2019), Пурнема (2020–2021), а также д. Лямца (2020–2021) и Нижмозеро (2020). Работа также основывается на анализе архивных и музейных источников, памятников в экспозиции музея под открытым небом Архангельской области («Малые Корелы»), на анализе материалов Онежского историко-мемориального музея, фототеки Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва). Используется авторская методика. культ. Пермиловской А.Б. исследования памятников деревянного зодчества, исторических поселений с проведением фотофиксации и схематических обмеров. Установлено, что дом Онежского Поморья имеет явную этническую севернорусскую специфику (планировка, архитектурно-конструктивное устройство, декор). Традиционное жилище, выступает как система адаптации и фактор устойчивого существования на Севере и в Арктике; как этномаркер, отражающий менталитет и культуру местного населения.

Ключевые слова: Русский Север, Арктика, Онежское Поморье, культурный ландшафт, историческое поселение, традиционное жилище

A.A. Usov

N. Laverov Federal Center For Integrated Arctic Research of
the UB of the RAS (Arkhangelsk)
Scientific Center of Traditional Culture and Museum Preservation
Severnaya Dvina Emb., 23, Arkhangelsk, Russia, 163069
usov@fciarctic.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124>

**Traditional dwelling in the settlements of the Onezhskoye Pomorye
(Based on materials from expeditions 2018–2021)**

Abstract

The paper discusses the architectural structure, decor features of the peasant complex-house, the specifics of the peasant estate arrangement in the rural historical settlements of the Onezhskoye Pomorye. The research is based on the author's field materials, obtained from the results of three architectural and ethnographic expeditions in the settlements Vorzogory (2018), Maloshuyka (2019), Purnema (2020–2021), as well as the village of Lyamtsa (2020–2021) and Nizhmozero (2020). The research is also based on the analysis of archival and museum sources, monuments in the exposition of the open-air museum of the Arkhangelsk region ("Malye Korely"), on the analysis of materials from the Onega Historical and Memorial Museum, photo library of the Shchusev Museum of Architecture (Moscow). The author's technique is used Doctor of Sciences (Culture) Permilovskaya A.B. research of monuments of wooden architecture, historical settlements with photo fixation and schematic measurements. It has been established that the house of the Onezhskoye Pomorye has a clear ethnic North Russian specificity (layout, architectural design, and decor). Traditional housing acts as an adaptation system and a factor of sustainable existence in the North and the Arctic; as an ethnomarker reflecting the mentality and culture of the local population.

Keywords: Russian North, Arctic, Onezhskoye Pomorye, cultural landscape, historical settlement, traditional dwelling

Введение. Традиционное жилище — один из важнейших объектов этнокультурологического исследования. Дом обеспечивает безопасность, является результатом структурирования пространства, выступает в качестве модели освоенного человеком мира [Байбурин, 1983, с. 3]. Крестьянское жилище — это не только объект предметного мира, но и организующее начало, создающее символическую связь человека с Космосом — как архетипическая модель традиционной русской культуры [Пермиловская, 2005, с. 12].

Традиционное жилище напрямую связано с особенностями окружающей среды. Дом является специфическим «ответом» человека на ее «вызовы». Среди них: смена времен года, погодно-климатические условия, осадки, перепады температур, опасность диких животных. Приспосабливаясь к ним, население Севера и Арктики выработало различные подходы, включающие вариации применения разнообразных природных ресурсов, регулируемых культурными предпочтениями, технологиями, диапазоном доступных видов растений и минералов [Habitat, 2017, с. 14], объединенных ими в продуманном и функциональном образе крестьянского комплекса дома-двора.

В настоящей работе внимание уделено комплексу дома-двора в поселениях Онежского Поморья. Это часть Русского Севера в пределах побережья и островов Онежской губы Белого моря. Онежское Поморье охватывает Летний (от Кемь до Онеги) и Поморский (от Онеги до мыса Ухт-Наволоки) берега. В рамках исследования данная территория характеризуется не только как принадлежащая Русскому Северу, но и Арктике. Это связано как с природно-климатическими особенностями региона, который располагается в субарктическом поясе (по классификации В.П. Кёппена), так и современным статусом территории (часть Арктической зоны РФ) [Указ Президента..., 2014].

Конкретный выбор сельских исторических поселений, в которых проведено исследование домов-комплексов, прежде всего это с. Ворзогоры, Малошуйка, Пурнема, предопределен следующими факторами. Значительной сохранностью традиционной жилой застройки (кон. XIX–втор. пол. XX вв.), наличием старинных культовых центров поселений — деревянных архитектурных ансамблей («тройников»), включающих теплый храм, холодный храм и колокольню, сохранением памяти о традиционной культуре, быте, обычаях, местной топонимике.

Полученные результаты и их обсуждение. Обследованные поселения интересны тем, что наглядно представляют различные способы планировки, относительно важнейших природных доминант — моря,

реки, озера — вокруг которых строилась вся стратегия заселения территории, т.к. освоение Севера шло в основном водными путями. По исследованиям д. а. Ю.С. Ушакова, переселенцы тяготели к берегам рек, озер и Белого моря, наибольшая концентрация их (до 90 %) приходилась на речные, озерные и приморские типы поселения. Этому способствовали, прежде всего, экономические причины: реки и озера были удобными дорогами, источниками рыбных промыслов [Ушаков, 1982].

Так с. Ворзогоры относится к типу поселений «погост с деревнями» [Бернштам, 1978]. Село возникает не позднее XVI в. (местный приход существует с 1578 г.) [Краткое историческое описание..., 1896, с. 13]. С момента образования Ворзогоры состоят из 2 частей: д. Кондратьевская и д. Яковлевская. Главное отличие Ворзогор от большинства поселений Онежского Поморья, а также особенность его планировки заключается в расположении на высоко песчаном мысе, на значительном удалении от водных артерий (в 4 км от устья р. Нименьга, 15 км от р. Онега), что нехарактерно для поморских поселений в целом. Другое подобное поселение, основанное на морском побережье вне устья реки — д. Кашкаранцы в Терском районе Мурманской области. Несмотря на то, что ключевая природная доминанта здесь море, дома поставлены на удалении до 500 м от самого побережья и повернуты к нему хозяйственными дворами. Это связано с тем, что море располагается с северной стороны. Двор и поветь, таким образом, выступают в качестве дополнительного буфера для избы, в свою очередь, обращенной окнами главного фасада на юг, юго-запад, юго-восток. Ориентация изб домов-комплексов, стоящих за «буферными» постройками, зависит от принадлежности к одной из деревень. В д. Кондратьевская ориентация жилищ в центре поселения обоснована с одной стороны, архитектурным ансамблем (холодная многоглавая Никольская церковь (1636), теплая многоглавая Введенская церковь (1793), колокольня (1862)), на который обращены окна ближайших домов; с другой стороны, неровным рельефом местности (часть домов стоит боком даже к храмам). В д. Яковлевская, при отсутствии культовых доминант и при значительно более ровном рельефе земли — была устроена уличная планировка. Главная улица — бывший Петербургский почтовый тракт, который шел от г. Онеги по берегу моря по местам отлива — «по взморью» и сохранился в деревне [ПМА, 2018].

Малошуйский приход образован в XVII в. Село расположено на бывшем Онега-Кемском почтовом тракте, в 5 км от берега Белого моря. Малошуйка стоит на 2 берегах, в излучине одноименной реки. Местными жи-

телями поселение делится на 3 части: Верховье и Низ (ранее д. Вачевская и д. Абрамовская) — на правом берегу и Заречье — на левом берегу. Рельеф местности, занятой жилой застройкой, низменно-равнинный. Встречается несколько заметных возвышенностей, которые были закреплены в местной топонимике: г. Крестовуха, Чуйнака, Калиновка. Холмы не застраивались, но играли важную роль в формировании сакрального ландшафта поселения — на них устанавливались деревянные кресты, в настоящее время полностью утраченные. Культовый центр, располагающийся на территории Верховья (на самой его периферии, при этом, визуально лучше просматривающийся с Низа) представляет собой архитектурный ансамбль, состоящий из холодной шатровой Никольской церкви (1638), теплой многоглавой Сретенской церкви (1873) и колокольни (1807). Главная природная доминанта — река. Благодаря равнинному характеру ландшафта (возвышенности носят локальный характер), в поселении преобладает прибрежно-рядовая и уличная планировка. Дома в д. Верховье и Низ окнами «смотрят» на юг юго-запад. В д. Заречье главные фасады домов обращены на север и северо-восток. Первый ряд жилищ д. Заречье неизменно обращен передними окнами избы к реке. Жилая застройка, прежде всего Верховья, значительно пострадала в результате пожара 1989 г., когда было утрачено 22 дома-комплекса [ПМА, 2019].

Село Пурнема расположено на западном побережье Онежского п-ва, в 70 км (по морю) от г. Онега. Ближайшее поселение — д. Лямца находится на расстоянии 25 км на северо-западе, д. Нижмозеро в 30 км на востоке. Пурнема стоит на высоком берегу одноименной реки, в устье, отделенным от Онежской губы Белого моря узкой песчаной косой с сосновым бором — «Кендищем». Пурнема — специфический и яркий пример природного и культурного ландшафта, аккумулирующего в себе большинство удачных и комфортных для проживания природных условий (особенностей рельефа и водных ресурсов), свойственных для поселений Русского Севера. Пурнема одновременно объединяет расположение села на высоком берегу, устье реки, на морском побережье, на южной, солнечной стороне (на юго-западной оконечности Онежского п-ва). Село делится на две большие части: Верховье (Верх), где располагаются культовые постройки (теплая шатровая Никольская церковь (1618), холодная Рождественская церковь (1861), колокольня утрачена в пер. пол. XX в.) и Низ. Глубокий овраг, преобразивший природный и культурный ландшафт с. Пурнема и визуально разделивший его на 2 части появился только в пер. пол. XX в. Село относится к приморско-приречному подтипу заселения, т.к.

основано не только на морском побережье, но и в устье реки; и характеризуется прибрежно-рядовой формой застройки. Длина поселения около 2 км. Окна домов обращены на южную сторону, реку и море и имеют хорошее освещение [ПМА, 2020].

Деревня Лямца располагается в устье р. Лямца в 25 км к западу от с. Пурнема, а также в 90 км по береговой линии от г. Онега. Деревню Лямца окружают три холма, которые носят наименования: Мызок, Талина и Майовка (ранее — Ильинская гора в честь стоявшей здесь Ильинской церкви (1852)). Ильинская церковь являлась культовой и архитектурной доминантой поселения, выполняла также функцию маяка, была очень хорошо видна с моря. В втор. пол. XX в. на горе также стоял деревянный маяк. Здесь же в разное время находилась неоднократно перенесенная электростанция. По информации местных жителей, ранее гора Мызок была больше, на ней находилось пахотное поле, а также ветряная мельница. В селе преобладает уличная планировка, главные фасады домов обращены на восток или на юг — на реку. В некоторых местах, где дома стоят напротив одной лишь дороги — ранее — они смотрели в сторону обмелевшего русла, таким образом, можно говорить и о наличии прибрежно-рядового типа планировки поселения. Хотя по типу расположения в природном ландшафте д. Лямца практически повторяет с. Пурнема (с той лишь разницей, что устье реки не отделено от песчаной косы, а вместо высокого берега здесь располагается несколько незаселенных возвышенностей), она не делится на Верх и Низ, но имеет свое собственное членение на 3 части. «Деревня» — центральная и наиболее старая часть поселения, по дороге к морю, за горой располагается «Колония», а образовавшееся с краю деревни в XX в. поселение называется «Хутор». Первоначально здесь стоял маслозавод, но с 1980-х годов это место стало медленно обрастать новыми домами и приобрело статус самостоятельной части [ПМА, 2020].

Деревня Нижмозеро располагается в 30 км восточнее Пурнемы, на берегах р. Нижмы, объединяющей озера Кяндское, Пурнемское, Унское, а также Верхнее Большое и Верхнее Малое. Поселение располагается в низине, в природной «чаше» между двух холмов протекающей внизу рекой. На вершине одного из холмов стояла Никольская церковь (1661), сгоревшая во втор. пол. XX в. На ее месте в настоящее время установлен памятный крест. Планировка поселения прибрежно-рядовая. Дома, следуя рельефу местности, поднимаются уступами от реки, по склонам холмов и смотрят главными фасадами на воду. Некоторые жилища при этом стоят параллельно реке и обращены окнами передних на озеро. По словам к.иск. М.И. Мильчика «по

правому берегу в сторону ближайшего селения Кянды тракт идет мимо озадков домов, окна которых обращены к реке. Но там, где он отходит от Нижмы, вслед за ним отходят и дома» [Мильчик, 1971, с. 10]. Две части деревни связывает деревянный мост.

Рассмотренные поселения демонстрируют различные способы ориентации традиционного жилища в природном ландшафте Онежского Поморья в зависимости от природно-климатических условий и рельефа берегов Онежского залива. Тем не менее, практически по всех поселениях наблюдается общность архитектурно-конструктивного устройства и декора дома-комплекса (с небольшими вариациями планировки жилой части и украшения причелин).

Для Онежского Поморья в целом характерен комплекс дома-двора с типом соединения жилой и хозяйственной части «брус», на среднем и высоком подклете. Изба, холодные клетки, хозяйственный двор и поветь располагаются под одной симметричной двускатной стропильной крышей, защищающей общий мощный объем дома. В частных случаях двор и поветь могут быть шире избы, но незначительно, что не позволяет классифицировать жилище как дом-двор с уширенным сараем («нечистый брус»), распространенный в Каргополье. По планировке жилой части избы представлены в основном четырехстенками и пятистенками, зафиксировано несколько шестистенков, в с. Малошуйка также зафиксирован один дом-крестовик. Жилые помещения представлены отапливаемой избой с подклетом (разделенной на 2 части — переднюю и кухню капитальной продольной стеной) или 2 избами в отдельных срубках (с. Пурнема, д. Лямца), сенями с холодной клетью и горницей и так же подклетом, повестью и хозяйственным двором, как правило, включающим отдельный сруб хлева. На главном фасаде располагается от 3 до 6 окон в зависимости от типа планировки избы. Треугольный фронтон, как правило, зашит досками, в с. Малошуйка в его нижней части размещен защитный козырек (фартук). Для значительной части домов нач.–сер. XX в. характерно наличие вышки-мезонина с 1–3 окнами. В настоящее время подавляющее число домов имеет кровлю из шифера, металлочерепицы или ондулина, однако традиционным материалом здесь был тес, обработанный в форме желоба или с двумя вырезанными по бокам каждой тесины узкими желобками для лучшего оттока воды. У части домов отсутствует внешнее крыльцо, а вход осуществляется через дверь в подклет, где устроена внутренняя лестница в сени — т.н. закрытое крыльцо. Для более старых домов на высоком подклете характерно крытое и обшитое крыльцо на столбах (четырёхстолпное), пристроенное к избе сбоку и ведущее прямо в сени. Вертикальной опорой

такого выносного крыльца служат 4 деревянных бревна-столба, поддерживающих лестницу, крышу и верхнюю площадку. Выразительных традиционных примеров одностолпного крыльца или на «рундуке» в обследованных поселениях Онежского Поморья не обнаружено. Жилая часть чаще всего обшивается досками или вагонкой и выкрашивается в зеленый, желтый или голубой цвет. Хозяйственная часть (в с. Пурнема до сих пор называемая «сараем») состоит из хозяйственного двора на уровне подклета, внутри которого срублены дополнительные 1–2 клетки, выполнявшие функции хлевов. Второй ярус — поветь — место хранения сена и рабочих инструментов. Сама поветь с торца дома на углах часто поддерживается большими деревянными столбами («стамниками»), вкопанными в землю. Эта конструктивная особенность не только распределяет вес повети, снимая нагрузку с бревен двора, но также позволяет производить замену его нижних сгнивших венцов.

В с. Пурнема для домов также был характерен архитектурно-конструктивный элемент — «придел» (ил. 1). По сведениям информантов, приделы обычно возводили у домов с разобранным взвозом. Придел представляет собой крытую двухэтажную площадку, наподобие балкона-веранды, служившую местом отдыха, сушки белья и т.д. Можно говорить о том, что «придел» — это местное название бокового балкона, традиционного для различных местностей Русского Севера [ПМА, 2021]. Для жилой части дома-двора Онежского Поморья характерно наличие 2 изб, которые могут быть конструктивно устроены внутри 1 общего сруба или в качестве 2 отдельных срубов. Так, в поселениях Поморского берега Белого моря (с. Ворзгоры, с. Малошуйка) жилая часть дома представлена одним большим срубом. Его передняя стена с окнами образует главный фасад дома и выходит на улицу, задняя — примыкает к сеням. Сама изба разделена на две части. «Передняя» является гостиной или спальней комнатой. Обычно здесь установлена маленькая печь-голландка, реже — большая русская печь. Вторая часть помещения, куда в первую очередь попадает человек из сеней, отделена от «передней» капитальной стеной или перегородкой. Здесь располагается кухня с большой русской печью, стоящей справа от входа и обращенной устьем к окнам бокового фасада. Слева от печи находится маленькая кладовая с кухонной утварью — «шомныша», рядом в полу устраивается люк в подклет. Для домов в поселениях Онежского берега (на примере с. Пурнема и д. Лямца) характерна жилая часть из двух разделенных сенями срубов — «передней» (летней) избы и «зимней» (боковой) избы с холодной клетью напротив. Боковая, клеть и примыкающий к ним сарай

выделяются большей площадью помещений, по сравнению с передней. Это связано с традицией порядка их возведения. В первую очередь поморы ставили боковую избу с большой русской печью в качестве основного жилого сруба. Напротив избы (параллельно ее длин-

ному торцу) возводили холодную клеть меньшего размера в качестве кладовой. Смежные стены срубов образовывали коридор, ведущий на сени и поветь. Противоположные стены образовывали внешние стены сруба всего жилища.

Ил. 1. Дом-двор Кожевникова И.Ф. Придел (слева), с. Пурнема (Верховье), Онежский р-н.
Фото И. Никанорова, втор. пол. XX в. ПМА, 2021

Fig. 1. Peasanthouse-yard complex of Kozhevnikov I.F. "Pridel" (left), Purnema (Verkhovye), Onega district.
Photo by I. Nikanorov, second half of 20th century. Field materials of the author, 2021

Дома строили из сосны. Хозяйственный двор возводился из ели. Тип соединения бревен в венцах сруба — «в обло» и «в лапу». Более старые дома сер.-кон. XIX в. рубились «в обло» целиком — как жилая, так и хозяйственная часть. Для жилищ нач. XX в. характерно применение типа соединения «в лапу» для избы, хозяйственный двор и поветь рубились «в обло». Наиболее древние избы с. Пурнема построены «в обло» с «потемком». «Потемок» — технология, при которой бревна скреплялись при помощи специального деревянного шипа — «кóксы». Он считался более практичным, т.к. сруб лучше удерживал тепло, что особенно важно для неотапливаемого двора [Раппопорт, 1975]. Такой же способ соединения использовался при возведении сараев из-за особенностей промерзания древесины вдоль волокон, таким образом, небольшой остаток бревна с торца обеспечивал устойчивость углов в помещениях к большой потере тепла. В качестве фундамента для первого — окладного венца сруба применяли камни или деревянные сваи из бревен («стамники») — в зависимости от типа почвы. На ровном сухом месте под углы и перерубы срубов укладывались большие валуны. Если крестьян был вынужден поставить жилище на сырой и мягкой почве, под углы будущей постройки вкапывались деревянные столбы [ПМА, 2020].

Декор традиционного жилища в Онежском Поморье во многом соотносится с характером и менталитетом поморов. На это указывают и сами местные жители. По мнению информантов в суровых природно-климатических условиях Севера, проводя часть жизнь в борьбе за выживание — поморы не были склонны к перенасыщению жилища декором [ПМА, 2018]. Как отмечал еще профессор Р.М. Габэ: «Одна из характерных особенностей подлинно народного зодчества Севера заключается в том, что декоративная сторона занимает весьма скромное место. В северном доме простые до аскетизма декоративные формы являются лишь подчеркиванием конструктивных особенностей» [Габэ, 1941, с. 75–76]. Для всех домов-комплексов в современных поселениях типично отсутствие богатого декора. Жители обшивают и красят избы, в редких случаях на дачный манер перенасыщают жилища обилием резных наличников, причелин, декоративных поясков на подшивки кровли. Однако большинство традиционных домов не имеют ярко выраженных декоративных элементов (В особенности это характерно для с. Ворзогоры). Наиболее выразительны жилища с. Малошуйка, где фронтоны изб кон. XIX — нач. XX в. украшены составными причелинами из двух досок с фигурной резьбой в форме тре-

угольных зубцов и квадратных зубцов-сухариков. У части жилищ, причелины стыкуются под князевым бревном в форме полукруглого завершения, обрамляющего окно. Стык причелин создает визуальный образ полуарки, подчеркивающей верхнюю часть построек вместо отсутствующих в этой местности резных коньков-охлупней. На основании материалов фототеки ГНИМА им. А.В. Щусева (по данным экспедиции Императорской археологической комиссии 1900 г.), можно утверждать, что еще в нач. XX в. некоторые дома-комплексы имели более богатый декор, в т.ч. наличники с декоративными консолями и резьбой в форме балдахина с цветочной розеткой в окружении фитоморфных или орнитоморфных (?) мотивов. В нижней части и по бокам наличников могла быть выполнена роспись (?) растительного характера.

Особый интерес также представляют данные о декоративном оформлении традиционных жилищ в с. Пурнема. На основании данных М.И. Мильчика и фототеки ГНИМА им. А.В. Щусева можно говорить о наличии домовых росписей на фронтонах местных изб. М.И. Мильчик описывает комплекс дома-двора Старицына второй половины XIX в. (утрачен), где на фронте и свесах кровли «видны остатки росписи <...> изображенные на ромбах человеческие маски заставляют вспомнить, что Пурнема была местом резьбы по дереву, известным на всем лямецком берегу <...> графический характер росписи на доме Старицына говорит о том, что мастер ориентировался на распространенную в этих местах резьбу. Сам по себе мотив маски, редко встречающийся в русском народном искусстве <...> отражает языческие представления о том, что маски — символы духа предков — приносили богатство и оберегали людей от дурного глаза» [Мильчик, 1971, с. 11]. В фототеке ГНИМА им. А.В. Щусева обнаружено фото неизвестного дома, выполненного В. Шередегой в 1966 г. В результате исследований 2021 г. жилище было атрибутировано как дом-комплекс Елизаровой Анастасии Клавдиевны (1918 г.р.). Это дом-четырёхстенки на высоком подклете типа «брус». Жилище рублено с выпуском венцов, вероятно «в обло», на главном фасаде располагается четыре окна. Крыша двускатная, покрыта тесом. Окладной венец летней избы установлен на высокие «стамники». Особый интерес представляет роспись на свесах кровли на фронте постройки. Орнамент незатейлив и лаконичен, и представляет собой два ряда ромбов с точками на вершинах углов, выполненных светлой краской [Фототека ГНИМА..., 1966].

Выводы. На основе полевых и архивных источников исследован комплекс дома-двора в сельских исторических поселениях Онежского Поморья. Установлено, что традицион-

ное жилище обследованных поселений имеет явную этническую севернорусскую специфику. Для поморского дома здесь характерна общность способов ориентации избы и ее внутренней планировки, общность архитектурно-конструктивного устройства. В целом, жилые постройки поморских поселений представляют собой комплексы дома-двора со способом соединения жилой и хозяйственной части «брус», на среднем и высоком подклете. Они относятся к типу четырехстенков и пятистенков. Большинство домов датируются кон. XIX–нач. XX вв. Их конструктивное устройство типично. Жилая часть: передняя изба, зимняя боковая изба, клеть. Декор лаконичен, представлен, прежде всего, выразительными причелинами, а также, утраченными в настоящее время резными наличниками и росписями. Традиционное жилище Онежского Поморья, выступает как пример адаптации местных жителей к суровым природно-климатическим условиям, как фактор устойчивого существования на Севере и в Арктике; как этномаркер, отражающий менталитет и культуру местного населения.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках государственного задания по научной теме «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике», № гос. регистрации 122011300471-0.

Список литературы

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Наука, 1983. 191 с.
2. Бернштам Т.А. Поморы. Ленинград: Наука, 1978. 176 с.
3. Габз Р.М. Карельское деревянное зодчество. Москва: Госстройиздат, 1941. 215 с.
4. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангел. епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896. 267 с.
5. Мильчик М.И. Памятники архитектуры Архангельской области. Пурнема и Нижмозеро. Буклет. Архангельск: Сев-зап. кн. изд-во, 1971. 16 с.
6. Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX–нач. XX в.). Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.
7. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. Ленинград: Наука, 1975. 180 с.
8. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Ленинград: Стройиздат, 1982. 168 с.
9. Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet. London: Thames & Hudson, 2017. 600 p.

References

1. Baiburin A.K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in the rituals and ideas of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka, 1983. 191 p. (In Russ).
2. Bernshtam T.A. Pomory [Pomors]. Leningrad: Nauka, 1978. 176 p. (In Russ).
3. Gabe R.M. Karel'skoe derevyannoe zodchestvo [Karelian wooden architecture]. Moscow: Gosstroizdat, 1941. 215 p. (In Russ).
4. Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvei Arkhangel. eparkhii. Vyp. 3: Uezdy Onezhskii, Kemskii i Kol'skii. [Brief historical description of parishes and churches Archangel. diocese. Issue 3: Onega, Kemsky and Kola counties]. Arkhangel'sk, 1896. 267 p. (In Russ).
5. Milchik M.I. Pamyatniki arkhitektury Arkhangel'skoi oblasti. Purnema i Nizhmozero. Buklet [Monuments of architecture of the Arkhangel'sk region. Purnema and Nizhmozero. Booklet]. Arkhangel'sk: Sev-zap. kn. izd-vo, 1971. 16 p. (In Russ).
6. Permilovskaya A.B. Krest'yanskii dom v kul'ture Russkogo Severa [The Peasant House in the Culture of the Russian North (19th–early 20th century)]. Arkhangel'sk: Pravda Severa, 2005. 312 p. (In Russ).
7. Rappoport P.A. Drevne russkoe zhilishche [Ancient Russia dwelling]. Leningrad: Nauka, 1975. 180 p. (In Russ).
8. Ushakov Yu.S. Ansambl' v narodnom zodchestve Russkogo Severa [Ensemble in folk architecture of the Russian North]. Leningrad: Stroizdat, 1982. 168 p. (In Russ).
9. Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet. London: Thames & Hudson, 2017. 600 p.

Список источников

1. Фототека ГНИМА им. А.В. Щусева, жилой дом XIX в., вид на боковой фасад с крыльцом, под карнизом роспись, с. Пурнема, Онежский р-н. Фото И.В. Шередега, 1966, коллекция V, инв. № 37301.
2. ПМА. Усов А.А. Отчет об экспедиции в Онежский район. Информант Слепинин Александр Порфирьевич, 1933 г.р., м.р. и м.п. — д. Кондратьевская, Онежский район;

Рогачева Нина Павловна, 1929 г.р., м.р. и м.п. — д. Кондратьевская, Онежский район; Гунин Николай Александрович, 1968 г.р., м.р. и м.п. — д. Яковлевская, Онежский район; Гунина Галина Андреевна, 1934 г.р., м.р. и м.п. — д. Яковлевская, Онежский район, запись 2018.

3. ПМА. Усов А.А. Отчет об экспедиции в Онежский район. Информант Кузнецов Александр Никандрович, 1952 г.р. м.р. и м.п. — г. Мурманск; Аурова Берта Павловна, 1937 г.р., м.р. и м.п. — с. Малошуйка, Онежский район; Кузьмин Виктор Анатольевич, 1951 г.р., м.р. — с. Малошуйка, Онежский район, м.п. — г. Нарьян-Мар; Баёв Владимир Александрович, 1959 г.р. м.р. и м.п. — с. Малошуйка, Онежский район, запись 2019.

4. ПМА. Усов А.А. Отчет об экспедиции в Онежский район. Информант Родионова Лия Федоровна, 1937 г.р., м.р. — д. Лямца, м.п. — с. Пурнема, Онежский район; Каменский Владимир Семенович, 1966 г.р., м.р. и м.п. — с. Пурнема, Онежский район; Каменская Светлана Анатольевна, 1964 г.р., м.р. — г. Корьяжма; м.п. — с. Пурнема, Онежский район; Бровков Евгений Андреевич, 1931 г.р., м.р. и м.ж. — с. Пурнема, Онежский район; Ипатов Николай Иванович, 1959 г.р., м.р. — д. Комартиха, Устьянский район, м.п. — с. Пурнема, Онежский район, запись 2020.

5. ПМА. Усов А.А. Отчет об экспедиции в Онежский район. Информант Кожевникова Александра Александровна (? г.р.), м.п. — с. Пурнема, Онежский район; Кожевникова Надежда Семеновна, 1959 г.р., м.р. и м.п. — с. Пурнема, Онежский район, запись 2021.

6. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/> (дата обращения: 18.05.2022)

Список сокращений

ГНИМА им. А.В. Щусева — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева

ПМА — полевые материалы автора

Материал передан в редакцию 27.05.2022

**Город и деревня на рубеже XIX и XX веков:
символические аспекты в историко-архитектурном наследии**

Town and village at the turn of the 19th and 20th centuries: symbolic aspects in historical and architectural heritage

DOI: 10.37909/978-5-89170-343-8-2022-1014
УДК: 378

Тадевосян Н.Н.

Национальный университет архитектуры строительства Армении (НУААС)
Ул. Терьяна 105, г. Ереван, Армения, 0009
natadevosyan@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6069-6300>

**ВХУТЕИН (ВХУТЕМАС) как образовательный центр для первого поколения
армянских архитекторов**

Аннотация

В период с 1920–1930 гг., объединенный и преобразованный в ВХУТЕИН (Высший ХУдо-
жественный ТЕхнический ИНститут на основе ВХУТЕМАС), стал центром художественного и
технического образования, где сформировались будущие художники, архитекторы и другие
зодчие нового века. В нем повсеместно проводилось объединение учебных заведений, и
были заложены новые методы аналитического исследования. Его главной целью стало со-
здание нового типа художественной педагогики, для укрепления идей объективности зако-
нов формообразований, на котором будут основываться специалисты будущих свободных
мастерских. В числе его первых студентов были и такие талантливые армянские представи-
тели, как Каро Алабян, Тиран Еркянян, Микаэл Мазманиян и Григор Кочар, которые стали
основоположниками армянской архитектуры новой эпохи. Их богатая и яркая творческая де-
ятельность, которая начиналась с идей авангардистских течений века, попало под давление
и резкой критики своего времени, но в результате смогли поднять армянскую (и не только
ее) архитектуру на новый стилистический уровень конструктивного развития.

Ключевые слова: ВХУТЕИН-ВХУТЕМАС, авангардизм, архитектура, армянские конструк-
тивисты

Tadevosyan N.N.

National University of Architecture
and Construction of Armenia (NUACA)
st.Teryan 105, Yerevan, Armenia, 0009
natadevosyan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6069-6300>

**VKHUTEIN (VKHUTEMAS) as an educational center for first generation of Armenian
architects**

Abstract

In the period from 1920–1930, united and transformed into VKHUTEIN (Higher Artistic Tech-
nical Institute based on VKHUTEMAS), became the center of art and technical education, where
future artists, architects and other creatives of the new century were formed. Unification of edu-
cational institutions was carried out everywhere and new methods of analytical research were laid
there. Its main goal was the creation of a new type of artistic pedagogy, to strengthen the ideas
of the objectivity of the shape laws, on which the specialists of future free workshops would be
based. Among the first students were such talented Armenian representatives as Karo Halabyan,
Tiran Yerkanyan, Mikael Mazmanyanyan and Grigor Kochar, who became the founders of the Armenian
architecture of the new era. Their rich and vibrant creative activity, which began with the ideas of
the avant-garde trends of the century, fell under the pressure and sharp criticism of the time, but
as a result raised Armenian (and not only) architecture to a new stylistic level of constructive
development.

Keywords: VKHUTEIN-VKHUTEMAS, avant-gardism in architecture, Armenian constructivists

Введение. В начале XX века, в России уже были заложены основы образования для творческой молодежи разных направлений — живописи, скульптуры, зодчества. После революции стало первоочередной необходимостью положить «старую» машину зодчества на новые рельсы. Произошли преобразования в рамках реформы высшей художественной школы, когда по всей стране стали повсеместно объединять учебные заведения. Организованные художественно-технические образовательные учреждения были основными центрами для развития нового поколения творчества разных направлений, которые должны были отражать новые идеи и направления молодого государства.

Еще в начале XX века в Москве существовали отдельные художественно-технические мастерские, и главные из них Высшее художественное учебное заведение, которая в свое время основывалась на Строгановском художественно-промышленном училище и Училище живописи, ваяния и зодчества [Жадова, 1970, с. 36].

Организованный в 1920 г. в Москве ВХУТЕМАС стал результатом послереволюционной реформы художественного образования и слияния Первых и Вторых Государственных свободных художественных мастерских (ГСХМ1 и ГСХМ2) в одно. Но их программы, во-первых, не имели четких и единых принципов. Мастерские основывались на свободных идеях архитекторов, где у каждого могли развиваться свои индивидуально-творческие замыслы. А новые времена требовали более четкие законы формообразования и их аналитические исследования.

В основу новой художественной педагогики были положены методы аналитического исследования художественной формы, рожденных в творческом эксперименте авангардистов. В результате, для перестройки Свободных мастерских главной необходимостью стало создание художественных кадров для промышленности. Согласно постановлению Совнаркома, ВХУТЕМАС был «специальным высшим технически-промышленным учебным заведением, имеющим целью подготовку художников-мастеров высшей квалификации для промышленности, а также инструкторов и руководителей для профессионально-технического образования» [Адашкина].

Новоорганизованный ВХУТЕМАС действовал с 1920 по 1926 гг. как представляющий учебное заведение с новой учебной программой и стремлением студентов, и особенно прогрессивных педагогов, с идеями которых должны были выдвигаться и укрепляться абсолютно новые творческие свободы индивида.

С 1926 г. ВХУТЕМАС был реорганизован в ВХУТЕИН со своей особой учебной программой, где сконцентрировались новые методы обучения. Он стал центром для формирования нового стиля предметно-простран-

ственной среды в архитектуре и дизайна, и создал принципиально новую методику обучения, которая должна была главным образом опираться на научные и аналитические основы. Учебное заведение стал реализовывать концепции новой художественной педагогики, которая по факту, объединяла формальные достижения новейших течений в искусстве. В действительности его организация и деятельность не ограничивалось лишь вопросами авангарда. Учебное заведение было связано с художественными процессами всей русской культуры, но дух авангарда 1920-х годов и его задачи, в самом главном, определили его общий характер.

Перерожденный в ВХУТЕИН учебное заведение сосредоточилось на 8-и факультетах; архитектурны, скульптуры, металлообработки, деревообделки, живописи, полиграфии, текстиля и керамики. В индивидуальные мастерские архитектурного факультета свои новаторские идеи предлагали И.А. Голосов, Н.В. Докучаев, Н.А. Ладовский, К.С. Мельников, А. Веснин, В.Ф. Кринский и другие.

С 1930-х годов их идеями и проектами стали формироваться образы наших городов и отдельных сооружений, достойные высокой оценки и отдельного изучения.

Армянские архитекторы в начале XX в.

В течении 10-и лет своего существования ВХУТЕМАС и ВХУТЕИН окончили около 1400 студентов, в числе которых были четыре молодых талантливых армянских художников из Тифлиса; Григор Кочар (с 1920–1926 гг. ВХУТЕМАС, а затем ВХУТЕИН до 1929 г.), а в дальнейшем к нему присоединились Тиран Еркянян (окончил ВХУТЕИН в 1929 г.), Микаэл Мазманиян (ВХУТЕИН с 1921 по 1929 гг.), и Каро Алабян (ВХУТЕМАС с 1923 г. и ВХУТЕИН до 1929 г.). Будущие архитекторы получили огромное творческое влияние и профессиональные знания в атмосфере зарождавшегося и развивающимся направлениях в художественной реальности — авангардизма. На фоне других архитектурных стилей, что широко распространялись в дореволюционной России, авангардисты стремились к новшествам в пространстве, что особенно выявлялась в формообразовательной сфере проектирование больших и малых городов, а также отдельных строений.

Будущие армянские архитекторы набирали знания и творческий опыт и ярко проявили себя в годы студенчества, обучаясь у лидеров русского авангарда у крупнейших представителей авангардных течений 1910-х годов А.А. Веснина, А.В. Летунова, Николая Ладовского, тогда же начали и практическую деятельность в Армении (с 1927) [Хан-Магомедов, 2000, 488 с.]. По возвращению на родину, армянские архитекторы формировали свой «кружок» с авангардистским направлением, а их творчество реально отражало те дисциплины и радикальные установки авангарда, что так усердно преподавалось в 1920-е годы.

Организованная в короткие сроки крупная проектная организация в Ереване — Гипрогор, где в основу деятельности авангардистов была заложена идеология созданного в Москве, К. Алабян и М. Мазмания стали главными «направляющими» новой концепции архитектуры в Армении. В первых же работах, созданных в организованной ими архитектурной мастерской, сказался своеобразный конструктивистский почерк этой группировки. Вокруг них сконцентрировались первые выпускники-архитекторы Ереванского университета и создали собственную организацию — ОПРА (Организация пролетарских архитекторов) в Армении. В декларации своей орга-

низации они выступали за коренное обновление архитектурного форматворчества, отражали социальные требования времени, а работы «молодых» содержали новую эстетику, и стилистически не были похожи на все то, что строилось вокруг [Долуханян, 1980].

Это исходило из периода учебы М. Мазмания во ВХУТЕМАС, в середине 1920-х годов, когда в Армении складывалось течение «нео-армянский стиль», где основой творческой концепцией являлось стремление объединить местные традиционные архитектурные формы и декор с композиционными приемами классицизма (ил. 1, 2).

Ил. 1. Жилой район для рабочих завода Синтетического каучука (СК), [ru.wikimapia.org]

Fg. 1. Residential area for Synthetic Rubber plant workers, [ru.wikimapia.org]

Ил. 2. Клуб строителей в Ереване (ныне Русский Драматический театр и Олимпийский комитет Армении). Фото автора.

Fg. 2. Builders Club in Yerevan (now Stanislavsky Russian Drama Theater and the Armenian Olympic Committee). Photo of the author.

В 1928–1929 годах в Армении разгорелась острая дискуссия по проблемам развития новых путей в архитектуре. На армянских авангардистов начались усиливаться давления, и их работы выставлялись «для иллюстраций отрицательных явлений в архитектуре». Группа молодых архитекторов во главе с талантливыми выпускниками ВХУТЕМАС М. Мазманиян, Г. Кочаром и К. Алабяном выступила резко и критично. Они противопоставили стилизациям в «национальном духе» свои новаторские поиски с учетом местных особенностей (ил. 3).

После постановления Советского правительства 1932 г. по всей стране стали ликвидировать местные творческие группировки. Республиканская газета «Коммунист» писала: «Формалистическое течение в архитектуре наиболее яркое свое выражение нашло у нас, начиная с 1927–1928 годов, и связано с деятельностью группы молодых архитекторов Г. Кочара, М. Мазманияна и примкнувших к ним Еркяняна, Маркаряна, Сафаряна, Агароняна, Аразяна и других, которые начали украшать город своими коробками» [Коммунист, 28.03.1936].

Ил. 3. Здание кинотеатра «Москва». Фото автора.

Fig. 3. The building of the cinema "Moscow". Photo of the author.

В таких условиях группа пыталась найти новые формы, способные примирить язык их модернистской архитектуры с идеологическими догмами сталинского тоталитаризма. За короткий срок в Армении сформировалась новаторская национальная архитектурная школа, которая уже с 1929 г. стала определять творческую направленность архитектуры республики. Армянский авангард, снизив накал радикализма, приобрел формы симметрии, «оделся» в традиционный камень и украсился стилизованными формами классической архитектуры (ил. 4).

В ходе полемики со сторонниками «неоармянского стиля», где проводились диспуты

о национальной архитектуре, общественные обсуждения проектов, печатались статьи в периодической печати и т.д., молодые архитекторы сплотили вокруг себя большой коллектив.

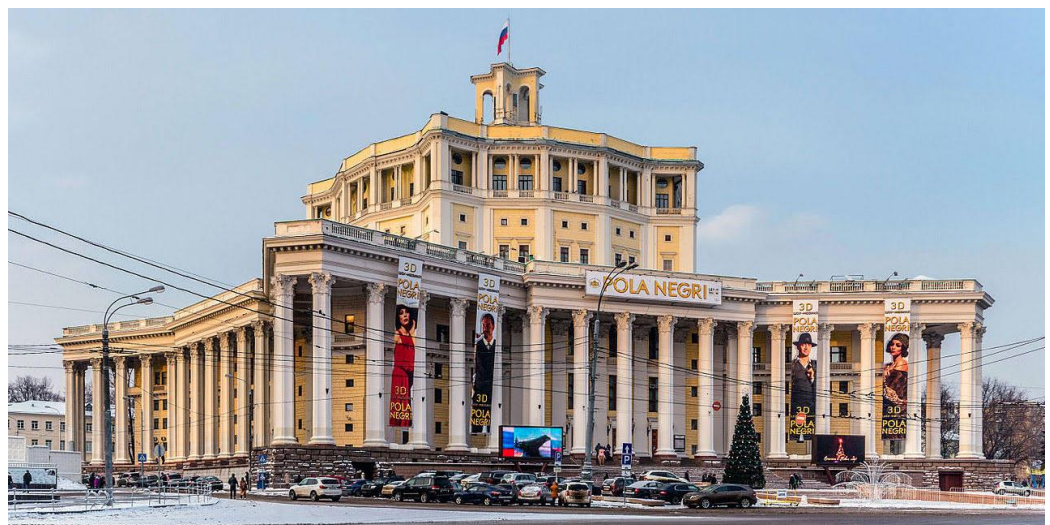
В течение 1928–1929 гг. в центральной и местной печати М. Мазманиян обосновывает позиции архитекторов-новаторов по проблеме соотношений национального и интернационального в архитектуре, развивая теоретические положения, выдвинутые ранее конструктивистами и уточняя их в соответствии с местными особенностями Армении.

Ил. 4. Орнаменты Ахтамара, X в. Кюркчян А., Хачерян Г., Армянское искусство орнамента
Fg. 4. Ornaments of Akhtamar, X c. Kyurkchyan A., Khacheryan H., Armenian Ornamental Art

Армянский модернизм говорил «да» традиционным идеям организации архитектуры и «нет» — ее традиционным формам [Бальян, 2010, с. 53–54]. Уже на первоначальном этапе авангардистами были спроектированы интереснейшие здания, значение которых выходило за границы исключительно армянской архитектуры. Это здания Клуба строителей в Ереване (ныне Русский драматический театр им. Станиславского и Олимпийский комитет Армении, (авт. К. Алабян, Г. Кочар, М. Мазманиян, Ереван, 1929–1931), «шахматного» дома (авт. К. Алабян, М. Мазманиян), кинотеатра «Москва» (авт. Т. Ерканиян, Г. Кочар, Ереван, 1931–1936), Центрального универмага (авт. Г. Кочаром, М. Мазманиян, А. Агаронян, О. Маркаян, Ереван, 1932–1937), Дома отдыха писателей на

полуострове Севан (авт. Г. Кочар, М. Мазманиян, 1932), Текстильной фабрики в Ленинакане (авт. Т. Ерканиян, 1944–1954), жилого района для рабочих завода Синтетического Каучука (авт. Т. Ерканиян, Г. Кочар, О. Маркарян, С. Сафарян, Ереван, 1933), генеральные планы городов Кафана (1930), Ленинакана (1932–1937), Кировакана (1934–1937), Норильска (1939–1954), Дудинки (1949–1954), Еревана (1955–1969), а так же здания Центрального академического театра Российской армии (совместно с В. Н. Симбирцевым, Москва, 1934–1940, ил. 5), гостиницы «Север» (Г. Кочар) в Красноярске, Сочинского порта (1954), большого массив жилых зданий в районе Химки-Ховринов Москве (1960-е), Железнодорожного вокзала в Воронеже (1954, ил. 6) и многие другие.

Ил. 5. Здание Центрального академического театра Российской армии. Фото Алекса Флостайна
Fg. 5. The building of the Central Academic Theater of the Russian Army. Photo by Alex Florstien

Ил. 6. Здание Вокзала города Воронежа, [ru.wikipedia.org]
Fig. 6. The building of Train Station in Voronezh, [ru.wikipedia.org]

Подвергая резкой критике теорию и практику «неоармянского стиля», и учитывая тот факт, что армянский модернизм всецело одобрял местные традиционные идеи архитектуры, М. Мазманиян в то же время подтверждал необходимость изучения методов работы мастеров прошлого. По его мнению, архитектурные формы нельзя было выводить лишь из конструкции и строительного материала. Он считал, что интернациональные тенденции современной архитектуры должны получить различную национальную окраску в зависимости от конкретных бытовых и климатических условий и природного окружения [Мазманиян, 1928, с. 128–136]. При этом особое значение М.Мазманиян придавал традициям народного зодчества, противопоставляя их дворцово-культовой архитектуре прошлого. В таком духе архитектура авангарда активно развивалась, а влияние ее форм было настолько сильным, что ему поддался и неоклассик Н. Буниатян.

Выводы. И хотя, ВХУТЕИН был расформирован 1930-м году, но еще некоторое время армянские архитекторы были под большим влиянием конструктивизма и авангарда. Он был расформирован, но они не исчез и был преобразован в Московский архитектурный институт (МАРХИ), Московский государственный художественный институт (с 1948г. — имени В.И. Сурикова). Но самое главное, он сделал свое первоначальное предназначение — вырастить и воспитать новое поколение зодчих разных направлений художественной деятельности, и, в частности, в архитектуре. И в этом его вклад стал неизмеримым для архитекторов Армении нового поколения. Алабян, Кочар и Мазманиян вошли в мировую историю архитектуры как авторы национального варианта модернистской архитектуры [Хан-Магомедов, 1996, с. 599–604].

Используя арсенал новейших конструктивистских форм, армянские авангардисты создали архитектуру первого армянского модернизма, построенную на местных традициях, и как они подчеркивали — в традициях народной архитектуры (что отвечало обозначенной идеологии «пролетарской» архитектуры) [Мазманиян, 1928, стр. 128–136]. Этим строениям свойственна лаконичность, простота архитектурного мышления, оперативная обоснованность пространственных решений.

Наряду с формально-аналитической методикой преподавания, во ВХУТЕМАС складывались художественно-педагогические направления отдельных групп и мастеров. На «производственных» факультетах новые тенденции были связаны с идеями производственного искусства, они побеждали традиции прикладничества, украшательской монументальности и стилизации, характерные для Строгановского училища, которому наследовал ВХУТЕМАС. Из авангардного движения выросли значительные творческие течения, такие как рационализм и конструктивизм в архитектуре и в художественном конструировании.

История ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН отличается чрезвычайным динамизмом. За десять лет существования вуза произошёл ряд организационных перестроек, слияние и новое разделение факультетов, менялись учебные программы и идейно-художественные установки, где активную роль играли педагоги-новаторы. Такие мобильные и современные методы необходимы и нашим высшим художественным учебным заведениям, которые могли быть «управляющим» звеном в многоотраслевой структуре организации архитектурной и строительной деятельности.

Список литературы

1. Адашкина Н.Л. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН, Москва. 1920–1930. [Электронный ресурс] // Энциклопедия русского авангарда. URL: <https://rusavangard.ru/online/history/vkhutemas-vkhutein>.
2. Бальян К. Архитектура Армении в поисках национальной формы. // Проект Байкал, 2010. № 64. С. 52–63.
3. Григорян Г. Мастер архитектуры Каро Алабян. [Электронный ресурс] // Ноев ковчег, 2021. №4 (331). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2021-04/7264.html>.
4. Долуханян Л.К. Архитектор Тиран Еркянян. [Электронный ресурс] // Наша среда. URL: <https://nashasreda.ru/arxitektor-tiran-erkanyan/>.
5. Долуханян Л.К. Архитектура Советской Армении. Ереван, 1980. С. 131.
6. Жадова Л. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН. Страницы истории. // Декоративное искусство СССР, 1970. № 11 (156). С. 36.
7. Мазманиян М. О национальной архитектуре. // На рубеже Востока, 1928. №8. С. 128–136.
8. Пипоян Л.С. Армянский конструктивизм, Геворг Кочар. // Научные труды НУАСА, 2018. Т. III (70). С. 86–96.
9. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. Москва: Стройиздат. 1996. 709 с.
10. Хан-Магомедов С.О. ВХУТЕМАС: высшие государственные художественно-технические мастерские, 1920–1930. Кн. 2: Архитектура. Дерево. Металл. Керамика. Графика. Живопись. Скульптура. Текстиль. Москва: Ладья, 2000. 488 с.

References

1. Adaskina N.L. VKHUTMAS-VKHUTEIN, Moskva. 1920–1930. [VKHUTMAS-VKHUTEIN, Moscow. 1920–1930]. URL: <https://rusavangard.ru/online/history/vkhutemas-vkhutein>.

2. Bal'yan K. Arkhitektura Armenii v poiskakh natsional'noy formy. [Architecture of Armenia in search of a national form]. In: Proyeckt Baykal, 2010. No. 64. Pp. 52–63.
3. Grigoryan G. Master arkhitektury Karo Alabyan. [Master of Architecture Karo Alabyan]. In: Noyev kovcheg, 2021. No. 4 (331). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2021-04/7264.html>
4. Dolukhanyan L.K. Arkhitektor Tiran Yerkanyan. [Architect Tiran Yerkanyan]. URL: <https://nashasreda.ru/arxitektor-tiran-erkanyan/>
5. Dolukhanyan L.K. Arkhitektura Sovetskoy Armenii. [Architecture of Soviet Armenia]. Yerevan, 1980. P. 131.
6. Zhadova L. VKHUTEMAS-VKHUTEIN. Stranitsy istorii. [VKHUTEMAS-VKHUTEIN. History pages]. In: Dekorativnoye iskusstvo SSSR, 1970. No. 11 (156). P. 36.
7. Mazmanyanyan M. O natsional'noy arkhitekture. [On national architecture]. In: Na rubezhe Vostoka, 1928. №8. Pp. 128–136.
8. Pipoyan L.S. Armyanskiy konstruktivizm, Gevorg Kochar. [Armenian constructivism, Gevorg Kochar]. In: Nauchnyye trudy NUASA, 2018. V. III (70). Pp. 86–96.
9. Khan-Magomedov S.O. Arkhitektura sovetetskogo avangarda. Kniga 1: Problemy formoobrazovaniya. Mastera i techeniya [The architecture of the Soviet avant-garde. Book. 1: Problems of shaping. Masters and currents]. Moscow: Stroyizdat. 1996. 709 p.
10. Khan-Magomedov S.O. VKHUTEMAS: vysshiye gosudarstvennyye khudozhestvenno-tekhnicheskiye masterskiye, 1920–1930. Kniga 2: Arkhitektura. Derevo. Metall. Keramika. Grafika. Zhivopis'. Skul'ptura. Tekstil'. [VKHUTEMAS: higher state artistic and technical workshops, 1920–1930. Book 2: Architecture. Tree. Metal. Ceramics. Graphics. Painting. Sculpture. Textile]. Moscow: Lad'ya, 2000. 488 p.

Материал передан в редакцию 29.05.2022

И.В. Балюнов
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ГАОУ ТО «ТМПО»
Красная площадь 1, стр. 4, г. Тобольск, Тюменская область,
Россия, 626152,
balyunoff@mail.ru
ORCID 0000-0002-7733-7504

Реставрационные работы на фортификационных сооружениях Тобольского кремля в 50–60-х годах XX века

Аннотация

В представленной работе дается краткая характеристика реставрационных работ фортификационных сооружений Тобольского кремля, которые проводились в 50–60-е гг. XX в. под руководством московского архитектора Ф.Г. Дубровина. Основным источником для изучения темы стали фотографии, на которых показаны отдельные моменты реставрационных процессов и фотокопии планов и чертежей, созданные архитектором. Их изучение с уже опубликованными данными и результатами недавних археологических исследований позволяет представить, каким был Тобольский кремль до середины XX в., и какой облик он приобрел в результате проведенных работ. Особое внимание уделяется тому, что Ф.Г. Дубровин осуществлял свою деятельность в несколько этапов. Первоначально производились натурные обследования, включавшие в себя раскопки, вскрытия и зондажи. Таким образом, было установлено месторасположение всех фортификационных сооружений, их размеры и некоторые конструктивные особенности. На основе полученных данных Ф.Г. Дубровиным были разработаны проекты реставрации, где предполагались разные варианты восстановления тех или иных построек. Несмотря на то, что имя Ф.Г. Дубровина и его работа упоминается во многих изданиях, посвященных истории Тобольска, детально деятельность архитектора практически никогда не рассматривалась в научной литературе. Новизна статьи заключается в том, что впервые на основе широкого круга источников будет дана характеристика реставрационным работам кремлевских стен и башен Тобольска.

Ключевые слова: Тобольский кремль, Ф.Г. Дубровин, башни, стены, фотоматериалы, реставрация, натурные исследования, проект

I.V. Balyunov
Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve
Krasnaya ploshchad, 1, build. 4, Tobolsk, 626152, Russia
balyunoff@mail.ru
ORCID 0000-0002-7733-7504

Restoration work on the fortifications of the Tobolsk Kremlin in the 50–60s of the 20th century

Abstract

This paper provides a brief description of the restoration works of the fortifications of the Tobolsk Kremlin, which were carried out in the 50s and 60s of the XX century, under the direction of the Moscow architect F.G. Dubrovin. The main sources for studying the topic was photographs that show individual moments of restoration processes and photocopies of plans and drawings created by the architect. Their comparison with already published data and the results of recent archaeological research allows us to imagine what the Tobolsk Kremlin was like before the middle of the XX century, and what kind of appearance it acquired as a result of the work carried out. Special attention is paid to the fact that F.G. Dubrovin carried out its activities in several stages. Initially, full-scale surveys were performed, including excavations, autopsies, and sounding. Thus, the location of all fortifications, their dimensions and some design features were established. On the basis of the obtained data, F.G. Dubrovin developed restoration projects, where different options for restoring certain buildings were assumed. Despite the fact that the name of F.G. Dubrovin and his work is mentioned in many publications devoted to the history of Tobolsk, the architect's activity has almost never been considered in detail in the scientific literature. The novelty of the article is that for the first time, based on a wide range of sources, the restoration works of the Kremlin walls and towers will be characterized.

Keywords: Tobolsk Kremlin, F.G. Dubrovin, towers, walls, photographic materials, restoration, field research, project

Введение. Стены и башни Тобольского кремля являются единственными каменными крепостными постройками за Уралом, возведение которых относится к концу XVII в. и которые частично сохранились до нашего времени. Оборонительные сооружения являются непременной формообразующей частью любого кремля, в этой связи хочется отметить, что их утрата разрушает визуальное восприятие и пространственное ощущение архитектурного комплекса, что можно продемонстрировать на примере некоторых европейских кремлей. В свое время Тобольский кремль могла постигнуть та же участь: в конце XVIII–XIX в. значительная часть стен и некоторые башни были существенно перестроены, так что они не могли уже называться, в полном смысле слова, фортификационными сооружениями. В последующее время их разрушение неумолимо продолжалось и было остановлено только в середине XX в. реставрационными работами, начавшимися под руководством Федора Григорьевича Дубровина. Значение этих процессов трудно переоценить, поскольку именно благодаря им, заметно обветшавший Тобольский кремль, получил облик, близкий к тому, что можно наблюдать сегодня.

Однако при детальном рассмотрении оказывается, что доступной информации о происходившей тогда реставрации стен и башен существует не так уж много. Впервые краткое описание деятельности Ф.Г. Дубровина было сделано известным историком архитектуры В.И. Кочедамовым в монографии «Тобольск. Как рос и строился город» (созданной в самый разгар реставрационных работ) [Кочедамов, 1963]. Несколько дополнить эти сведения можно книгами С.П. Заварихина [Заварихин, 1987], В.В. Кириллова [1984]. Ценным источником для темы являются описания реставрационных работ, сделанные Л.П. Барабановой на основе личного опыта [Барабанова, 1986]. За последнее время вышло несколько обобщающих и исследовательских работ, с разной степенью вовлеченности затрагивающих историю реставрации Тобольского кремля в 1950–60-х гг. [Козлова-Афанасьева, 2008; Балюнов, 2020; Носов и др. 2021].

С другой стороны, в фондах Тобольского музея-заповедника хранятся обширные фотоматериалы за авторством Ф.Г. Дубровина, где зафиксированы многие яркие моменты реставрационных работ (например, объект «до» и «после») и присутствуют фотокопии чертежей и проектов. Целью настоящей публикации является составление краткого описания реставрационных работ, проведенных в 50–60-е гг. XX в. под руководством Ф.Г. Дубровина, включающих в себя изучение архитектурных объектов, составление нескольких вариантов эскизных проектов и их реализация. Благодаря используемым материалам можно достаточно точно представить, каким был Тобольский кремль до 1956 г., каким он мог бы стать, если бы все задумки архитектора были воплощены в жизнь, и что получилось в

результате. Объем работ, проделанных в указанный промежуток времени, настолько велик, что достаточно сложно его описать в одной публикации, поэтому в данной статье мы ограничимся только описанием фортификационных сооружений.

Полученные результаты и их обсуждение. Известный историк архитектуры В.И. Кочедамов, отдавший много сил на изучение истории тобольской архитектуры, являлся соратником и в своем роде научным консультантом Ф.Г. Дубровина в его работе. Это обусловило ситуацию, когда архивные исследования успешно дополнялись натурными изысканиями, что формировало, кроме прочего, значимую научную базу. Указанные процессы частично нашли отражение на страницах книги «Тобольск. Как рос и строился город». Можно достаточно уверенно утверждать, что графическая реконструкция Софийского двора Тобольского кремля конца XVII в. [Кочедамов, 1963, с.29.] была выполнена на основе плана работ 1961 г., составленного Ф. Г. Дубровиным [Балюнов, 2020, с. 135.]. С другой стороны, эта графическая реконструкция была тем образом, который служил основой для проводившихся работ. Как пишет Л.П. Барабанова о сотрудничестве двух архитекторов: «синхронность и согласованность научного и практического поиска были редкой удачей в судьбе Тобольского кремля» [Барабанова, 1986, с.111]. В книге В.И. Кочедамова, кроме прочего, описывается ранняя история военно-оборонительных сооружений города. Сразу после возведения Софийского собора начали строить каменные стены и башни, конструкция и архитектура которых была обычной для аналогичных сооружений конца XVII в. Всего периметр Софийского двора закрепили семь круглых и две квадратных башни [Кочедамов, 1963, с. 30]. Согласно исследованиям архитектора, все башни имели высоту около 17 м. Круглые столпы имели аналогичную друг другу конструкцию. «Ствол башен вверху расширился, образуя машикули. В их гладких стенах имелись круглые отверстия для двухъярусного бая. Башни завершались высокими кирпичными шатрами, покрытыми черепицей и украшенными коваными железными флюгерами и флагами» [Кочедамов, 1963, с. 31]. Крепостные стены, согласно описаниям В.И. Кочедамова, имели лицевую часть толщиной всего в 1,5 кирпича (45 см), примыкающую к аркатуре, по верху которой шел боевой ход [Кочедамов, 1963, с. 34].

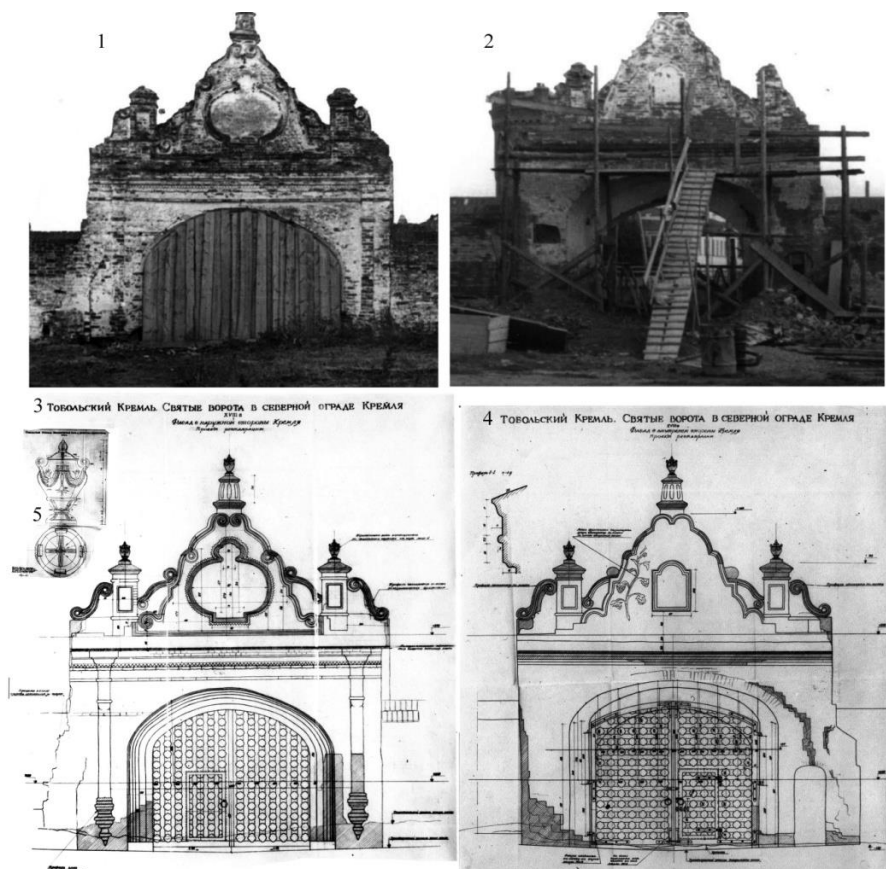
Можно еще раз повторить, что к середине XX в. подавляющее большинство из названных построек потеряли свой первоначальный облик. В 1952 г. были проведены предварительные обследования объектов Тобольского кремля Центральными научно-реставрационными мастерскими Министерства культуры СССР. Начиная с 1956 г., работы по изучению и реставрации архитектурных памятников возглавил московский архитектор Ф.Г. Дубро-

вин. В тот же год им были начаты натурные исследования, которые В.И. Кочедамов назвал «археологическими». На плане 1961 г. условными обозначениями показаны места, где были заложены разведочные шурфы, участки, где грунт был срезан и понижен, а также выявленные раскопками объекты. Судя по стоящим датировкам на чертежах и фотографиях, эти достаточно объемные земляные работы были выполнены в течение буквально первых нескольких лет (1956–1957) [Балюнов, 2020, с. 135]. Одним из важнейших результатов явилось то, что таким образом полностью было установлено месторасположение всех фортификационных сооружений, соответственно, стали известны некоторые их размеры и архитектурные особенности.

Если говорить об оборонительных стенах, то необходимо принять во внимание, что они вообще не сохранились на западной части Троицкого мыса, где стоял Воеводский двор, а на восточной части — только частично вокруг Софийского двора, но и здесь западное и северное прясло практически полностью отсутствовали. В ряде случаев на их месте были возведены новые постройки, а планировка Софийского двора имела уже такие особенности, что восстановление здесь крепостной ограды являлось делом невозможным. На плане

1961 г. показан небольшой отрезок фундамента северной стены напротив Гостиного двора, это дает основание полагать, что названный объект был частично раскрыт и зафиксирован в ходе работ, проведенных Ф.Г. Дубровиным. Стоит добавить, что на рисунке стены показаны прямоугольные выступы вдоль южной ее стороны, которые можно с уверенностью определить как остатки опор подпружных арок, на которых некогда стояла галерея-стрельница [Балюнов, 2020, с. 136].

Из интересных моментов следует отметить, что на линии северной стены сохранилась такая постройка XVIII в. как Святые ворота (ил. 1). Они находились в достаточно ветхом состоянии, но сохранились в своих основных элементах (ил. 1, 1, 2). Натурные исследования позволили даже выявить основные контуры наружного декора. В результате детального изучения были составлены проекты реставрации главного и заднего фасадов, которые при общей схожести имели и некоторые отличия (ил. 1, 3, 4). Из проектов видно, что три навершия Святых ворот предполагалось украсить керамическими вазами. Эти элементы не сохранились, и для их воссоздания был взят как образец вазон, стоявший на фронте, расположенного рядом здания Консистории (ил. 1, 5).

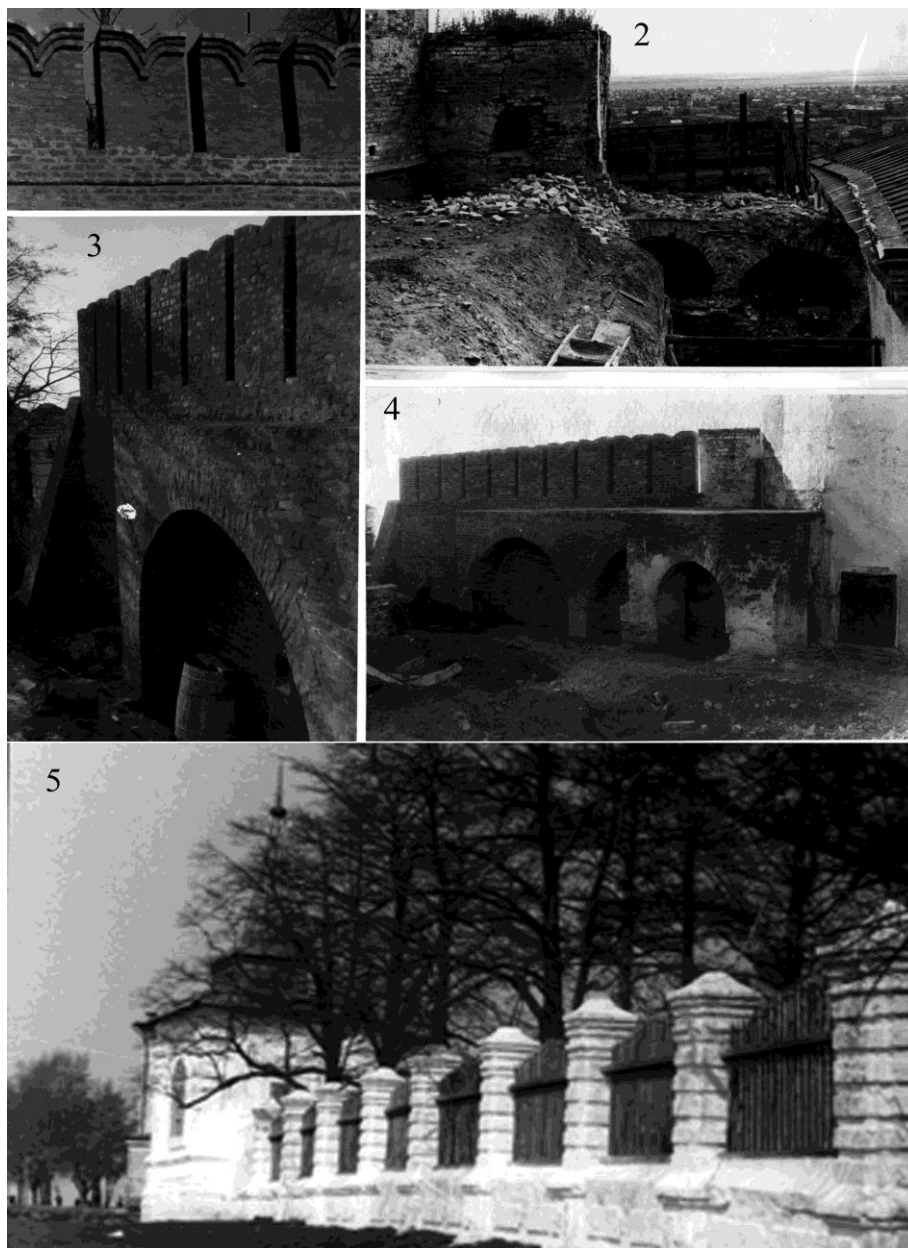

Ил. 1. Святые северные ворота (Фото из фондов Тобольского музея-заповедника).

1 — вид с севера до реставрации; 2 — вид с юга до реставрации; 3 — проект реставрации переднего фасада; 4 — проект реставрации заднего фасада; 5 — керамическая ваза

Fig. 1. The Holy Northern Gate (Photo from the collections of the Tobolsk Museum-Reserve).

1 — view from the north before restoration; 2 — view from the south before restoration; 3 — front facade restoration project; 4 — rear facade restoration project; 5 — ceramic vase

Ил. 2. Башни южного прясла Тобольского кремля (Фото из фондов Тобольского музея-заповедника). 1 — южная круглая башня до реставрации. Вид с юго-запада; 2 — до реставрации. Вид с юго-востока; 3 — после реставрации. Вид с юго-востока; 4 — юго-восточная башня до реставрации. Вид с северо-запада. 5 — во время реставрации. Вид с востока. 6 — послереставрации. Вид с востока

Fig. 2. Towers of the southern boundary of the Tobolsk Kremlin (Photo from the collections of the Tobolsk Museum-Reserve). 1 — south round tower before restoration. View from the southwest; 2 — before restoration. View from the southeast; 3 — after restoration. View from the south-east; 4 — south-east tower before restoration. View from the northwest. 5 — during the restoration. View from the east. 6 — after restoration. View from the east.

Основные работы по изучению и восстановлению военно-оборонительных сооружений были проведены на участках южного и восточного прясла военно-оборонительных сооружений, где были найдены не только фундаменты ранних стен, но и следы их позднего переустройства. Например, в юго-восточном углу было обнаружено две линии фундаментов — очевидно, что крепостная ограда здесь однажды была передвинута вглубь террасы от края обрыва. Было известно, что значи-

тельная часть южного прясла в прошлом была разрушена и заменена на штакетник на каменных столбах, который стоял до середины XX в. (ил. 2, 5). В результате реставрационных работ, во-первых, удалось возвести крепостные стены на их изначальном месторасположении, а во-вторых, вернуть им облик, максимально близкий к первоначальному (ил. 2, 1, 3, 4). Выше уже упоминалось, что нижний ярус крепостной ограды представлял собой пояс из подпружных арок, на котором

находилась верхняя галерея. И если образцы для восстановления нижнего яруса были найдены в нескольких местах — у Восточной квадратной, у Южной круглой, у Павлинской башен (ил. 2, 2), то с верхним ярусом дело обстояло сложнее. Единственный участок верхних крепостных зубцов был обнаружен при изучении поздней квадратной башни, восточной стеной которой, как оказалось, является фрагмент кремлевской стены конца XVII в. (ил. 2, 3, 5).

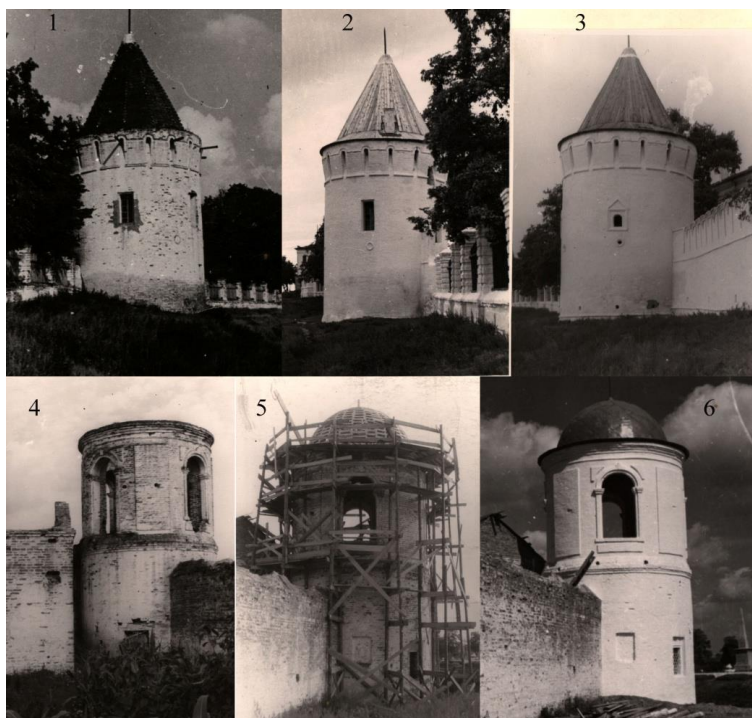
Так же был восстановлен небольшой участок ограды между Павлинской башней и зданием Рентереи; здесь исследования показали, что из-за особенностей рельефа верхний ярус стоял на двух поясах подпружных арок (ил. 2, 2) [Балюнов, 2020, с. 136]. Реставрационными работами верхние зубцы и второй ярус были восстановлены. Нижний пояс подпружных арок был законсервирован, сегодня он спрятан под слоем новой кладки, и получить представление о нем можно лишь благодаря сохранившимся фотоматериалам.

Говоря о реставрации башен Тобольского кремля, необходимо отметить, что Ф.Г. Дубровин не ставил как таковой задачи ремонта отдельных существовавших объектов, его главной целью было восстановление единого ансамбля, имеющего облик, соответствующий первоначальному каменному кремлю. По этой

причине архитектор допускал не только переустройство сохранившихся башен, но даже их новое строительство.

Однако были два объекта, которые подверглись только ремонту. Южная круглая башня, по мнению В.И. Кочеданова, сохранилась почти в неизменном виде с конца XVII в. Позднее С.П. Заварихиным были опубликованы данные, что в 1714–1716 гг. произошла ее перестройка со смещением вглубь террасы от края обрыва [Заварихин, 1987, с. 84], это находит подтверждение в недавних археологических исследованиях [Балюнова, Данилов, 2017, с. 9]. Тем не менее, очевидно, что для Ф.Г. Дубровина эта башня являлась своего рода эталоном, который он бережно сохранил и на который он ориентировался при реставрации (ил. 3, 1–3).

Также в то время не рассматривался вариант переустройства юго-восточной круглой башни (ил. 3, 4–6), возведенной в 1790-х гг., несмотря на то что имела облегченный «павильонный» характер форм [Козлова-Афанасьева, 2008, с. 114]. Причиной было то, что первоначальная башня, построенная в конце XVII в., на этом участке стояла близко к краю террасы и, вероятно, из-за угрозы сползания была разобрана, и восстанавливать ее здесь было невозможно.

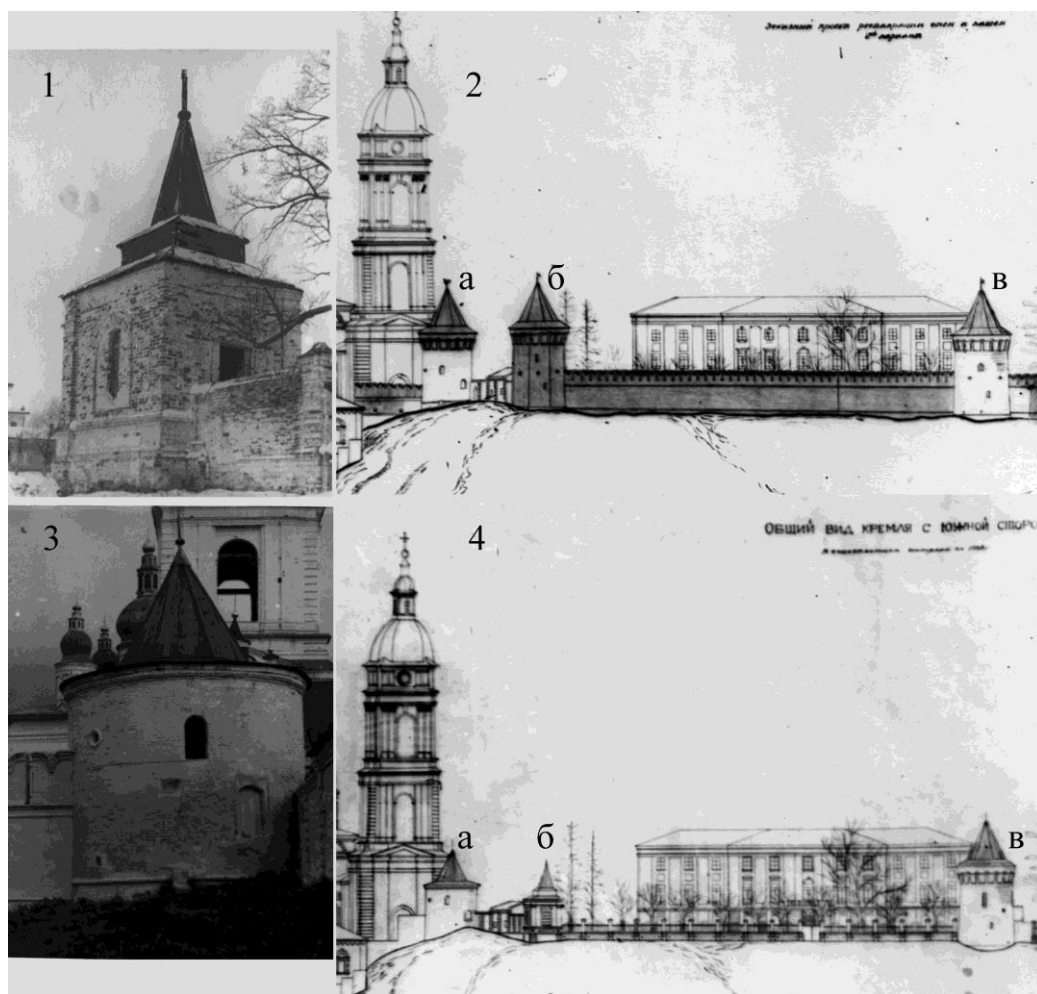

Ил. 3. Башни южного прясла Тобольского кремля (Фото из фондов Тобольского музея-заповедника). 1 — южная круглая башня до реставрации. Вид с юго-запада; 2 — до реставрации. Вид с юго-востока; 3 — после реставрации. Вид с юго-востока; 4 — юго-восточная башня до реставрации. Вид с северо-запада. 5 — во время реставрации. Вид с востока. 6 — послереставрации. Вид с востока

Fig. 3. Towers of the southern boundary of the Tobolsk Kremlin (Photo from the collections of the Tobolsk Museum-Reserve). 1 — south round tower before restoration. View from the southwest; 2 — before restoration. View from the southeast; 3 — after restoration. View from the south-east; 4 — south-east tower before restoration. View from the northwest. 5 — during the restoration. View from the east. 6 — after restoration. View from the east.

Павлинская башня, которая является единственной в Тобольском кремле, простоявшей с конца XVII в., с течением времени стала заметно ниже, она лишилась своей верхней части — машикулей. На одном из эскизных проектов реставрации можно видеть, что Ф.Г. Дубровин предполагал вернуть ей первоначальную конструкцию, т.е. приблизить по облику к Южной круглой (ил. 4, 2–4).

Юго-западный угол кремлевских стен сегодня венчает маленькая квадратная башня, которую правильнее называть павильоном. Известно, что эта поздняя постройка была возведена примерно на месте гораздо более массивной Грановитой башни. Здесь уже архитектор допускал вариант полного разбора павильона и строительство высокой восьмигранной в плане башни, что, однако, не было реализовано (ил. 4, 1, 2, 4).

Ил. 4. Стены и башни южного прясла Тобольского кремля (Фото из фондов Тобольского музея-заповедника). 1 — юго-западная башня (павильон). Вид с востока. 2 — проект реставрации южного прясла (а — Павлинская башня, б — юго-западная башня, в — южная круглая башня); 3 — Павлинская башня после реставрации вид с юга; 4 — южное прясло до реставрации (а — Павлинская башня, б — юго-западная башня, в — южная круглая башня)

Fg. 4. The walls and towers of the southern boundary of the Tobolsk Kremlin (Photo from the collections of the Tobolsk Museum-Reserve). 1 — southwest tower (pavilion). View from the east. 2 — restoration project of the southern spinning wheel (a — Peacock Tower, b — southwest tower, c — south round tower); 3 — Peacock Tower after restoration view from the south; 4 — south spinning wheel before restoration (a — Peacock Tower, b — southwest tower, c — south round tower)

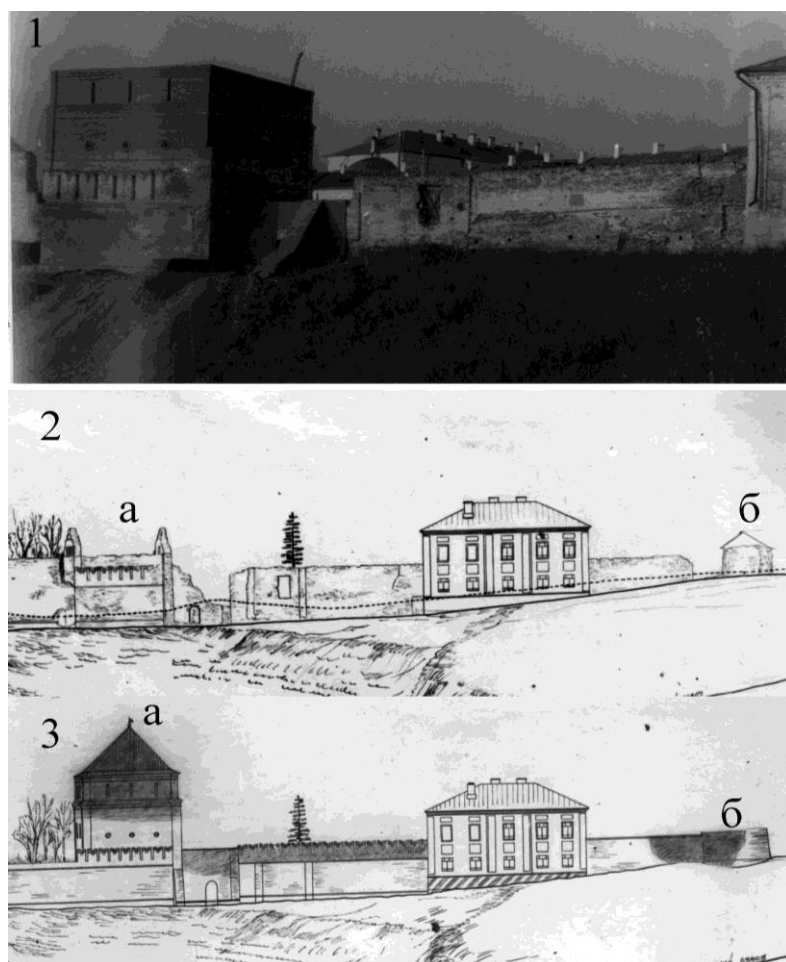
Еще одним объектом южного прясла, перетерпевшим многократные переделки, является башня, которая в конце XIX в. была перестроена в декоративный (квадратный в плане) юго-восточный павильон. Известно, что в конце XVII в. на этом месте была возведена круглая башня [Козлова-Афанасьева, 2008, с. 114]. Сохранившиеся планы и фото-

графии свидетельствуют, что ниже павильона Ф.Г. Дубровин обнаружил как минимум два фундамента, стоящих один над другим. Эти фундамента были также зафиксированы благодаря раскопкам, проведенным в недавнем прошлом [Балюнов, Данилов, 2017, с. 9–10]. Верхний круглый в плане фундамент сегодня можно представить благодаря тому,

что он был частично законсервирован под новой кладкой, став неким постаментом для декоративного павильона. Хотя, при взгляде на проектную документацию, становится очевидным, что Ф.Г. Дубровин считал правильным восстановить здесь внушительную круглую башню, тем более что благодаря раскопкам ее размеры были установлены достаточно точно.

Довольно объемные работы были проведены для установления первоначального месторасположения и конструктивных особенностей восточной Квадратной башни (ил. 5). Как указал В.И. Кочедамов, «освобожденное от культурного слоя основание квадратной башни западной стены позволило раскрыть интересную картину ее многочисленных перестроек и достроек зданиями различного назначения» [Кочедамов, 1963, с. 144]. Раскопками было установлено, что этот объект, возведенный в конце XVII в., позднее из-за угрозы обрушения в обрыв был разобран и отстроен в больших размерах со смещением

на юго-запад, при этом участок крепостной стены стал фасадом башни [5, с. 82]. Именно здесь был обнаружен единственный участок крепостной стены, где сохранились зубцы верхнего боя. С внешней стороны от стены находился мощный контрфорс, исследования которого позволили установить первоначальную планировку Квадратной башни конца XVII в. Раскопки обнажили у нижней части этого сооружения кирпичный валик, расположенный на линии нижнего боя [Барбанова, 1986, с. 104], а дальнейшие работы показали, что контрфорс является остатками южной стены первоначальной башни; таким образом, достаточно точно было установлено местонахождение ее фундаментов. Как указывает В.И. Кочедамов, «стены башни были взяты в стальные связи, что сохранило их от начавшегося интенсивного разрушения» [Кочедамов, 1963, с. 144], однако, восстановить этот объект в первоначальном виде уже не представлялось возможным.

Ил. 5. Восточное прясло Тобольского кремля (Фото из фондов Тобольского музея-заповедника). 1 — восточная квадратная башня в процессе реставрации. 2 — восточное прясло до реставрации (а — квадратная башня, б — северо-восточная башня); 3 — проект реставрации (а — квадратная башня, б — северо-восточная башня)

Fig. 5. The eastern boundary of the Tobolsk Kremlin (Photo from the collections of the Tobolsk Museum-Reserve). 1 — the eastern square tower is in the process of restoration. 2 — east spinning wheel before restoration (a — square tower, b — northeast tower); 3 — restoration project (a — square tower, b — northeast tower)

Реставрационными работами под руководством Ф.Г. Дубровина была воссоздана поздняя Квадратная башня со встроением в нее фрагментом крепостной стены, и тогда же в северо-восточном углу Софийского двора были изучены развалины круглой Орловской башни, которая впоследствии была отстроена заново. При этом также рассматривалось два варианта: по одному из них предполагалось не возводить башню полностью, а только поднять ее ствол до уровня крепостных стен (ил. 5, 2, 3).

Следует добавить, что работами Ф.Г. Дубровина обследовались еще три башни, которые восстановлению уже не подлежали, — это юго-восточная круглая башня (часто именуемая в литературе Красной); восточная круглая башня (некогда стоявшая на краю Никольского взвоза); и северо-западная квадратная башня (находившаяся между Софийским собором и Гостиным двором). Эти находки послужили источником при работе В.И. Кочедамова над графической реконструкцией Софийского двора конца XVII в.и, благодаря, сохранившимся чертежам мы знаем их месторасположение.

Выводы. Подводя итоги всему вышесказанному, стоит сказать, что архитектурный ансамбль белокаменного Тобольского кремля как живой организм постоянно менялся. Комплекс, возведенный в конце XVII в., достаточно существенно преобразился уже в первой четверти XVIII в. Крепостные стены и башни Софийского двора серьезно изменились в конце XVIII в., и это далеко не единственные примеры переустройства. В своей деятельности Ф.Г. Дубровин столкнулся с достаточно непростой задачей: было необходимо не только воссоздать некий архитектурный ансамбль из разновременных построек, но и привести его к единому стилю. Им были проведены значительные натурные исследования, которые активно использовались в начавшейся в скором времени реставрации. Полученные раскопками и зондажами результаты, зафиксированные пером и объективом фотокамеры, сегодня являются ценнейшими источниками о начале каменного строительства в Сибири. При этом архитектор по объективным причинам не мог вернуть военно-оборонительным сооружениям их первоначальный облик, поэтому тогда происходил поиск компромиссов, что отразилось в нескольких вариантах эскизных проектов. По причине смерти Ф.Г. Дубровина, очевидно, не все его идеи нашли воплощение, однако можно уверенно говорить, что деятельность архитектора в 50–60-е гг. XX в. спасла Тобольский кремль именно как памятник и как единый архитектурный ансамбль, который сегодня воспринимается достаточно целостно. Помнить о его трудах стоит не только в знак уважения, но еще и потому, что

только за последние десятилетия кремль в очередной раз частично изменил свой облик и начинает забываться его самая недавняя история.

Список литературы

1. Балюнов И.В. Архитектурно-археологические исследования территории Тобольского кремля в 1950-х годах (по фотодокументам Тобольского музея-заповедника) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 130–139. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.2.130-139
2. Балюнов И.В. Данилов П.Г. Оборонительные сооружения Тобольского Кремля. По материалам археологических исследований // Баландинские чтения. 2017. Т. 12. № 1. С. 8–13.
3. Барабанова Л.П. Этюды о заповедном городе: 400-летию Тобольска посвящается. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. 190 с.
4. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987. 192 с.
5. Кириллов В.В. Тобольск. М.: Искусство, 1984. 240 с.
6. Козлова-Афанасьева Е.М. Архитектурное наследие Тюменской области: научный каталог. Тюмень, 2008. 488 с.
7. Кочедамов В.И. Тобольск: (как рос и строился город). Тюмень: Тюм. кн. изд-во, 1963. 154 с.
8. Носов К.С., Муратова С.Р., Балюнов И.В. Оборонительные стены Тобольского кремля: историко-архитектурный очерк // Научный диалог. 2021. № 8. С. 414–437. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-414-437.

References

1. Balyunov I.V. Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya na territorii Tobol'skogo kremlja v 1950-h godah (po fotodokumentam Tobol'skogo muzeja-zapovednika). In: Arheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii. [Architectural and Archaeological Studies in the Tobolsk Kremlin During the 1950s (Based on Photographic Documents at the Tobolsk Museum-Reserve). In: Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Vol. 48. No. 2. Pp.130–139. (In Russ.)
2. Balyunov I.V., Danilov P.G. 2017. Oboronitel'nye sooruzheniya Tobol'skogo Kremlya Po materialam arheologicheskikh issledovaniy [The fortifications of the Tobolsk Kremlin Based on archaeological research]. In: Balandinskie chteniya. Vol. 18. No. 1. Pp. 8–13. (In Russ.)
3. Barabanova L.P. 1986. Etyudy o zapovednom gorode: (400-letiyu Tobol'ska posvyashchaetsya) [Studies on the protected city: (dedicated to the 400th anniversary of Tobolsk)].

Sverdlovsk: Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 190 p. (in Russ.).

4. Zavarihin S.P. 1987. V drevnem centre Sibiri [In the ancient center of Siberia]. Moscow: Iskusstvo. 192 p. (in Russ.).

5. Kirillov V.V. 1984. Tobolsk. Moscow: Iskusstvo. 240 p. (in Russ.).

6. Kozlova-Afanas'eva E.M. 2008. Arhitekturnoe nasledie Tyumenskoj oblasti: nauchnyj catalog [The architectural heritage of the Tyumen region: a scientific catalog]. Tyumen. 488 p. (in Russ.).

7. Kochedamov V.I. 1963. Tobol'sk (kak ros i stroilsya gorod) [How the city grew and built]. Tyumen: Tyumenskoe knizhnoe izdatel'stvo. 154 p. (in Russ.).

8. Nossov K.S., Muratova S.R., Balyunov, I.V. Oboronitel'nye steny Tobol'skogo kremlja: istoriko-arhitekturnyj ocherk. In: Nauchnyi dialog. [Defensive Walls of Tobolsk Kremlin: a Historical and Architectural Sketch. In: Scientific dialogue]. 2021. No. 8. Pp. 414–437. (In Russ.).

Материал передан в редакцию 30.05.2022

Е.В. Косинова
преподаватель кафедры Архитектуры
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова
Красный проспект, д. 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
evkosinova@nsu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4278-6799>

Модульная система в архитектурной среде Новосибирского Академгородка

Аннотация

Большую роль в создании архитектурной среды Новосибирского Академгородка играет модульная система, состоящая иерархически из элементов, связанных между собой определенными закономерностями. В данном исследовании выявляется иерархия элементов модульной системы Академгородка. Планировочные модули в Новосибирском Академгородке зависят от многофакторности: рельефности, природной экосистемы, транспортной системы. Природный ландшафт применяется в качестве структурного элемента организации архитектурно-пространственной среды. Показано, что модуль планировки влияет на модуль застройки, состоящий из отдельно взятых модульных единиц — жилых домов. Даются характеристики каждой модульной единицы — жилому дому, влияющие в свою очередь и на формирование архитектурно-художественного облика данного научного городка.

Ключевые слова: Новосибирский Академгородок, модульная система, среда города, жилая застройка, микрорайонирование

E.V. Kosinova
Lecturer of the Department of Architecture
Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Krasnyi Avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
evkosinova@nsu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4278-6799>

Modular system in the architectural environment of Novosibirsk Akademgorodok

Abstract

A large role in creating the architectural environment of Novosibirsk Akademgorodok is played by a modular system consisting hierarchically of elements interconnected by certain patterns. In this study, the hierarchy of elements of the modular system of Akademgorodok is revealed. Planning modules in Novosibirsk Akademgorodok depend on multifactorial factors: relief, natural ecosystem, transport system. The natural landscape is used as a structural element of the organization of the architectural and spatial environment. It is shown that the planning module affects the building module consisting of individual modular units — residential buildings. The characteristics of each modular unit — a residential building are given, which in turn affect the formation of the architectural and artistic appearance of this scientific town.

Keywords: Novosibirsk Akademgorodok, modular system, urban environment, residential development, microdistricting

Введение. На данный момент объект культурного наследия регионального значения, достопримечательное место «Новосибирский Академгородок» находится на этапе его преобразования. В связи с этим, является актуальным ретроспективный анализ его архитектурной среды.

Цель исследования состоит в выявлении влияния модульной системы на формирование архитектурной среды Новосибирского Академгородка в природно-ландшафтной среде.

Материалы и методы исследования: изучение и обработка архивных материалов, литературных источников, натурное обследование наукограда.

Полученные результаты и их обсуждение. На формирование архитектурной среды влияет архитектурно-градостроительная культура того времени, в котором она создавалась. Под архитектурной средой подразумевается взаимосвязь открытых и закрытых пространств, то есть городской природный ландшафт.

шафт, планировочная система, архитектура ансамблей и комплексов, массовая застройка. Одной из особенностей архитектурно-градостроительной культуры середины XX века, отразившейся на архитектурной среде Новосибирского Академгородка, является модульная система [Вольская, 2021, с. 72].

Модульная система — это совокупность правил единой взаимосвязанной упорядоченной структуры параметров планировки и застройки, состоящая иерархически из элементов, связанных между собой определенными закономерностями. Модульность планировки диктует модульность застройки, модульность застройки складывается из застройки жилых групп. На основании планировочных модулей образуется объемно-пространственный модуль.

Композиционные взаимосвязи отдельных частей модульной системы и подчинение каждой из них к ней формируют основу единства всей пространственной структуры Новосибирского Академгородка.

Отдельные жилые группы (замкнутые, полужамкнутые) образуют микрорайоны, внутри которых формируются локальные, уютные, озелененные, благоустроенные небольшие дворовые пространства, с четкой организацией культурно-бытового обслуживания, создающие рекреационную зону для всего микрорайона. Жилые группы являются микроансамблями в архитектурно-пространственной среде, а дворовые пространства — пространственными ячейками — композиционными центрами каждого из микрорайонов.

Планировочный модуль — квартал — имеет определенные границы, территорию, определяется положением коммуникаций и целесообразностью их инженерно-технических параметров.

Модульность застройки зависит от типа застройки (дома из красного либо силикатного кирпича, крупноблочные либо крупнопанельные, а также индивидуальные участки с коттеджной застройкой и другие).

Разработка приемов выразительности, использующие специфические возможности индустриального строительства, а также переход на сборное строительство из укрупненных элементов промышленного производства, где конечной продукцией является типовой жилой дом, и однообразие архитектурных решений из-за жестких требований по снижению стоимости строительства, крайней ограниченности заводских стандартов, негибкости конструктивных систем, — формировали более гибкие архитектурно-пространственные системы. Благоприятная архитектурная среда создавалась методами «свободной планировки», «наполненностью новых кварталов светом и воздухом», «утопанием домов в зелени» [Былинкин, 1985, с. 7; Иконников, 1979, с.30; Косенкова, 2009, с. 18].

Новосибирский Академгородок расположен от 3 км до искусственного Обского водохранилища Новосибирской ГЭС. Возле реки, на повышенных отметках рельефа, в сосновом бору, расположена территория с наилучшей с точки зрения микроклимата и красоты ландшафта. По мере удаления от водохранилища отметки рельефа понижаются, лесной массив становится более лиственным, и местность с обширными безлесными участками дает возможность здесь запроектировать микрорайоны с сохранением лесного ландшафта, входящего в дворовые пространства и соединенного в местах разрыва с городским парком и лесопарком [Духанов, 2019, с. 103; Платонов, 1977, с. 39] (ил. 1).

Ил.1. Генплан Новосибирского Академгородка. Источник: МИАС им. С.Н. Баландина. Фото 1.

Fig. 1. General Plan of Novosibirsk Akademgorodok. Layout. [Balandin Museum].

Интеграция жилой застройки в природную экосистему стала важной основой для формирования природоохранной деятельности, сохранении гармонии архитектурной среды с окружающей природной средой. С 1967 года озеленение в Академгородке проводилось в соответствии с первой «Генеральной схемой лесопаркового устройства и озеленения», разработанной авторским коллективом Центрального сибирского ботанического сада. Результатом реализации данной «Генеральной схемы» стала решение проблемы сохранения естественного природного ландшафта при помощи «системы листовых, паркостроительных, озелененных мероприятий».

В семи микрорайонах, с плотностью населения около 140-151 чел/га (данные на 1967 год), и обеспеченностью зелеными насаждениями — 97,9 м² в расчете на одного жителя, планирующихся по бесквартирной системе, складывается по-разному дворовое пространство. Модульная система позволяла соблюсти санитарно-защитные условия при проектировании Академгородка (разные дома подразумевают различные расстояния между ними, организацию различных дворовых пространств, обустройство и озеленение как на подступах к озелененному месту, так и внутри его).

Компактная застройка лимитирована «минимальными по функциональным, инженерно-техническим и экономическим соображениям планировочными единицами, между которыми предусматривались свободные от застройки пространства, занятые зелеными насаждениями и акваториями — регуляторами термического режима» научного городка.

Сохранение зеленых насаждений влияло на показатели, определяющие микроклимат застройки, что увязано с требованиями инсоляции, ветро- и снегозащиты территории [Пивкин, 1967, с. 43–44; Пивкин, Чиндяева, 2009, с. 31; Чиндяева, Гончар, 2008, с. 13–14].

Так, модулями застройки микрорайона «Е», переименованного затем в «Щ», расположенного в Верхней зоне Академгородка, в северо-восточной его части, с площадью 28,7 га, являлись брусчатые и щитовые полносборные дома типа Б-8-50, Б-16-М-1, Т-115, Щ-4, 4а и щитовые полносборные дома, замененные на капитальные (каменные или панельные). У крупноблочных домов преобладает сероватый, желтоватый или зеленоватый цвет. Балконы и карнизы у них преимущественно оранжевых или белых тонов. Крупнопанельные дома окрашены водостойчивыми красками, применены яркие, контрастные цвета.

Жилые микрорайоны «Щ» и «Д» отделены от коммунально-складских предпри-

ятий санитарно-защитной полосой зеленых насаждений 40–50% просветности, как препятствия, задерживающего снеговетровой поток на подступах к Академгородку.

По-иному решен микрорайон «Д» (с площадью 26,9 га, расположенный в западной части городка, на пересечении улицы Коммунальная и улицы Строителей). Здесь модулем застройки являются четырехэтажные кирпичные дома серии 1-447 с железобетонными элементами заводского изготовления, из красного кирпича с орнаментацией из белого силикатного, либо с облицовкой стен силикатным кирпичом с орнаментировкой из красного.

Для микрорайона «А» (с площадью 39,87 га, расположенного в восточной части городка, на пересечении улицы Ильича, Морского проспекта и улицы Терешковой), микрорайона «Б» (с площадью 36,25 га, расположенного в юго-восточной части городка, по улице Золото долинской, улице Ученых, улице Терешковой, Морскому проспекту и улице Академической), и микрорайона «В» (с площадью 29,84 га, расположенного вдоль Морского проспекта, Цветного и Весеннего проезда, и улице Жемчужной) модулем является жилой дом серии 1-419 (крупноблочный дом), с окрашенными фасадами в охристые и светло-зеленые тона, а карнизы в белый или желтый цвет.

А также, в микрорайоне «Б» модуль — крупнопанельный дом серии 1-335 из газосиликатных наружных панелей, в микрорайоне «В» — крупнопанельные здания серии 1-464; фасады окрашивались водостойкими красками в интенсивные и контрастные цвета [Баландин, 1986, с. 72–73; Ладинский, Чернецов, 1984, с. 3].

В данных микрорайонах модули имеют среднюю этажность (3–5 этажей), длину здания от 12 до 73 метров и высоту застройки — 15–18 метров.

В наиболее живописном районе, на берегах реки Зырянки, южной и юго-восточной части микрорайона «Б» расположена наиболее комфортная в Академгородке зона индивидуальных многоквартирных двухэтажных блокированных домов с приусадебными участками (коттеджная застройка), для академиков и ведущих научных работников по специальному списку, имеющий модуль — коттедж из крупных панелей и двухэтажный блокированный дом, отвечающий всем видам деятельности и требованиям ее обитателей. Такая застройка позволила максимально сохранить богатые ландшафтные особенности этого района и ценные лесные массивы.

Жилые дома, детские учреждения и здания культурно-бытового обслуживания производились также в полносборных панельных конструкциях (серия 1-464).

Все культурно-бытовые здания и дворы жилых домов связаны между собой удобными пешеходными связями, объединяющие все микрорайоны в единую систему жилой застройки.

Использование модульной системы в архитектурной среде Новосибирского Академгородка позволило создать селитебную зону более экономичными средствами, сохраняя при этом природный ландшафт, но, в свою очередь, «создало большие эксплуатационные трудности по сохранению лесного ландшафта» [Орлов, 1961, с. 36].

В связи с увеличением количества населения, в конце XX века, в Новосибирском Академгородке архитектурная среда селитебной территории стала более уплотненной, появляется точечная застройка соответственно заложенным сетям. Тенденция в строительстве способствовала сокращению территории Академгородка и уничтожению отдельных объектов озеленения. Разработка новой «Генеральной схемы» 1993 года стратегии и тактики зеленого строительства Новосибирского Академгородка учитывала приоритетность его экологической функции.

Таким образом, сохранялся учет характерных особенностей типологической застройки и её корреляция с природным ландшафтом.

Выводы

Исследуя влияние модульной системы на формирование архитектурной среды Новосибирского Академгородка, выявлено:

1. Различие модульности застройки — жилых домов — каждому микрорайону дает индивидуальный характер. Модуль застройки основан на оптимальном соотношении пространств, его составляющих, используется как критерий планировочных и экономических характеристик проектных решений.

2. Типовые разноэтажные жилые дома, являющиеся объектами стандартизации, не обладающие индивидуальными художественными образами, формировали пространственные контрасты благодаря умелому сопоставлению сооружения и природного ландшафта. Данные жилые дома, формирующие городскую среду и образующие единые комплексы, благодаря наличию зеленых насаждений, обретали художественный облик.

3. Наличие зеленых насаждений в планировке и застройке наукограда формировало художественный облик наукограда. Жилые дома, построенные по типовым решениям — колористически контрастны, что придает разнообразие и комфортность архитектурной среды наукограда. Цветовая система взаимосвязи застройки создает гармоничную художественную систему вместе с элементами зеленых пространств.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. 55 с.

2. Былинкин Н.П. Современная советская архитектура 1955–1980 гг. М.: Стройиздат, 1985. 224 с.

3. Вольская Л.Н. Основы формирования и реконструкции городов Сибири: учебное пособие / Л.Н. Вольская; Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова. Новосибирск, 2021. 112 с.

4. Духанов С.С. Проблемы формирования благоприятной архитектурно-планировочной среды в городах Западной Сибири в конце 1950–60-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. № 1. С. 101–113.

5. Иконников А.В. Архитектурный ансамбль. М.: Знание, 1979. 64 с.

6. Косенкова Ю.Л. Советская архитектура в поисках создания благоприятной среды // Academia. Архитектура и строительство. 2009. №5. С. 15–19.

7. Ладинский А.С., Чернецов Н.Н. Город науки // Строительная газета. 1964. № 21. 4 с.

8. Орлов И.В. Планировка и застройка научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР. Проблемы советского градостроительства. М.: Госстройиздат, 1961. С. 29–43.

9. Пивкин В.М. Архитектурно-планировочная организация застройки в условиях Сибири: (Науч.-техн. Обзор). Москва: Центр научн.-техн. информации по гражд. строительству и архитектуре, 1967. 98 с.

10. Пивкин В.М., Чиндяева Л.Н. Экологическая инфраструктура сибирского города (на примере Новосибирской агломерации). — Новосибирск: Сибпринт, 3-е издание, дополненное, 2009. 197 с.

11. Платонов Ю.П. Проектирование научных комплексов. М. Стройиздат, 1977. 137 с.

12. Чиндяева Л.Н., Гончар А.А. Ландшафтное искусство Сибири. Пейзажи и пейзажные композиции новосибирского Академгородка / пер. на англ. Русановская Е.И. Новосибирск: Издательство «Арта», 2008. 256 с.

References

1. Balandin S.N. Novosibirsk. Istoria gradostroitel'stva 1945–1985. [Novosibirsk. History of town planning in the 1945–1985]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 155 p. (In Russ.).

2. Bilinkin N.P. Sovremennaya sovetskaya arhitektura 1955–1980. [Modern Soviet architecture of the 1955–1980]. Moscow: Strojizdat, 1985. 224 p. (In Russ.).

3. Volskaya L.N. Osnovy formirovaniya i rekonstrukcii gorodov Sibiri: uchebnoe posobie

[Fundamentals of formation and reconstruction of Siberian cities: textbook]. Novosibirsk: Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, 2021. 112 p. (In Russ.).

4. Duhanov S.S. Problemi formirovaniya blagopriyatnoi arhitekturno-planirovochnoi sredi v gorodakh Zapadnoi Sibiri v konce 1950–60. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. [Problems of creating a favorable architectural and planning environment in the cities of the Western Siberia in the late 1950s and 1960s. In: Bulletin of Tomsk state University of architecture and construction]. 2019. No. 1. Pp. 101–113. (In Russ.).

5. Ikonnikov A.V. Arhitekturnii ansambl [Architectural ensemble]. Moscow: Znanie, 1979. 64 p. (In Russ.).

6. Kosenkova YU.L. Sovetskaya arhitektura v poiskah sozdaniya blagopriyatnoy sredi [Soviet architecture in search of creating a favorable environment]. In: Academia. Arhitektura i stroitel'stvo, 2009. No. 5. Pp. 15–19. (In Russ.).

7. Ladinskii A.S., Chernecov N.N. Gorod nauki [Science city]. In: Stroitel'naya gazeta. 1964. No. 21. 4 p. (In Russ.).

8. Orlov I.V. Planirovka i zastroyka nauchnogo gorodka Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Problemy sovetskogo gradostroitel'stva [Planning and construction of the scientific town of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Problems of Soviet

urban planning]. Moscow: Gosstrojizdat, 1961. Pp. 29–43. (In Russ.).

9. Pivkin V.M. Arhitekturno-planirovochnaya organizaciya zastroyki v usloviyah Sibiri. Nauch.-tekhn. obzor. [Architectural and planning organization of development in Siberi. Scientific-technical Overview]. Moscow: Centr nauchn. tekhn. informacii po grazhd. stroitel'stvu i arhitekture, 1967. 98 p. (In Russ.).

10. Pivkin V.M., Chindyaeva L.N. Ekologicheskaya infrastruktura sibirskogo goroda. Na primere Novosibirskoj aglomeracii [Ecological infrastructure of the Siberian city. On the example of the Novosibirsk agglomeration]. Novosibirsk: Sibprint, 3rd edition, 2009. 197 p.

11. Platonov YU.P. Proektirovanie nauchnykh kompleksov [Design of scientific complexes]. Moscow: Strojizdat, 1977. 137 p. (In Russ.).

12. Chindyaeva L.N., Gonchar A.A. Landshaftnoe iskusstvo Sibiri. Pejzazhi i pejzazhnye kompozicii novosibirskogo Akademgorodka [Landscape art of Siberia. Landscapes and landscape compositions of Novosibirsk Akademgorodok]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Arta, 2008. 256 p. (In Russ.).

Список сокращений

МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ — Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина

Материал передан в редакцию 31.05.2022

DOI: 10.37909/978-5-89170-343-8-2022-1017
УДК: 73.027.1

Л.Х. Усепян, С.В. Филонов, Н.Н. Филиппова

Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина
Новосибирского государственного университета архитектуры,
дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
ул. Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
museum@nsuada.ru, lina_24_87@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-4516-6843

**Профессиональная, преподавательская, общественная деятельность
новосибирского художника-монументалиста А.С. Чернобровцева
(12.09.1930–13.04.2014)**

Аннотация

в научном исследовании раскрыта его профессиональная деятельность в качестве художника и подчеркнута роль Александра Сергеевича в развитии художественного образования в г. Новосибирске. Перечислены с кратким описанием неосуществленные проекты художника-монументалиста А.С. Чернобровцева. В связи с этим авторами изложена идея по установлению двух нереализованных проектов. Приводится обзорно художественное наследие.

Ключевые слова: музей, монументально-декоративное искусство, пастель, акварель, натюрморт, портрет, Александр Сергеевич Чернобровцев, художественное образование, Новосибирск, невоплощенные проекты

Usepyan L.H., Filonov S.V., Filippova N.N.
Balandin Museum of Siberian architectural history of
Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts
St. Red Avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
museum@nsuada.ru, lina_24_87@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-4516-6843

**Professional, teaching, social activity of Novosibirsk muralist A.S. Chernobrovtshev
(12.09.1930–13.04.2014)**

Abstract

The scientific study lists with a brief description the unfulfilled projects of the muralist A.S. Chernobrovtshev. In this regard, the authors outlined the idea of establishing two unrealized projects. His professional activity as an artist is revealed and the role of Alexander Sergeevich in the development of art education in Novosibirsk is emphasized.

Keywords: museum, monumental and decorative art, pastel, watercolor, still life, portrait Alexander Sergeevich Chernobrovtshev, art education, Novosibirsk, unrealized projects

Введение. Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина является структурным подразделением Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова. Музейная коллекция собиралась на протяжении 55 лет основателем музея — профессором, доктором архитектуры, архитектором Сергеем Николаевичем Баландиным (1930–2004). В коллекции (или музейные собрания) вузовского музея входят разные предметы и экспонаты, предоставлен широкий пласт информации по архитектурному и художественному образованию, по истории формирования города Новосибирска, созданию сибирской архитектурной школы в форме монографий, научных статей, проектной докумен-

тации, а также собраны лучшие студенческие дипломные работы, фотографии, рисунки, эскизы, чертежи и др. Еще представлены примеры монументально-декоративного искусства в форме бюстов знаменитых людей города Новосибирска и неизвестных личностей, скульптурных композиций, предметов быта (тарелки, кашпо, вазы), которые изваяли студенты-дипломники и преподаватели — профессиональные скульпторы, художники. На основе данного собрания созданы следующие фонды: основной и научно-методический (включающий научно-методический и вспомогательный). Основной фонд подразделяется на фонды: фонд городов Сибири, фонд архитекторов; фонд дизайнеров; фонд выпускников; фонд педа-

гогов-архитекторов; фонд Великой сибирской железной дороги; фонд профессора, доктора технических наук Андрея Дмитриевича Крячкова; фонд НГАТОиБ-НОВАТА (Новосибирского государственного академического театра оперы и балета, ныне Новосибирский академический театр оперы и балета) и др.

Целью научного исследования является сбор, систематизация биографической информации, составление музейного архива, изучение сведений о профессиональной деятельности выдающегося новосибирского художника-монументалиста Александра Сергеевича Чернобровцева и на основе собранных данных выявление не воплощенных проектов в области монументально-декоративного искусства.

Задачами научного исследования являются:

1. подчеркнуть важную роль Александра Сергеевича Чернобровцева в развитии художественного образования в городе Новосибирске;

2. систематизировать полученную информацию (фондовый материал музея, состоящий из фотографий, скульптуры, биографических сведений, а также материал из архива вузовской библиотеки, включающий в себя монографии, учебные пособия, сборники статей) и материал из открытых источников интернет (электронные журнальные, газетные статьи, в электронном виде книги и монографии);

3. на основе собранных данных составить перечень неосуществленных идей и не воплощенных монументально-декоративных работ А.С. Чернобровцева.

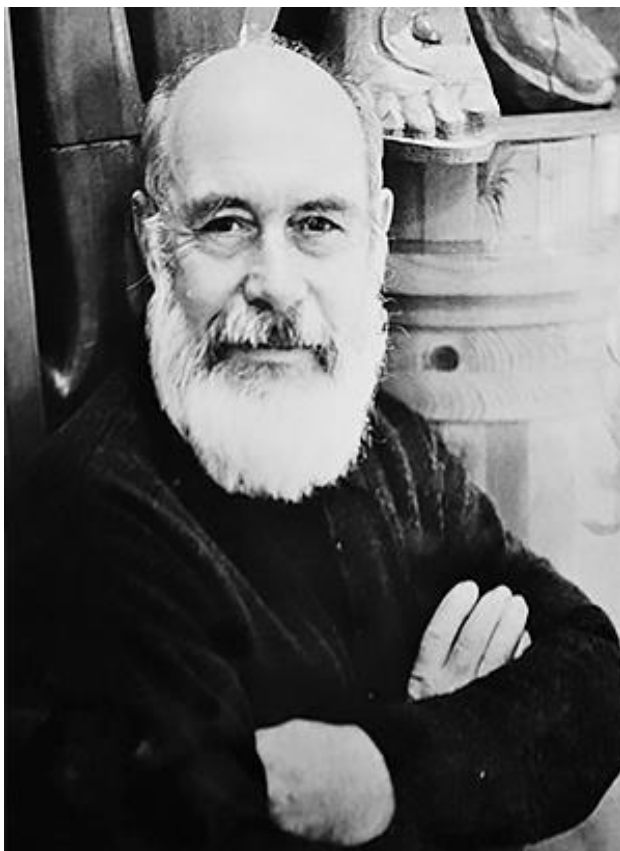
В данном исследовании применялись методы сбора, систематизации, анализа, синтеза.

Научно-исследовательская работа проводилась на базе Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова. В музейных фондах по А.С. Чернобровцеву собран небольшой пласт информации. В персональном фонде художника-монументалиста представлены следующие объекты: небольшое количество личных фотографий, персональная карточка в музейной картотеке по персоналиям архитекторов, художников, инженеров, скульпторов. В 2017 г. музейный фонд еще пополнился 10 гипсовыми скульптурами русских музыкантов-композиторов XIX–XX вв., представляющие собой предварительную эскизную работу к деревянному панно «Апофеоз русской музыки», которая

установлена в Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки. В ходе исследования были также изучены многочисленные интернет источники с бесплатным открытым доступом. В основном это были культурно-просветительские очерки, электронные газетные и журнальные статьи. Наибольший интерес вызвали две электронные книги: монография Л.М. Красовицкой по художественному образованию в городе Новосибирске и биографический очерк, как личные мемуары А.С. Чернобровцева, в котором довольно подробно описана его жизнь, путь становления в профессиональной деятельности, рассмотрены основные воплощенные проекты по монументально-декоративному искусству. Также была проведена работа с книгами и научно-популярными журнальными статьями из библиотечного фонда Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова. По художнику-монументалисту Александру Сергеевичу Чернобровцеву еще хранится информация в ГАНО (Государственном архиве Новосибирской области), в личных собраниях и коллекциях краеведов, фотографов, жителей города Новосибирска.

Полученные результаты. Раскроем кратко основные биографические сведения Александра Сергеевича Чернобровцева (12.09.1930–13.04.2014) — выдающегося новосибирского художника-монументалиста, заслуженного деятеля искусств России, члена Союза художников СССР (1960), лауреата премии Ленинского комсомола (1968) [Новосибирск, 2003, с. 956].

12.09.1930 г. Александр Чернобровцев (ил. 1.) родился в Липецке Центрально-Черноземной области (ныне Воронежская область) в культурной, интеллигентной семье, в его роду был дед церковнослужитель, мама Вера Степановна Чернобровцева работала по профессии архитектора. В связи с многочисленными командировками матери семья долгое время разъезжала по СССР и Александру приходилось самостоятельно осваивать школьную программу. Диплом о среднем образовании он получает в школе города Борисоглебск и решает стать художником. На выбор профессии повлияли семья, детство, юность в военные годы и осознанное желание проявить дар, сделав любимой профессией жизни. В эти годы у молодого художника возникает осознанное желание своим трудом внести красоту в мир, в город, в жизнь и созревает представление восстанавливать советские города после 2-й Мировой войны.

Ил.1. Александр Сергеевич Чернобровцев (12.09.1930–13.04.2014) — заслуженный деятель искусств России, член Союза художников СССР, художник-монументалист, педагог, профессор НГАХА (сейчас НГУАДИ им. А.Д. Крячкова), почетный житель города Новосибирска (URL: <http://www.xn--90acajc9bhbod2ed.xn--p1ai/portrets.html>)

Fig. 1. Alexander Sergeevich Chernobrovcev (12.09.1930–13.04.2014) — honored Artist of Russia, member of the Union of Artists of the USSR, muralist, teacher, professor of NGAHA (now NGUADI named after A.D. Kryachkov), honorary resident of the city of Novosibirsk. (URL: <http://www.xn--90acajc9bhbod2ed.xn--p1ai/portrets.html>)

В 1946–1954 гг. Александр Чернобровцев учился в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухомовой на факультете монументальной живописи, который окончил с отличием. Его учителями были И.П. Степашкин, Л.А. Любимов, Б.В. Иогансон. После получения диплома о высшем образовании Александра Чернобровцева по распределению направляют работать в Сталинск (ныне Новокузнецк). В связи с отсутствием достойной работы в 1954 г. он переезжает жить в Новосибирск и устраивается работать в Гипроторг, с которого начинается карьера и профессиональный путь в монументально-декоративном искусстве. За 60 лет плодотворной профессиональной работы им воплощены многочисленные проекты: 4 мемориальных ансамбля для городского пространства, 1 городской памятник, 4 панно, 4 проекта по оформлению интерьеров, 2 красивые росписи, 2 скульптуры и 2 объекта по садово-парковой мебели и др. Большая часть проектов была воплощена в Новосибирске, а также в Бердске, селе Довольном Новосибирской области.

Самыми известными реализованными работами в Новосибирске являются:

1) Монументальный ансамбль «Монумент Славы» в Ленинском районе, посвященный подвигу сибиряков во 2-й Мировой войне (1967 г.).

2) Панно «Октябрь» на станции «Октябрьская» новосибирского метрополитена (1985 г.).

3) Коллективный проект восстановления Часовни Николая Чудотворца (географического центра Сибири) в Центральном районе по ул. Красный проспект, 17а (1998 г.). А.С. Чернобровцев вместе с сыном П.А. Чернобровцевым восстановил снесенную часовню по планам и чертежам, сохранившимся в ГАНУ, художник Александр отвечал за роспись часовни.

4) Панно «Памяти павших» (Реквием) в Сквере героев Революции (1960 г.).

5) Деревянное панно «Апофеоз русской музыки» в вестибюле Большого зала Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки по ул. Советская, 31 (1994 г.).

С 1957 г. Александр Сергеевич становится членом Союза художников РСФСР, впоследствии членом Правления Союза художников России. За годы участия в данном творческом объединении 2 раза в год совершал поездки в разные города СССР с целью обмена опытом, знакомства и общения с коллегами, налаживанию деловых и творческих связей. В разные годы входил в зональные, общереспубликанские и всесоюзные выставки. На протяжении 20 лет принимал участие во всесоюзных, республиканских, зональных и областных выставках в Новосибирске и др. советских городах. С 1957 г. возглавлял деятельность Клуба болгаро-советской творческой интеллигенции, став его седьмым президентом. [Чернобровцев, 2011, с. 91]. Эта деятельность была направлена на укрепление международных отношений, налаживание творческих (художественных и выставочных) связей.

Кроме профессиональной и выставочной деятельности А.С. Чернобровцев занимался общественной работой, в которую он вкладывал много сил, энергии, времени и других ресурсов человеческого капитала, при этом получал заряд позитивных эмоций (по его воспоминаниям из мемуаров и интервью). По его инициативе в 1984 г. в Новосибирске открылось художественное отделение, как структурное подразделение Новосибирского музыкального училища в бывшем здании

дома Маштакова на пересечении улицы Свердлова, 15 и Красного проспекта, 9 (в памятнике архитектуры) (ил. 2). 26.08.1991 г. художественное отделение приобрело самостоятельный статус училища, потом техникума и колледжа. В дальнейшем Александр Сергеевич стал преподавать и работать директором после заведующего Анатолия Георгиевича Крюкова, пригласив своих бывших учеников: И.В. Сокол, Н.В. Олешко, Н. А. Чижик. Наряду с ними первыми преподавателями стали В.Д. Кречетов, В.М. Гранкин, Л.В. Белянская, А.Г. Крюков, М.И. Крахмалев, А.П. Паутова, В.В. Бушков, А.Н. Никольский, В.В. Древин, С.Е. Булатов, Н.И. Зинченко, С.М. Меньшиков и другие. Современные педагоги училища — это известные практикующие художники и дизайнеры. Большинство из них являются членами творческих союзов (Союза художников России, Союза дизайнеров России, Союза театральных деятелей России). С 2016 г. Новосибирское государственное художественное училище является одним из немногих средних профессиональных образовательных организаций художественной направленности по всей России. Входит в состав Федерального учебно-методического объединения по изобразительному искусству. К 2022 г. за свою успешную и плодотворную работу училище выпустило более 1000 специалистов: живописцев, дизайнеров, художников театра [5, НГХУ].

Ил. 2. Новосибирское государственное художественное училище (бывшее здание Дома Маштакова). г. Новосибирск, пересечении ул. Свердлова, 15 и ул. Красный проспект, 9. URL: https://tonkosti.ru/Дом_Купца_Маштакова

Fig. 2. Novosibirsk State Art School (former Mashtakov House building). Novosibirsk, the intersection of Sverdlov str., 15 and Krasny Prospekt str., 9. URL: https://tonkosti.ru/Дом_Купца_Маштакова

Александр Сергеевич внес значительный вклад в становление и развитие художественного образования города Новосибирска. Его важная роль в этом деле в качестве талантливого художника-монументалиста бесценна. На протяжении 60 лет он вел художественную студию в Клубе им. М.И. Калинина (с 1955–2005 гг.) (ул. Театральная, 1), потом в Доме культуры им. М. Горького (1958–1969 гг.) по ул. Б. Хмельницкого, 40 [Красовицкая, 2010, 96 с.], еще позднее в Доме культуры им. В.П. Чкалова (с 1970 г.) (пр. Дзержинского, 34/1). Из личных воспоминаний, написанных в биографическом очерке А.С. Чернобровцева и книги мемуаров супруги художника Галины Александровны Артамоновой, его учеников, открываются интересные факты. Художник-монументалист со своими учениками проводил мастер-классы, выездные занятия на Обском море в Академгородке, организовывал персональные и групповые выставки. Ученики помогали ему в его профессиональной работе, выполняя общественно значимые монументально-декоративные проекты для Новосибирска, такие как панно «Памяти павших» или «Реквием» (1957–1960 гг.), мемориальный ансамбль «Монумент Славы» (1967 г.). В дальнейшем многие ученики А.С. Чернобровцева стали художниками, педагогами, вступали в Союз художников, проводили активную выставочную деятельность. К ученикам-студийцам художник всегда относился по-отечески и воспитывал в них чувства: ответственности, взаимовыручки, взаимопомощи, активизацию жизненной энергии в творческом русле, дружбу в коллективе, культурность, интеллигентность, самовыражение через творчество. Эта огромная общественная нагрузка доставляла ему удовольствие, радость и всегда помогала художнику держать руку на пульсе современной художественной и культурной жизни города Новосибирска.

В ходе научного исследования и музейной работы выяснилось, что у Александра Чернобровцева есть ряд неосуществленных проектов, к которым можно отнести следующие:

1) Проект мемориального ансамбля для столицы Тувинской республики Кызыла (1978 г.). Он состоял из мавзолея, аллеи плачущих лошадей, потерявших своих погибших всадников, орла-победителя, терзающего поверженного им дракона и площади в виде национального ковра на берегу Енисея.

2) Монументальное оформление интерьеров вокзалов железной дороги Тюмень — Сургут (совместный проект с архитектором Владимиром Петровичем Авксентюком, который был ответственен за монументальное оформление, архитектурно-планировочное решение зданий вокзалов).

3) Монументальная композиция «Икар» на фасаде Дома культуры им. В. П. Чкалова. По проекту предполагалось его поставить на

крыше здания. Скульптура изображала человека, шагнувшего в пространство бескрайнего неба и обретшего реактивные крылья. Икар был сделан в глине, отлит в металле, высотой 4 метра. На данный момент хранится в складском помещении Чкаловского завода по ул. Лазарева, 31 в Дзержинском районе.

4) Проект музея под открытым небом с моделями всех самолетов завода на площади перед Домом культуры и творчества им. В. П. Чкалова (пр. Дзержинского, 34/1). Например, первый самолет И-16, Су-34, МиГ-3, фронтовой бомбардировщик Су-24, ЛаГГ-3, Як-7Б, Як-9, МиГ-15, МиГов-17, МиГ-19, Су-9, Су-11, Су-15, серийный сверхзвуковой фронтовой бомбардировщик Як-28, региональный пассажирский самолет Ан-38 и др.

5) Проект обелиска 80-метровой высоты — нового символа Новосибирска на площади перед Государственной публичной научно-технической библиотекой (ГПНТБ) (ул. Восход, 15) в Октябрьском районе. Обелиск предполагалось окружить пилонами в форме объемной газеты. Каждая «газета» посвящалась определенному событию в истории города (строительство железной дороги, оперного, Академгородка и прочее).

6) Подарочный знак «Родившемуся в Новосибирске» — представляющий собой небольшую оригинальную красивую медаль, которую вручали бы родителям новорожденного, который в дальнейшем мог бы достойно носить или хранить, как памятную вещь, символ нового рождения и человеческого героического подвига его родителей. По задумке медаль могла подчеркивать принадлежность к великому городу. Эта идея аналогична ритуалу семей в Санкт-Петербурге.

7) Оформление набережной имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, где на данный момент времени располагается парк «Городское начало». Представляет собой проект театра на воде со сценой-платформой с зрительскими местами на берегу новосибирской набережной. По идее художника-монументалиста ансамбль должен был быть увенчан символическими крыльями. Символизм заключался в выражении характера города, его быстрый взлет в промышленно-экономических сферах на правом и левом берегу реки Оби. Проект был подготовлен А.С. Чернобровцевым для конкурса на самый лучший проект реконструкции набережной города Новосибирска, организованный региональными властями в 2000-х гг.

8) Макет проекта ансамбля, включающий памятник первостроителям города и моста, основателям Новосибирска, т.е. В.И. Роецкому, К.Я. Михайловскому, В.Ф. Николаю, Н.Г. Михайловскому (Н.Г. Гарину-Михайловскому), Н.П. Меженинову, Н.А. Белелюбскому, Н.Б. Богуславскому, Л.И. Березину, Е.Е. Зенькевичу, В.А. Линке, Г.М. Будагову, Н.М. Тихомирову.

9) Фонтан в виде старого паровоза «Кукушка» перед Дворцом железнодорожников по ул. Челюскинцев, 11.

10) Триптих «Освоение Сибири» в качестве 3-х панно в виде жостовских подносов на 2 этаже Дворца железнодорожников (ул. Челюскинцев, 11). Каждое посвящено определенной теме по истории освоения Сибири. На 1-ом планировалось изобразить Ермака Тимофеевича, на 2-ом — декабристов и на 3-ем — БАМ с рисунком паровоза, на котором сидят и висят люди, а на перроне — паровоз встречают журналисты, телеоператоры и др. специалисты. По замыслу А.С. Чернобровцева — это 29 сентября 1984 г. — день стыковки Западного и Восточного участков БАМа — момент укладки «золотого звена».

11) Памятник сибирякам-гвардейцам в городе Белый Тверской области, 2 варианта.

12) Монументальный въездной знак — въезд в город из аэропорта «Толмачево».

13) Памятник президенту СО АН СССР М.А. Лаврентьеву.

14) Конкурсный проект «Монумент Победы» в Москве.

15) Монумент на берегу реки Оби, посвященный шлюпочному переходу Новосибирск — Сталинград [Чернобровцев, 2011, с. 190].

16) Эскизный проект звонницы в память Георгиевских кавалеров, участников Первой мировой войны. Предполагалось разместить в Березовой роще.

17) Монументальный металлический витраж «Я радуюсь маршу, которым идем» для кинотеатра им. В.В. Маяковского (ул. Красный проспект, 15) и монумент поэту В.В. Маяковскому.

18) Монументальный знак у входа в Музей им. Ю.В. Кондратюка (ныне Музей города Новосибирска по ул. Советская, 24) и барельеф изобретателю, инженеру-конструктору Юрию Васильевичу Кондратюку.

19) Музыкальный фонтан «Лебединое озеро» или «Музыка» перед театром Музыкальной комедии (ул. Каменская, 43) в Центральном парке города Новосибирска. По проекту предполагалось на пилонах разной высоты и сечений (квадратные, круглые, овальные и т.д.) разместить музыкальные инструменты. Например, на высоком квадрате в сечении пилоне установить трубу, на узких пилонах — флейту, барабан и др. музыкальные инструменты, из них бы брызгали красивые струи воды.

Каждый проект представляет собой интерес с точки зрения возможности воссоздания в реальности и его строительства в городе Новосибирске. На наш взгляд, 3 и 4 проект имеют большой потенциал воссоздания в

городском пространстве. Скульптура «Икар» вполне уместно может расположиться, например, перед «Музеем авиастроения и космонавтики» (структурным подразделением Аэрокосмического лица по ул. Индустриальная, 4 а). А проект музея под открытым небом, на взгляд авторов, можно назвать «Музей авиации и истории авиастроения России» и расположить на площади Карла Маркса в почти построенном двухэтажном здании (долгострое) с синим зеркальным остеклением. В нем будут представлены уменьшенные копии реальных самолетов в виде макетов. Данные проекты А.С. Чернобровцева отличаются смелостью, широким размахом и яркостью замысла. При государственной финансовой поддержке из местного и регионального бюджета данные проекты лучше воплотить в жизнь с целью строительства нового достопримечательного места. Они могут являться объектами культурно-развлекательной сферы, включаться в экскурсионные маршруты и показы для гостей города и местных жителей. Это будет актуально после завершения строительства гостиницы на пересечении ул. Карла Маркса, 2 и ул. Блюхера рядом с площадью Карла Маркса. Общество будет получать восхищение, а высшее руководство музея получать доходы, интерес к выставкам по авиации, космосу будет постоянным, посещаемость точно будет высока.

Кроме творческих работ в монументально-декоративном искусстве в биографии гениального Александра Сергеевича Чернобровцева есть десятки великолепных живописных, ярких, колоритных портретов современников, выполненные в акварели и пастели. Первые его работы в жанре портрет им были написаны во время учебы в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухомовой. Прекрасно освоив вузовскую учебную программу, став художником-монументалистом, у него отлично получалось через портрет передавать внешнее сходство в облике людей, внутренний мир человека, энергетический посыл, душевное (эмоциональное) состояние человека. Все перечисленные элементы образа человека или психологические особенности личности художник мог изображать благодаря правильно подобранным цветовым гаммам, грамотно выстроенной композиции, светотени и др. нюансам. В его работах прекрасно выделяется фактурность, объемность фигуры, отлично передается реалистичность образа, улавливается характер модели и атмосфера пространства.

Анализируя художественные работы А.С. Чернобровцева, можно констатировать, что источниками вдохновения были следующие объекты: окружающий мир (живописная природа), социальная сфера (семья, коллеги, студенты, ученики, известные люди города, незнакомые, прохожие) и др.

В качестве художника А.С. Чернобровцев создал художественную коллекцию портретов. В ней есть портреты режиссера-документалиста Юрия Андреевича Шиллера, смотрящего на бескрайние просторы Сибири и народного артиста России Ивана Андреевича Ромашко, в портрете которого прочитывается образ Василия Теркина. Из серии «Основатели» выделяется триада портретов Н.Г. Гарина-Михайловского, Г.М. Будагова и Н.М. Тихомирова, изображенная на фоне, в котором детально прорисована история Новосибирска начала XX в. Почетное место в художественном наследии

Александра Сергеевича занимает портрет «Царица Космоса» (ил. 3 а). Изображает директора Музея города Новосибирска Елены Михайловны Шукиной, держащей в руках портрет исследователя, самородка в ракетостроении, теоретика космонавтики Юрия Васильевича Кондратюка (Шаргея). Примечательна особой энергетикой светлая, наполненная радостью, легкостью, жизнелюбием картина «Девушка на качелях» (ил. 3 б). Это всего лишь малая описанная часть художественного творчества Александра Чернобровцева в акварельном исполнении.

3 а

3 б

Ил. 3. а. — Картина «Царица Космоса». Автор: А.С. Чернобровцев. [Чернобровцев, 2011, с. 158]. б. — «Девушка на качелях» [Чернобровцев, 2011, с. 159].

Fig. 3. а. — The painting "The Queen of Space". Author: A.S. Chernobrovtssev [Chernobrovtssev, 2011, p. 158]. б. — "The girl on the swing" [Chernobrovtssev, 2011, p. 159].

В пастели также нарисованы десятки портретов своих современников, которые прекрасно передают реалистичность образа, точность фигур, грамотно выстроенную светотень и композиционное решение в расположении модели, цветового решения в выборе фона портрета. Каждый человек в виде модели на портретах А.С. Чернобровцева как будто оживает, выглядит одухотворенным, собранным и легко прочитывается характер, индивидуальные особенности. Цветовая подача и правильное сочетание гаммы теплых и холодных оттенков в сочетании с цветами, использованными при изображении модели дают сильный эмоциональный эффект запоминания, сильного впечатления, подталкивают зрителя углубиться в саму картину, прочувствовать человека, мысленно проникнуть в суть картины. В технике пастель Александр Чернобровцев также рисовал портреты своих

современников (ил. 4, 5). На его полотнах изображены жители города Новосибирска и люди разных профессий. Изображая человека во времени, художник зафиксировал проходящий момент в вечности, уловил красоту модели и глубину души, которую он всегда стремился понять, прочувствовать и передать на холсте ценителям искусства, коллегам, народным массам.

Кроме творческих работ в жанре портрет Александр Сергеевич оставил после себя многочисленные работы в жанре натюрморта, на которых изображал предметы быта, утварь, личные, хозяйственные вещи, красивые цветы и другие объекты окружающего мира. Например, сохранившиеся деревянные лапти, красный рак рядом с стаканом и др. объекты. Также известны его работы по рисованию культовой архитектуры.

Ил. 4. Портреты современников в технике пастель. Автор: художник-монументалист А.С. Чернобровцев. (URL: <http://www.xn--90acajc9bhbd2ed.xn--p1ai/portrets.html>)

Fig. 4. Portraits of contemporaries in the pastel technique. Author: muralist A.S. Chernobrovtssev. (URL: <http://www.xn--90acajc9bhbd2ed.xn--p1ai/portrets.html>)

Кроме творческих работ в жанре портрет Александр Сергеевич оставил после себя многочисленные работы в жанре натюрморта, на которых изображал предметы быта, утварь, личные, хозяйственные вещи, красивые цветы и другие объекты окружающего мира. Например, сохранившиеся деревенские лапти, красный рак рядом с стаканом и др. объекты. Также известны его работы по рисованию культовой архитектуры.

Благодаря высокому мастерству художника у Александра Чернобровцева получались реалистические портреты и воодушевленные поэтические образы. Из его воспоминаний, дошедших до наших дней, становится понятно его возвышенное отношение к

живописи, которая должна отражать реальную действительность, проходить через душу художника и через его внутренний мир, духовно обогатившись, появляться на холсте линиями, мазками, цветом, как художественный результат творческого труда. Художник Александр Чернобровцев своим ученикам говорил, что «подлинный художник всю жизнь пишет портрет своего времени и своего поколения. И написать его, отразить лучшие и характерные его черты, он сможет лишь в том случае, если будет кровно с ним связанным, станет его плотью и душой, обретет в этом смысл и высшее оправдание своего существования и творчества» [ил. 6].

Ил. 5. Портреты современников в технике пастель. Автор: художник-монументалист А.С. Чернобров-цев. (URL: <http://www.xn--90acajc9bhbd2ed.xn--p1ai/portrets.html>)

Fig. 5. Portraits of contemporaries in the pastel technique. Author: muralist A.S. Chernobrov-tsev. (URL: <http://www.xn--90acajc9bhbd2ed.xn--p1ai/portrets.html>)

Ил. 6. А.С. Чернобровцев на выставке художников в Новосибирске. (URL: <https://ksonline.ru/news/-/id/16560/>)

Fig. 6. A.S. Chernobrov-tsev at an exhibition of artists in Novosibirsk. (URL: <https://ksonline.ru/news/-/id/16560/>)

Выводы. Анализируя профессиональный путь и творческое наследие Александра Сергеевича Чернобровцева можно констатировать факт, что он после себя оставил многочисленные объекты монументально-декоративного искусства в г. Новосибирске и Новосибирской области, сыграл огромную роль в формировании и развитии профессионального художественного образования, а через профессиональный путь мастера, мэтра (учителя или наставника в художественной сфере), человека-творца поделился божественным даром через выставочную и преподавательскую работу с соотечественниками и иностранными гостями.

Из данного научного исследования можно сделать вывод, что Александр Сергеевич Чернобровцев является выдающимся художником-монументалистом, который вел активную профессиональную, преподавательскую, общественную деятельность и после себя оставил не воплощенные идеи и не построенные проекты, готовые к реализации. Каждый проект уникален и передают высокохудожественную мысль в монументально-декоративном искусстве. В настоящее время большая часть не воплощенных идей имеет потенциал реализации в жизнь, так как является, во-первых, отражением главных исторических событий города Новосибирска, например, памятник первостроителям и основателям города и моста, во-вторых, увековечивает память знаменитых людей города Новосибирска таких как, Ю.В. Кондратюк (Шаргей), М.А. Лаврентьев и др. В-третьих, часть проектов имеют духовный замысел и дух культурного просвещения, сохранения идентичности и развития сибирской художественной школы, например, восстановление Часовни Святого Николая Чудотворца. В-четвертых, Чернобровцев в качестве художника-монументалиста являлся генератором новых идей, которые он смог бы претворить в жизнь, если бы не скоротечный уход из жизни. В-пятых, являясь творческим прародителем нового поколения художников, которым передавался лучший опыт художественного образования, есть вероятность воплощения его проектов учениками. Выпускники художественного училища Александра Сергеевича и студенты Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (ныне Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова) являются достойными продолжателями дела, мастерства, искусства их выдающегося наставника.

Некоторые идеи А.С. Чернобровцева были чуть опережающими время, советское поколение и до сих пор являются инновационными. Например, оформление набережной имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, где на дан-

ный момент времени располагается парк «Городское начало, а также музыкальный фонтан «Лебединое озеро» или «Музыка» перед театром Музыкальной комедии. Для Сибири данная идея была в новинку, а в целом для мировой архитектуры нет, потому что проект первого музыкального поющего фонтана был построен в 1953 г. в столице Армении — Ереване на площади Республики (авторами фонтана стали Марк Владимирович Григорян и Эдвард (Эдуард) Аветович Сарапян).

В ходе глубокого объективного исследования фондов Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландин, архивных материалов и информации в электронном виде о Александре Сергеевиче Чернобровцеве, выдающейся личности, пришло понимание, что его профессия являлась призванием жизни. Профессиональный путь становления в качестве художника-монументалиста — достойный пример подражания для подрастающего поколения людей, любителей искусства, городских жителей желающих стать мастерами, специалистами в монументально-декоративном искусстве. Для коллег, студентов, учеников он являлся учителем с большой буквы и человеком с высокими моральными ценностями. Из мемуаров становится понятно, что работа для Александра Сергеевича Чернобровцева была осознанным творческим богослужением и актом доброй воли, иными словами, свой божественный дар полностью смог реализовать в профессии, выбрав правильную стезю работы. В качестве художника-монументалиста он стал известным в Новосибирске благодаря профессионализму высокого уровня и выдающемуся мастерству. Он смог достичь своей мечты — украсить город и остаться в памяти ценителей искусства, внести красоту в мир через воплощенные единоличные авторские проекты. А.С. Чернобровцев пополнил наследие монументально-декоративного искусства города Новосибирска различными декоративными панно, красивой резьбой в интерьерах, масштабными памятниками монументально-декоративного искусства, а также обогатил художественное наследие многочисленными портретами своих современников и различными картинами, выполненными на достойном художественном уровне. Можно уверенно утверждать, что полностью все работы Александра Сергеевича Чернобровцева — достояние искусства столицы Сибири — Новосибирска.

Список литературы

1. Александр Сергеевич Чернобровцев / подгот. Е.Е. Лурье // Золотые имена Новосибирска: почет. граждане и жители города. Новосибирск, 2008. 214 с.
2. Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2010 год. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. обл. научн. б-ки, 2009. 208 с.
3. Коньякова Т. Александр Чернобровцев: «Отступать не умею, даже тогда, когда отступить, может быть, и надо»...: к 75-летию худож. / Т. Коньякова; [по материалам интервью с А.С. Чернобровцевым] // Вечер. Новосибирск. 2005. С. 2.
4. Косенков А.Ф. Два мира Александра Чернобровцева // Библиотека Сибирского Краеведения. [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/dva-mira-aleksandra-chernobrovceva> (дата обращения 26.05.2022).
5. Красовицкая Л.М. Художественное образование в Новосибирске: монография. Новосибирск: изд.: НГПУ, 2010. 182 с.
6. Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: Кн. Изд-во, 2003. 1071 с.
7. Новосибирское государственное художественное училище. [Электронный ресурс]. URL: <https://ngpu.ru/about/history/> (дата обращения 26.05.2022).
8. Чернобровцев А.С. Хочу остаться...: рассказ о времени и о себе художника-монументалиста Александра Чернобровцева / лит. обраб., ред. Н.К. Герасимовой. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2011. 190 с.

References

1. Aleksandr Sergeyevich Chernobrovtshev. [Alexander Sergeevich Chernobrovtshev]. / prepared by E.E. Lurie // Zolotyie imena

Novosibirsk: pochet. grazhdane i zhiteli goroda. [Golden names of Novosibirsk: honor. citizens and residents of the city]. Novosibirsk, 2008. 214 p.

2. Kalendar' znamenatel'nykh i pamyat'-nykh dat po Novosibirskoy oblasti, 2010 god. [Calendar of significant and memorable dates in the Novosibirsk region, 2010]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. obl. nauchn. b-ki, 2009. 208 p.

3. Konyakova T. Aleksandr Chernobrovtshev: "Otstupat' ne umeyu, dazhe togda, kogda otstupit', mozhет byt', i nado"...: k 75-letiyu khudozh. [Alexander Chernobrov-tsev: "I can't retreat, even when I may need to retreat": to the 75th anniversary of the artist]. In: Veчер. Novosibirsk. 2005. P. 2.

4. Kosenkov A.F. Dva mira Aleksandra Chernobrovtsseva. [Two worlds of Alexander Chernobrovtshev]. Biblioteka Sibirskogo Kra-yevedeniya. URL: <http://bsk.nios.ru/content/dva-mira-aleksandra-chernobrovceva> (Accessed 26.05.2022).

5. Krasovitskaya L.M. Khudozhestvennoye ob-razovaniye v Novosibirske: monografiya. [Art education in Novosibirsk: monograph]. Novosibirsk: izd.: NSPU, 2010. 182 p.

6. Novosibirsk: entsiklopediya. [Novosibirsk: encyclopedia]. Novosibirsk: Kn. Izd-vo, 2003. 1071 p.

7. Novosibirskoye gosudarstvennoye khudozhestvennoye uchilishche. [Novosibirsk State Art School]. URL: <https://ngpu.ru/about/history/> (Accessed 26.05.2022).

8. Chernobrovtshev A.S. Khochu ostat'sya...: rasskaz o vremeni i o sebe khudozhnika-monu-mentalista Aleksandra Chernobrovtsseva. [I want to stay: a story about the time and about myself by the muralist Alexander Chernobrovtshev]. lit. rev., ed. N.K. Gerasimova. Novosibirsk: Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2011. 190 p.

Материал передан в редакцию 31.05.2022

DOI: 10.37909/978-5-89170-343-8-2022-1018

УДК: 004.925.82 + 94(470+571)

И.Р. Соколовский

Институт истории СО РАН

ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, Россия, 630090

sokolowski@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1718-6115>

**Проблемы трехмерной реконструкции русских городов и крепостей в
Прииртышье первой четверти XVIII в.**

Аннотация

В статье обсуждается метод трехмерных моделей и его применимость к историческим фортификационным сооружениям, которые русские войска возвели в бассейне реки Иртыш в 1715–1720 гг. Показано, что современное изучение этих крепостей значительно продвинулось по сравнению даже с 2011 годом, но что всё еще остается достаточное количество лакун, которые затрагивают целый ряд аспектов. Мы можем локализовать все те крепости, которые русские построили в бассейне Иртыша. Можем часть из них вписать в ландшафт. Мы можем определить форму крепостной ограды. Правда не для всех крепостей и всех периодов. Можем частично реконструировать все другие элементы оборонительных сооружений: формы и размеры рвов, наличие и формы инженерных заграждений, примерную высоту и форму стен и башен. Однако гражданская и церковная застройка русских крепостей, другие стороны быта горожан могут быть восстановлены только по аналогам. В этом отношении, трехмерное моделирование является мощным инструментом, который позволяет обобщить уже существующие находки и выявить лакуны, которые надо заполнить в ходе дальнейших исследований.

Ключевые слова: Омская крепость, Белоярская крепость, Ямышевская крепость, Железнинская крепость, Долонская крепость, Семипалатинская крепость, Усть-Каменогорская крепость, ограда, трехмерная модель, реконструкция

I.R. Sokolovsky

Institute of History SB RAS

St. Nikolaeva, 8, Novosibirsk, Russia, 630090

sokolowski@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1718-6115>

**Problems of three-dimensional reconstruction of Russian cities and fortresses in the
Irtysh region in the first quarter of the 18th century**

Abstract

The article discusses the method of three-dimensional models and its applicability to historical fortifications that Russian troops erected in the Irtysh River basin in 1715–1720. It is shown that the modern study of these fortresses significantly advanced in comparison even since 2011, but what still remains a sufficient number of lacunae that affect a number of aspects. We can localize all those fortresses that the Russians built in the Irtysh basin. We can fit some of them into the landscape. We can determine the shape of the fortress walls. However, it is not for all fortresses and all periods. We can partially reconstruct all other elements of defensive structures: the shapes and sizes of ditches, the presence and shape engineering barriers, approximate height and the shape of walls and towers. However, civil and church construction of Russian fortresses, other sides the life of citizens can be restored only by analogues. In this regard, three-dimensional modeling is a powerful tool that allows you to generalize existing findings and identify gaps that need to be filling in during further research.

Keywords: Omsk fortress, Beloyarsk fortress, Yamyshvskaya fortress, Zhelezninskaya fortress, Dolon fortress, Semipalatinsk fortress, Ust-Kamenogorsk fortress, walls, fence, 3D model, reconstruction

Изучение русских крепостей на русском и казахском Прииртышье XVIII в. является одной из важнейших проблем истории Южной Сибири и Северного Казахстана. И тому есть целый ряд оснований. Во-первых, основание этих крепостей в 1715–1720 гг. открыли новую эру отношений между оседлым миром русской Сибири и кочевым миром Северного Казахстана. Наличие этих форпостов сыграло роль в дальнейшем развитии событий, когда китайские военные экспедиции нанесли сокрушительное поражение западно-монгольским воинам-джунгарам. Во-вторых, создание цепи крепостей стало важнейшим фактором русско-казахских отношений, отзвуки которого сохраняются до сих пор. В-третьих, существование этих укреплений важно с точки зрения истории развития русской фортификации. Поскольку они были важным этапом на пути перехода от первых деревянных острогов Сибири к венцу долговременной фортификации, которым является Владивостокская крепость, воздвигнутая после русско-японской войны. В-четвертых, прииртышские крепости являются

одним из типов русских поселений за Уралом и с этой точки зрения представляют несомненный исторический, этнографический и историко-архитектурный интерес.

Все эти обстоятельства указывают на то, что попытки трехмерной реконструкции сооружений прииртышских крепостей имеют определенное научное значение. Однако эти попытки пока связаны с известными трудностями, каковые трудности мы бы и хотели описать в данной работе с приложением графических материалов.

Как все мы знаем, петровские преобразования в конце XVII–начале XVIII в. коснулись не только политической системы, частного быта или способа печатать буквы. Они изменили так же военное дело, ради которого всё, видимо, и затевалось, а также военную и гражданскую архитектуру.

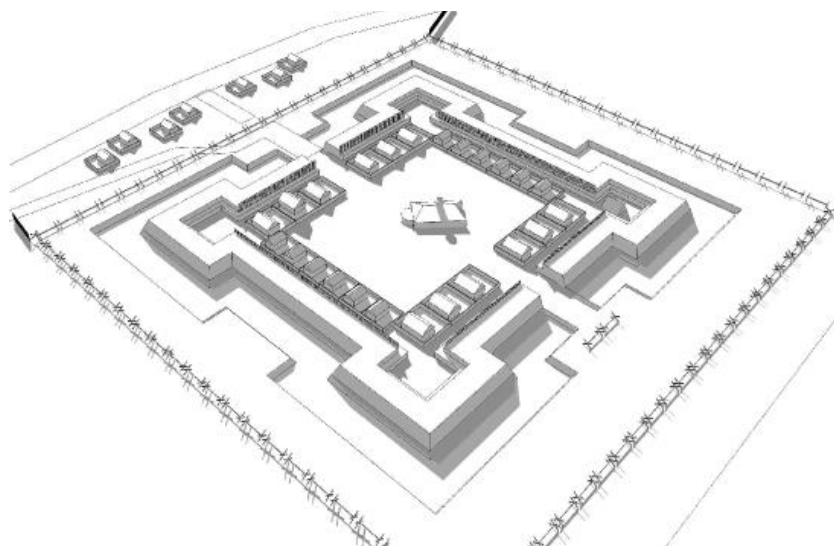
На поле боя изменились вооружения, а вслед за ними серьезно поменялась тактика русских войск. И, в несколько меньшем объеме, стратегия (Ил. 1).

Ил. 1. Артиллерийское орудие XVIII в. Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского
Fg 1. Artillery gun of the 18th century. Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

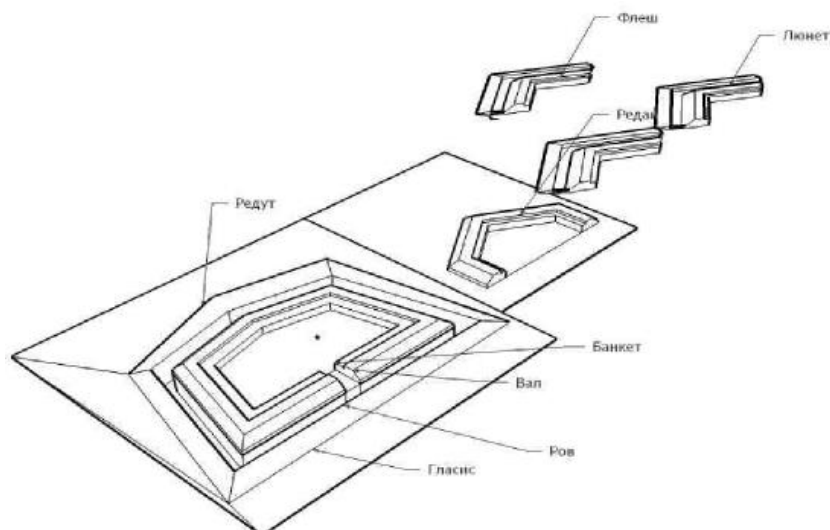
В начале XVIII в. изменения в вооружениях были очень значительными. Основные принципы не изменились, но изменились детали. Артиллерия стала более мобильной, дальнобойной и эффективной. Стрелковое и холодное оружие стали более унифицированными. Заметными были и перемены к тактике полевых войск, которые стали чуть более маневренными и чуть более единообразными, чем они были раньше, в веке XVII. Самые большие изменения, однако, произошли в полевой и долговременной фортификации.

Фактически, после целого века неудачных попыток перенести на русскую почву принципы европейской долговременной фортификации, которые выработались на рубеже XVI–XVII вв., геометрически правильная европейская фортификация все же пришла на русскую землю. Все укрепления можно стало вычертить с помощью циркуля и линейки (Ил. 2, 3).

Ил. 2. Несуществующая крепость XVIII в., иллюстрирующая принципы фортификации.
Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского

Fg 2. A non-existent 18th-century fortress illustrating the principles of fortification.
Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

Ил. 3. Несуществующая крепость XVIII в., иллюстрирующая принципы фортификации.
Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского

Fg 3. A non-existent 18th-century fortress illustrating the principles of fortification.
Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

Наступил «золотой век» сначала бастионной, а потом полигональной фортификации, который в Европе продолжался от конца XVI до середины XIX вв. Если считать по этому «европейскому» счету, то петровская эпоха пришлась на его середину. Но в России она стала точкой отсчета, так как бастионные крепости, которые были построены в XVII в., никакого влияния на общую ситуацию не оказали, так как были построены иностранными инженерами и не были связаны с какой-то местной «традицией» или «школой».

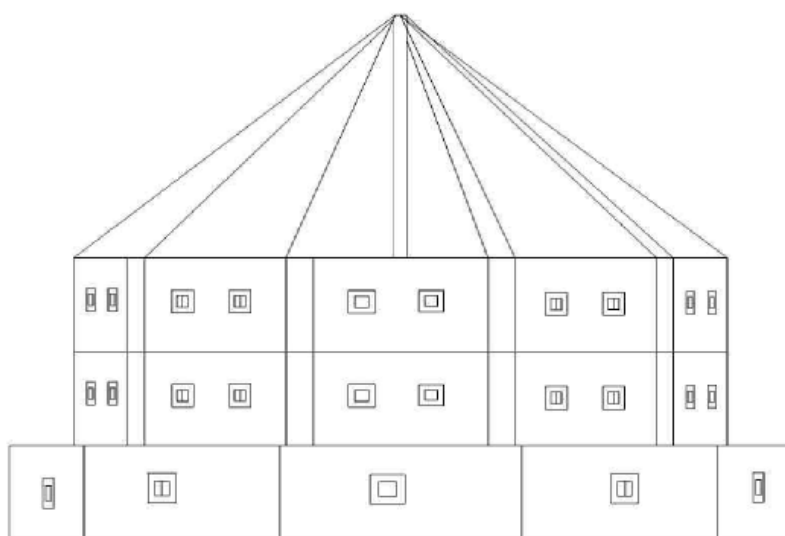
Главным препятствием к распространению европейской фортификации в допетровской России был низкий уровень математических знаний. Бастионная форма фортификации

требовала от инженера навыка в построении треугольников. Вычисления же длин сторон треугольников требует, как все мы знаем из школьного курса и теоремы Пифагора, умения находить квадратные корни, которые не всегда рациональны. Собственно тоже относится и к вычислению конкретных значений тригонометрических функций. В русском же языке не было даже терминологии для таких операций.

Однако с технологической точки зрения, для постройки многих крепостей не пришлось сильно изменять те технологии и навыки, которые на русских землях складывались веками. Конечно, когда речь заходила о каменном строительстве, те техно-

логии, которые русские применяли для строительства своих знаменитых крепостей в Смоленске, Туле и других городах, не всегда подходил для бастионного строительства (достаточно посмотреть на Петропавловскую крепость в Санкт-Петербурге), но тоже мог быть использован. Но изменившиеся принципы полевой и долговременной фортификации позволяли вдохнуть новую жизнь в весьма развитое деревянно-земляное строительство. Новые принципы обороны позволяли таким крепостям выдерживать более сильный натиск, чем «города» и «остроги» XVII в.

Приведем только один пример: «крепость Кроншлот действительно была построена в 1704 г. на основании из ящиков-ряжей, заполненных камнями и опущенных на глубину более 3 м» [Розадеев, Сомина и др., 1977, с. 7]. Таким образом, традиционные методы строительства не только позволяли построить ограды бастионного начертания из дерева и земли, но «выйти на новые рубежи», начать строить там, где раньше не строили — на местах, находящихся за береговой линией.

Ил. 4. Укрепление в крепости Кронштадт в XVIII в. Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского
Fg 4. Fortification in the Kronstadt fortress in the 18th century. Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

Военную ситуацию в Прииртышье мы можем отследить согласно «Репорту лейб-гвардии майора И.М. Лихарева в Сенат», который датируется публикаторами январем 1721 г. Под его командой «Санктпетербургского и Московского полков штап, обор, ундер офицеров и салдат и алтилерных служителей и других чинов оставлено в новопостроенных иртышских крепостях» имелось следующее число. В «Семипалатной» — 1909 чел. В это число входили один капитан-инженер, «присланной из Санктп-тербурха», и полковой лекарь с двумя «лекарскими учениками». В «Убинской крепости» были расквартированы 294 человека. «В Устье каменных гор», т.е. в районе нынешнего Усть-Каменогорска (Оскемена) — 363 чел. Кроме того, между этими тремя крепостями были распределены дватцать четыре человека «мастеровых людей». Кроме того, в «тыловом Тоболску» оставалось «обор, ундер офицеров и салдат» 92 чел., «алтилерных служителей», «присланных из Санктптербурха», девять человек, да «геодезии ученик» один. Всего от Тобольска до Усть-Каменогорска располагались гарнизонами 2695 чел. солдат и офицеров. Кроме того, «в Тоболску» находилось два

обер-офицера лейб-гвардии, один гвардейский унтер-офицер и 8 солдат этих частей. Всего 11 чел. В крепостях же Долонской, Ямышевской, Железенской и Омской по Иртышу «в ведомстве Сибирской губернии», располагались не регулярные, а казачьи гарнизоны, куда посылались казаки и казачьи дети «ис Тоболска и из других городов». В сведениях о численности этих гарнизонов И.М.Лихарев мог опираться только на рапорты их комендантов («камандиров»). По их данным в Долонской находилось 173 человека, в Ямышевской крепости — 370 чел., в Железенской — 46 чел., в Омской крепости — 292 человека, в, кроме того, 166 «семейшиков». [Бородаев, Контев, 2015, с. 354–355]

Бородаев В.Б. и Контев А.В., считают, что в рапорте И.М. Лихарева описана ситуация на осень 1720 г. Он подал его в Сенат после возвращения в столицу. Они считают, что тот факт, что «более половины войск, размещённых на Иртыше, находилось в Семипалатной крепости (1909 чел.)» «показывает, что в трёх крайних иртышских крепостях — Семипалатной, Убинской и Усть-Каменогорской — было сосредоточено основное коли-

чество российских войск на Иртыше». По их мнению, «такая концентрация вооружённых сил на передовых рубежах свидетельствовала о подготовке к проникновению в Алтайские горы». Правда, доказать это невозможно, так как по их же утверждению, «этот шаг так и не был сделан» [Бородаев, Контев, 2015, с. 351].

Особенностью Омской крепости является то, что мы располагаем ранним и довольно точным ее чертежом, редким в коллекции имеющихся в распоряжении исследователей. Чертеж Омской крепости озаглавлен: «Новый проект: как должен быть по-новому укреплен город на Оми». И сам по себе (как проект), заслуживает отдельного рассмотрения. Надеюсь, что когда-нибудь у нас будет возможность обсудить этот проект, так как в историографии эта тема так и остается нераскрытой.

Еще одной особенностью этого чертежа является то, что дата его создания и авторство указаны на нем самом в форме подписи на французском языке рядом с линейкой масштаба: «Capitaine Ingenieur Des Granges: fecit 1722» (капитан-инженер де Гранж: выполнен в 1722).

В.Б. Бородаев и А.В. Контев проанализировали этот чертеж в своей работе и попытались сопоставить данные письменных и визуальных источников, дав им свою интерпретацию.

Во-первых, они отмечают небольшое треугольное укрепление на самой стрелке у впадения Оми в Иртыш (на южном или левом берегу реки), считая, что можно доверять плану и длина стороны укрепления примерно 35–40 м. Все три угла ограды укреплены бастионами.

Они предполагают, что в 350 м от этого места, примерно в районе нынешней улицы Ленина, перед мостом, располагалось квадратное укрепление, подходившее под склон высокого коренного берега. Длина стороны этого укрепления по их оценке составляла примерно 50 метров (25 сажень), а по его углам находилось четыре бастиона. О характере этих укреплений говорится в экспликации, что буквой «Н» обозначены «старые небольшие укрепления из простых палисадов». Т.е. ограды этих укреплений были выполнены в форме врытого в землю частокола, видимо, с бойницами для стрельбы. В духе «Острова сокровищ» Р.Л. Стивенсона.

Они полагают, что «третья, самая большая крепость на левом берегу Оми, показана на высокой надпойменной террасе». Проблема только в том, что современная терраса начинается больше чем в 300 м от берега, значит, либо укрепление располагалось дальше, либо были проведены масштабные

земляные работы, которые значительно отодвинули ее от берега.

В плане большая крепость имела форму правильного пятиугольника с пятью бастионами по всем углам. Длина куртины между ними составляла 100 сажень (более 200 м, по оценке авторов). На плане эта крепость обозначалась буквой «А». Состояние и перспективы этого укрепления были описаны следующим образом: «Старый город на Оми, укрепленный только простым палисадом и окруженный очень маленьким рвом, и ныне разрушающийся, который должен быть снесен и построен в другом месте». Из этого текста авторы делают вывод, что «ко времени составления плана пятиугольная крепость на левом берегу Оми существовала уже не первый год».

Перечислив все сооружения, воздвигнутые на берегу Оми, и показанные на чертеже 1722 г., авторы выдвигают следующее предположение: «ясно, что эти защитные сооружения возникли не одновременно». Далее прибегая к авторитету Виктора Ильича Кочедамова (1912–1971), который анализируя план де Гранжа 1722 г., писал: «Весной 1716 года в устье Оми, на ее левом берегу, построено было два небольших редута: треугольный на стрелке и четырехугольный там, где теперь въезд на железный мост». Далее они добавляют, что «начало сооружения пятиугольной крепости исследователь относил к 1717 г., поскольку им было найдено документальное подтверждение проведения работ по строительству Омской крепости под руководством майора Аксакова в 1717 г.»

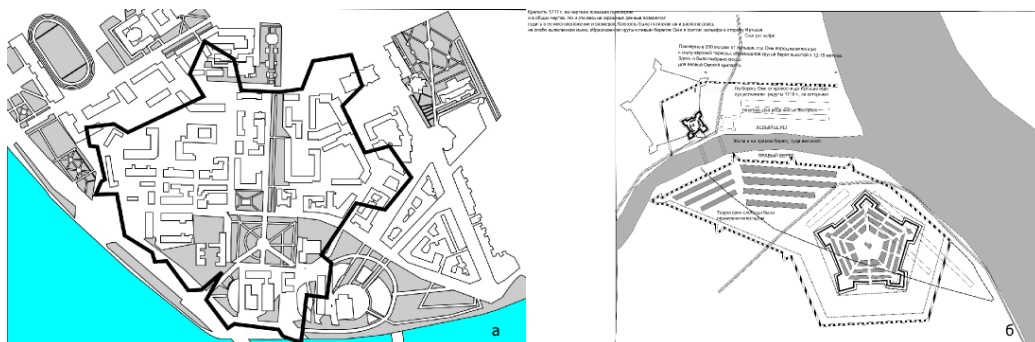
На наш взгляд, допущение авторов, что «после строительства большой пятиугольной крепости возведение малых палисадных укреплений не имело смысла», является только допущением. Более важным аргументом является утверждение, что «сам Аксаков осенью 1717 г. просил разрешения „о сломании построенной на усть Оми реки малой крепости и о небытии на том месте в зимнее время караулу“». Авторы предполагают, что «вероятно, малой крепостью на устье Оми майор называл треугольный редут на самом конце мыса», но это не очевидно. [Бородаев, Контев, 2015, с. 169]

Еще одним допущением является отождествление ими «четырёхугольного форпоста» с тем укреплением, про которое сообщается в справке Тарской канцелярии, которую она составила в 1734 г. отвечая на запрос Г.Ф. Миллера: «Омская крепость построена в 716-м году четырёхугольная подполковником господином Бухалцом, которой ныне брегадиром. А чертеж той крепости выдавал артиллерии капитан Каландыр. А вокруг ее поставлен полисад и выведены по углам бастионы. И на тех бастионах прорублены

бойницы и поставлены пушки. И за полисадом выкопан ров, а за рвом поставлены рогатки и надолбы». Они считают, что это описание «не противоречит чертежу де Гранжа, где единственный существовавший к тому времени четырёхугольный форпост действительно имел палисадные стены и бастионные выступы по углам». «Палисад, в отличие от заплота, всегда представлял собой ограждение из вертикально стоящих брёвен или жердей. Сплошной палисад с заострёнными сверху концами брёвен назывался частоколом и был характерен для острогов» [Бородаев, Контев, 2015, с. 225]. Они так же объясняют, почему ров, рогатки и надолбы не

показаны де Гранжем, «поскольку <...> отмечены на его плане только контурами» [Бородаев, Контев, 2015, с. 172].

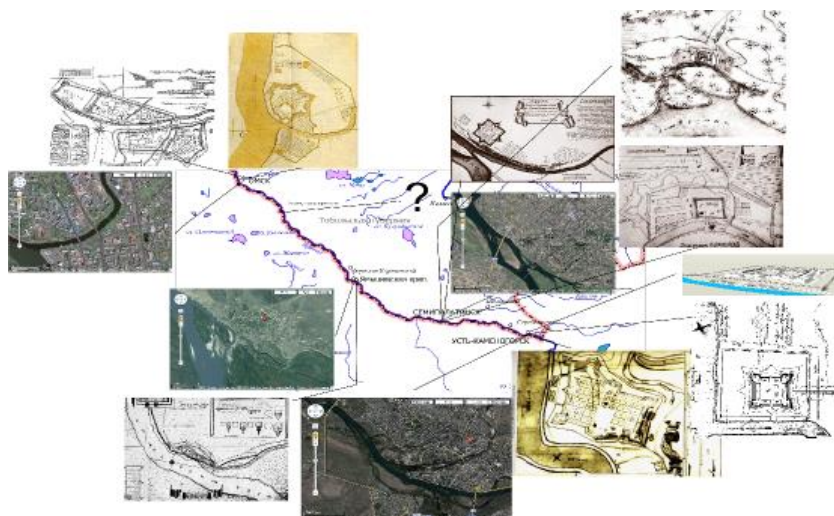
Если речь идёт о более позднем этапе, то определение места второй Омской крепости (середины XVIII в.) в черте города не представляет никакого труда, даже не смотря на то, что значительная часть ее оборонительных сооружений полностью утрачена. Об этом свидетельствует иллюстрация, где прорисовка контура оборонительной ограды Омска наложена на современный план города. Расположение зданий узнаваемо даже без названий улиц (Ил. 5, а).

Ил. 5. План Омской крепости первой половины XVIII в. Прорисовка И.Р.Соколовского
Fig 5. Plan of the Omsk fortress in the first half of the 18th century. Drawing by I.R. Sokolovsky

Вообще для Омской крепости мы можем не только установить этапы строительства, но и соотнести данные литературы с данными визуальных источников. Хотя вопрос расположения первых укреплений представляет некоторые сложности. Поэтому на иллюстрации даны планы «первых» омских крепостей и проект строительства второй омской крепости только с привязкой к береговой линии, но без привязки к сетке улиц (Ил. 5, б).

С другими укреплениями все обстоит чуть менее благополучно. В свое время, в 2011 г., мы пытались собрать все доступные графические материалы о преиртышских крепостях, что проиллюстрировано нашим файлом рабочих материалов. Как видим, информации на то время было не так уж и много. И она была, прежде всего, представлена планами крепостей и картами их расположения на местности (Ил. 6).

Ил. 6. М.В. Рейшер. Дипломный проект «Народный дом просвещения». 1926 г. 1 — восточный фасад; 2 — планы первого и второго этажей. Фотокопия. Личный архив семьи Казачинских
Fig. 6. M.V. Reisher. "People's House of Education" diploma project. 1926. 1 — east facade; 2 — first and second floor plans. Photocopy. Kazachinsky family archive.

Выход монографии В.Б. Бородаева и А.В. Контева расширил количество доступных данных о системе прииртышских крепостей, включая местоположение, характер оград и прочее.

В отношении Белоярской крепости В.Б. Бородаев и А.В. Контев цитируют описание Г.Ф. Миллера 1734 г.: «Сооружение состоит из четырехугольного палисада, каждая сторона которого в 20 сажень, с боевыми башнями по углам и еще с башней над воротами крепости со стороны, где к ней есть подход. Эти башни имеют артиллерию из 2 трехфунтовых и 3 маленьких железных пушек, калибр которых не указан». Однако они отмечают так же, что во время своего путешествия немецкий ученый эту местность и, соответственно, укрепление не посещал, а в основу приводимого им описания, с большой вероятностью, была положена бюрократическая справка, вышедшая из стен Кузнецкой воеводской канцелярии. Особенности этих документов мы видели при разборе данных по Омску [Бородаев, Контев, 2015, с. 225].

Ямышевская крепость была первой русской крепостью в регионе. Она имела земляной вал в форме, которую Миллер охарактеризовал как «на подобие половинного шестиугольника», т.е. неравностороннего пятиугольника, вписанного в полукруг. В.Б. Бородаев и А.В. Контев путем сопоставления деталей описания и плана датируют опубликованное ими изображение «периодом между окончанием постройки крепости и нападением на неё ойратов, то есть ноябрём 1715–январём 1716 г., вероятнее — концом 1715 г.» Они считают, что никаких деревянных укреплений в крепости не имелось и она была чисто земляной, а с внешней стороны вал и ров были укреплены рядами рогаток. «Внутри укрепления никаких построек вплоть до февраля 1716 г. не существовало, „в ней находилась одна только большая палатка, в которой отправлялась божия служба“».

Войска на зимовку расположились вне крепости, которая была построена на высоком берегу, «на лугу при устье речки Преснухи», в том месте, где еще в XVII в. традиционно размещался укрепленный лагерь русских, когда они приезжали на Ямышево за солью. Именно на месте лагеря были построены казармы и офицерские квартиры, которые были окружены палисадом и рогатками.

На левой стороне Преснухи были построены четыре солдатские казармы и перед ними ряд из 14 домов для расквартирования Московского и Петербургского пехотного полка. А к югу от них находились казармы и семь домов драгунского полка, составлявшего кавалерию экспедиции. Все зимние квартиры регулярных частей разместились вдоль дороги, ведущей от Ямышева озера к Иртышу. Кроме того, из

чертежа, донесения Бухголца и записок Г.Ф. Миллера становится ясно, что артиллерия располагалась в специально построенном деревянном «острожке», рядом с которым было построено два больших «провиантских» амбара для разных припасов.

Авторы отмечают, что «лист с чертежом 1715 г. сохранился не полностью: у него неровно обрезана кромка и отсутствует южный угол».

Автором проекта крепости в Ямышево в 1715 г. назван был «артиллерии капитан Каландыр», Пленный шведский штык-юнкер, который превратился в Сибири в военного инженера, перенесшего на сибирскую землю навык строить укрепления с бастионным фронтом и который возвел крепость «наподобие половинного шестиугольника, которого три болверка, в степь простирающиеся, флангами к Иртышу сомкнулись» [Бородаев, Контев, 2015, с. 130–132].

В 1734 г. крепость стала предметом интереса Г.Ф. Миллера и ее план «сохранился в двух копиях в фонде учёного». Как утверждают авторы, «на этом чертеже действительно изображено укрепление в форме полушестиугольника с двумя бастионами, обращёнными в сторону степи, и двумя полубастионами на берегу Иртыша» [Бородаев, Контев, 2015, с. 241].

Рассматривая этапы строительства В.Б. Бородаев и А.В. Контев считают, что сначала, в 1715 г., была возведена земляная крепость. В 1717 г. она была дополнена деревянными укреплениями, а в 1734 г. имелась уже третья крепость на том же самом месте [Бородаев, Контев, 2015, с. 241].

Летом 1717 г. к Ямышевскому озеру прибыл отряд под командой подполковника Прокофия Ступина (3 тыс. чел.). На месте он обнаружил остатки земляного укрепления И.Д. Бухолца, а рядом острог, возведённый казаками Федота Матигорова, окруженный палисадом.

Командир отряда имел приказ «у Ямышева сделать большую крепость», который он выполнил, согласно, Г.Ф. Миллеру: «Сие еще тем же летом под смотрением артиллерийского поручика Каландера учинено. Вместо малого острога построена регулярная крепость полушестиугольником, с двумя к степи сделанными болверками и двумя половинами, к Иртышу приведенными. За благо рассуждено крепость делать не земляным валом, но деревянным строением». [Бородаев, Контев, 2015, с. 241] Имеется документ 1770-х гг. в котором эти факты о строительстве изложены следующим образом: «А 1717 года по повелению князя Гагарина паки оная крепость Ямышевская построена в фигуре полу шести угольника при высоком берегу реки Иртыша. И уже сделали деревянным строением: в углы руб-

леными и высокими стенами, а от реки полисадом. Которая с самого своего построения нарочито знатным местом учинилась». Т.е. с поля крепость была прикрыта стенами, но с тыла было решено ограничиться палисадной стеной, что было вызвано балансом между разумной оценкой рисков и экономических затрат. Однако, «на чертеже 1734 г. вместо этого палисада уже показана такая же бревенчатая стена, как и на других сторонах укрепления». Внутри крепости находились

«салдатские казармы». Не было их только вдоль берега Иртыша [Бородаев, Контев, 2015, с. 241].

Место расположения Ямышевской крепости, чертежи первых укреплений недавно опубликованы, но на рисунке показан только ландшафт в окрестностях крепости, так как эта работа не обновлялась нами с 2011 года (Ил. 7).

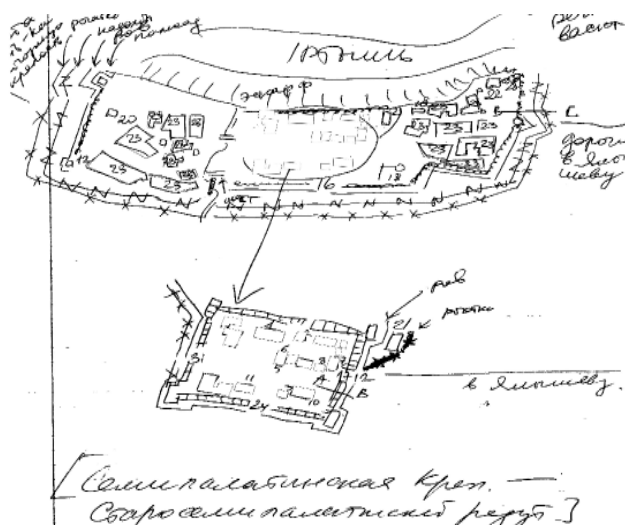

Ил. 7. Место расположения Ямышевской крепости XVIII в. Прорисовка И.Р.Соколовского
Fig. 7. The location of the Yamyshevskaya fortress of the 18th century. Drawing by I.R. Sokolovsky

Семипалатинская крепость находилась севернее современного города Семей (Семипалатинская) в районе деревни Старо-Семипалатинская. Возведением Семипалатинской крепости руководил Прокофий Ступин. Неоднократно цитированные нами авторы утверждают, что «отличие Семипалатной крепости от Ямышевской состояло в том, что она строилась в форме квадрата с четырьмя бастionsами по углам». Стены крепости были бревенчатыми, вдоль них располагались казармы, точно так же как в Ямышевской крепости. К осени постройка крепости была завершена.

Г.Ф. Миллер, который был в Семипалатинской крепости в 1734 г., писал, что Иртыш уже трижды размывал берег «и того ради принуждены были как крепостное строение, так некоторые при реке лежащие дома сломать и подалее от реки снова построить». [Бородаев, Контев, 2015, с. 265]

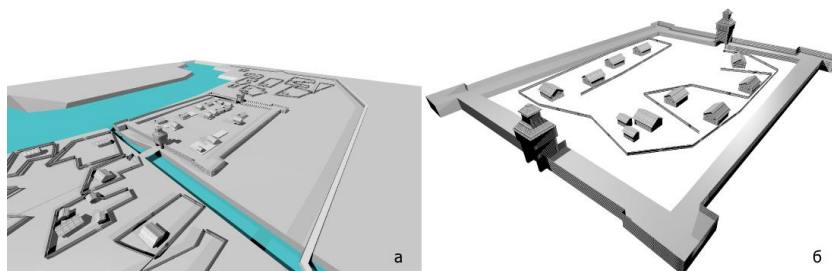
Нами была предпринята попытка реконструкции плана, ограды и гражданской застройки Семипалатинской крепости. Примерно ок. 1740 г. она выглядела так, как показано на иллюстрации (Ил. 8).

Ил. 8. Выписки И.Р.Соколовского из документов РГВИА. План Семипалатинской крепости
Fig. 8. Extracts of I.R. Sokolovsky from the documents of the RGVA. Plan of the Semipalatinsk fortress

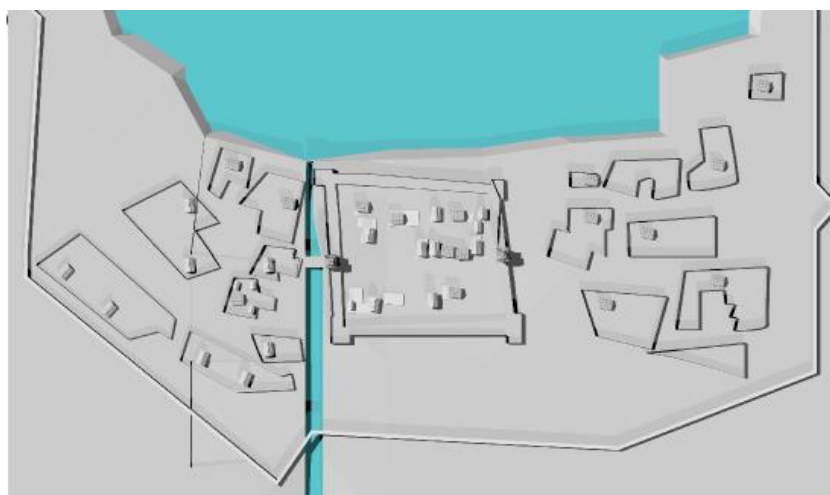
Трехмерная модель позволяет легко переходить от плана к перспективным видам, а также выделять отдельные фрагменты изучаемого объекта (Ил. 9, 10).

Благодаря этой реконструкции мы легко можем видеть четырехугольную цитадель, окруженную укрепленным посадом. Для сравнения см. ил. 11.

Ил. 9. Семипалатинская крепость первой половины XVIII в. а — аксонометрический вид; б — аксонометрический вид цитадели. Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского

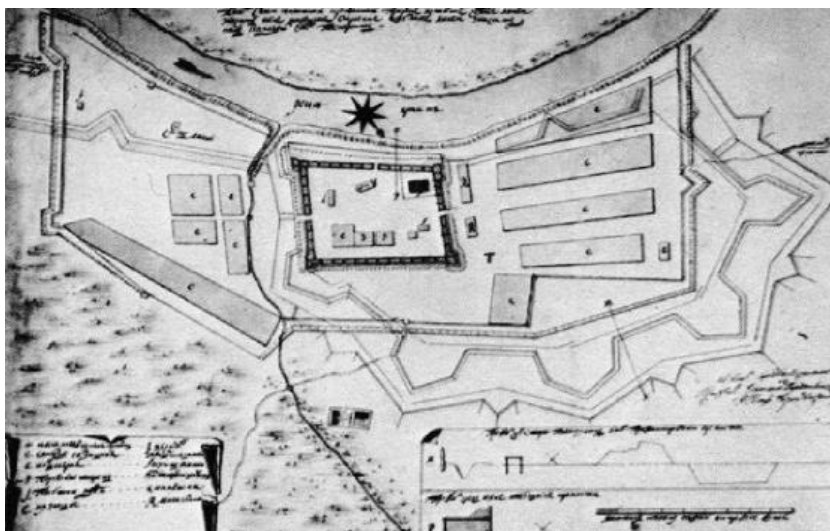
Fg. 9. Semipalatinsk fortress of the first half of the 18th century. а) axonometric view; б) axonometric view of the citadel. Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

Ил. 10. Семипалатинская крепость первой половины XVIII в. Вид сверху.

Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского

Fg. 10. Semipalatinsk fortress of the first half of the 18th century. View from above. Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

Ил. 11. Семипалатинская крепость первой половины XVIII в. Цифровая копия плана крепости

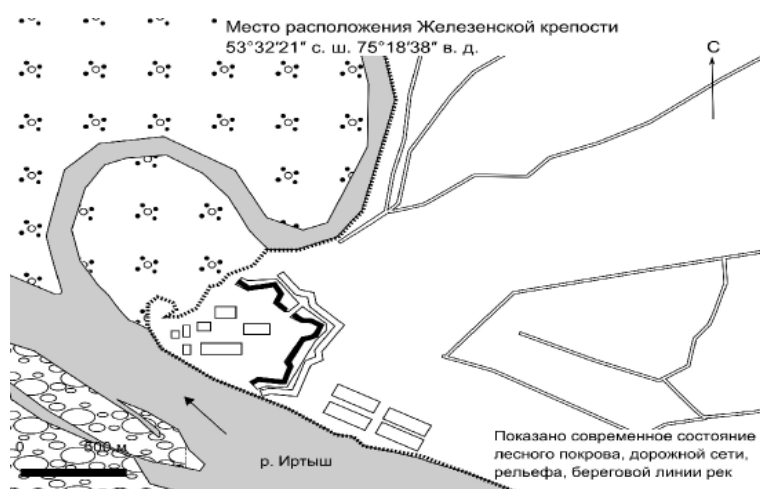
Fg. 11. Semipalatinsk fortress of the first half of the 18th century. Digital copy of the plan of the fortress

Как общеизвестно, одним из основных результатов похода И.М. Лихарева стала постройка Усть-Каменогорской крепости в августе 1720 г. Спустя полгода (в январе 1721 г.) в своем отчете он писал: «Вышел ис того озера, прошед Камень, при устье зделал крепость Устье каменных гор». Ранее, то, что «оное место удобно к строению крепости», писал капитан Урезов.

Эта крепость была построена после Убинской крепости (на устье реки Ульбы), которую И.М. Лихарев заложил на обратном пути от озера Зайсан, а строили прибывший из Семипалатной крепости подполковник Ступин, помощь которому была поручена «от артиллерии капитану инженеру Летранже» [Бородаев, Контев, 2015, с. 329].

Осенью 1718 г. в 40 верстах от Семипалатинской крепости на пустынном правом берегу Иртыша зазимовал вышедший из Ямышевской крепости караван дощаников под командой капитана Ивана Алексеева. Русские построили небольшое укрепление, которое по протекающей поблизости речке Долонке назвали Долонской крепостью. Считается, что «Долон-Карагай», дословно означает «семь сосен». Как отмечают А.В. Контев и В.Б. Бородаев «здесь на берегу Иртыша действительно стояли сосны, ведь именно сюда выходил ленточный бор, который в Приобье называют Барнаульским» [Бородаев, Контев, 2015, с. 265].

Место расположения и укрепления Желез-нинской крепости известны нам по более поздним планам XVIII–XIX вв. (Ил. 12).

Ил. 12. План Железнинской крепости XVIII в. Прорисовка И.Р.Соколовского
Fig. 12. Plan of the Zhelezninskaya fortress of the 18th century. Drawing by I.R. Sokolovsky

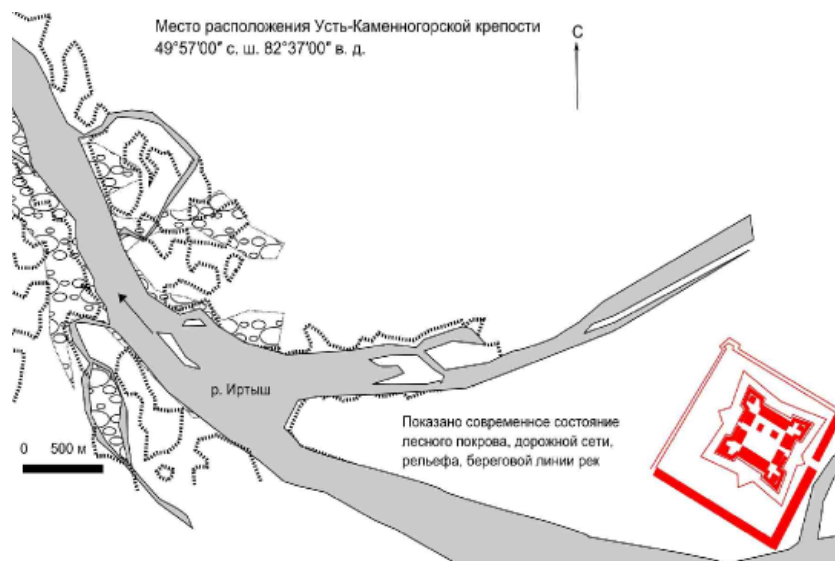
Однако, приступая к изучению тех перемен, которые тогдашние методы фортификации произвели в Сибири, мы сталкиваемся с несколькими серьезными трудностями принципиального характера.

Мы знаем, что изменились общие принципы фортификации. Мы знаем, какими эти общие принципы были. Но знание этих общих принципов позволяют воссоздать только основные элементы укрепления: линию ограды, расположение главных элементов, наличие или отсутствие гражданской застройки, местоположение отдельных строений. В принципе, при традиционном подходе этого было достаточно. Однако сейчас существуют современные методы создания квази-математических моделей («квази», потому что основная математика скрыта от глаз конечного пользователя). И эти современные методы имеют ту эвристическую ценность, что при трехмерной реконструкции застройки исследователь должен учитывать и прорабатывать такие детали, которые раньше можно было проигнорировать. Проблема в том, что информацию об этих деталях историк должен где-то собирать. Мы должны представить не абстрактную картину, как на иллюстрации, а реальную живую реконструкцию, опирающуюся на все доступные факты (Ил. 2).

Важным фактором современных исторических исследований является нарастающая цифровизация. В сети Интернет доступны цифровые копии планов крепостей, а также некоторые исследовательские работы, которые содержат публикации исторических карт и планов. Например, на иллюстрации мы можем видеть план Семипалатинской крепости (Ил. 11).

Кроме того, у историков сохраняется доступ к традиционным источникам в архивах. Хотя из-за ограничений на копирование, архивные выписки могут иметь довольно странный вид. На рисунке приведены наши попытки зафиксировать архивную информацию о той же самой Семипалатинской крепости (Ил. 8).

Однако не все эти источники можно легко совместить, для получения целостной картины. Например, с одной стороны, мы имеем дело с сохранившимися чертежами крепостной ограды, с другой стороны, имеем представление о примерном месте ее расположения. Но когда эту информацию надо совместить в рамках конкретного топографического плана, могут возникнуть трудности. Как, например, с предполагаемым местом расположения Усть-Каменогорской крепости на месте современного города (Ил. 13).

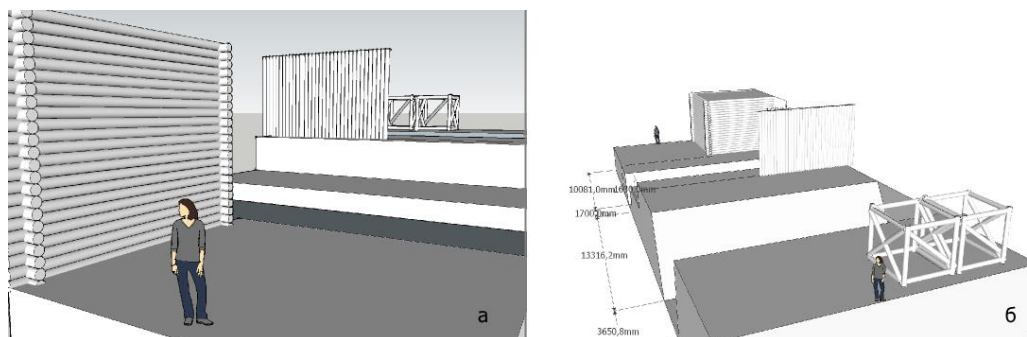

Ил. 13. Место расположения Усть-Каменогорской крепости XVIII в. Прорисовка И.Р.Соколовского
Fig. 13. The location of the Ust-Kamenogorsk fortress of the XVIII century. Drawing by I.R. Sokolovsky

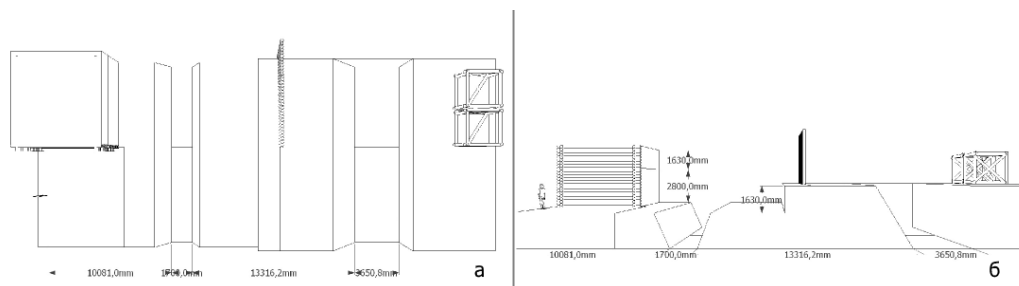
Отдельными вопросами являются проблемы реконструкции ограды и гражданской застройки некоторых крепостей. Как мы знаем из множества источников, ограда прииртышских крепостей включала в себя не только оборонительную стену, но и целую систему заграждений. Причем, надо отметить, что есть серьезные расхождения с современностью. Например, в современном инженерном деле

сохранилась терминология, которая приобрела совершенно другие значения, или, наоборот, терминология утрачена вместе с исчезнувшим типом инженерных заграждений.

На иллюстрациях эти элементы крепостной ограды показаны с разных точек зрения, что является преимуществом трехмерных моделей, о котором говорилось ранее (Ил. 14, 15).

Ил. 14. Элементы крепостной ограды XVIII в. а — вид в поле из крепости; б — вид с птичьего полета в крепость. Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского
Fig. 14. Elements of the fortress fence of the XVIII century. a) view in the field from the fortress; b) bird's-eye view of the fortress. Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

Ил. 15. Элементы крепостной ограды XVIII в. а — вид сверху; б — вид сбоку и разрез. Трехмерная реконструкция И.Р.Соколовского
Fig. 15. Elements of the fortress fence of the XVIII century. a) top view; b) side view and section. Three-dimensional reconstruction of I.R. Sokolovsky

Например, на реконструкции показан вид из крепости в поле (Ил. 14, а). Реконструкция элементов ограды крепости, видимая как бы с птичьего полёта. И уже наоборот — из поля в крепость (Ил. 14, б). Ту же трехмерную модель мы легко можем представить как план всех линий инженерных заграждений, составляющих ограду крепости (Ил. 15, а). Или как разрез и вид сбоку с указанием всех известных размеров (Ил. 15, б).

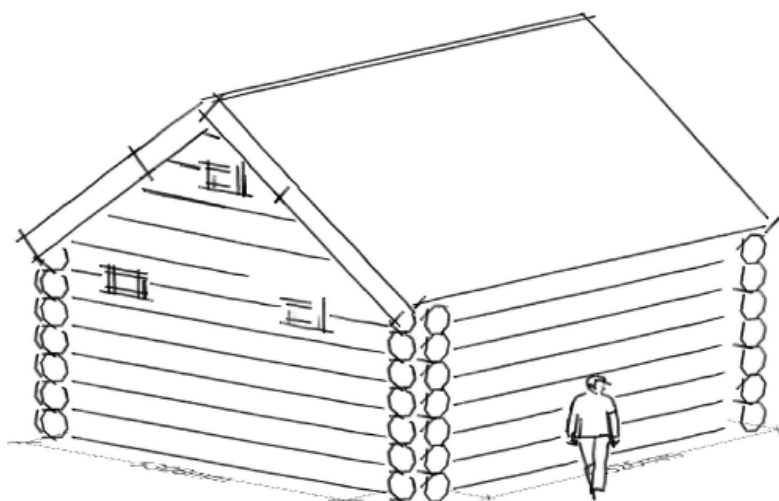
На всех этих иллюстрациях видно, что типовая ограда состояла из последовательных линий надолб, рва, частокола, еще одного рва, и основной ограды крепости из деревянных срубов с земляным заполнением или без него, тогда в них могли помещаться казармы для гарнизона. Рост женщины, приведенной

на реконструкциях для наглядности — средний. Так что легко можно оценить размеры всех сооружений.

Кроме общего расположения крепости на местности, формы и характера крепостной ограды, еще одним важным и сложным вопросом является вопрос о характере и формах гражданской и церковной застройки на ее территории.

Конечно, существуют общие принципы реконструкции гражданской застройки, которая в начале XVIII в. оставалась еще весьма традиционной (Ил. 16).

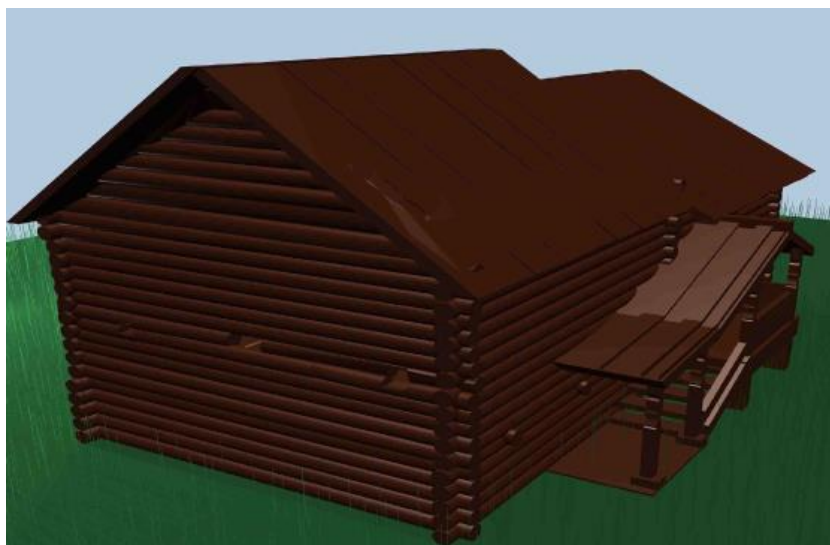
Кроме того, у нас даже есть данные о том, что в ходе экспедиций советских ученых были обнаружены уцелевшие гражданские сооружения начала XVIII в (Ил. 17).

Ил. 16. Основные элементы русского срубного жилища рубежа XVII–XVIII вв.

Трехмерная модель И.Р.Соколовского

Fg. 16. The main elements of the Russian log house at the turn of the 17th–18th centuries.
Three-dimensional model of I.R. Sokolovsky

Ил. 17. Изба-казарма Юильского острога рубежа XVII–XVIII вв. Трехмерная модель И.Р.Соколовского

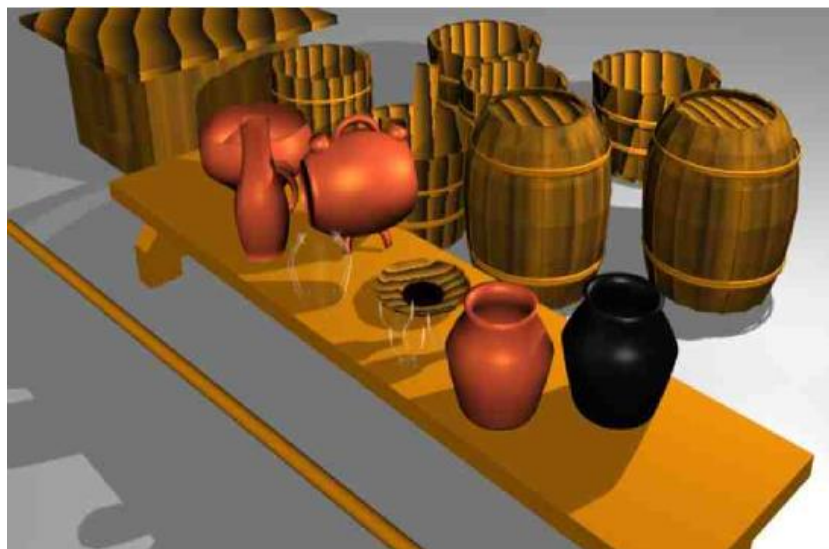
Fg. 17. Izba-barracks of the Yuilsk prison at the turn of the 17th–18th centuries.
Three-dimensional model of I.R. Sokolovsky

Но возникает вопрос, выглядели ли все элементы здания так как в XVII в. или были уже элементы, привнесенные реформами XVIII в.? О том, например, какие были окнами написана отдельная статья, однако этот вопрос так и не получил своего окончательного разрешения.

Еще более острым становится вопрос о церковной застройке. Поскольку у нас есть достаточно данных о том, как она могла выглядеть, но червь сомнения заставляет нас учитывать, что те же французские и швед-

ские инженеры могли принести на казахскую почву какие-то новые веяния, не известные нам по более ранним русским острогам.

Поскольку русский быт XVIII в. неплохо изучен, то это позволяет нам ставить целый ряд вопросов не только об архитектурном облике прииртышских крепостей. (гражданской и церковной застройке, вспомогательных постройках и т.д.), но и обо всех других деталях материального быта населения этих крепостей (Ил. 18).

Ил. 18. Варианты посуды и мебели рубежа XVII–XVIII вв. Трехмерная модель И.Р.Соколовского
Fg. 18. Variants of tableware and furniture of the turn of the 17th–18th centuries.
Three-dimensional model of I.R. Sokolovsky

Выводы. Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что в настоящее время мы наблюдаем некоторый прогресс в изучении внешнего облика русских крепостей в бассейне Иртыша. Мы можем составить список вновь возникших крепостей и локализовать все из них, хоть, для некоторых, довольно в широких пределах. Мы можем восстановить общую линию ограды для большинства крепостей, и знаем, примерно, какие элементы она включала. Вопрос о формах гражданской и церковной застройки остается открытым, точно так же, как вопрос об общих формах быта многонационального населения этих крепостей. Трехмерная компьютерная реконструкция позволяет интегрировать имеющиеся у нас сведения и представлять их научной общественности в разных формах, которые облегчают понимание сути проблем, открывают возможности для дальнейшего изучения, а, кроме того, позволяют популяризовать научные знания среди более широкой аудитории.

Список литературы

1. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.

сейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.

2. Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. 143 с.

References

1. Borodayev V.B., Kontev A.V. Formirovaniye rossiyskoy granitsy v Irtyshsko-Yeniseyskom mezhdurech'ye v 1620–1720: dokumental'naya monografiya. [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720: a documentary monograph]. Barnaul: AltGPU, 2015. 416 pp. (in Russ.)
2. Rozadeyev B.A., Somina R.A., Kleshcheva L.S. Kronshtadt: Arkhitekturnyy ocherk [Kronstadt: An architectural essay]. Leningrad, 1977. 143 pp. (in Russ.)

Список сокращений

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Материал передан в редакцию 21.10.2022

А.Р. Бочкарева

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
alishkart@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3899-930X>

Научный руководитель: Е.Н. Лихачев, канд. арх. наук, доцент

Синтез искусств в архитектуре медиа-объектов

Аннотация

Результатом синтеза различных типов искусств в архитектуре является возникновение нового образа сооружения или ансамбля — комплекса зданий. Анализ показал, что данный процесс следует за тенденциями социокультурной реальности актуального исторического периода. Было установлено, что в XX–XXI вв. синтез искусств приобрел новые социальные функции, включая идейно-художественное влияние на общество. Активное развитие информационных технологий запустило процесс интеграции дигитального искусства во все сферы человеческой жизни. В городском пространстве эти процессы нашли отражение в архитектуре ряда медиа-объектов, представляющие собой архитектурные объекты или пространственные элементы информационного поля, в котором происходят процессы коммуникационного обмена на различных уровнях. Таким образом, актуальность настоящей работы обуславливается тем, что в архитектуре искусства синтезируются при помощи разнообразных приемов и подходов, которые эволюционируют параллельно с развитием IT и общества в целом. В данном исследовании рассматривается ряд инструментов синтеза искусств (в том числе и дигитальных) в архитектуре медиа-объектов и их прототипов периода научно-технического прогресса XX–XXI вв.

Ключевые слова: синтез искусств, медиа-объект, архитектура дигитальные искусства, информационные технологии в архитектуре

A.R. Bochkareva

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts
Krasnyj prospekt, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
alishkart@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3899-930X>

Scientific adviser: E.N. Likhachev, Ph.D. arch. sciences, associate professor

Synthesis of the arts in the architecture of media objects

Abstract

The result of the synthesis of various types of arts in architecture is the emergence of a new image of a building or ensemble — a complex of buildings. The analysis showed that this process follows the trends of the socio-cultural reality of the current historical period. It was found that in the 20–21st centuries. The synthesis of the arts acquired new social functions, including the ideological and artistic influence on society. The active development of information technology has launched the process of integrating digital art into all spheres of human life. In the urban space, these processes are reflected in the architecture of a number of media objects, which are architectural objects or spatial elements of the information field in which communication exchange processes take place at various levels. Thus, the relevance of this work is due to the fact that art is synthesized in architecture using a variety of techniques and approaches that evolve in parallel with the development of IT and society as a whole. This study considers a number of tools for the synthesis of arts (including digital ones) in the architecture of media objects and their prototypes of the period of scientific and technological progress of the 20–21st centuries.

Keywords: synthesis of arts, media object, architecture digital arts, information technologies in architecture

Введение. *Синтез искусств в архитектуре* — это единство различных типов искусства и архитектуры, в результате которого формируется новое свойство среды, характеризующееся органической взаимосвязанностью и целостностью архитектурно-художественного ансамбля. При этом, данный процесс не следует рассматривать исключительно как сумму искусств, объединенных в структуре комплекса, так как его подлинное формирование заключается в эстетическом качестве, возникающем при художественном взаимодействии его компонентов [Чимаев, Лапунова, 2019, с. 181–184]. В данном процессе архитектура занимает ключевую позицию, так как она выполняет роль основы, которая, в конечном счете, определяет общие композиционные параметры объекта, его масштаб, стилистику и другие характеристики.

Архитектурные решения общественных учреждений, связанных с культурой, просвещением и образованием, на протяжении своего исторического развития стремились к выражению идейно-художественных принципов и идей, которые были свойственны той эпохе, в которой они формировались. Например, в зданиях античных библиотек синтез искусств проявлялся в интеграции элементов скульптуры и монументального искусства в архитектуру храмовых сооружений. В эпоху средневековья функцию культурных центров и книгохранилищ выполняли монастыри и церкви. Их архитектурное решение также включало в себя применение скульптурного декора, фресок и т.п.

В современном мире, где ведущее значение приобрели информационные ресурсы, роль культурно-информационных центров стали выполнять *медиа-объекты*. *Медиа-объекты* в архитектуре представляют собой учреждения или пространства, решающие задачи по обеспечению функционирования процессов коммуникации и информационного обмена в различных формах. Можно сделать вывод, что архитектура медиа-объектов отражает параметры актуальной социокультурной и технологической парадигмы.

Особый интерес для данной работы представляет анализ вопросов, связанных с синтезом искусств в архитектуре медиа-объектов и их прототипов, формировавшихся в период научно-технического прогресса и электронной эпохи в XX–XXI вв. Это связано с тем, что архитектура складывающихся медиа-объектов в первой половине XX в. приобрела важное идейно-художественное значение для социума, а дальнейшая технологическая революция породила возникновение новых форм информационных носителей и средств дигитального искусства, которые спровоцировали возникновение новых подходов и инструментов синтеза цифровых искусств в архитектуре.

Полученные результаты и их обсуждение. В первой половине XX в. происходил процесс сложения медиа-объектов. В данный период синтез, как правило, проявлялся в форме интеграции различных искусств в архитектуру в виде деталей и элементов. Примером синтеза искусств в советской архитектуре складывающихся медиа-объектов первой половины XX в. служат павильоны и сооружения ВСХВ (ВДНХ). Архитекторам комплекса была поставлена задача организации ансамбля с использованием различных пластических видов искусств, при этом, художественный облик сооружений должен был отражать особенности и традиции культуры различных народов СССР. Выставка была посвящена положительным достижениям в сельскохозяйственной отрасли, поэтому сельскохозяйственная тематика явно прослеживалась и в деталях архитектурных сооружений. Лепнина в виде овощных культур, листьев и прочей растительности использовалась в форме декоративных элементов фасадов [Балашов и др., 2020, с. 684–687]. Так же для оформления павильонов использовались фрески, витражи, сюжетные барельефы, а их цветовое и стилистическое решение отражало народные культурные традиции (Ил.1).

Ил. 1. Примеры синтеза искусств в архитектуре павильонов ВДНХ (ВСХВ). Фото автора.

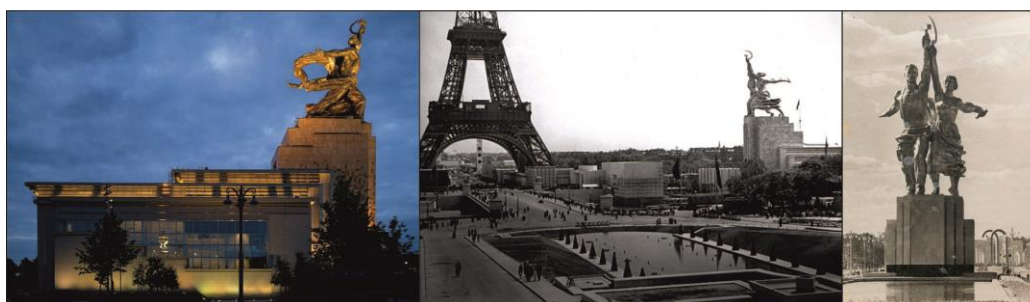
Fg. 1. Examples of the synthesis of arts in the architecture of the pavilions of VDNKh (VSHV). Author's photo.

Динамичный образ павильона СССР на Всемирной выставке в Париже в 1937 году является еще одним примером синтеза искусств и архитектуры. В комплексе павильона объединился ступенчатый объем сооружения и монументальная стальная скульптура «Рабочий и колхозница» (Ил.2). Павильон имел важное символическое значение для социума и вошел в историю как объект, отражающий в своей динамичной форме стремительный рост достижений государства. Автор скульптуры В. Мухина стремилась отобразить образ человека сводной мысли и свободного труда, но при этом, она подчеркивала важность синтеза скульптуры как предмета искусства с конструктивом и архитектурной конструкцией сооружения [Молокова, 2013, с. 35–41].

Итак, мы рассмотрели два примера формирующихся медиа-объектов первой половины XX века, в которых синтез искусств и архитектуры решается в «классическом» формате. Он характеризуется интеграцией объектов различных типов искусств в объем сооружения в виде элементов и деталей. Данный процесс соответствует традиционному пониманию синтеза, которое заключается в идее того, что специалист формирует

объем здания, а затем насыщает его деталями, придавая сооружению эмоционально-художественную окраску.

Ряд исследователей отмечает, что в прошлом веке сначала произошел «взлет» монументального искусства, которое выполняло важные социальные функции — агитационную, просветительскую и дидактическую, транслируя советскую идеологию через синтез архитектуры и искусства. В 1960–1970-х в отечественной практике монументально-декоративного искусства происходило переосмысление традиций, которые совмещались с новаторством. Происходила стагнация спроса на монументальность. Обновленные подходы к организации пространства базировались на эмоциональном насыщении среды, а в формировании визуальных характеристик среды использовались монументально-декоративные средства [Пойдина, Бортников, 2011, с. 284–287]. Так, во второй половине XX века наметилась тенденция к объединению искусства и архитектуры в едином комплексе. Процесс синтеза «поглотил» объем сооружения целиком, трансформировал здание в арт-объект, и стер грань между искусством и архитектурой.

Ил. 2. Павильон СССР на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.

Fig. 2. USSR pavilion at the World Exhibition in Paris in 1937.

Павильоны выставок ЭКСПО периода культурного обмена служат примером того, как архитектура складывающихся медиа-объектов становится неотделимой от искусства. Например, на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году был представлен бельгийский павильон «Атомиум», спроектированный архитектором Андре Ватеркейном (Ил.3). Объем сооружения был выполнен в виде увеличенной в 165 млрд раз кристаллической решетки железа. Образ павильона

служит символом «атомной эпохи» и мирного применения атомной энергии. Здание представляет собой сложный объем высотой 102м, составленный из девяти сфер-«атомов» диаметром 18м, соединенных между собой [Лесовик, 2013, с. 131-136]. Павильон «Атомиум» является примером использования приема архитектурной метафоры, которая выражается в ассоциативной передаче какого-либо образа без прямого копирования его геометрии.

Ил. 3. Бельгийский павильон «Атомиум» на Всемирной выставке в 1958 г.

Fig. 3. Belgian pavilion "Atomium" at the World Exhibition in 1958.

Визуальное слияние скульптурных форм монументального искусства и архитектуры проявляется в пластичности объемов ряда современных медиа-объектов (Ил.4). В данных примерах архитектор как бы является в одном лице и художником, и скульптором, и проектировщиком, выстраивая динамичную форму здания, которая вызывает визуально-эмоциональный отклик у зрителя. Этот прием особенно характерен для медиа-объектов, спроектированных в современных стилистиках, таких как: бионика, деконструктивизм, хайтек и т.д. Во многом данный способ проектирования стал возможен благодаря возникновению *дигитальной архитектуры*. Дигитальная (цифровая) архитектура зародилась сравнительно недавно, в конце XX века. Ее особенностью служит применение передовых технологических достижений в процессе проектирования (компьютерного моделирования)

архитектурных решений зданий [Медведева, 2015, с. 18-23]. Дигитальное проектирование может включать в себя такие технологии, как BIM, VR/AR (технологии виртуальной и дополненной реальности).

Под воздействием развития информационных технологий на рубеже XX–XXI вв. стала активно формироваться медиакультура. Эволюция информационных носителей и компьютеризация спровоцировали развитие цифровых искусств — новых направлений медиаискусства основанных на дигитальных способах создания и восприятия. Цифровые искусства, интегрируясь в архитектуру *медиа-объектов*, запустили формирование новых форм синтеза, для реализации которого применяются высокотехнологичные инструменты и передовые приемы.

Ил. 4. Визуальное слияние монументальной скульптуры и архитектуры в современных медиа-объектах на примере Музея Гейдара Алиева и Международного центра культуры и искусства Чанша Мэйсиху.

Fg. 4. Visual fusion of monumental sculpture and architecture in modern media objects on the example of the Heydar Aliyev Museum and the Changsha Meixihu International Center for Culture and Art.

Использование *медиафасадов* является одним из популярных на сегодняшний день способов коммуникации с пользователем медиа-объекта (Ил.5). В конструктивном плане медиафасады представляют собой встроенные светодиодные элементы в плоскость внешней оболочки здания. Элементы, которые образуют плоскость медиафасада могут иметь различную геометрическую форму и габариты. Достаточно распространенным вариантом является интеграция светодиодных панелей в плоскость фасада. В качестве

примера можно привести корейский киноцентр, находящийся в городе Пусан. Уникальность сооружения в том, что здание имеет значительный по габаритам вынос консольной кровли – 85 метров, который покрыт светодиодными панелями, составляющими плоскость фасада. Панели, работая сообща, выполняют роль «холста» для специалистов, создающих работы в сфере медиаискусства посредством видео-арта [Михайлина, 2018, с. 312–315].

Ил. 5. Медиафасад на примере корейского киноцентра в г. Пусан и музея современного искусства в г. Грац.

Fg. 5. Media facade on the example of the Korean cinema center in Busan and the Museum of Contemporary Art in Graz.

В первом десятилетии XXI века идея того, что здание медиа-объекта должно иметь оболочку, которая передает сообщения, была актуализирована и растрогана. Ряд авторов отмечает, что одним из наиболее значимых архитектурных объектов подобного плана является австрийский музей современного искусства Кунстхаус в городе Грац, открытый в 2003 году. Здание имеет биоморфную форму, облицованную пластиковыми светопрозрачными панелями, под которыми располагается интерактивный медиафасад «BIX Light and Media Facade». Он составлен из округлых флуоресцентных колец-трубок и является примером медиафасада, который может управляться при помощи искусственного интеллекта. Тематика проекции черпается из окружающей среды. Благодаря тому, что лампы скрыты, днем их не видно, а ночью на фасаде здания через прозрачные панели проявляется световая экспозиция. Здание облицовано светодиодами во всех направлениях, благодаря чему оно служит примером того, что медиаархитектура XXI века стремится отойти от 2D изображений в виде простых экранов, встроенных в фасад, в пользу трехмерных инсталляций [Птичникова, 2020, с. 88–94].

Еще одним способом синтеза визуальных искусств и архитектуры медиа-объектов служит *видеомэппинг*, представляющий собой технику трехмерного проецирования изображения на плоскость фасада с учетом ее геометрии. Особенностью данного инструмента является то, что для создания проекций формируется трехмерная модель объекта, на который будет проецироваться изображение [Ефименко, Лешевич, 2017, с. 400–406].

Выводы. Синтез искусств в архитектуре может проявляться в разной степени и при помощи различных инструментов, но общую идейную направленность, масштабность, стилистику и технику определяет архитектурный объем. Архитектура приобретает целостность, выстраиваясь по пути многогранного синтеза своего художественного образа, функционально-планировочной и объемно-пространственной структуры, параметров и стилистики. Если изначально синтез был представлен путем интеграции скульптурных произведений, изобразительных и монументальных искусств в архитектуру в виде элементов и деталей, то по пути увеличения идейно-художественного влияния на общество, стала стираться грань между архитектурой и искусством, искусство интегрировалось в объем здания целиком и полностью, трансформировав его в арт-объект. «С развитием человеческой цивилизации изменяются смыслы и суть творческого послания. За основу принимаются глобальные мировые проблемы: вопросы экологии, гуманизма и т.д.» [Истомина, 2020, с. 37–42]. Так, архитектура ряда медиа-объектов

обрела новую функцию — отражение идей, мыслей, концепций, для трансляции которых стала активнее использоваться наружная оболочка здания. Также было установлено, что на возможность проектирования пластичных форм медиа-объектов XXI в. оказали весомое влияние ИТ, включающие в себя BIM, VR/AR (технологии виртуальной и дополненной реальности). В работе были рассмотрены такие инструменты интеграции цифрового искусства в архитектуру медиа-объектов, как медиафасады, видеомэппинг.

Список литературы

1. Балашов И.В., Чубаров С.Г., Краева А.А. Синтез искусств в архитектуре на примерах выставочных павильонов ВДНХ 1954 года. // Образ родины: содержание, формирование, актуализация: материалы IV международной научной конференции. Москва: Учреждение высшего образования «Московский художественно-промышленный институт», 2020. С. 684–687.
2. Ефименко С.М., Лешевич В.В. К вопросу об особенностях применения технологии «видеомэппинг». // Проблемы качества графической подготовки студентов в техническом вузе: традиции и инновации. 2017. Т.1. С. 400–406.
3. Истомина В.Н. Новые тенденции монументального искусства в архитектурной среде. // Актуальные проблемы монументального искусства: сборник научных трудов. Кафедра монументального искусства Института дизайна и искусств СПбГУПТД. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2020. С. 37–42.
4. Лесовик В.С. Архитектурная геоника. Взгляд в будущее. // Вестник Волгогр. гос. архит.-строит. унта. Сер.: Стр.-во и архит. 2013. Вып. 31 (50). Ч. 1: Города России. Проблемы проектирования и реализации. С. 131–136.
5. Медведева М.С. Дигитальная архитектура. // Перспективы развития строительного комплекса. 2015. № 1. С. 18–23.
6. Михайлина П.И., Потенко Н.Д., Жданова И.В. Современные тенденции в проектировании культурных центров. Медиафасады // Молодежь и XXI Век. 2018. Материалы VIII Международной молодежной научной конференции: в 5 томах. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2018. С. 312–315.
7. Молокова Т.А. Скульптура В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница»: строительные аспекты создания и реконструкции. // Вестник МГСУ. 2013. № 6. С. 35–41.
8. Пойдина Т.В., Бортников С.Д. Монументально-декоративное искусство в контексте трансформации его функций // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2 (27). С. 284–287.

9. Птичникова Г.А. Перспективные тенденции развития медиаархитектуры. // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования российской академии архитектуры и строительных наук по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли российской федерации в 2019 году. Сборник научных трудов РААСН. Российская академия архитектуры и строительных наук. Москва: Издательство АСВ, 2020. С. 88–94.

10. Чимаев А.Х., Лапунова К.А. Роль синтеза искусств в архитектуре и строительстве // Научный альманах. 2019. № 2-2 (52). С. 181–184.

References

1. Balashov I.V., Chubarov S.G., Kravaya A.A. Sintez iskusstv v arkhitekture na primerakh vystavochnykh pavil'onov VDNKH 1954 goda. In: Obraz rodiny: soderzhaniye, formirovaniye, aktualizatsiya: materialy IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. [Synthesis of arts in architecture on the examples of exhibition pavilions of VDNKH in 1954. In: The image of the motherland: content, formation, actualization: materials of the IV international scientific conference]. Moscow: Moscow Institute of Art and Industry, 2020. Pp. 684–687.

2. Yefimenko S.M., Leshevich V.V. K voprosu ob osobennostyakh primeneniya tekhnologii "videomapping". In: Problemy kachestva graficheskoy podgotovki studentov v tekhnicheskoy vuzе: traditsii i innovatsii. [To the question about the features of the application of the "video mapping" technology. In: Problems of the quality of graphic training of students in a technical university: traditions and innovations]. 2017. V.1. Pp. 400–406.

3. Istomina V.N. Novyye tendentsii monumental'nogo iskusstva v arkhitekturnoy srede. In: Aktual'nyye problemy monumental'nogo iskusstva: sbornik nauchnykh trudov. Kafedra monumental'nogo iskusstva Instituta dizayna i iskusstv SPbGUPTD. [New trends of monumental art in the architectural environment. In: Actual problems of monumental art: a collection of scientific papers. Department of Monumental Art of the Institute of Design and Arts of St. Petersburg State University of Applied Arts]. Sankt-Peterburg, 2020. Pp. 37–42.

4. Lesovik V.S. Arkhitekturnaya geonika. Vzgl'yad v budushcheye. In: Vestnik Volgogr. gos. arkh.-stroit. unta. Str.-vo i arkh.-stroit. [Architectural geonics. A look into the future. In: Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Construction and

architecture]. 2013. Issue 31 (50). Part. 1: Goroda Rossii. Problemy proyektirovaniya i realizatsii. Pp. 131–136.

5. Medvedeva M.S. Digital'naya arkhitektura. In: Perspektivy razvitiya stroitel'nogo kompleksa. [Digital architecture. In: Prospects for the development of the construction complex]. 2015. No. 1. Pp. 18–23.

6. Mikhaylina P.I., Potiyenko N.D., Zhdanova I.V. Sovremennyye tendentsii v proyektirovanii kul'turnykh tsentrov. Mediafasady. In: Molodezh' i XXI Vek. 2018. Materialy VIII Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii: v 5 tomakh. [Modern trends in the design of cultural centers. Media facades. In: Youth and XXI Century. 2018. Proceedings of the VIII International Youth Scientific Conference: in 5 volumes]. Kursk: Zakrytoye aktsionernoye obshchestvo "Universitetskaya kniga", 2018. Pp. 312–315.

7. Molokova T.A. Skulptura V.I. Mukhi-noy "Rabochiy i kolkhoznitsa": stroitel'nyye aspekty sozdaniya i rekonstruktsii. [Mukhina "Worker and Kolkhoz Woman": construction aspects of creation and reconstruction]. In: Vestnik MGSU. 2013. No. 6. Pp. 35–41.

8. Poydina T.V., Bortnikov S.D. Monumetal'no-dekorativnoye iskusstvo v kontekste transformatsii yego funktsiy. [Monumental and decorative art in the context of the transformation of its functions]. In: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2011. No. 2 (27). Pp. 284–287.

9. Ptichnikova G.A. Perspektivnyye tendentsii razvitiya mediaarkhitektury. In: Fundamental'nyye, poiskovyye i prikladnyye issledovaniya rossiyskoy akademii arkhitektury i stroitel'nykh nauk po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noy otrasli rossiyskoy federatsii v 2019 godu. Sbornik nauchnykh trudov RAASN. Rossiyskaya akademiya arkhitektury i stroitel'nykh nauk. [Perspective trends in the development of media architecture. In: Fundamental, search and applied research of the Russian Academy of Architecture and Building Sciences on scientific support for the development of architecture, urban planning and the construction industry of the Russian Federation in 2019. Collection of scientific papers RAASN. Russian Academy of Architecture and Building Sciences]. Moscow: Izdatel'stvo ASV, 2020. Pp. 88–94.

10. Chimayev A.KH., Lapunova K.A. Rol' sinteza iskusstv v arkhitekture i stroitel'stve. [The role of the synthesis of arts in architecture and construction]. In: Nauchnyy al'manakh. 2019. No. 2–2 (52). Pp. 181–184.

Материал передан в редакцию 27.05.2022

Г.Я. Рагино

Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств им. А.Д.Крячкова
Красный проспект, 38, г. Новосибирск, Россия, 630099
g.ragino@nsuada.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0828-5277>

Кризис-менеджмент на объектах культурного наследия (на примере кинотеатра Металлист)

Аннотация

Рассматривается проблема актуализации объектов культурного наследия (в частности, архитектурного наследия) через призму кризисного управления. В качестве объекта для изучения выбран кинотеатр Металлист новосибирского левобережного соцгорода, рассмотрены основные этапы жизненного цикла объекта и предпосылки к возн

икновению кризисной ситуации. Предложен ряд возможных сценариев дальнейшего существования объекта и возможности его актуализации. Приведены примеры качественной актуализации разрушающихся объектов культурного наследия как результат кризис-менеджмента на объектах.

Ключевые слова: архитектурное наследие, актуализация архитектурного наследия, концепции приспособления объектов культурного наследия, соцгород, кинотеатр Металлист

G.Ya. Ragino

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Krasny Avenue, 38, Novosibirsk, Russia, 630099
g.ragino@nsuada.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8856-7495>

Crisis-management at cultural heritage objects (cinema "Metallist" case)

Abstract

The problem of actualization of cultural heritage objects (in particular, architectural heritage) through the prism of crisis management is considered. The Metallist cinema of the Novosibirsk left-bank social city was chosen as an object for study, the main stages of the object's life cycle and the prerequisites for the emergence of a crisis situation were considered. A number of possible scenarios for the further existence of the object and the possibility of its actualization are proposed. Examples of qualitative actualization of collapsing cultural heritage objects as a result of crisis management at the facilities are given.

Keywords: architectural heritage, actualization of architectural heritage, concepts of cultural heritage objects adaptation, social city, cinema "Metallist"

Введение. Сохранение и актуализация объектов культурного наследия сложный процесс, имеющий широкий спектр интересов: и граждан, кому согласно конституции РФ положен беспрепятственный доступ к ОКН, и субъектов, имеющих некоторый коммерческий интерес, и представителей профессионального сообщества, небезразличных к архитектурному наследию. В связи с обременениями, вызываемыми статусом ОКН, с одной стороны и высокой ценностью участков, занимаемых ОКН (ввиду их градостроительного положения в том числе), с другой стороны высока конфликтная составляющая процесса актуализации памятников,

что в результате неизбежно приводит к кризисам. Гипотеза исследования заключается в том, что такой кризис открывает новые возможности для оценки возможностей дальнейшего существования объекта в том или ином качестве.

Объект — процесс актуализации ОКН.

Предмет — кризис-менеджмент процесса актуализации ОКН.

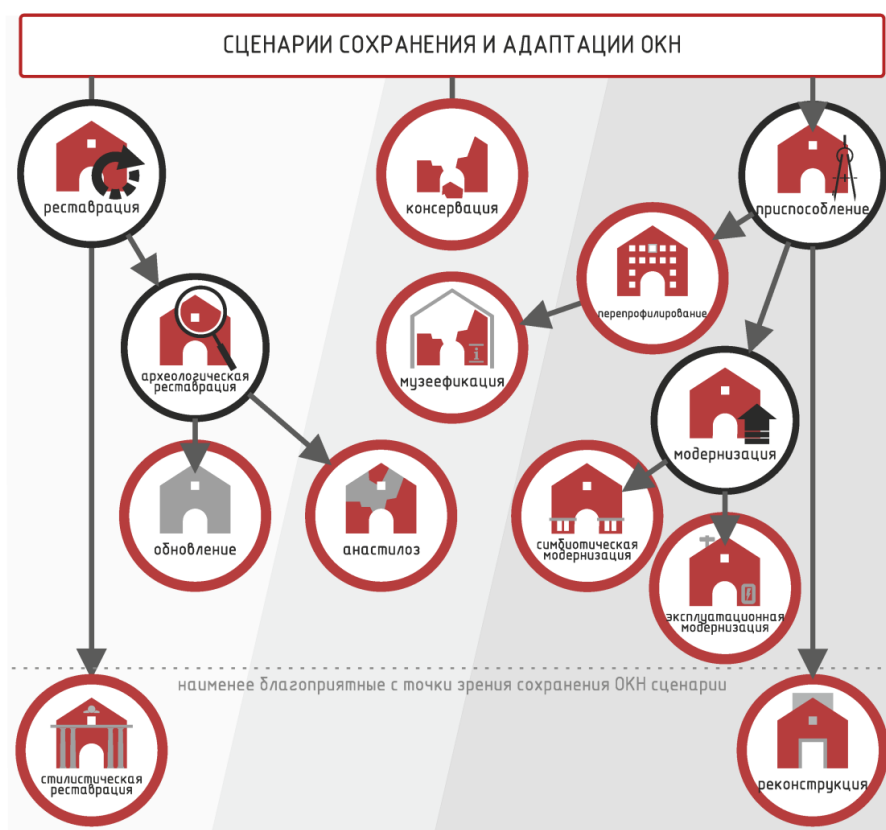
Полученные результаты их обсуждение. Современное слово «кризис» происходит от латинского crisis, означающего решающую ситуацию или поворотный момент. В медицине термин «кризис» до сих пор сохранил указан-

ную смысловую нагрузку и обозначает резкое ухудшение состояния больного, за которым может последовать выход из болезни или смерть. В свою очередь crisis произошло от древнегреческого κρίσις (кризис), что означает, решение или выбор и имеет этимологическое происхождение от глагола κρίνω (крино) — решать, который использовался в античной судебной практике для обозначения действий судебного процесса, в том числе для вынесения приговора. Позже, существительное κρίσις получило дополнительные значения, такие как исход (битвы), спор, состязание и даже толкование (сна), но никаким негативным значением не наделялось. Именно поворотный момент (turningpoint) в значении слова «кризис» указывает на возможность изменения ситуации

путем принятия решений, способствующих смене вектора развития событий с разрушения на восстановление и дальнейшее развитие [Гусенко, 2020]. Из вышесказанного вытекает и общее определение термина «кризис-менеджмент»:

Кризис-менеджмент — процесс спасения системы от разрушающих ее воздействий в момент резкого изменения ситуации.

В рамках кризис-менеджмента процесса актуализации ОКН важно оценить возможности, открывающиеся в результате кризиса, и определить вектор (либо векторы) возможного дальнейшего развития ситуации. Для оценки обратимся к схеме «Сценарии сохранения и адаптации ОКН» (Ил. 1).

Ил. 1. Сценарии сохранения и адаптации ОКН. Иллюстрация автора.

Fig.1. Scenarios for the conservation and adaptation of OCN. Author's illustration.

Сценарии сгруппированы по ценностным приоритетам. В группе реставрационных работ ценностью объявляется стилистическая цельность объекта и его эстетические характеристики. В группе сценариев приспособления ОКН на первое место выходит роль памятника в жизни общества, его интегрированность и актуальность [Рагино, 2019].

Актуализация архитектурного наследия — интеграция архитектурного наследия (в т.ч. ОКН) в современную городскую среду, посредством сохранения, адаптации, перепрофилирования и переориентирования объектов на социокультурную жизнь города и

его сообщества, путём различных преобразований, обуславливающих максимальный социально-экономический и социально-культурный эффект.

Приспособление к современному использованию — «научно-исследовательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях создания условий для современного использования объекта культурного наследия, включая реставрацию представляющих собой историко-культурную ценность элементов объекта культурного наследия» [Федеральный закон «Об объектах...», с. 44] и возможные пути актуализации объекта

культурного наследия в сложившихся на момент приспособления условиях.

В рамках своего жизненного цикла, ОКН неизбежно претерпевает ряд изменений, не всегда вступающих в конфликт с его ценностными характеристиками, но так или иначе воздействующих на них. Рассмотрим ретроспективно жизненный цикл ОКН на примере кинотеатра Металлист новосибирского левобережного соцгорода и его собратьев, от момента возникновения типового проекта и до наших дней.

В конце 1920-х–начале 1930-х годов, когда искусство звукового кинематографа приобрело среди населения Советского Союза исключительную популярность как массовый, доступный вид искусства и досуга (при этом идеологически направляемый руководством страны), Моспроектом был разработан типовой проект звукового кинотеатра. По

данному проекту было построено как минимум четыре здания в различных городах Советского Союза (Ил. 2):

- кинотеатр «Победа» (г. Люберцы, Московская область, открыт в 1931г., с 1957г. носил название «Планета», уничтожен пожаром в 1978 г.);
- кинотеатр «Авангард» (г. Березники, Пермский край, открыт в 1932г.);
- кинотеатр «Металлист» (г. Новосибирск, открыт 22/10/1932 г.);
- кинотеатр «Коммунар» (г. Новокузнецк, 1933 г.).

В городе Березники и в Новокузнецке здание кинотеатра было признано объектом культурного наследия (местного значения) [Научно-проектная документация...]. В 2018 г. охранный статус получил и кинотеатр Металлист в Новосибирске. Основные этапы жизненного цикла объекта обозначены на схеме (Ил. 3).

Ил. 2. Особенности жизненного цикла зданий звуковых кинотеатров в регионах. Иллюстрация автора.
Fg 2. Features of the life cycle of sound cinema buildings in the regions. Author's illustration

Ил. 3. Основные этапы жизненного цикла кинотеатра Металлист. Иллюстрация автора.
Fg 3. The main stages of the life cycle of the Metalist cinema. Author's illustration.

В 1957 году новосибирский кинотеатр был переоборудован под широкий экран, установлена новая современная аппаратура. При этом вместимость зала уменьшилась до 1000 мест. Город получил обновленный широкоэкранный кинотеатр со стереофоническим звуком. Согласно справочнику по Новосибирску 1960 года, в башенной части здания кинотеатра на втором этаже располагался Кировский радиоузел. В 1990-е гг., в связи с изменившейся социально-экономической ситуацией в стране, здание кинотеатра передано из государственной в муниципальную собственность. В 1995 году здание кинотеатра перешло в собственность ТОО «Кинотеатр «Металлист». Кинотеатр работал до 1995 года. Киносеансы переносились в малый зал на 90 мест, организованный в башенной части здания. Кино (видео) показ проводился в здании до 2005 года.

Здание кинотеатра более 10 лет не используется под первоначальные функции кинотеатра и не эксплуатируется с августа 2018 года. В 1997 году — работы по восстановлению исторического облика фасадов. С 2005 не функционирует как кинотеатр, проводится преимущественно клубная деятельность [Кинотеатр «Металлист»].

Из всех кинотеатров, построенных по типовому проекту, Металлист сохранил облик, наиболее близкий к оригиналу (не в последнюю очередь благодаря работам на объекте по восстановлению исторического вида, 1997 год). Однако это не обезопасило здание от уничтожения.

Снос кинотеатра начался утром 2 августа. Хотя накануне, 1 августа, был опубликован приказ № 92 о включении Металлиста в перечень выявленных объектов культурного наследия. В результате начавшегося сноса разрушены второй этаж, стена и кровля в северо-восточной части большого зала. Собственник здания объявил арендаторам о готовящемся

сносе здания, признанного аварийным, планируя будущую многоэтажную застройку. Прецедент привел к судебным разбирательствам, но в итоге в 2019 году было принято решение о консервации объекта и о необходимости до 2024 года принятия решений по проектированию и проведению реставрационных работ на оставшейся части [Пичугина, Решение..., 2021].

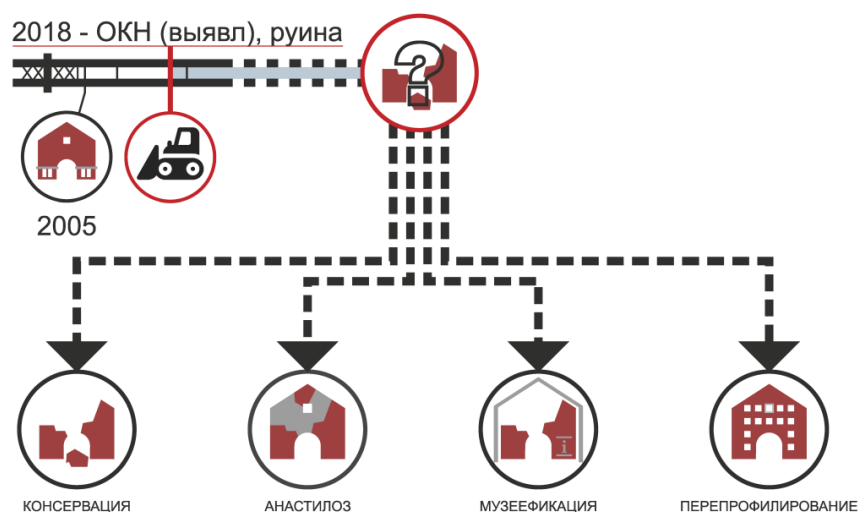
В результате начавшегося сноса сформирован кризис, поворотный момент, благодаря чему перед объектом открывается несколько возможностей [Рагино, 2019]:

1. Консервация — архитектор-археолог; сохранение подлинного исторического материала в его текущем состоянии; потенциал интеграции низкий, с динамикой на увеличение. Виды работ: консервация, археологическое обследование, частичная расчистка ОКН.

2. Анастилоз — архитектор-реконструктор; сохранение подлинного исторического материала в ходе воссоздания ОКН; потенциал интеграции ниже средней, динамика на увеличение (в перспект.). Виды работ: те же, что при консервации, а также частичное воссоздание элементов и объекта в целом.

3. Музеефикация — архитектор-документалист; просветительская миссия ОКН; потенциал интеграции высокий, степень интеграции возрастает. Виды работ: те же, что при анастилозе, а также монтаж новых элементов и систем, необходимых для экспонирования.

4. Перепрофилирование — архитектор-сценарист; утилитарная ценность ОКН; потенциал интеграции выше среднего, степень интеграции возрастает. Виды работ: комплексная реорганизация ОКН и его систем, обеспечивающая функционирование в новом качестве (Ил.4).

Ил. 4. Возможные сценарии актуализации кинотеатра Металлист. Иллюстрация автора.

Fig 4. Possible scenarios for updating the Metalist cinema. Author's illustration.

При этом важно упомянуть, что консервация может выступать и как самостоятельный сценарий адаптации ОКН, и как переходный этап к адаптационным процессам, в результате которых объект должен обрести новую жизнь. Консервацию памятника архитектуры желательно проводить так, чтобы не искажать облик здания. Исключение можно сделать для временных конструкций, поддерживающих стены от обрушения или сохраняющие уникальную отделку от деформации. В иных случаях лучше укреплять здание с помощью скрытых конструкций [Петров. Консервация... 2020].

Законсервированный объект получает дополнительное время для принятия дальнейших решений по его адаптации, для разработки научно-проектной документации и стратегии приспособления и актуализации. В рамках кризис-менеджмента после консервации объекта возможно применение инструментария реализации временных проектов, как вариантов апробации различных функций и сценариев на объекте. Практика применения временных проектов применяется на территории РФ с 2000-х, однако какой-либо формализации эта практика не получила. В качестве примеров успешного внедрения практики временных проектов на исторических зданиях (в том числе руинированных) стоит упомянуть флигель Руина музея архитектуры им. А.В. Щусева в Москве [«Руина» в МУАР] и культурное пространство Третье место в Санкт-Петербурге [Third Place].

Не останавливаясь детально на разборе этих объектов, следует отметить, что приведенные примеры на деле показывают, как временные проекты позволяют переосмыслить объект и пространство вокруг него, провести апробацию сценариев адаптации под ту или иную функцию, а собственнику - примерить бизнес-план. В случае с Руиной экспериментальная площадка из заброшенного объекта превратилась в полноценную экспозиционную площадку, сохранившую при этом дух места. Насчет третьего места сегодня сложно делать выводы — объект был запущен относительно недавно. Однако даже в состоянии временного проекта уже могут быть спрогнозированы запросы потенциальных пользователей и ключевые проблемные точки.

Выводы. Современные сложившиеся практики работы с архитектурным наследием не всегда можно оперативно применить на объектах, в частности из-за возникновения кризисных ситуаций. Неважно чем спровоцирован кризис — нехваткой финансирования, неожиданной сменой владельца или просто физическим износом здания, для каждого конкретного случая можно подобрать наиболее подходящую стратегию в ходе кризис-менеджмента процесса актуализации объек-

та культурного наследия, в том числе с применением инструментария практики временных проектов. Существуют реальные примеры, когда именно такой подход позволил выявить оптимальную стратегию актуализации ОКН. Кинотеатр Металлист сегодня находится именно в таком состоянии, когда уместно было бы запустить временный проект на законсервированном объекте для формирования осознанного видения дальнейшего сценария адаптации еще не утраченного памятника конструктивизма.

Благодарности. Работа выполнена в рамках воркшопа PRO Конструктивизм.

Список литературы

1. Гусенко А. Кризис-менеджмент и менеджмент в кризис. В чем разница? // Хабр. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://habr.com/ru/post/503180/> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Рагино Г.Я. Концепции приспособления памятников архитектуры к современному использованию (в условиях Новосибирска): ВКР, академическая магистратура: 07.04.01. НГУАДИ, Новосибирск, 2019. 60 с.
3. Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ.
4. Научно-проектная документация по проекту реставрации и приспособления объекта культурного наследия регионального значения «Кинотеатр Коммунар» по адресу Кемеровская область, г. Новокузнецк, проспект Metallургов, 18 (шифр 06-2016-ПР), выполненная ООО «АМТ».
5. Кинотеатр «Металлист» (ул. Римского-Корсакова, 1/1) // Музей Новосибирска. [Электронный ресурс] URL: <https://mnsk.ru/portfolio-item/kinoteatr-metallist> (дата обращения: 15.03.2022).
6. Пичугина Е. Решение о судьбе кинотеатра «Металлист» примут до 2024 года // НГС — новости Новосибирска. 2021. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2021/10/28/70221548/> (дата обращения: 19.03.2022).
7. Петров А. Консервация памятников культуры // Энтазис. 2020. [Электронный ресурс] URL: <http://licenziya-minkult.ru/konservatsiya-pamyatnikov-kultury/> (дата обращения: 22.03.2022).
8. «Руина» в МУАР: «Тут всё должно остаться так же, но не падать» // StrelkaMag. [Электронный ресурс] URL: <https://strelka-mag.com/ru/article/ruin-ru> (дата обращения: 25.03.2022).
9. Third Place [Электронный ресурс] URL: <https://third.place/> (дата обращения: 25.03.2022).

References

1. Gusenko A. Krizis-menedzhment i menedzhment v krizis. V chem raznitsa? [Crisis management and management in crisis. What is the difference?] 2020. URL: <https://habr.com/ru/post/503180/> (accessed 03.15.2022).
2. Ragino G.Ya. Kontseptsii prispособleniya pamyatnikov arkhitektury k sovremennomu ispol'zovaniyu (v usloviyakh Novosibirska): VKR, akademicheskaya magistratura: 07.04.01. [Concepts of adapting architectural monuments to modern use (in the conditions of Novosibirsk): final qualifying work, academic magistracy: 07.04.01]. NSUADA, Novosibirsk, 2019. 60 p.
3. Federal Law "On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" dated June 25, 2002 N 73-FZ.
4. Scientific and design documentation for the project of restoration and adaptation of the object of cultural heritage of regional significance "Kommunar Cinema" at the address of the Kemerovo region, Novokuznetsk, Prospect Metallurgov, 18 (code 06-2016-PR), performed by AMT LLC ".
5. Kinoteatr "Metallist" (ul. Rimskogo-Korsakova, 1/1) [Cinema "Metallist" (Rimsky-Korsakov St., 1/1)]. URL: <https://m-nsk.ru/portfolio-item/kinoteatr-metallist> (accessed 03.15.2022).
6. Pichugina E. Resheniye o sud'be kinoteatra «Metallist» primut do 2024 goda [The decision on the fate of the Metallist cinema will be made until 2024]. 2021. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2021/10/28/70221548/> (accessed 03.19.2022).
7. Petrov A. Konservatsiya pamyatnikov kul'tury [Conservation of cultural monuments] URL: <http://licenziya-minkult.ru/konservatsiya-pamyatnikov-kul'tury/> (accessed 03.22.2022).
8. "Ruina" v MUAR: "Tut vso dolzhno ostat'sya tak zhe, no ne padat" ["Ruin" in MUAR: "Everything should remain the same here, but not fall"]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/ruin-ru> (accessed 03.25.2022).
9. Third Place URL: <https://third.place/> (accessed 03.25.2022).

Список источников

1. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ.
2. Научно-проектная документация по проекту реставрации и приспособления объекта культурного наследия регионального значения «Кинотеатр Коммунар» по адресу Кемеровская область, г. Новокузнецк, проспект Metallургов, 18 (шифр 06-2016-ПР), выполненная ООО «АМТ»

Материал передан в редакцию 01.06.2022

Символ и знак в историко-архитектурном наследии Сибири и сопредельных территорий (культурологический и этнографический аспект)

Symbol and Sign in the Historical and Architectural Heritage of Siberia and Adjacent Territories
(Culturological and Ethnographic Aspect)

DOI: 10.37909/978-5-89170-343-8-2022-1021

УДК: 72.025.5 (479.25)

М.А. Гаспарян

Национальный университет архитектуры и строительства Армении
Ул. Теряна, 105, Ереван, Армения, 0009.
marietta04@rambler.ru, mgasparyanarch@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7569-7285>

Вопросы формообразования и синтеза искусств в современной архитектуре Армении

Аннотация

Пластика в художественной композиции экстерьера здания — характерный атрибут в архитектуре Армении. Ее многозначительность в трактовке фасадов исходит от национальных традиций оформления архитектурного объекта и специфики используемого строительного материала, к чему, в определенные периоды истории, присовокупляются складывающиеся тенденции популярного художественного стиля. В своем развитии синтез искусств в данном контексте, с учетом созданного визуального образа и составляющих элементов, характеризуется оригинальными варьированиями в трактовке. Попытка классификации специфики техники исполнения позволяет выявить собственные приоритеты в базе используемых композиционных средств и деталей, которые, в свою очередь, группируются по признакам: авторские и инновационные, часто ориентированные на национальные традиции; исключительно регионального характера и интернациональные, в том числе, классические. В статье, на базе натурного изучения и литературных источников, сделана попытка проанализировать современные взгляды архитекторов на проблемы синтеза искусств и индивидуальные способы оформления или декоративного убранства экстерьеров архитектурных произведений XX и начала XXI в.

Ключевые слова: архитектура, художественный стиль, синтез, Армения, национальные традиции и инновации

M.A. Gasparyan

National University of Architecture and Construction of Armenia
St. Teryan, 105, Yerevan, Armenia, 0009.
marietta04@rambler.ru, mgasparyanarch@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7569-7285>

Problems of formation and synthesis of art in contemporary architecture of Armenia

Abstract

Plastic art in the architectural composition of the exterior of the building is a characteristic attribute in the architecture of Armenia. Its significance in the interpretation of facades comes from the national traditions of designing an architectural object and the specifics of the building material used, to which, at certain periods of history, the emerging trends of the popular artistic style are added. In its development, the synthesis of arts in this context, taking into account the created visual image and the constituent elements, is characterized by original variations in interpretation. An attempt to classify the specifics of the performance technique allows us to identify own priorities in the database of compositional means and details used, which, in turn, are grouped according to the following criteria: authorial and innovative, often oriented to national traditions; exclusively regional and international, including classical ones. In the article, on the basis of field study and literary sources, an attempt is made to analyze the modern views of architects on the problems of art synthesis and individual ways of designing or decorating the exteriors of architectural works of the 20th and early 21st century.

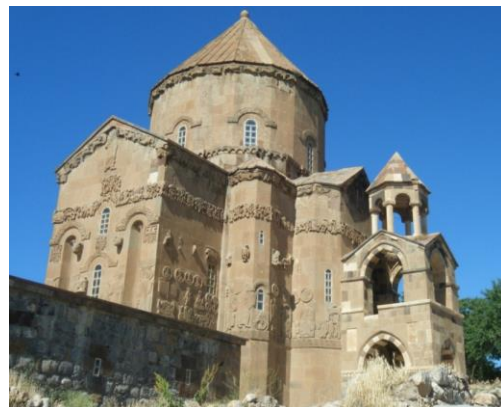
Keywords: architecture, art style, synthesis, Armenia, national traditions and innovations

Введение. Синтез искусств в общепринятом значении, по обыкновению, определяется как «органичное соединение произведений разных искусств или видов искусства в художественное целое, которое эстетически организует материальную и духовную среду бытия человека» [Аполлон, 1997 с. 554]. Единение архитектуры и искусства, элементарно, подразумевает декорацию архитектурного объекта, которая в составе конкретной атрибутики является выражением визуально узнаваемого стиля и, раскрывая, таким образом, стилиобразующие основы произведения, играет такую же авторитетную, концептуальную роль, как и архитектурно-конструктивная сущность самого сооружения. Аналогично, отсутствие художественно-декоративных компонентов вызывает иные духовные эмоции и утверждает альтернативное направление архитектурной мысли, ориентируясь на демонстрацию «чистоты» архитектурного объема и поверхности стены. Сложные объемно-пространственные задачи современной архитектуры неявно вписываются в давно сформулированное понятие синтеза архитектуры и искусства, но, очевидно, это следующая ступень их объединения, поскольку нельзя отрицать, что в новейших объемных трактовках многофункциональных зданий, зрелищных сооружений, мостов и т.д., безусловно, прорывается скульптурность, связывая, таким образом, архитектуру с пластическим искусством.

История архитектуры, как и философия жизни с аполоновским и дионисийским началами, эволюционирует и в своем движении меняет направления и тенденции, в том числе, вбирая в себя совершенно различные национальные традиции народов, которыми обогащается современное искусство. Приблизительно два столетия, XIX и XX вв., архитектура Восточной Армении складывалась параллельно истории архитектуры Европы и России, набрав силу взаимосвязи к концу XIX века и влившись в общий поток стилевой направленности советской архитектуры в XX в. Различные факторы влияния на каждом этапе предопределяли специфику архитектурно-художественных тенденций, но идея декорации, умаляя свои позиции в 1930-х гг. и во второй половине XX в., продолжала свое сосуществование и возрождалась с новыми концепциями мировоззрения. Сегодня актуальным остается вопрос синтеза архитектуры и искусства в современной практике проектирования.

Полученные результаты и их обсуждение. История. Синтез искусств в архитектурной культуре Армении — уникальное явление в контексте выбора приоритетов и развития важного для архитектурного объекта декоративного оформления. С древнейших времен по сегодняшний день в

формировании архитектурно-художественного внешнего и внутреннего образа здания значимое место занимает декорация, по-разному интерпретируемая с точки зрения акцентирования интерьера или экстерьера, того или иного выбора композиционных средств. Все это можно видеть в архитектурном решении зданий в крепости Эребуни на холме Аринберд в Ереване (782 год до н. э.), в фасадах и интерьере церкви Св. Креста на острове Ахтамар (915-921, арх. Мануел, ил. 1) и т.д.

Ил. 1. Мануел. Церковь Святого Креста на острове Ахтамар. 915–921. Снимок Mcdrwal.
Fig. 1. Manuel. Church of the Holy Cross on the island of Akhtamar. 915–921. Photo by Mcdrwal

Тысячелетия истории архитектуры Армении создали неиссякаемый источник национального культурного наследия, которое сохранило жизнеспособность до наших дней. Выдающиеся достижения в аспекте архитектурной композиции, объединившие в единую концепцию конструкцию, объем, архитектурно-художественную гармонию пропорций и составляющих элементов, эстетическое взаимодействие с окружающей средой — знаменует собой средневековые и христианское конфессиональное зодчество того времени. Городское строительство стало планомерно обогащаться декоративным оформлением каменных фасадов зданий со второй половины XIX, когда регулярная планировка городов предопределила периметральную застройку кварталов и актуальной темой стало украшение фасадов, обратившееся к теме усиления ее пластики рельефной обработкой природного камня. Обобщая, можно сказать, что архитектура XIX и начала XX в. демонстрирует собой приоритетную ориентацию к тектоническому украшению плоскостей фасадов, что выявляет склонность как к традиционным способам творческого решения, так и к классической методике художественно-декоративного замысла. В Ар-нуво к этой тенденции добавляются накладываемые на поверхность стены рельефы, стилизованные классические мотивы пальметт, букраний, маскарон и др., а также

тематические сюжеты с человеческими и звериными фигурами, серпантины (ил. 2) и т. д.

Многогранность, разнообразие дизайна зданий исходит не только от особенностей исторического периода и канонов популярного в данное время стиля, но и от национальных традиций оформления архитектурного объекта и специфики используемого строительного материала.

Ил. 2. Доходный дом братьев Африкянов на ул. Теряна в Ереване. Рубеж XIX–XX вв. Снимок автора.

Fg. 2. Afrikyan brother's apartment house on st. Teryan in Yerevan, turn of the 19th–20th centuries. Author's photo.

Синтез искусств в современной архитектуре. Начало преобразованию и развитию нового пластического языка уже в советской архитектуре заложил Александр Таманян. В предшествующий исторический период мотив традиционного орнаментального искусства безусловно присутствовал в формообразующем принципе рельефов на фасадах зданий, но смысл их использования нашел место в органичном переплетении национальных и «модных» форм интернациональной исторической архитектуры. Более того, к архитектурной среде атриума инновационные декорации не доходили. Творческая методика Александра Таманяна заключалась в совершенно ином подходе, в коренном переосмыслении стилеобразующей концепции: в его произведениях угадывалось прошлое психологически, в чем содержалась сакральная идея, поскольку все образы — и архитектурные, и орнаментальные — в визуальном восприятии читались исключительно современными. Именно так воспринимается

обосновывается творчество архитектора. В «Истории советской архитектуры (1917–1954)» об этом красноречиво пишут авторы: «До конца своих дней А. Таманян развивал заветы мастерства, соединяя наследие классической армянской архитектуры XII–XIV вв. с композиционными схемами классицизма <...> Обращаясь к творчеству старых мастеров, он стремился постигнуть логику архитектурного языка, а не просто подражать старой архитектурной форме — сочинял ее самостоятельно, языком традиции выражая новые идеи. Он сознательно сближал материальные условия строительства с теми, в которых работали в прошлые эпохи. Его здания возводятся из камня — материала строителей классических памятников Армении. Форма не изображалась при помощи штукатурки, она вытесывалась из камня рукой народного мастера. <...> А. Таманян добился того, что его произведения несут в себе образ современности, органично связанный с традицией» [История советской...]. Сам архитектор комментировал свое отношение к национальному наследию следующими словами: «Во всех своих работах начиная с 1923 года я пытался использовать культурное наследие прошлых веков. Я стремился найти такие формы, которые соответствовали бы климатическим условиям и характеру природы страны, а также отразили бы народное творчество Армении...» [Мастера советской..., 1975, с. 250].

Искусство Александра Таманяна сыграло выдающуюся роль в формировании армянской архитектуры XX столетия. В данном случае речь идет не о грандиозных произведениях зодчего, которые украсили столицу Армении, но об оставленном творческом, предметном наследии. Его Дом правительства Армянской ССР (1929, 1941, 1952, арх. Александр Таманян, после смерти автора — Геворк Таманян) вообрал в себя все основные мотивы архитектурной трактовки методологического характера, композиционные построения и конкретные архитектурные элементы, которые пополнили архитектурно-художественный арсенал таманянской школы и нашли воплощение в работах последователей Таманяна в течение всего периода социалистического реализма (ил. 3). Среди них нельзя обойти вниманием конструктивно-декоративную структуру пары колонн, объединенных изящной, декорированной кубической капителью, трансформированной из формы раннесредневекового церковного зодчества.

В отличие от таманянской школы, вопрос синтеза искусств во всеобщей советской архитектуре в принципе базируется на идейно-политической парадигме социалистического бытия и прославления коммунистического правления. Поэтому реализм и оптимизм визуального развития искусства находятся на

первом плане и остаются основными характеристиками избираемой образной трактовки, а понятие социалистического реализма в пластическом искусстве наиболее характерное проявление нашло в парадности фасадов, их масштабности, классических композициях симметрии, членения объемов и безусловном присутствии классического ордера, как и в архитектуре всей советской страны.

Ил. 3. Александр Таманян. Дом Правительства в Ереване. 1929, 1941, 1952. Снимок автора.

Fig. 3. Afrikyan Alexander Tamanyan. Government House in Yerevan. 1929, 1941, 1952. Author's photo.

На фоне такого рода архитектурных произведений, продолжает строиться линия-национального культурного мировоззрения, и среди них достойное место занимают скульптурные оформления плоскости фасадов винного завода «Арагат» (1938, арх. Геворг Кочар, Рафаел Израелян, 1961, арх. Рафаел Израелян, ил. 4), где помимо виртуозно нарисованных на фасадах аркад, интересные сюжетные рельефы в теме вина и винограда, лисы и винограда, украшенные виноградом карасы. Оригинальны небольшие одиночные орнаменты, ярким штрихом украшающие обширные поверхности глухих, но живописных базальтовых стен полустойкой тески, которые органично трактуются на фоне природного ландшафта ущелья реки Раздан. Здесь можно говорить о совокупном произведении искусства (Гезамткунстверке), в которое объединились ландшафт, архитектура, декоративное искусство рельефа, литература в виде сюжетных изображений и надписей.

Избранная плеяда армянских архитекторов вправе повторить слова Рафаела Израеляна, сказанные им в ответ на вопрос, где он видел формы нарисованных им

рельефов на фасадах монумента Победы в Ереване, где один только портал вызывает восхищение своим обрамлением 19-ю непохожими по рисунку одна на другую розами. Действительно, подобного рода «<...>» работы не повторяют существующие сооружения, а сделаны в их духе, в той трактовке, которая характерна для армянской национальной концепции архитектуры, присущей ей способности воспринимать новый мотив или элемент, перерабатывать его в своем понимании, по своей трактовке архитектурного организма и создавать национальную в формах архитектуру» [Бабаян, Яралов, 1986, с. 166–167].

Ил. 4. Геворг Кочар, Рафаел Израелян. Винный завод «Арагат» в Ереване. 1938. Рафаел Израелян. 2-ая и 3-я очередь строительства. 1951, 1961. Снимок автора.

Fig. 4. Gevorg Kochar, Rafael Israelyan. Winery "Ararat" in Yerevan. 1938. Rafael Israelian. 2nd and 3rd stage of construction. 1951, 1961. Author's photo.

Это понятие демонстрирует концепцию гармоничной, объединяющей прошедшее и настоящее, традиционное, национальное и инновационное искусство. Идейная база остается актуальной во все времена и составляет приоритет таманянской архитектурной школы, долгое время, характеризую армянское советское зодчество. Гибкость выполненных в аналогичной манере композиций позволила им органично вписаться даже в формы модернизма второй половины XX в.

К последним относится прекрасный образец совокупного произведения искусства — Драматический театр им. Сундукяна в Ереване (1966, Размик Алавердян, Сурен Бурхаджян, Гурген Мнацаканян). Расположенное на территории Английского сада, в сторону которого обращен главный вход, здание объединяет внутреннее пространство со всей внешней средой. Архитектурная идея раскрывает смысл понятия «духовный мир искусства», подтвердив данное в гармонии всех взаимосвязей и составляющих композиции. Подход к театру от ворот сада, с площади Шаумяна, ведет по аллее меж деревьев

и каналов, где по пути встречаются знаковые скульптуры (драматург, герои театральных постановок), а манящей к театру звездой служит яркое, огромное панно «Армения» (худ. Мартирос Сарьян), украшающее освещенное вечером фойе второго этажа. Сам главный портал представляет выразительную прямоугольную раму, олицетворяющую собой обрамление сцены, и украшен рельефной символикой, рассказывающей историю рождения и расцвета армянского национального театра. Вся декорация наложена на лаконичные архитектурные объемы, что усиливает силуэтную выразительность рельефов. Интерьер театра — и главный зал, и фойе на антресолях в зимнем саду, который визуальное продолжается во внешнее пространство — все подчинено идее всеобщей гармонии и творческой духовности на небольшой территории города.

Современная архитектура двух последних десятилетий чрезвычайно разнообразна в контексте стилистики и обращения к художественным средствам выразительности. Каждая творческая мастерская и каждый архитектор имеют свой креативный почерк, собственное видение композиционного построения объекта и его художественно-декоративной трактовки. Исследование определенных тенденций, в отличие от запрограммированной советской или известных ориентаций интернациональной архитектуры XX столетия, не позволяет выявить конкретную общую направленность, поскольку таковой нет. Характеризуя в целом факторы влияния на развитие новейшей армянской архитектуры (наверное, как и всего постсоветского пространства), с учетом новых мотиваторов творческого вдохновения и организационных перемен в профессиональной среде, можно к предположительной движущей силе отнести, с одной стороны, освобождение от былой нормативной действительности и, с другой — возможность вписаться в многоликую действительность актуальных интернациональных концепций.

К категории новых художественных приемов, очевидно, следует отнести введение в композицию архитектурного решения искусственного цвета. Сказанное понимается в сравнительной дефиниции с предшествующей практикой, поскольку цветовую палитру, по обыкновению, на протяжении истории создавала кладка из природного камня, совмещение цветов или оттенков, создающих живописную поверхность стен и контрастное выделение архитектурных фрагментов и в средневековых церквях, и рустованных фасадах XIX и начала XX в., и советских общественных и жилых зданиях (речь относится к экстерьерам сооружений). Для пояснения достаточно отметить, к примеру, разнообразие природной окраски туфов ереванского типа, в зависимости от глубины залегания

изменяющихся от красного цвета в верхней толще через промежуточные оттенки к черному цвету в нижней [Ацагорцян, Мартиросян, 1962, с. 53]. Использование ярких цветов в современных формах лаконичных или динамичных композиций, сложенных из выразительных геометрических объемов, допустимо рассматривать как принципиально новокреативные, ранее малохарактерные, именно на фоне советских неоклассических и аналогичных каменных пластических фасадов XIX и начала XX в., тактично украшенных нарядными декорациями.

Выбирая удачные объекты в данной категории сооружений, следует обратить внимание на отдельные примеры новых школ, в которых, кажется, новая методика образовательного процесса органично сплетается с современным архитектурным образом, далеким от типовых зданий советских школ (в число сравнений не входят выполненные известными архитекторами прекрасные проекты школ и институтов в стиле неоклассицизма, как начала XX в., так и советского периода): это светлые поверхности стен в сочетании с цветовым решением портала, отдельных плоскостей или объемов. В ракурсе упомянутого дизайна аналогию можно провести и с торговыми центрами. В принципе, здесь немного вариантов в составе инструментария — это лаконичные плоскости, цвет и ограничивающие линии. Нельзя сказать, что это аллюзия неопластицизма, по крайней мере, первоначального, поскольку в визуальном восприятии отсутствует философия цвета и противопоставления вертикальных и горизонтальных линий, а в анализе архитектурной композиции не всегда прослеживается идейное обоснование; тем не менее, часто здания импонируют цветовым решением, к которым присовокупляется свет и воздух просторных помещений. Безусловным достижением современной армянской архитектуры немногим более одного десятилетия является новый комплекс аэропорта (2011, арх. Лукас Перез Монсалво), в котором перетекающие одна в другую функционально-конструктивные формы завораживают своей пластичностью, гибкостью, ультрасовременным общим звучанием. Свободное внутреннее пространство, в которое открыта вся металлическая конструкция, огромные, оживленные цветовыми фрагментами стеклянные поверхности — все наполнено воздухом и гуманным отношением к людям, что создает настроение легкости и праздника для отправляющихся в воздушное путешествие пассажиров и их провожающих. Пытаться найти в этом объекте какие-то ссылки на традиционные архитектурно-художественные знаки, не имеет смысла уже по его типологической принадлежности (особенно, если вспомнить статью Казимира Малевича «Архитектура как пощечина бетоно-железу»), а

также по субъективному человеческому фактору.

Возвращаясь к парадигме национальной формы, правомерно обратиться к произведениям архитекторов старшего поколения, сохранивших понятие и профессиональное умение идентификации современного и традиционного, как это материализовала плеяда советских армянских архитекторов, прежде всего, последователей Александра Таманяна.

Ил. 5. Левон Варданян, Лилит Варданян. Многофункциональный комплекс на ул. Московян в Ереване. 2016. Снимок автора.

Fig. 5. Levon Vardanyan, Lilit Vardanyan. Multifunctional complex on the st. Moskovyan in Yerevan. 2016. Author's photo.

Среди сооружений XXI столетия к наиболее интересным образцам подобного типа относится художественная трактовка фасадов

многофункционального дома на Московской улице в Ереване, в котором реминисценция в контексте исполнения рельефных орнаментов выполнена в виде аллюзий, что особенно выразительно на примере плодов граната, содержащих в действительности исключительно намеки на национальный орнамент — ни своим расположением на фусте колонны, ни своей формой, более близкой к понятию абстрактной, рельефы не повторяют традиционные изображения. В то же время они в мгновение узнаваемы и даже популярное для горожан само архитектурное произведение получило наименование «дом с гранатом» (2016, арх. Левон Варданян, Лилит Варданян, ил. 5).

Традиционная обработка стены рельефами или контррельефами сегодня носит характер постмодернистической ретроспективы, реже видна преждераспространенная сочная пластика реалистических композиций.

Синтез искусств, воплотившийся в принципе совокупного произведения искусства, виден в комплексе Каскада, в Центре искусств Гафесчяна в Ереване (2009, арх. Джим Торосян, Саргис Гюрзаян, Аслан Мхитарян, ил. 6). Комплекс с верхней отметки северной части города короткими террасами, вписываясь в склон, спускается к низлежащему скверу в центре, создавая органичное, слитное взаимодействие архитектуры и окружающей среды. Контраст яркого на солнце белого травертина умеряют фрагменты зеленых газонов, являющиеся как бы продолжением природного ландшафта. Перетекающие на открытые площадки пространства внутренних помещений и музейные экспонаты, особенно массивные, пронзительно выразительные фигуры Фернандо Ботеро, вынесенные во внешнюю среду площадок и всего сквера — все это составляет единое целое.

Ил. 6. Джим Торосян, Саргис Гюрзаян, Аслан Мхитарян. Центр искусств Гафесчяна. 2009. Снимок Марины Овсепян.

Fig. 6. Jim Torosyan, Sargis Gyurzadyan, Aslan Mkhitarian. Cafesjian Center for the Arts. 2009. Photo by Maria Hovsepyan.

Выводы. Синтез архитектуры и искусства трансформировался в течение всей истории Армении, но в совокупности сохранялась преемственность форм, по которым воспринимался национальный дух произведения и идентификация народа. Характеризуя особенности преобразований, которые остаются актуальными и для нынешней архитектуры, по принципу отбора используемых композиционных средств, элементов и деталей, можно выделить три творческие ориентации:

- национальную;
- заимствованную (исторические стили), использование классических деталей;
- исключительно авторскую, предпочтительно ориентированную на национальные традиции.

Немаловажную роль в современной архитектуре, продолжающей культивировать традиционные приоритеты, в состав которых входит понятие синтеза архитектуры и искусства, играет человеческий фактор, благодаря которому прошлые ценности не угасают.

Список литературы

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. / Под общ. ред. А.М. Кантора. Москва: Эллис Лак, 1997. 736 с.
2. Ацагорцян З.А., Мартиросян О.А. Туфы и мраморы Армении. Ереван: Армгосиздат, 1962. 159 с., ил.
3. Бабалян Л.М., Яралов Ю.С. Рафаел Израелян. Москва: Стройиздат, 1986. 192 с.
4. История советской архитектуры (1917–1954) / под ред. Н.П. Былинкина и А.В. Рябушина [Электронный ресурс]. URL: <http://arx.novosibdom.ru/node/2457> (дата обращения: 29.07.2020).
5. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. В 2-х т. Под общ.

ред. М. Бархина [и др.]. т. 1. Москва: Искусство, 1975. 544 с., 55 л. ил.

References

1. Apollon. Izobrazitel'noye i dekorativnoye iskusstvo. Arkhitektura: Terminologicheskij slovar' [Apollo. Fine and decorative arts. Architecture: Terminological dictionary]. / Under the total. ed. A.M. Cantor. Moscow: Ellis Luck, 1997. 736 p.
2. Atsagortsyan Z.A., Martirosyan O.A. Tufy i mramory Armenii. [Tufas and marbles of Armenia]. Yerevan: Armgosizdat, 1962. 159 p.
3. Babayan L.M., Yarov Yu.S. Rafael Israyelyan. Moscow: Stroyizdat, 1986. 192 p.
4. Istoriya sovetskoy arkhitektury (1917–1954) [History of Soviet architecture (1917–1954)]. ed. N.P. Bylinkina and A.V. Ryabushina URL: <http://arx.novosibdom.ru/node/2457> (accessed 07/29/2020).
5. Mastera sovetskoy arkhitektury ob arkhitekture. Izbr. otryvki iz pisem, statey, vystupleniy i traktatov. [Masters of Soviet architecture on architecture. Fav. excerpts from letters, articles, speeches and treatises]. In 2 volumes. Under the total. ed. M. Barkhina [etc]. vol. 1. Moscow: Iskusstvo, 1975. 544 p.

Список источников

1. Мария Овсепян. Центр искусств Гяфесчяна. [Электронный ресурс]. URL: https://hy.wikipedia.org/wiki/Դիմադիր_Գաֆեսյան_Հայկական_Գեղարվեստի_Կենտրոն (дата обращения: 20.05.2022).
2. Mcdrawl. Церковь Святого Креста на острове Ахтамар. [Электронный ресурс]. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:AkdamarIslandChurch.jpg> (дата обращения: 20.05.2022).

Материал передан в редакцию 06.07.2022

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр-т Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 630090
annmaini@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0002-0784-4252>

Образцовое жилье в русских поучениях и наставлениях XVI–XVIII веков

Аннотация

В статье впервые проанализированы русские поучения и наставления XVI–XVIII вв., в которых высказываются идеи, касающиеся организации жилого пространства, «Домострой», литературный памятник XVI в., «Назиратель», XVI в., пособие по организации дома, домашнего хозяйства, плодоводства, овощеводства и земледелия, «Краткие экономические до деревни следующие записки, составленные Василием Никитичем Татищевым. 1742 года». Выявлено, что жилое пространство предстает в них как комплексная, слабо расчлененная система, которая обеспечивает все средства для жизни, включая постройки, утварь, обстановку, оборудование. Образцовое жилье выступает не как типовое, рекомендованное для строительства по критериям дешевизны, легкости возведения, использования доступных материалов, эстетике, а как устроенное наилучшим образом. Под образцовостью жилья подразумевается надежность, пожаробезопасность, удовлетворение жизненных потребностей, для чего требуется и первоначальное создание жилого пространства в благоприятных условиях, и рациональное использование строительных материалов, и постоянное его поддержание в наилучшем состоянии. Для создания жилого пространства были выработаны особые правила, перечисленные в источниках. Устойчивая сохранность положений, касающаяся организации жилого пространства, показывает их потенциал в обеспечении жизненных потребностей людей, а идеальность жилья основана на реальной, проверенной практикой материальной базе.

Ключевые слова: русские поучения и наставления, «Домострой», «Назиратель», В.Н. Татищев, критерии образцового жилища

A.Yu. Mainicheva

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
Ave. Academician Lavrentiev, 17, Novosibirsk, Russia, 630090
annmaini@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0002-0784-4252>

Exemplary housing in Russian teachings and instructions of the 16th–18th centuries

Abstract

The article analyzes for the first time Russian teachings and instructions of the 16th–18th centuries, in which ideas are expressed regarding the organization of living space, "Domostroy", a literary monument of the 16th century, "Naziratel", the 16th century manual on organizing a home, household, fruit and vegetable growing and agriculture, "Brief economic notes to the village, compiled by Vasily Nikitich Tatishchev. 1742". It is revealed that the living space appears in them as a complex, weakly divided system that provides all the means for life, including buildings, utensils, furnishings, equipment. Exemplary housing does not act as a typical one, recommended for construction according to the criteria of cheapness, ease of construction, use of available materials, aesthetics, but as arranged in the best way. Exemplary housing means reliability, fire safety, satisfaction of vital needs, which requires the initial creation of living space in favorable conditions, and the rational use of building materials, and its constant maintenance in the best possible condition. To create a living space, special rules were developed, listed in the historical sources. The stable preservation of the provisions concerning the organization of living space shows their potential in meeting the vital needs of people, and the ideality of housing is based on a real, proven material base.

Keywords: Russian teachings and instructions, "Domostroy", "Naziratel", V.N. Tatishchev, criteria for an exemplary dwelling

Введение. Представления об организации жилого пространства, на которые ориентируются его создатели, выступают составной частью архитектурной и строительной практики. Их характерные особенности на различных этапах развития общества, технологии, практики и их сохранность в течение веков требуют глубокого изучения для понимания трансформационных процессов и извлечения опыта в практической деятельности. В истории России известны образцовые дома петровского времени архитектора Д. Трезини, регламентировавшие застройку в С.-Петербурге и ставшими в дальнейшем основой для развития типового строительства, но ими не исчерпываются представления об устройстве жилищ и жилого пространства в целом. В русских письменных исторических источниках XVI–XVIII вв. выделяются информативные и важные в культурном отношении поучения и наставления. В них высказываются идеи, касающиеся основополагающих ценностей и установок, как в духовной, так и материальной сторонах жизни, в том числе и в организации жилья. Так, к этому типу источников можно отнести «Домострой», литературный памятник XVI в. (имеющий несколько редакций и наиболее известный в авторстве протопопа Сильвестра [Михайлов, 1889], Назиратель, XVI в. (устар. Попечитель), пособие по организации дома, домашнего хозяйства, плодоводства, овощеводства и земледелия, «Краткие экономические до деревни следующие записки, составленные Василием Никитичем Татищевым. 1742 года». В историографии исследовательский интерес к содержанию «Домостроя» в основном посвящен анализу духовного мира человека прошлого, правилам поведения в обществе и семье. Вместе с тем принципам организации и постановки жилого пространства как материальной основы жизни семьи уделено недостаточно работ (см. напр., [Бондаренко, 1997, 2013]).

«Назиратель» до его опубликования в 1973 г. известен в виде рукописи из собрания Государственного исторического музея [Назиратель. 1973]. Впервые научный интерес к произведению был проявлен в начале XX в. К.В. Покровским [Покровский, 1907]. Общая характеристика источника представлена во введении к его публикации, установлены его связи с латинским произведением Петра Кресценция, написанного около 1305 г. на основе античных и средневековых источников и известного в России через польское посредство. Специальной литературы по анализу обустройства жилого пространства, представленного в «Назирателе» нет. Отдельные упоминания о содержании поучения сделаны автором этих строк [Майничева, 2002].

«Краткие экономические до деревни следующие записки, составленные Василием

Никитичем Татищевым. 1742 года» были опубликованы С. Серебряковым в 1852 г. в Книге 12 периодического издания «Временник Императорского Московского общества любителей истории и древностей российских» [Краткие экономические..., 1852]. В.Н. Татищев, крупный государственный деятель России, известен как автор первого значительного труда по истории Отечества, вместе с тем он разрабатывал и экономические вопросы, продвигая идеи меркантилизма [Алефиренко, 1948]. Его небольшую работу можно отнести к жанру поучений и наставлений по характеру изложения. В ней нет исследовательских элементов, а лишь рекомендации. Анализ его работы с точки зрения устройства жилища пока не был осуществлен.

Для восполнения лаку в научном знании и фиксации установок прошедших эпох, важных для выявления характерных черт отношения к условиям жизни и организации проживания, а также для определения их сохранности, в статье в принятом аспекте впервые проведен анализ указанных источников. Тема сохранности принципов организации жилого пространства многогранна и обширна, в рамках одной статьи ее охватить невозможно, поэтому введено еще одно ограничение: для сравнения привлечены полевые материалы автора, собранные в селах Сибири в 1990–2010х гг. (далее сравнение ведется по материалам, аккумулированным в монографии [Майничева, 2002]. Информаторами выступали представители этнокультурных групп, имеющих в иерархической самоидентификации определение «русские старожилы в Сибири». Учитывались данные, характеризующие конец XIX–первая треть XX в. с расширением временных рамок до современности.

Жилое пространство, включающее не только жилища, но и подсобные постройки, их месторасположение, материалы, из которых они были сооружены, их обслуживание, объединены общим названием «жилье» как более соответствующее источникам изучаемой эпохи. При анализе источников необходимо принимать во внимание не только время их создания, но и социальные особенности жилья: в «Домострое» речь идет о быте купечества и высших слоев общества, живущих преимущественно в городах. «Назиратель» и В.Н. Татищев пишут о сельских постройках.

Полученные результаты и их обсуждение. Поскольку общий анализ текста «Домостроя», в основном, уже был выполнен, отошлем читателей к работам наших предшественников, а сосредоточимся лишь на некоторых аспектах, а именно, на сохранности принципов организации жилого пространства XVI–XVIII вв. в более поздние эпохи. Из 67 глав «Домостроя» тринадцать наиболее

близко стоят к организации жилого пространства (11. Как дом свой украсить святыми образами и в чистоте содержать жилище; 36. Как сохранить порядок домашний и что делать, если придется у людей чего попросить или людям свое дать; 42. Как в полном порядке посуду хранить и вести домашнее хозяйство, все комнаты содержать хорошо в чистоте; как хозяйке в том слуг наставлять, а мужу — проверять жену, поучать и божьим страхом спасать; 48. Как огородом и садом заниматься; 52. Как в житницах и в закромах у ключников в сохранности было бы все зерно и прочий припас; 53. Также и в сушильне присматривать ключнику за рыбой, сушеной и вяленой, за пластовым мясом и языками; 54. Как все сохранять в погребе, на леднике и на погребнице; 55. Как по наказу хозяйскому ключнику в клетях, подклетах и в амбарах держать все в порядке; 56. Как держать на сеновалах сено и лошадей в конюшнях, а на дворе запас дров и леса, и скотину всю беречь; 57. Как готовить на кухнях, в пекарнях и в рабочих комнатах, и как в сготовленном разобраться; 58. Как самому хозяину получше присматривать за погребами и ледниками, в житницах и в сушильнях, в амбарах и в конюшнях; 61. Как устраивать двор или лавку, или амбар и деревеньку; 63. Указание ключнику, как хранить в погребе всякие припасы соленные — и в бочках, и в кадках, и в мерниках, и в чанах, и в ведерках мясо, рыбу, капусту, огурцы, сливы, лимоны, икру, рыжики и грузди). Из содержания глав следует, что рекомендации касаются практических советов по ведению хозяйства, но не месторасположения и конструкций построек. Полевые материалы показывают, что все они в той или иной степени сохранялись в русских селах Сибири, благодаря устойчивости духовной составляющей (размещение икон), а также рациональности: поддержание чистоты и порядка, оценка их достаточности, приемы использования и ремонт оборудования, утвари, построек. Разумеется, скорректированы исполнители, все действия перелагаются на хозяина и хозяйку, поскольку должность, например, ключника исчезла.

Четыре раздела «Назирателя» из 10 посвящены организации жилого пространства, одно из них повествует о чертах качеств людей в зависимости от климата, три из них конкретизируют правила возведения построек и сооружений, а также выбора материала для строительства (О построении двора или сельского дома, удобного для жизни и пригодного к разведению всяких плодов; Как следует колодцы рыть, искать ключи и источники и познавать качество воды; О дереве). Практические советы по выбору места под дом и для колодца перекликаются со сведениями, полученными от

русских старожилов Приобья, которые советуют ориентировать дом окнами на восток и юг, ставить дом не на горе, в небольшой низинке, но не в овраге, приводят многочисленные приметы, где можно вырыть колодец. Особые правила отмечены для заготовки леса как строительного материала. При рубке леса на постройки для своего хозяйства считалось важным отнять дерево от корня в полнолуние: если это сделать раньше, то бревна будут отсыревать, а позже — трескаться. Допускалась заготовка леса на старый месяц. Это мнение перекликается с утверждением автора «Назирателя»: «Дерево для построения дома нужно срубить в ноябре-декабре или чуть позже, да лучше на ущербе месяца, потому что об эту пору по морозу выходят из дерева всякие смолы и лишние соки, особенно из-за стилого воздуха, который стужей своей изгоняет из дерева свойственное ему тепло до самого корня и даже в земную глубину, молодой же месяц умножает всякую влагу, а на ущербе ее убавляет» [Назиратель, с. 280]. Существенно отличаются рекомендации «Назирателя» от сведений, полученных от русских старожилов в Сибири, по породам деревьев, что объясняется разницей в климатических условиях их произрастания. Вместе с тем, очевидно, что в среде старожилов устойчиво сохранялись старые рациональные знания о природе и организации жилого пространства, которым они следовали в своей хозяйственной и строительной практике.

Две из 22 глав «Кратких экономических до деревни следующих записок» В.Н. Татищев посвятил сельским постройкам (Глава 20. О строении, Глава 22. О сбережении мангазейнов и цейхгаузов), где он обрисовал основные черты образцового жилого пространства. Кроме набора построек, куда входят избы, бани, конюшни, дворы, риги с печью, ветряные мельницы, богадельни, колодцы, указаны их конструкции и материалы для возведения. Крестьянские избы рекомендуются строить из 5 и 6-дюймовых досок, а «лучше из бревен и немшенные». Подчеркнута необходимость иметь в зданиях хорошие окна и двери. Особое внимание уделено пожарной безопасности: запрещается крыть кровлю соломой, рекомендуется соблюдать расстояния между дворами в 30 сажен и устраивать печи только с трубами, а также выбирать для возведения каменные постройки. Для удобства ухода за скотом рекомендовано устройство специальных прогонов к водопою. Перечислены запасы и их объем для хранения. В главе «Нравоучение доброго крестьянина и рукодельника» автор кроме рекомендаций по ведению хозяйства перечислил отрицательные характеристики жилого пространства. Доброму хозяину предписано соблюдать чистоту, убирать

продукты питания из избы, уничтожать насекомых и вредителей, устраивать постели с набивкой из пера, но не из соломы, чтобы отличаться от скота. Указано количество и материалы предметов утвари и обстановки в домохозяйстве. Перечислено двадцать пять признаков плохого устройства жилого пространства, среди них указаны «со двора навоз течет», «изба холодна и неконопачена», «изба и сарай от дождя каплет», «стол немыв и изба нечиста», «в погребе льду... нет», «бани нет», «на дворе своего колодца нет» и другие. Таким образом, в записках приводятся конкретные рекомендации об организации жилого пространства. Многие из них соблюдались сибиряками и актуальны до сих пор.

Выводы. Русские поучения и наставления XVI–XVIII вв. выступают не только историческими и литературными памятниками культуры эпохи своего создания, показывающими уровень развития хозяйства, технологии, строительной практики, но и ценными примерами аккумуляции практического опыта. Жилое пространство предстает в них как комплексная, иной раз слабо расчлененная система, объединяющая и обеспечивающая все средства для жизни, включая постройки, утварь, обстановку, оборудование. Образцовое жилье в них выступает не как типовое, рекомендованное по каким-либо выбранным, приемлемым в определенных условиях критериям, например дешевизне, скорости возведения, использования доступных материалов, эстетике, а скорее, как эталонное, устроенное наилучшим образом. Образцовость жилья подразумевает его надежность, пожаробезопасность, удовлетворение жизненных потребностей, для чего требуется не только первоначальное создание жилого пространства в благоприятных условиях и из соответствующих материалов, но и постоянное его поддержание в наилучшем состоянии, для чего были выработаны особые правила. Устойчивая сохранность положений, касающаяся организации жилого пространства, показывает их потенциал в обеспечении витальных потребностей людей, а эталонность жилья основана на реальной, проверенной практикой материальной базе. Все это делает необходимым учет в современности принципов организации жилого пространства, отмеченного в письменных источниках прошлого.

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы:

1. Алефиренко П. Экономические взгляды В. Н. Татищева // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 89–97.
2. Бондаренко И. Идеальное жилище по Домострою // Архитектура мира. Москва: НИИТАГ, 1997. Вып. 6. С. 51–55.
3. Бондаренко И.А. Правила Домостроя и свободная планировка // Архитектурно-градостроительный процесс: регламентации и свобода. М.: УРСС, 2013. С. 208–214.
4. Краткие экономические до деревни следующие записки, составленные Василием Никитичем Татищевым. 1742 года // Временник Императорского Московского общества любителей истории и древностей российских. Книга 12. М.: В Университетской типографии, 1852. С. 12–32.
5. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX–начало XX в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2002. 144 с.
6. Михайлов А. В.К вопросу о редакциях домостроя, его составе и происхождении. СПб.: тип. В.С. Балашева и Ко, 1889. 91 с.
7. Назиратель. М.: Наука, 1973. 750 с.
8. Покровский К.В. Книга, глаголемая Назиратель сиречь уряд домовных делъ // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 13–15.

References:

1. Alefirenko P. Ekonomicheskie vzglyady V.N. Tatishcheva [Economic views of V.N. Tatishchev]. Voprosy istorii. 1948. No 12. Pp. 89–97. (in Russ.)
2. Bondarenko I. Ideal'noe zhilishche po Domostroyu [Ideal house according to Domostroy]. In: Arkhitektura mira. M.: NIITAG, 1997. Iss. 6. Pp. 51–55. (in Russ.)
3. Bondarenko I.A. Pravila Domostroya i svobodnaya planirovka [Domostroy rules and free planning] Arkhitekturno-gradostroitel'nyi protsess: reglamentatsii i svoboda. Moscow: URSS, 2013. Pp. 208–214. (in Russ.)
4. Kratkie ekonomicheskie do derevni sleduyushchie zapiski, sostavlennye Vasiliiem Nikitichem Tatishchevym. 1742 goda [Brief economic notes following to the village, compiled by Vasily Nikitich Tatishchev. 1742]. In: Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva lyubitelei istorii i drevnostei rossiiskikh. Kniga 12. Moscow: V Universitetskoi tipografii, 1852. Pp. 12–32. (in Russ.)
5. Mainicheva A.Yu. Arkhitekturno-stroitel'nye traditsii krest'yanstva severnoi chasti Verkhnego Priob'ya: problemy evolyutsii i kontaktov (seredina XIX–nachalo XX v.) [Architectural and building traditions of the peasantry in the northern part of the Upper Ob region: problems of evolution and contacts (mid 19–

early 20 century)]. Novosibirsk: IAET Publishing House, 2002. 144 p. (in Russ.)

6. Mikhailov A.V. K voprosu o redaktsiyakh domostroya, ego sostave i proiskhozhdenii. [To the question of the editions of the house building, its composition and origin]. Sankt-Petersburg: tip. V.S. Balasheva i Ko, 1889. 91 p. (in Russ.)

7. Naziratel'. Moskow: Nauka, 1973. 750 p. (in Russ.)

8. Pokrovskii K.V. Kniga, glagolemaya Naziratel' sirech' uryad domovnykh detel' [The book, called the Naziratel', in other words, the order of the household]. In: Drevnosti. Trudy Slavyanskoi komissii Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva. Moskow: T-vo tip.

A.I. Mamontova, 1907. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 13–15. (in Russ.).

Список сокращений:

НИИТАГ — Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства

УРСС — Российская издательская компания

ИАЭТ — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

Материал передан в редакцию 11.05.2022

А.Б. Пермиловская

ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова УрО РАН
наб. Северной Двины, 23, Архангельск, Россия, 163069
annaperm@fciarctic.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

Мировое дерево и крест в северном зодчестве и православии

Аннотация

В статье рассматривается символика мирового дерева и креста, которая занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве. В православии крест характеризуется как мировое «животворящее» дерево жизни. Деревянное зодчество – особое, самостоятельное направление традиционной архитектуры. В его уникальном качестве и разнообразии оно представлено в России, которая всегда была «лесной, таежной» страной. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мировоззрение всех слоев русского общества. История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Русского Севера. Широкое распространение получили отдельно стоящие обетные и памятные кресты, своей формой и искусной деревянной резьбой, символизирующие одновременно дерево жизни и крест. Это убедительно подтверждается и сохранившимися артефактами деревянного зодчества: Людогощинский крест церкви Флора и Лавра в Великом Новгороде (1359) и введенный автором в научный оборот, крестиз д. Кушкопала, Пинежский район, Архангельская область (XIX в.). Оба креста как по своей форме, так и искусством резьбы, символизируют одновременно дерево жизни и христианский крест. «Крестовое» дерево-знак («карсикко») в традиционной культуре карел и русских поморов представляет собой образ мирового дерева и креста с функциями оберега, сакральной границы и медиатора между мирами.

Ключевые слова: мировое дерево, крест, деревянное зодчество, православие, Русский Север

A.B. Permilovskaya

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Severnaya Dvina Emb., 23, Arkhangelsk Russia 163069

The World Tree and the Cross in the Northern Architecture and Orthodox

Abstract

The article considers the symbolism of the world tree and the cross, which occupies a central place in a traditional culture and Christianity. A symbol as a universal culture language reflects the universe basic concepts. In Orthodoxy, the cross is characterized as the world "life-giving" tree. The work was performed in the context of Russian folk wooden architecture. Wooden architecture is a special, independent direction of the traditional architecture. This unique quality and diversity is represented in Russia, which has always been "forest, taiga" country. This nationwide architecture has absorbed the worldview of Russian society. The Russian wooden architecture history is to a large extent of the Russian North history. Standalone promises and memorial crosses are widespread. They symbolize both the tree of life and the cross with helping of form and skillful carving. This is convincingly confirmed by the surviving artifacts: Lyudogoshchinsky cross of St. Florus and Laurus Church in Veliky Novgorod (1359). And also the cross of the Kushkopala village, Pinezhsy district, Arkhangelsk region (mid-second half of the 19th century), introduced by the author into scientific circulation. The crosses both in the form and the art of wood carving symbolize the tree of life and the Christian cross. In the Karelia's and Russian Pomor traditional culture a "cross" tree-sign ("karsikko") is an image of a world tree and cross with the functions of a talisman, sacred border and mediator between worlds.

Keywords: world tree, cross, wooden architecture, orthodoxy, Russian North

Введение. В кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» уже около двух столетий — это не только устойчивое понятие, отражающее важные для

отечественной культуры смыслы. Это регион, который занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. Храмовая архитектура, как вид искусства имеет своеобразный профессиональный язык, она «говорит» на языке архитектурных форм, в котором символически заключена традиционная картина мира человека и его религиозная доктрина. Именно в православном храме наиболее ярко проявляются особенности православия и народного мировоззрения русского этноса.

Памятники традиционной архитектуры — живые свидетели истории, носители исторической памяти многих поколений русского народа. Культурное наследие — это не просто и не только музейные экспонаты, это та энергия нации, которую передают современному этносу ушедшие поколения. Это источник жизни нации.

Полученные результаты и их обсуждение. Крест как знак. Происхождение многих символов уходит вглубь веков, в архаичные культуры, в древние цивилизации и религии, органичным элементом которых они являлись. *«Истина явилась в мир не обнаженной, но в символах и образах»* — эти слова из апокрифического Евангелия апостола Филиппа определяют значение символики для традиционной культуры. Символ можно рассматривать как язык, дошедший с древних времен, когда концептуальные понятия не были выработаны. Это было связано как с гонениями на первых христиан, так и со стремлением последних скрыть смысл своей веры, а также с неразвитостью философско-религиозного и художественного мышления. Иисус Христос в это время изображался в виде агнца, рыбы, корабля, виноградной лозы. Раннехристианские кресты были в форме якоря или двух рыб по сторонам трезубца [Фадеева, 2004].

Символика мирового дерева и креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве. Крест показывает место человека в мире. По раннесредневековым представлениям, крест был сделан из ветвей «Древа познания добра и зла». В православии крест характеризуется как «животворящее древо». Мировое дерево (древо жизни) в славянской мифологии — мировая ось, центр мира и воплощение мироздания в целом. Крона мирового дерева достигает небес, корни — преисподней. Мировое дерево соединяет и воплощает не только пространственные, но и временные координаты мира. Например, загадка: *«Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по четыре гнезда»* отражает год, 12 месяцев, четыре недели [Славянская мифология, 2002].

На Русском Севере существовала большая группа «священных деревьев»: как

отдельно стоящие, так и целые «священные рощи». Они росли на месте разрушенной церкви, часовни или на кладбище. Священные рощи как культовые места сохранились в XIX–XXI веках. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которой помимо деревьев находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, дерево с явленной на нем иконой, целебный источник. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Рощи считались неприкосновенными.

В Заонежье и на Каргополье у развилки и перекрестков стояли «дорожные» деревья, преимущественно сосны и ели, с которыми были связаны особые верования и обряды. У дороги на Почозеро (Кенозеро) стоит большая многоствольная «придорожная» сосна с обетными приношениями (ил.1).

К традициям культуры прибалтийско-финских народов относится дерево-знак «карсикко». Сам термин происходит от карельского *karsie*, «обрубать ветки». Карсикко — это хвойное дерево с ветками, обрезанными определенным образом. У него обрублена вершина, после чего на дереве вырастает две или три верхушки. На затесанном стволе вырезаются знаки: родовые, семейные клейма, знаки собственности, инициалы и даты, или изображение человеческого лица, птицы. Дерево-знак карсикко делали по многим поводам — от смерти родственника до удачной рыбалки и охоты. В местах погребения появлялись целые рощи обрубленных деревьев. Карелы приходили туда поклониться духам предков, а заодно приносили разные жертвенные подношения [Конка, 2013].

Во время экспедиционного обследования исторического поселения села Кимжа, Мезенский район автором было обнаружено и введено в научный оборот сакральное место, выступающий как русский аналог карсикко. Оно находится в районе кладбища. Здесь протекает Чертов ручей. *«Это было страшное место. Люди его боялись, пугались, здесь какая-то дьявольщина виделась. Детей туда не пускали. Поэтому люди поставили здесь обетный крест»*. Крест «спрятан» между старыми елями и не виден с расположенной рядом дороги. В качестве места установки выбрана необычная многоствольная ель с четырьмя стволами и с обрубленными нижними ветками. Между ними расположен крест с приношениями. Воду из ручья использовали для лечения маленьких детей [Пермиловская, 2022, с. 165].

Ил. 1. Придорожная сосна по дороге в с. Поча, Плесецкий, Национальный парк «Кенозерский». Снимок автора.

Fg. 1. Roadside pine on the road to the village of Pocha, Plesetsky district, Kenozersky National Park. Author's photo.

В традиционной культуре образ дерева использовался в свадебном и похоронном обрядах, при возведении нового дома — обряде строительной жертвы (обрядовое дерево помещалось в центр планируемой постройки) — вплоть до позднейших обычаев — устанавливать рождественскую новогоднюю елку и др. [Славянская мифология, 2002].

На Русском Севере крест один из самых древних и известных — Людогощинский крест в Великом Новгороде (ил.2). Крест выполнен древнерусским мастером Яковом Федосовым в 1359 году по заказу жителей Людогощей (Легощей) улицы для стоявшей здесь церкви Фрола и Лавра. Крест был установлен 12 июня 1359 года, об этом свидетельствует надпись в его основании. Имя мастера было зашифровано: использовалась цифровая тайнопись — сложение цифровых значений букв. Шифр удалось разгадать акад. Б.А. Рыбакову [Рыбаков, 1964]. Людогощинский крест — это «закладной», или «поклонный», крест. В центре — Распятие. На кресте иконки с наиболее популярными святыми, всего 17 сюжетов. Крест получил название от улицы Людогощей, жители которой призывают к Спасителю о помиловании и помощи. Видимо, произошло что-то тяжкое,

возможно, повальная болезнь. Сама форма: «крест в круге» — христианский символ веры, спасающий мир. Крест напоминает фантастический цветок, в котором растительные побеги сочетаются с трилистниками, плетенками, крестами.

Людогощинский крест и более поздний крест-кружало (кон. XVII в., Ярославль) — редчайшие древнерусского искусства, несмотря на недолговечность материала, дошедшее до наших дней. В настоящее время находится в Новгородском и Ярославском музеях-заповедниках.

Предпринимая этот краткий экскурс к наиболее древним, известным и почитаемым крестам, хочу подчеркнуть важность этого вопроса. Деревянные кресты, также как церкви, часовня, изба, икона, всегда сопутствовали жизни русского и северного человека. Крест как один из ключевых символов православной культуры являлся обязательным компонентом природно-культурного и сакрального ландшафта. Русские землепроходцы, осваивавшие пространства Севера, на местах новых поселений устанавливали большой деревянный крест, иногда вместе с иконой на нем.

Ил. 2. Людогощинский крест в Великом Новгороде, 1359. [Электронный ресурс] URL: [www/artifact.org.ru](http://www.artifact.org.ru) (дата обращения 18.05.2022)

Fig. 2. Lyudogoshchinskiy krest v Velikom Novgorode, 1359. [Ludogoshchinsky cross in Veliky Novgorod, 1359]. URL: [http:// www/ artifact.org.ru](http://www.artifact.org.ru) (Accessed 05.18.2022)

В других случаях вместо креста ставили столб основания деревни, но с обязательной иконой и небольшим литым крестом на его лицевой стороне. Этот знак поселения зафиксирован в мезенских деревнях. Например, столб основания д. Березник Лешуконского района (1879), в настоящее время памятник музея деревянного зодчества «Малые Корелы» [Пермиловская, 2001, с. 16–17] (ил. 3).

Деревянные кресты — это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники христианского искусства, архитектуры, скульптуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. И хотя невелики они в сравнении с церковью или колокольней, велика сила их эмоционального воздействия на человека. Кресты, которые известны и сохранились на Русском Севере до настоящего времени, можно датировать в целом XIX–нач. XX вв. Значительная часть их располагалась на побережье Белого моря, на островах Соловецкого архипелага, на Новой земле, в бассейнах Мезени, Пинеги, на Каргополье.

Деревянные кресты часто называли обетными, хотя значение и случаи, по которым они ставились, гораздо шире. Они могли действительно возводиться по обету — это своего рода благодарность Богу. По рассказам моряков, в опасные для жизни моменты, выйдя на берег живыми, они ставили обетный крест на берегу моря или в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома. Этот суровый поморский обычай, связанный с особыми условиями жизни и труда, нашел отражение в поговорке: *«Кто на море не бывал, тот Бога не маливал»*. Другим поводом для возведения обетных крестов служили болезни, чаще детские. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце.

Высокие, с двухэтажный дом, обетные кресты Мезени и Поморья украшались также фартуками, шелковыми платками, куклами, сюда клали деньги. При этом, чем тяжелее болезнь или серьезней опасность, от которой удалось избавиться, тем длиннее отрез дарственной материи. На Мезени существовали наиболее почитаемые кресты, к которым ездили за многие километры из других деревень (ил. 4).

Ил. 3. Столб основания д. Березник, Лешуконского р., 1879. Снимок автора.

Fg. 3. Foundation pillar of the village of Bereznik, Leshukonsky district, 1879. Author's photo.

Ил. 4. Обетный крест, д. Березник, Мезенский р., кон. XIX в. Снимок автора.

Fg. 4. The votive cross, the village of Bereznik, the Mezensky district, the end of the 19th century.
Author's photo.

Особой группой на Русском Севере выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей. Поморские кресты служили навигационными знаками. Сведения о крестах содержатся в лоциях, которыми пользовались мореходы. В поморской лоции XVIII века встречаются такие описания: «*Святой Нос, на коем много крестов*», «*В реке Коле, на левой руке на наволоке крест*» [Ушаков, 1997, с. 60; Рейнеке, 1843, с. 206]. Такими же ориентирами служили храмы, в старых поморских лоциях встречаются указания — как держать курс, ориентируясь на створ (линию) береговых церквей. С открытой площадки звона колокольни можно было видеть море, а это так важно, когда ждут возвращения рыбаков с промысла. Церковь была ориентиром для тех, кто подплывал к селу по реке.

На Русском Севере получил распространение восьмиконечный крест, считавшийся также и старообрядческим. Подобные кресты были как на храмах, так и отдельно стоящие. Вертикальный основной брус пересекают три перекладины: две горизонтальные и одна наклонная. Основание креста — восьмой конец заключался в сруб, укрепленный изнутри и снаружи камнями. Строители церковных

крестов высоко цтили церковные каноны, соблюдали принятые пропорции, обязательно украшали крест резьбой. В качестве надписей использовались изречения из Евангелия, целые предложения или его части, записанные с помощью сокращений и определенных символов — криптограмм. Они создают облик таинственности, святости и неповторимости креста. Украшение же креста письменами и орнаментами — это не только исполнение общепринятого канона, но и способ выражения мыслей и чувств, форма обращения к Богу, к предкам и потомкам. Вероятно, в этом и состоит основное предназначение креста, его необычайная привлекательности и ценность (ил. 5).

В 2000 г. в Мезенском секторе музея «Малые Корелы» на высоком угоре реки Корелка был установлен и освящен обетный крест, аналогом которого послужил крест д. Козьмогородская Мезенского района. Авторы проекта постановки креста: А.Б. Пермиловская, архитектор Н.А. Подобина, резчик В.Д. Лютиков. Мезенская деревня в музее под открытым небом является удачным примером реконструкции культурного ландшафта сельских исторических поселений, которые в естественной среде расположены по высоким берегам реки Мезень.

Ил. 5. Обетный крест, с. Дорогорское, Мезенский р., кон. XIX в. Снимок автора.

Fig. 5. The votive cross, village of Dorogorskoye, Mezensky district, late 19th century. Author's photo.

Уникальный и один из самых интересных сохранившихся крестов Русского Севера — крест из д. Кушкопала, Пинежский район (в настоящее время — памятник музея «Малые Корелы»). Его высота — 6,10 м, с подземной

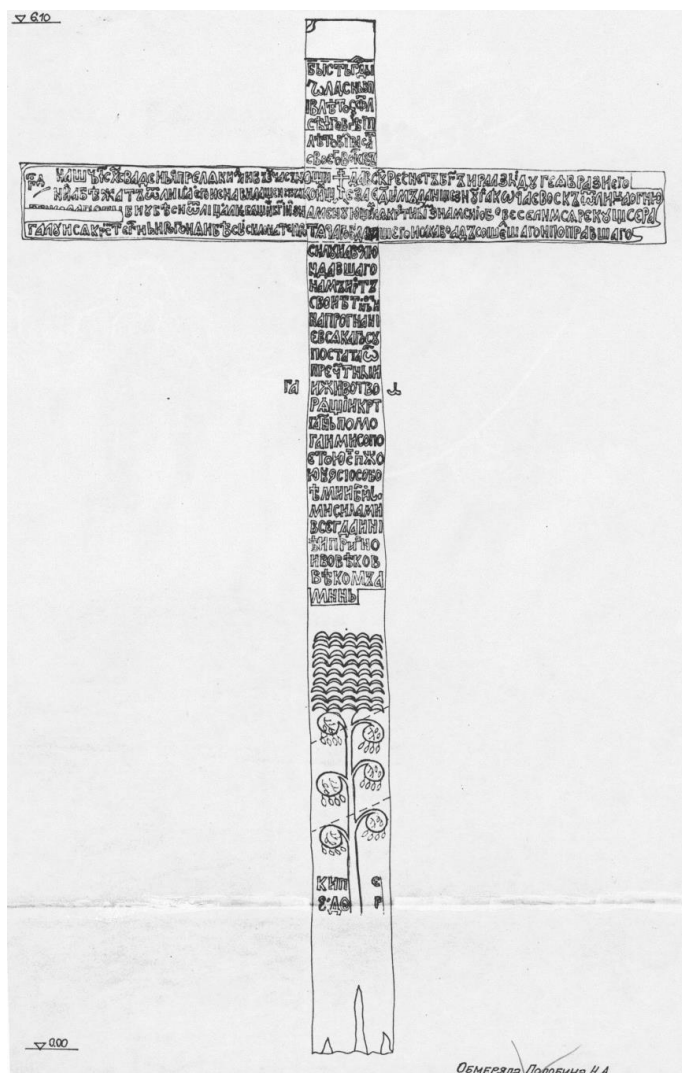
частью около 8 м. Ранее крест стоял в двухэтажном амбаре. Лицевая и задняя стороны креста покрыты, как сплошным узором вязью, текстом молитвы — обращение к Богу. Наибольший интерес представляет задняя

сторона креста, в центральной части которого, вырезан текст пасхальной молитвы. Крест можно датировать сер. — втор. пол. XIX в. В основании креста вырезано древо жизни. На боковых гранях с одной стороны — стройное хвойное дерево, с другой стороны — лиственное, где сердцевидные листья образую пышную крону. Крест выполнен из лиственницы. Крест производит очень сильное впечатление, надпись на центральной перекладине: «Крест — хранитель всей вселенной, красота церковная» отражает сущность и художественные достоинства этого памятника, сохранившее древнюю символику древа жизни в православной традиции [Permilovskaya, 2001, pp. 116–124] (ил. 6).

Тождественность значения и образа древа жизни и креста подтверждается многочисленными изображениями в православной архитектуре, скульптуре, иконописи. В качестве примера можно привести кресты с полумесяцем в окружении растительно-

геометрического орнамента на куполах русских церквей. Это так называемые «процветшие» кресты: из основания, которых произрастают побеги. Они символизируют возрождение жизни — воскресение Христа из мертвых. Крест в православном каноне иногда величают «животворящий сад». Некоторые кресты, щедро усеянные такими побегами, виноградной лозой, солнечными знаками, и действительно напоминают цветы в саду. В ряде случаев северные деревянные кресты имели форму дерева-креста (Людогошинский крест) или символику древа жизни, вырезанную на его поверхности (крест из д. Кушкопала). Иногда основание креста вырезали из цельного ствола лиственницы (д. Козьмогородская).

По информации местных жителей крест в центре д. Едома, Пинежский район (кон. XIX в.) был сделан из растущей лиственницы, чем обусловлена его долговечность [Петров, 2015].

Ил. 6. Крест, д. Кушкопала, Пинежский район, XIX в. Научная информация А.Б. Пермиловской, обмеры арх. Н.А. Подобиной.

Fg. 6. Cross, village Kushkopala, Pinezhsky district, 19th century. Scientific information A.B. Permlovskaya, measurements of the architect N.A. Podobina.

Выводы

На основе полевых, архивных и музейных источников проанализировано значение деревянных крестов как одного из главных символов православия в традиционной культуре. Доказано, что в Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссию. Крест могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, православия, объекты ритуальных практик, мореплавания: навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. Символика мирового дерева и креста занимает центральное место в традиционной культуре и христианстве, моделируя пространство и время и воплощая универсальную концепцию мира. Тожественность значения и образа древа жизни и креста подтверждается многочисленными артефактами в православной народной архитектуре, скульптуре, обрядности. Деревянные кресты Русского Севера и Арктики имели форму дерева-креста или символику древа жизни, вырезанную на его поверхности. Крестовое дерево-знак (карсикко) в традиционной культуре карел и русских поморов представляет собой образ мирового дерева и креста с функциями защиты, оберега, сакральной границы и медиатора между мирами.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научной темы: Рег. № 122011300471-0 «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».

Список литературы

1. Конкка А.П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
2. Пермиловская А.Б. Крест в традиционной культуре и ландшафте Русского Севера // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 157–171. DOI: 10.17223/19988613/75/19.
3. Пермиловская А.Б. Уникальные памятники архитектуры в собрании АГМДЗНИ «Малые Корелы». Архангельск: ЗАО «Архангельский печатный двор», 2001. 31 с.
4. Петров Д.Д. Сакральная география восточных районов Архангельской области: автореф. дис....канд. ист. наук. Москва, 2015. 30 с.
5. Рейнеке М.Ф. Гидрографическое описание северного берега России. Санкт-Петербург:

Морская Типография, 1843. Ч.2.: Лапландский берег. 363 с.

6. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. Москва: Наука, 1964. 102 с.
7. Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. Москва: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
8. Ушаков И.Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. 1997. № 2. С. 59–62.
9. Permilovskaya A.B. Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century // 20-th Conference of the Association of European Open Museums. Hungary: Szentendre, 2001. pp. 116–124.

References

1. Konkka A.P. Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiisko-finskikh narodov [Karsikko: Sign Trees in the rites and beliefs of the Baltic and Finnish peoples]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2013. 286 p. (In Russ.)
2. Permilovskaya A.B. Krest v traditsionnoi kul'ture i landshafte Russkogo Severa [Cross in the traditional culture and landscape of the Russian North]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2022. No. 75. pp. 157–171. DOI: 10.17223/19988613/75/19. (In Russ.)
3. Permilovskaya A.B. Unikal'nye pamyatniki arkhitektury v sobranii AGMDZNI "Malye Korely" [Unique monuments of architecture in the collection of the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art "Malye Korely"]. Arkhangelsk: ZAO "Arkhangelskii pechatnyi dvor", 2001. 31 p. (In Russ.)
4. Petrov D.D. Sakral'naya geografiya vostochnykh raionov Arkhangel'skoi oblasti [Sacred geography of the eastern regions of the Arkhangelsk region]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2015. 30 p. (In Russ.)
5. Reinecke M.F. Gidrograficheskoe opisanie severnogo berega Rossii [Geographical description of the northern coast of Russia]. St. Petersburg: Morskaya Tipografiya, 1843. Pt. 2.: Laplandskii bereg. 363 p.
6. Rybakov B.A. Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vv. [Russian dated inscriptions of the 11th–14th centuries]. Moscow: Nauka, 1964. 102 p. (In Russ.)
7. Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskii slovar' [Slavic mythology: encyclopedic dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 2002. 512 p. (In Russ.)
8. Ushakov I.F. Kol'skii krest [Kola cross]. Nauka i biznes na Murmane. 1997. No. 2. Pp. 59–62. (In Russ.)
9. Permilovskaya A.B. Memorial Cross of Promise on the Turn of the Century // 20-th Conference of the Association of European Open Museums. Hungary: Szentendre, 2001. Pp. 116–124.

Материал передан в редакцию 18.05.2022

Г.А. Налбандян, Н.Э. Мхитарян
Национальный университет
архитектуры и строительства Армении
Улица Теряна, 105, г. Ереван, Армения, 374009
grinal2000@yahoo.com
nmxitaryan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0825-4545>

Орнаментальная скульптура в раннесредневековой армянской архитектуре

Аннотация

В статье рассматриваются средства художественного оформления, использовавшиеся в раннесредневековой армянской архитектуре. Предметом исследования являются средства художественной выразительности культовых сооружений датируемых с IV–VII века нашей эры: арки, колонны, пилястры, капители, порталы, оконные бровки, декоративные пояса с растительными, геометрическими, скульптурными орнаментальными мотивами. Цель исследования — посредством анализа синтеза армянской раннесредневековой архитектуры и орнаментального искусства, выявление влияний местных традиций античной культуры, а также архитектуры христианской Сирии, затем и Византии, которые и сформировали самобытную армянскую национальную архитектуру. Более подробно рассмотрен собор Св. Григория в Звартноце (VII в.), отличающийся как своей уникальной объемно-пространственной композицией, так и богатым декоративным убранством. В этом раннесредневековом шедевре закристаллизовались архитектурные и художественные достижения прошлых веков, которые в последующих столетиях стали источником вдохновения и творческой импровизации культурного наследия армянского народа.

Ключевые слова: орнаментальная скульптура, портал, колонна, пилястра, капитель, арка, карниз

G.A. Nalbandyan
N.E. Mkhitaryan
National University of Architecture and Construction of Armenia
Teryan street, 105, Yerevan, Armenia, 374009
grinal2000@yahoo.com
nmxitaryan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0825-4545>

Ornamental sculpture in early medieval armenian architecture

Abstract

The article describes the survey of the means of artistic decoration used in early medieval Armenian architecture. The subject of the study is the artistic means of expression of the religious buildings dating from the 4th to the 7th centuries AD: arches, columns, pilasters, capitals, portals, window frames and decorative belts with floral, geometric, sculptural ornamental motifs. The purpose of the study is to analyze the synthesis of Armenian early medieval architecture and ornamental art to identify the influences of local traditions of ancient culture, as well as the architecture of Christian Syria, then Byzantium, which served as the basic for authentic Armenian national architecture. The Cathedral of St. Gregory in Zvartnots (7th century) is considered in more detail, which is distinguished both by its unique composition and rich ornamental decoration. This early medieval masterpiece crystallized the architectural and artistic achievements of the previous centuries, which in subsequent centuries became a source of inspiration and creative improvisation of the cultural heritage of the Armenian people.

Keywords: ornamental sculpture, portal, column, pilaster, capital, arch, cornice

Введение. Начало формирования армянской средневековой архитектуры обусловлено принятием христианства в качестве государственной религии в Армении (301 г.). Охватывая период с IV–VII века, она была носителем и выразителем христианской идеологии. Начиная с IV века были построены многочисленные христианские церкви, архитектурный и художественный замысел которых основывался на новых идеологиях и представлениях. Влияние античной и особенно эллинистической культуры очевидно на раннехристианскую архитектуру, художественные традиции которой были творчески освоены армянскими мастерами в новой интерпретации. В начале (IV–VI вв.) армянская архитектура, будучи тесно связанной с культурой раннехристианского мира и став неотъемлемой ее частью, испытала влияние архитектуры христианской Сирии, а затем Византии, в то же время проявляя свои уникальные особенности, основанные на местных и национальных традициях [Акопян, 2016, с. 7–10].

Архитектура раннехристианского периода, особенно IV–VI веков, характеризуется взаимосвязанностью объемно-планировочных решений сооружений, величественной простотой объемов, скромным и сдержанным использованием средств художественной выразительности. Архитектура Армении VII века, опираясь на предшествующие достижения, окончательно сформировала основные композиционные типы культовых сооружений, основные принципы использования декоративно-художественного убранства. Высокого совершенства в этот период достигли как строительное искусство, так и художественная обработка камня. Благодаря все-

му этому VII век считается «золотым веком армянской архитектуры», который оставил глубокий след в формировании национальной школы во всей средневековой армянской архитектуре.

Полученные результаты и их обсуждение. В художественном оформлении стен раннехристианских армянских церквей особую роль играла каменная кладка в основном из разных оттенков туфа. Для декоративного убранства, как правило, предпочтение отдавалось колоннам, пилястрам, порталам, оконным бровкам, поясам и карнизам, украшенные растительными (акантовые, пальмовые, виноградные листья и гроздья, плоды и ветви граната) и геометрическими (сухарики, плетенки, аркады, розетки и т.д.) орнаментами. В последующем эти украшения преобразовывались и совершенствовались, создавая новые, более роскошные виды.

В раннехристианских церковных зданиях важную роль играют порталы своими архитектурными формами, с разнообразным декоративным убранством, активно участвуя в достижении художественной выразительности этих сооружений. По обеим сторонам входного проема размещены пилястры, на которых опирается арка, акцентированная фронтоном (Звартноц, Ереруйк, Касах, Аван, Аруч, Мастара, Рипсима и др.). Решение порталов церквей с наружными галереями такое же, но без фронтона (западный фасад Ереруйка, храмы Текор, Одзун и др.) [Азатян, 1987, с. 9–12]. Согласно сохранившимся фрагментам и проекта реконструкции Т. Тораманяна, пять входов собора Св. Григория в Звартноце относятся к первому типу (ил. 1).

Ереруйк, V–VI вв.
Yereruk, 5–6 c.

Аван, VI в.
Avan, 6 c.

Мастара, VI в.
Mastara, 6 c.

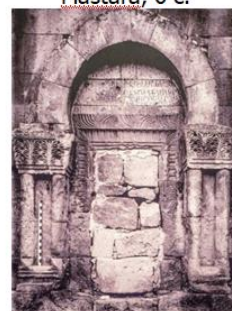
Воскепар, VII в.
Voskepar, 7 c.

Ереруйк, V–VI вв.
Yereruk, 5–6 c.

Одзун, VI в.
Odzun, 6 c.

Текор, VI в.
Tekor, 6 c.

Звартноц, VII в.
Zvartnots, 7 c.

Ил. 1. Порталы раннехристианских армянских церквей
Fg. 1. Portals of early Christian Armenian churches

Многие исследователи, Н. Токарский, Н. Марр, О. Орбели связывают общую композицию этих сооружений и проработку архитектурных деталей с сирийским течением армянского церковного строительства [Марр, 1968, с. 30]. Т. Тораманян связывает это со строительством языческих храмов в Армении «...հայոց աթոռական եկեղեցիներու վրա ամենն ալեի հայ հեթանոսական մեծաներու դրոշմը պետք է փնտրել...» («...на первых армянских церквях можно найти печать армянских языческих святынь...») [Тораманян, 1911, с. 70]. Согласно А. Саиняна, некоторые порталы (храм Ереруйк) были построены одновременно с сооружениями, а некоторые (храмы Текор, Касах) были построены позже [Саинян, 1955, с. 120]. Полагаем, что корни раннесредневековых порталов с фронтонами восходят к античности, а основной мотив их орнаментовки служил акантовый лист и его стилизованные разновидности. Истоки этого орнамента также исходят из античной культуры. Это основной декоративный мотив классической коринфской капители.

В порталах в основном украшены капители пилястр и тимпаны. Особенно роскошно украшены один западный и два южных портала трехнефной базилики Ереруйк (V–VI вв.). Западный портал относится к типу с

арочным проемом, а два южных — увенчаны треугольным фронтоном. Скульптурный орнамент капителей 3/4 круглых пилястр оформлен растительными мотивами акантовых листьев. Капители порталов Ереруйкой базилики оформлены двумя симметрично расположенными акантовыми листьями. Каждый из них имеет трехлистовую композицию, оси центральных листьев направлены в сторону углов абака. Два акантовых листа каждого орнамента соприкасаются спереди, а два других — поворачиваются в сторону боковых фронтов капители, создавая единое целое (ил. 2). Прямоугольные тимпаны дверных проемов оформлены скульптурными орнаментами, растянутыми по всему периметру в скульптурный пояс. На них размещены розетки с раннехристианскими равнокрылыми крестами, шестилепестковыми цветочными орнаментами, древами жизни и парой зооморфных скульптур (ил. 2). Порталы, имеющие перекрытия в виде фронтона, завершаются профилированными карнизами. Для профилировки применялись полки, валики и выкружки, дополненные зубцами. Наиболее характерным примером являются карнизы на порталах Ереруйкской базилики. Порталы других раннесредневековых церквей (Касах, Егвард, Аван) также заканчиваются подобными зубчатыми карнизами.

Ил. 2. Капители и тимпан южного портала Ереруйской базилики
Fig. 2. The capitals and tympanum of the south portal of the Yereruk Basilica

Уникальным украшенным порталом выделяется храм Текор (V в.), являвшийся одной из жемчужин раннего средневековья. Храм был полностью разрушен в XX веке, оказавшийся на территории Турции [Карапетян, 2015, с. 127]. К этому памятнику всегда был большой интерес со стороны различных исследователей: Н. Мар, Т. Тораманян, Ж. Стрижиговский, С. Мнацаканян и другие. В Текорской купольной базилике порталами подчеркнуты западные и северные входные проемы. Каждая пилястра порталов представляет из себя пару полукруглых столбов с общим капителем и базой. Трапециевидные капители через выкружки соединяются с

абакой, оформленной плетеным орнаментом. Поверхности капителей выполнены рельефом акантовых ветвей: посередине два полных, а по краям половинки, вторые полуветви которых поворачиваются на боковые грани. Следует отметить, что свое второе возрождение храм Текор пережил в XX веке, в творчестве основоположника советско-армянской архитектуры Александра Таманяна и в произведениях последователей талантливого архитектора. Декоративные пилястры и капители многих зданий этого периода повторяют композицию и орнаментацию текорского капителя, конечно же, с творческим переосмыслением.

Ил. 3. Порталы и капители Текорской купольной базилики, VI в.

Fig. 3. Portals and capitals of the Tekor Dome Basilica, 6th c.

Капители колоннады наружной галереи Текорского храма аналогично повторяют композицию и орнаментацию капителей порталов Ереванской базилики (ил. 3). В орнаментировке наличников наблюдаются интерпретации эллинистических мотивов. Текорские наличники оформлены стилизованными ланцетками, а тимпаны дверных проемов разными скульптурными орнаментами. Один из них оформлен тремя: центральный — равнокрылым крестом, а две боковые — шестилепестковыми цветочными розетками (ил. 3). Равнокрылые кресты встречаются и на многих тимпанах раннехристианских церквей (Парпи, Касах, Егвард, Циранавор в Ашта-

раке и т. д.). После принятия христианства в Армении крест, как предмет поклонения, стал главным символом новой веры. Он символизирует вечную жизнь, победу Иисуса Христа над грехом - ради спасения человечества. Отметим, что один из пяти главных праздников Армянской Апостольской церкви посвящен Кресту Господню, которая отмечается в память о возвращении в Иерусалим Креста Христова из персидского плена. Крестопоклонничество стало одним из особых проявлений христианской веры армянского народа [Мхитарян, 2021, с. 112–113]. В раннехристианский период крест проявлялся в архитектуре как рельефная скульптура, а со

временем стал основным ключевым элементом хачкаров, которые представляют собой стелу с резным изображением креста. Слово хачкар образовано из армянских корней «хач» — «крест» и «кар» — «камень». Хачкар как уникальный вид памятников мемориального искусства, и по сей день остается

характерной чертой самобытности армянской культуры. В центре композиции орнаментального убранства западного тимпана Касахской базилики (IV–V вв.) равнокрылый крест, две стороны которого украшены зооморфными фигурами с пальмовыми ветками и виноградными гроздьями (ил. 4).

Западный тимпан Касахской базилики (IV–V вв.)
Western tympanum of the Kasakh basilica (4–5 cc.)

Западный тимпан базилики Циранавор в Аштараке (V в.);
Western tympanum of the Tsiranavor Basilica in Ashtarak (5 c.)

Ил. 4. Орнаментальные мотивы равнокрылого креста и винограда
Fig. 4. Ornamental motifs of an equal-winged cross and grapes

С принятием христианства виноград стал одним из символов новой веры: лоза символизирует учение, а вино-кровь Христа, пролитую ради спасения человечества. Такая трактовка характерна не только для Армении, но и для всего христианского мира. И связана она с изречением Иисуса Христа: «Я есть истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь». (Евангелие от Иоанна, 15:1)

Орнаментальный мотив винограда встречается на некоторых церквях IV–VI вв.: в тимпанах и перемычках, в наличниках с ленточными поясами (Одзун, Птгни), в венцах окон (Касах, Циранавор в Аштараке, Кохб, Артик, Аруч), а так же на капителях пилястр (Птгни, Сисаван, Парпи). Орнаменты виноградной лозы имеют очень похожие, но в то же время разные решения. Особенно изящна виноградная изогнутая лоза с гроздьями и листьями, украшающая наличник западного портала Одзунского храма (VI в.) (ил. 5). Следует отметить, что аналогичный орнамент применялся в армянской архитектуре античного периода. Он встречается в роскошном убранстве плафона потолка языческого храма Гарни (I в.) [Мхитарян, 2017, с. 78].

В раннесредневековой орнаментальной скульптуре вместе с виноградной гроздью выделяется и гранатовый орнамент. Они в качестве орнаментального украшения использовались в культовых памятниках дохристианского периода (доурартский, урартский и античный). На каждом этапе эти плоды, имея бытовое и ритуальное значения, приобретали определенное символическое значение, в основе которого лежит символ дерева жизни. Виноградно-гранатовые мотивы использовались в древневосточных эллинистических памятниках. Они встречаются в орнаментальных украшениях христианских культовых сооружений на Кавказе, в Сирии и

Византии той же эпохи. В основном они были распространены в странах, где занимались виноградарством и виноделием. Виноград и гранат являются одними из самых популярных фруктов, произрастающих в Армянском нагорье, и из них получают вино — «красную бессмертную жидкость».

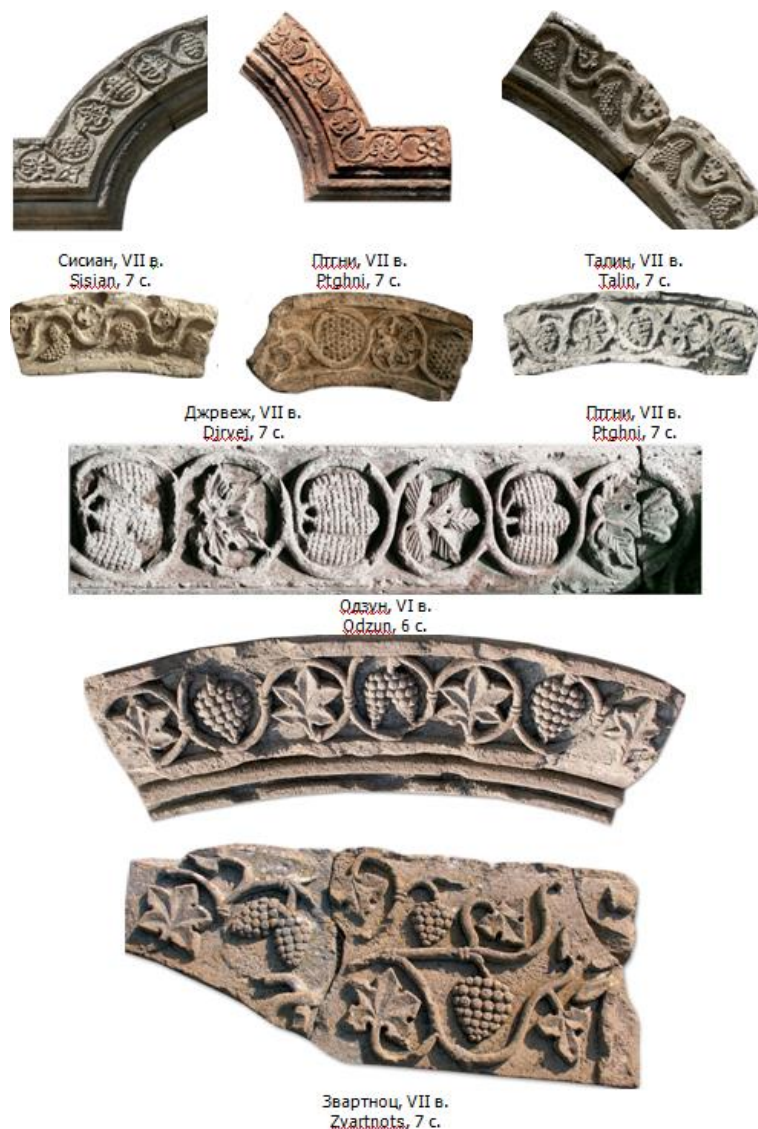
Виноград и гранат, будучи зернистыми плодами, сгруппированными под одной корой или гроздью, символизируют христианскую общину, объединенных одной верой и идеологией (учение Христа, пролитая кровь, притчи пророков, «Дерево жизни» или «Эдемский сад» и т.д.). Благодаря этому они по-разному проявились в разных сферах армянской культуры, в частности, в разных интерпретациях в художественном убранстве архитектурных сооружений христианского периода.

Таким образом, можно констатировать, что после принятия христианства, приобретая новую символику, виноград и гранат стали основными декоративными мотивами художественного убранства раннесредневековых культовых сооружений армянского зодчества. Если орнамент из виноградной лозы было одним из основных украшений первых христианских сооружений, то гранат как архитектурный орнамент впервые появляется в армянской средневековой архитектуре — через три столетия после принятия христианства, в VII веке, в роскошном орнаментальном поясе величественного собора Звартноц.

Храм Св. Григория Звартноц (642–652 гг.) занимает особое место в сокровищнице армянского зодчества не только объемно-пространственной композицией, но и богатым, уникальным художественным убранством [Налбандян, 2021, с. 118–122]. Это сооружение один из лучших образцов синтеза архитектуры и декоративного искусства. Храм, вобрав в себя лучшие достижения ранне-

средневекового армянского зодчества — особенно декоративного убранства, стал связующим звеном между раннехристианской и всей средневековой архитектурой, передавшей лучшее, что было создано в период IV–VII веков. Средства декоративного убранства храма получили своеобразное выражение в художественном воплощении культовых сооружений более поздних этапов. В отличие от внешней скромности, характерных для раннесредневекового армянского зодчества, здесь смело применялись различные средства художест-

венного оформления, что придавало храму роскошную декоративность. В этом сооружении сочетались и синтезировались различные искусства: архитектура, скульптура, мозаика. Об этом свидетельствуют многочисленные скульптурные фрагменты, оставшиеся от некогда славного храма. Часть равнокрылого креста от сохранившейся цветной мозаики говорит о том, что мозаики были достаточно роскошны и красочны гармонично величественному образу сооружения.

Ил. 5. Орнаментальные мотивы винограда
Fg. 5. Ornamental grape motifs

Фасады храма Звартноц были украшены разнообразными растительными, геометрическими и фигурными орнаментами: акантовые, пальмовые, виноградные листья и гроздья, плоды и ветви граната, плетенки, розетки, также рельефные изображения людей и зверей. Основным акцентом внешнего облика сооружения являются порталы, карнизы, обрамления окон, аркады первого яруса, архи-

вольты и роскошный орнаментальный пояс, венчающий аркаду. Одной из особенностей, характеризующих убранство храма, являются архивольты аркад первого яруса и орнаментальный пояс. Основными мотивами сложно профилированных архивольтов являются изящные резные скульптуры, изогнутые виноградные лозы с гроздьями и листьями, а также гранатовые ветви с плодами.

Согласно христианским верованиям, гранатовое дерево является символом новой жизни, представляющим «Древо жизни» или «Райский сад». Именно этот смысл и лежит в основе орнаментального пояса Звартноца. Благодаря мастерству скульптора убранство величественного храма с изображениями «Райского сада» на фоне Священной горы Арарат гармонично слилось с окружающими его виноградными садами.

Позднее орнаментальный мотив ветки граната появился в ряде сооружений второй

половины VII в. (церкви Егварда, Артика, Талина). В декоративной скульптуре этих сооружений очевидно влияние «звартноцской гранаты» (ил. 6). Капители и венцы оконных проемов церкви Св. Геворка в Артике украшены различными орнаментами: виноградная лоза, гранат, пальмовые листья и т. д. Виноградно-гранатовый орнамент присутствует и в архивольтах оконных арок Зораворской церкви в Зораване. Подобный орнаментальный пояс имел и храм Банак в Тайке, построенный по образцу храма Звартноц.

Ил. 6. Орнаментальный мотив граната
Fig. 6. Ornamental pomegranate motif

В «Райском саду» Звартноцкого храма также есть скульптуры животных, из которых достаточно хорошо сохранилась скульптура медведя. Это также символично, так как медведь является хранителем Эдемского сада [Акопян, 2011, с. 54]. Совершенно уникальны скульптуры людей в треугольном пространстве между арками, венчающими колонны храма, со строительными инструментами (лопаты, молотки) в руках (до нас дошло всего девять из

тридцати двух). Существует два мнения по поводу интерпретации этих скульптур: они либо строители-мастера храма, либо заказчики сооружения. На одном из них есть надпись на армянском языке «Յոհանն» («Йоаан»), что предположительно является именем архитектора. Интересно, наиболее хорошо сохранившаяся скульптура человека с характерным головным убором, указывает на то, что последний, вероятно, имел духовный сан (ил. 7).

Ил. 7. Звартноц. Скульптуры людей и медведя
Fig. 7. Zvartnots. Sculptures of peoples and bear

Все круглые оконные проемы храма, находившиеся над аркадой первого яруса, обрамлены ажурными резными венцами. Все оформлены разными геометрическими и растительными орнаментами, отличавшимися друг от друга в соответствии с принципом разнообразия, характерным для армянской архитектуры (ни один орнамент одной и той же сооружении не повторяет друг друга). В каждом из оконных венцов использованы следующие орнаменты: четырехлепестковый цветочный мотив, в одном — крупный, в другом — с более плотной проработкой, геометрический мотив профилированных прямоугольников, орнамент «ланцеток», плетеные и сетчатые орнаменты. Совершенно уникальным образом здесь использован «стилизованный ланцетковый» орнамент, прообраз которого встречался на наличнике портала храма Текор, а в дальнейшем с небольшими изменениями он повторяется в храме Аруч и в церквях Ани. В последующем, эти декоративные мотивы преобразовывались и совершенствовались, создавая новые, более роскошные виды в композициях карнизов и оконных венцов церковей VII века.

Одним из растительных орнаментов, встречающихся в арках, является «пальмо-

вый орнамент», в разных интерпретациях использовавшийся в эллинистическом периоде как в греко-римской, так и в армянской архитектуре. Позже этот мотив с различными вариантами можно увидеть на многих раннесредневековых памятниках (Зоравор, Сисиан, Бюракан, Птгни, Аруч и др.). Во второй половине VII в. в наружном оформлении фасадов и барабанов некоторых церковей важную роль играли пилястры с парами колонн и декоративными аркадами (Звартноц, Артик, Талин, Воскепар, Сисаван и др.). Грани Звартноца украшены арками с декоративными двойными колоннами, капители которых имеют принятый в декоративном искусстве мотив «пары цветов». Этот орнамент, имеющий глубокие корни в миниатюрной живописи, символизирует значение родительской пары. В убранстве Звартноца он тоже символичен, выступает как символ плодородия, зарождения новой жизни. Влияние Звартноца заметно на изящном и роскошном орнаменте капителей колонн апсиды большой церкви Талина (VII в.). Они состоят из прямоугольного объема «корзинно-плетеной полусферы» квадратной формы, на котором размещен мотив орнамента «пары цветов» (ил. 8).

Звартноц, VII в.
Zvartnots, 7 c.

Талин, VII в.
Talin, 7 c.

Ил. 8. Мотив орнамента «пары цветов».

Fig. 8. The motif of the «pair of flowers» ornament.

Важнейшая роль во внутреннем убранстве храма Звартноц принадлежит колоннам, поддерживающим своды абсид. Особенно уникальны капители колонн, весьма своеобразным по своему объемной композиции и орнаменту. Они состоят из корзины с плетеным узором, пары спиралей и абаком (ил. 9). С обеих сторон капителей поверхность между спиральными орнаментами выгравирован равнокрылым крестом и розеткой с многограммой «NC» (Нерсес Католикос). Эти капители с шаровидным плетением и спиральным орнаментом созданы под влиянием разных культур (эллинистической, сирийской, византийской). В то же время они цельны и гармоничны в своих пропорциях, что характерно для национальных и местных тра-

диций. Заметим, что капители и базы сделаны из цельного камня. Корни сферических капителей с плетеным орнаментом и парой спиралей уходят далеко в раннехристианский период. Аналогичную композицию имеют капители, венчающие древние колонны храма Святого Воскресения в Иерусалиме (IV в.), а так же и мраморные капители шедевра византийского зодчества храма Святой Софии (VI в.) (ил. 9), в Армении встречается в VI веке в Ереруйке, Двине, Аруче. Несмотря на то, что внешне они похожи, у них есть некоторые отличия. Если спирали капителей, найденных на территории Ереруйка волютообразные, то в капителях Двина они представляют собой четыре переплетенных кружка, а в Аруче — враща-

ющаяся орнаментальная лента. Основная часть ереруйской капители представляет собой как бы сжатую корзину, а двинский — цельный диск, который похож на эхину дорической капители. Эллинистический посыл выражается в наличии спиральных орнаментов (Звартноц, Ереруйк) и украшениях (Ереруйк, Двин). Позже эти капители стали прообразом различных сооружений в средневе-

ковой Армении (IX–XIX вв.) и использовались в советско-армянский период (XX в.) с их неповторимым выражением.

Уникальны орлиные капители Звартноца, венчающие четыре колонны, стоят по углам абсид и поддерживают восемь арок. Орлы с открытыми крыльями, словно паря, гордо несут всю тяжесть конструкции храма (ил. 10).

Храм Святого Воскресения в Иерусалиме, V в.
Temple of the Holy Resurrection in Jerusalem, 5 c.

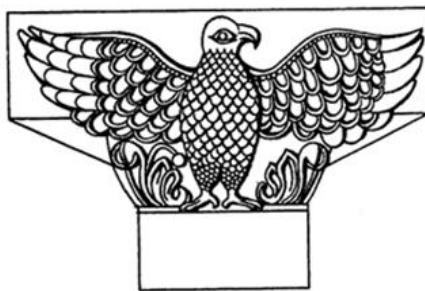

Храм Святой Софии в Константинополе, VI в.
Temple St. Sophia in Constantinople, 6 c.

Храм Звартноц, VII в.
Temple Zvartnots, 7 c.

Ил. 9. Капители храмов раннехристианского периода
Fg. 9. Capitals of temples of the early Christian period

Ил. 10. Орлиная капитель Звартноца
Fg. 10. The Eagle Capital of Zvartnots

Особое место в убранстве раннесредневековых церквей занимают карнизы ярусов трех видов: зубчатые, арочные и резные с растительными, геометрическими или плетеными оформлениями. [1, т. 2 70]. Карнизы Звартноца относятся к третьему типу, в которых гармонично сочетаются растительно-плетенные орнаментальные мотивы. Они состоят из трех частей — полуцилиндрического валика, наклонной плоскости с плетенью и вертикальной полкой с метрическим рядом четырехлепестковых растительных орнамен-

тов. Этот тип карниза позже появился в декоре других армянских памятников (ил. 11). Армянские зодчие следуя примеру Звартноца, творчески развивая аналогичные карнизы в раннесредневековых церквях VII в. — Аруча, Кармавора в Аштараке, Артика, Зоравора в Егварде, Сисиана, Талина, а также в дальнейших средневековых церквях IX–X вв. — Мармашена, Карса и т.д.

Ил. 5. Обетный крест, с. Дорогорское, Мезенский р., кон. XIX в. Снимок автора.

Fig. 5. The votive cross, village of Dorogorskoye, Mezensky district, late 19th century. Author's photo.

Изучение декоративного убранства и украшений собора св. Григория в Звартноце позволяет констатировать, что этот шедевр VII века, обобщив достижения архитектурно-декоративного искусства предшествующих периодов, усовершенствовал их и передал последующим столетиям.

Выводы

1. Таким образом, изучение синтеза армянской средневековой архитектуры и орнаментальной скульптуры показало, что истоки средств декоративной отделки восходят к более ранним периодам, в частности античному периоду, в то же время, неся влияние общехристианского зодчества.

2. Благодаря сочетанию архитектуры и орнаментальной скульптуры раннесредневековая армянская архитектура, приобретая неповторимый образ, оставила глубокий след в формировании и развитии национальной школы армянского зодчества последующих столетий.

3. Раннесредневековая архитектура явилась не только основой объемно-пространственных решений архитектурных сооружений последующих столетий, но и стала источником питания разнообразных декоративных средств. В результате при великолепном сочетании архитектуры и декоративно-скульптурного искусства было создано множество жемчужин, пополнивших не только сокровищницу армянской, но и мировой архитектуры.

Список литературы

1. Азатян Ш.Р. Порталы в монументальной архитектуре Армении IV–XIV вв. Ер.: Советакан грох, 1987. 248 с., 222 илл.
2. Марр Н.Я. Ереву́йская базилика. Армянский храм V–VI вв. в окрестностях Ани. Ер.: АН Арм. ССР, 1968. 38 с.
3. Թորամանյան Թ. Պատմական հայ ճարտարապետություն. (Ուսումնասիրություն) Ա Տեկոթի տաճարը. Թիֆլիս: Զեդուէս, 1911. 106 էջ: [Тораманян Т. Историческая армянская архитектура. Храм Текора. Тифлис: ГЕРМЕС, 1911. 106 с.]
4. Սահինյան Ա. Ա. Քաախի բազիլիկայի ճարտարապետությունը. - Եր.: Հայկ. ՍՍՀ ԳԱ, 1955. 303 էջ: [Саинян А.А. Архитектура

Казахской базилики. Ереван. АН Арм. ССР, 1955. 303 с.]

5. Կարապետյան Ս. Եղեռն՝ եղեռնից հետո. Երևան: Հայկական ճարտարապետությունն ուսումնասիրող հիմնադրամ, 2015. 384 էջ: [Կարապետյան Ս. Геноцид после геноцида: Ереван. ФИАА, 2015. 384 с.]

6. Mkhitarian N. The Armenian Khachkar Art. 13th International Conference on Contemporary Problems of Architecture and Construction, 6–8 October 2021, Yerevan, Republic of Armenia. p. 112–115.

7. Հակոբյան Չ. Հայկական վաղմիջնադարյան քանդակը (4–7-րդ դդ.). Երևան: ԵՊՀ, 2016. 169 էջ: [Акопян З. Армянская раннесредневековая скульптура (IV–VII вв.). Ереван. ЕГУ, 2016. 169 с.]

8. Մխիթարյան Ն.Է. Խաղողի եվ նռան զարդաքանդակների խորհրդարանությունը հայկական վաղմիջնադարյան ճարտարապետությունում. ՃՇՀԱՀ գիտ. աշխատություններ. 3. II (65). 2017. 75–84 էջ: [Мхитарян Н. Символика виноградных и гранатовых орнаментов в раннесредневековой армянской архитектуре. Научные труды НУ-АСА. Т. II (65). 2017, 75–84 с.]

9. Nalbandyan G. Study, Conservation and Restoration of "Zvartnots" Historical and Architectural Complex. 13th International Conference on Contemporary Problems of Architecture and Construction, 6–8 October 2021, Yerevan, Republic of Armenia. p. 116–123.

10. Հակոբյան Չ. Չվարթնոցից մինչև Աղթամար ու Անի...// Ճարտարապետություն և շինարարություն. 2011. № 2 (60), փետրվար. էջ 54: [Акопян З. От Звартноца до Ахтамара и Ани...// Архитектура и строительство. 2011. № 2 (60), Февраль. 54 с.]

References

1. Azatian Sh.R. Portaly v monumental'noi arhitekture Armenii IV–XIV vv. [Portals in the monumental architecture of Armenia in the 4th–14th centuries]. Erevan: Sovetakan grogh, 1987. 248 p., 222 ill.
2. Marr N.Ja. Erevuskaia bazilika. Armjinskii khram V–VI vv. v okrestnostiax Ani [Yerevuskaya basilica. Armenian temple of the 5th–6th centuries. near Ani.]. Erevan: AN Arm. SSR, 1968. 38 p.

Материал передан в редакцию 31.05.2022

Сведения об авторах

Балюнов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, начальник отдела учета, хранения и популяризации музейных фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Тобольск, Тюменская область, Россия).

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Бочкарева Алина Рамильевна, аспирант Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Бунакова Ольга Николаевна, магистрант Томского государственного архитектурно-строительного университета (Новосибирск, Россия).

Гаспарян Анжелика Артаваздовна, студент Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин) (Новосибирск, Россия).

Гаспарян Мариетта Арташесовна, доктор архитектуры, профессор кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении (Ереван, Армения).

Дворецкая Анна Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Кертменджян Давид Григорьевич, доктор архитектуры, преподаватель кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении (Ереван, Армения).

Косинова Елена Владимировна, преподаватель кафедры архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Майничева Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Мамян Лусин Генриковна, преподаватель кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении (Ереван, Армения).

Минина Наталья Алексеевна, старший научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея (Новосибирск, Россия).

Митина Анастасия Евгеньевна, студент Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Мишенин Андрей Иванович, учитель Муниципального образовательного учреждения города Новосибирска «Лицей № 12» (Новосибирск, Россия).

Остроушенко Евгения Борисовна, аспирант Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Пермиловская Анна Борисовна, доктор культурологии, заведующая научным центром традиционной культуры и музейных практик, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Архангельск, Россия).

Рагино Георгий Янович, главный архитектор проектов Центра сохранения объектов культурного наследия Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Соколовский Иван Ростиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории Сибири второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Тадевосян Наталья Николаевна, кандидат архитектуры, доцент кафедры теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Национального университета архитектуры и строительства Армении (Ереван, Армения).

Талашкин Алексей Владимирович, заместитель руководителя Сибирского центра коло-
кольного искусства (Новосибирск, Россия).

Урсулов Антон Александрович, обучающийся Муниципального образовательного учре-
ждения города Новосибирска «Лицей № 12» (Новосибирск, Россия).

Усепян Лина Хачиковна, смотритель музейный Музея истории архитектуры Сибири им.
С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и ис-
кусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Усов Алексей Александрович, младший научный сотрудник Научного центра традицион-
ной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного
изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Архангельск, Россия).

Целищева Марина Александровна, историк, Алтайской региональной краеведческой об-
щественной организации «Наследие Алтая» (Барнаул, Алтайский край, Россия).

Филонов Сергей Владимирович, хранитель фондов Музея истории архитектуры Сибири
им. С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и
искусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Филиппова Наталия Николаевна, доцент кафедры Теории и истории архитектуры и гра-
достроительства Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и ис-
кусств им. А.Д. Крячкова (Новосибирск, Россия).

Налбандян Григор Альбертович, профессор кафедры теории архитектуры, реставрации и
реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и истории Националь-
ного университета архитектуры и строительства Армении (Ереван, Армения).

Мхитарян Нарине Эмильевна, канд. архитектуры, доцент кафедры теории архитектуры,
реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия, изящных искусств и исто-
рии Национального университета архитектуры и строительства Армении (Ереван, Армения).

Научное издание

Баландинские чтения:
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина
Том XVII

Корректор А.Е. Гашенко
Вёрстка А.В. Любовниковой
Фото на обложке А.Е. Гашенко